

Международная образовательная корпорация
(Кампус КазГАСА)

УДК 72.01:72.036 (574)

На правах рукописи

ДАНИБЕКОВА ЭЛЬВИРА ТЕМИРГАЛИЕВНА

**Проблемы формирования региональной идентичности в современной
архитектуре Казахстана**

6D042000 - Архитектура

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научный руководитель
Г.С. Абдрасилова, доктор архитектуры,
Зарубежный научный консультант
С. Куц, доктор наук, инженер арх.

Республика Казахстан
Алматы 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ	4
ОПРЕДЕЛЕНИЯ	5
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	6
ВВЕДЕНИЕ	7
1 ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМ ИДЕНТИЧНОСТИ В АРХИТЕКТУРЕ	15
1.1 Понятие идентичности в науке и искусстве	15
1.2 Проблемы глобализации и регионализма в современном мире	16
1.3 Региональная идентичность как концепт в современной архитектуре.....	17
1.4 Базовые факторы региональной идентичности в архитектуре	21
1.4.1 Влияние природно-климатических условий на формирование архитектуры	23
1.4.2 Отражение местных культурных и строительных традиций в архитектуре. Традиционные инженерно-технические сооружения и элементы зданий для обеспечения устойчивости архитектуры в региональных условиях стран Востока.....	333
1.4.3 Организация пространственной среды поселений в региональных условиях	52
Выводы по разделу 1.....	58
2 ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХИТЕКТУРНОГО РЕГИОНАЛИЗМА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ	60
2.1 Теоретические основы развития тенденций регионализма в мировой архитектуре.....	60
2.2 Ареалы развития региональных подходов в архитектуре XX века.....	722
2.2.1 Основные направления и особенности развития градостроительства Казахстана до начала XXI века	833
2.2.2 Основные направления и особенности формообразования в архитектуре Казахстана до начала XXI века.....	966
2.3 Современные подходы в мировой архитектурной практике: «Новый регионализм» в архитектуре XXI века	110
Выводы по разделу 2.....	116
3 ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ КАЗАХСТАНА	116
3.1 Проблемы интерпретации региональной идентичности в архитектуре Казахстана	117
3.2 Современные факторы формирования региональных характеристик в архитектуре Казахстана	125
3.3. Принципы, определяющие региональную идентичность в современной архитектуре в Казахстане.....	1388
3.4 Пути решения проблем региональной идентичности в современной архитектурной науке и практике Казахстана.....	1566
Выводы по третьему разделу	1766
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	180

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	183
ПРИЛОЖЕНИЕ А - Интерпретация проблем идентичности в архитектуре..	206
ПРИЛОЖЕНИЕ Б - Теория и практика архитектурного регионализма: современные проблемы	2133
ПРИЛОЖЕНИЕ В - Проблемы региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана.....	2277
ПРИЛОЖЕНИЕ Г - Внедрение результатов исследования в учебный процесс	24040
ПРИЛОЖЕНИЕ Д - Внедрение результатов исследования в проектно-производственный процесс	2411

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

В настоящей диссертации использованы ссылки на следующие стандарты:

1 СН РК 3.02-01-2011 Здания жилые многоквартирные. – Астана: АО «КазНИИСА», ФГУ ФЦС, 2015. - 21 с.

2 СП РК 3.02-02-2014 Проектирование многоквартирных жилых домов и их инженерных систем». - Астана: АО «КазНИИСА», ТОО «Иннобилд. - 2015. - 19 с.

3 СП РК 2.04-01-2017 Строительная климатология. – Астана: АО «КазНИИСА», 2015. - 20 с.

4 СН РК 2.04-04-2013 Строительная теплотехника. - Астана: АО «КазНИИСА», ТОО «Астана Строй-Консалтинг», 2015. - 21 с.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящей диссертации применяются следующие термины с соответствующими определениями:

Архетип – первоначальный образец, оригинал, исток.

Аутентичная (архитектура) – подлинная, связанная с первоисточником, нестилизованная архитектура.

Вернакулярная (архитектура) – зодчество, преимущественно типичная для одной этнической группы, сформированной в конкретной местности; существует только в её пределах.

Метаболизм - направление в архитектуре, выдвигающее принцип динамической изменчивости, органического роста систем расселения, архитектурных ансамблей, сочетания долговременных структур.

Парадигма – модель, образец, существующая система ценностей.

Синергетика (от греч. - содействие, сотрудничество) - взаимосвязь различных элементов системы, их различные состояния, в которые переходит система, т.е. процесс внутренней самоорганизации.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

- КазАССР – Казахская автономная советская социалистическая республика
- КГАСУ - Казанский государственный архитектурно-строительный университет
- РГП «Казреставрация» - республиканское государственное предприятие на праве хозяйственного ведения «Казреставрация» министерства культуры и спорта республики Казахстан. Основные виды деятельности: Строительство нежилых объектов
- СССР – Союз Советских Социалистических Республик
- УралГАХУ – Уральский государственный архитектурно-художественный университет

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования.

В 2017 году Президентом Республики Казахстан была представлена программная статья «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», где были выделены «...основные направления модернизации сознания общества: конкурентоспособность; прагматизм; сохранение национальной идентичности; культ знания; эволюционное развитие страны и открытость сознания...». В рамках названных направлений Главой государства были поставлены задачи реализации ряда проектов, интегрированных в единую Программу «Рухани жангыру» [1]. Роль Казахстана в глобальной истории освещена в статье «Семь граней Великой степи» (от 21.11.2018) как продолжение программы «Рухани жангыру», расширяющая и усиливающая актуальность исследования духовного и материального наследия предков с последующим конвертированием его в цифровой формат [2].

В соответствии с решениями задач, направленными на повышение конкурентоспособности Казахстана в условиях глобализации и сохранение национальной идентичности через развитие духовно-личностной самоидентификации граждан, среди которых одной из актуальных проблем является поиск приемов и методов формирования региональной идентичности в современной архитектуре. Таким образом, актуальность темы научной работы подкрепляется связью исследования с общегосударственными программами.

Региональная идентичность - инструментарий, выражающий сакральный и художественный смысл локальной архитектуры в природном, историко-культурном ландшафте, основанный на преемственности традиций и модифицированный современными идеями и новыми технологиями; эффективный механизм самосохранения региональной общности.

Стремление стран к самоидентификации активизировалось в связи с процессом глобализации. В конце XX века в архитектуре на смену международному стилю пришли новые подходы, которые были направлены на выявление и сохранение самобытности архитектурных форм современными методами, подкрепленными связью с контекстом среды. Приём деликатного отношения к местным условиям, социальным и культурным канонам форм и символов был впервые определен учёными как «*критический регионализм*».

Региональная идентичность основывается на выявлении традиционных и формирование новых региональных символов и образов. Такие базовые факторы, как индивидуальные характеристики региона, культурный и строительный опыт местного населения должны быть прочтены и трансформированы через призму универсальных мировых стандартов и новых технологий. В архитектуре этот процесс может занимать длительное время, открывая новые возможности для творческого самовыражения региональной общности.

Во второй половине XX века понятие региональной идентичности, которое вначале сформировалось в гуманитарных науках, всё больше проникает в

архитектуру, где через систему символов и знаков выражается самоидентификация людей, сообществ, государств.

Тридцатлетний период (с 1991 по 2021 год) развития независимости Республики Казахстан сопровождался укреплением социально-экономического положения, политического статуса страны. И в этом важную роль играла современная архитектура Казахстана, ярко демонстрирующая экономические, научно-технические и культурные достижения государства. Активная застройка Нур-Султана и Туркестана, других городов позволяет сделать вывод о процессе сложения облика казахстанских поселений с выраженной идентичностью, а уникальные архитектурные объекты стали символами независимости нашей страны.

Развитие региональной архитектуры в современных условиях – это сложный процесс, который формируется в результате решения возникающих проблем – творческих, технических, культурных, экономических и др. Казахстан является частью глобального мира и его архитектура испытывает влияние международных тенденций. Казахские архитекторы активно сотрудничают с зарубежными коллегами, иностранные архитектурные компании реализуют в нашей стране свои проекты, вносят новое видение в трактовку локальных особенностей; в практику строительства внедряются инновационные технологии.

В связи с этим **важной научной проблемой** является необходимость обобщения результатов исследований и практической реализации проектов в XXI веке с целью определения роли региональной идентичности в формировании казахстанской архитектуры и ее интеграции в глобальные процессы.

В условиях глобализации для идентификации архитектуры Казахстана необходимо не только констатировать актуальные проблемы, но требуется определить направления развития науки и практики проектирования и строительства, основанные на региональном подходе.

Объект исследования: современная архитектура в природно-климатических, исторических, экономических и культурных условиях Казахстана в контексте глобальных гуманитарных и технологических инноваций.

Предмет исследования: принципы формирования региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана и тенденции ее развития.

Цель исследования - выявление проблем формирования и тенденций развития региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана, определение основных факторов сложения казахстанского архитектурного регионализма в контексте глобализации.

Задачи исследования:

- изучить источниковую базу, архивные и проектные материалы по теме исследования;
- выявить теоретические особенности интерпретации понятий «региональная идентичность», «региональная архитектура» в современном мире;

- охарактеризовать проблемы регионализма в мировой архитектуре XX- начала XXI века;
- обозначить проблемы интерпретации региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана;
- определить базовые факторы формирования региональной идентичности в архитектуре Казахстана;
- выявить уровень понимания социумом проблем региональной идентификации путём проведения социологического опроса по теме исследования;
- разработать принципы формирования элементов региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана;
- разработать концептуальную модель региональной идентичности в архитектуре современного Казахстана.

Изученность темы. Исследование базируется на результатах научных и творческих трудов, практического опыта отечественных и зарубежных архитекторов.

Основы методологии изучения национального своеобразия в архитектуре были заложены в трудах большой группы *советских* учёных (Акишев К.А. [3] [4], Бархин М.Г. [5], Байпаков К.М. [6] [7] [8] [9], Бартольд В.В. [10], Басенов Т.К. [11] [12] [13] [14] [15], Бретаницкий Л.С. [16], Гинзбург М.Я. [17], Глаудинов Б.А. [18] [19] [20] [21] [22], Дадашев С. [23], Иконников А.В. [24] [25], Капанов А.К. [26] [27], Карамышев В.А. [28], Карпыков А.С. [29], Космериди С.Г. [30], Майдар Д. [31], Маньковская Л.Ю. [32], Маргулан А.Х. [33] [34] [35], Массон М.Е. [36], Мендикулов М.М. [37] [38] [39], Монтахаев К.Ж. [40], Нурмухаммедов Н.Б. [41], Орфинский В.П. [42], Перегудова С.Я. [9], Пугаченкова Г.А. [43], Пюрвеев Д. [30], Рябушин А.В. [44] [45], Саламзаде А.В. [46], Севан О.Г. [47], Сейдалин М.Г. [22], Сейдалин Р.А. [48], Туякбаева Б.Т. [49] [50], Фатиков Р.Р. [51], Хайт В.Л. [52] [53] [54], Хан-Магомедов С.О. [55] [56] [57], Хейккинен К. [42], Яралов Ю.С. [58] [59], Ясиевич В. [60] и др.).

Проблемы регионализма, истоки и этапы широко освещены в трудах зарубежных учёных (Дженкс Ч. [62], Кук Дж. [63], Лефевр Л. [64], Линч К. [65], Тзонис А. [64], Фрэмpton К. [66, 67], Шнейдер-Весслинг Э. [68] и др.).

Проблемы региональной идентичности рассмотрены также в смежных, гуманитарных науках и представлены в трудах историков, этнографов, социологов, искусствоведов, психологов, культурологов, климатологов, экологов и др. (Барышникова И.В. [69], Галимжанова А.С. [70], Джанибеков У.Д. [71] [72], Дэй К. [73], Железняк О.Е. [74], Кадыржанов Р.К. [75], Карташова К.К. [76], Киселёв И.Ю. [77], Крогиус В.Р. [78], Куприянов В.Н. [79], Лицкевич В.К. [80], Михалчёва С.Г. [81], Орынбеков М.Е. [82], Римша А. Н. [83], Родоман Б.Б. [84], Смирнова А.Г. [77], Табышалиева А.С. [85], Тэрлоув Э. [86], Файзуллаева Н. [87], Фирсанов В.М. [88], Хашимов М. [89], Шалабаева Г.К. [90], Эллард К. [91], Эрикссон Э. [92], и др.).

Преломление национальных традиций в условиях современной архитектуры исследованы учёными *постсоветских стран* (Аскарров Ш.Д. [93] [94] [95] [96], Воличенко О.В. [97] [98], Гатиатуллина Э.Р. [99], Демьяновский

К.В. [99], Иманкулов Д. [100], Искандаров М. [101], Казанцев П.А. [102], Курбатов В.В. [103], Мальчик А.Ю. [104], Мамаджанова С.М. [105], Мукимов Р.С. [106], Назилов Д.А. [107], Омуралиев Д. [98] [108], Саламзаде Э. [109], Скалкин А.А. [110], Юсупов А.Н. [111], Юсупова М. [112] и др.).

Различные аспекты архитектуры и градостроительства современного Казахстана, включая вопросы развития формообразования и проблем регионализма исследованы *учёными Казахстана*: Абдрасиловой Г.С. [113] [114] [115] [116] [117] [118] [119] [120] [136], Абдыкаримовой Ш.Т. [121], Абилова А.Ж. [122], Ажигали С.Е. [123], Азимова И.М. [124] [125], Алдунгаровой С.М. [126], Арзымбетовой М.С. [127], Аужанова Н.Г. [128] [139], Байтенова Э.М. [129] [130] [131] [132] [133] [134] [135] [136], Балыкбаева Б.Т. [137], Глаудиновой М.Б. [70] [138], Ибраева Б.А. [139] [140], Ибрагимовой К.Т. [141], Исходжановой Г.Р. [142], Исабаева Г.А. [134] [143], Каракбаева Б.К. [144], Карманова Ш.Д. [145], Кебирова А.Х. [146], Козбагаровой Н.Ж. [141] [147] [148], Корниловой А.А. [149] [150], Куспангалиева Б.У. [151], Нарынова С.Ж. [152] [153], Нурдубаевой А.Р. [154], Михновой П.В. [155], Ордабаева А. [156], Садвокасовой Г.К. [157] [158], Садыковой С.Ш. [159], Самойлова К.И. [160], Тойшубекова Д.Е. [161], В.Тоскиной В.В. [162], Турганбаевой Л.Р. [163] [164], Турекулова Т. [165] [166], Турекуловой Н. [165] [166], Туякаевой А.К. [136, 167], Хван Е.Н. [168], Чекаевой Р.У. [169], Чиканаева А.Ш. [170], Шакербая Б.Х. [171] [172], Шарденовой З.Ж. [9], Юнусова А.М. [173] и др.

Таким образом, до настоящего времени проводимые исследования отразили различные аспекты национального своеобразия и региональных особенностей архитектуры и градостроительства Казахстана. Однако в указанных исследованиях не рассматривались проблемы формирования региональной идентичности в условиях глобализации.

Научная новизна исследования заключается в выявлении основных факторов сложения архитектурного регионализма и тенденций развития региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана на фоне глобальных процессов.

- определены факторы формирования региональной идентичности и взаимосвязь базовых факторов и методов их адаптации в условиях материально-пространственной среды;

- представлена универсальная модель эволюции стилевых признаков: от вернакулярности до региональной идентичности;

- систематизированы особенности регионального подхода в современной мировой архитектуре с учётом художественно-образных, архитектурно-планировочных и конструктивно-технических решений в различных социально-экономических и природно-климатических условиях;

- выявлены факторы сложения региональных признаков и форм в архитектуре Казахстана до начала XXI века и в современной архитектуре Казахстана;

- определены проблемы интерпретации региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана;

- определены принципы, способствующие решению проблем интерпретации региональной идентичности и тенденции её развития в современной архитектуре Казахстана;

- предложены концептуальные модели адаптации архитектурной среды к природно-климатическим условиям и развития региональных характеристик казахстанской архитектуры.

Научная гипотеза заключается в том, что в условиях глобализации проблемы формирования региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана могут быть решены на базе переосмысления самобытных архитектурно-планировочных приёмов и традиций регионального зодчества, а также интеграции в местную практику высоких технологий в области инженерии, экологии, энергоэффективности зданий и сооружений.

Методы исследования базируются на комплексном и системном подходе в изучении мирового опыта и особенностей региональной архитектуры Казахстана, сборе и обработке данных по теме исследования, включая:

- *источниковый анализ* (изучение и обобщение литературных источников, проектных и архивных материалов по теме исследования);

- *культурно-исторический анализ* (изучение истории края, степень влияния традиций и верований на местное зодчество и закономерности формообразования в традиционной архитектуре, уровень экономического и туристского потенциала территорий);

- *компаративный анализ* (сравнение выражения регионального своеобразия и идентичности в зарубежной и отечественной архитектуре на основе сходных природно-климатических факторов и историко-культурных традиций);

- *творческо-генетический анализ* (определение архитектурного языка и ассоциативных образов в формообразовании и формировании пространственной среды);

- *натурные наблюдения и социологические исследования* (натурное обследование объектов в городах Казахстана, проведение социологического опроса).

Границы исследования: *географические* – в пределах Республики Казахстан, с привлечением научных сведений об архитектуре стран ближнего и дальнего зарубежья; *исторические* – XX– первое десятилетие XXI вв., с экскурсом в более ранние исторические периоды.

На защиту выносятся:

- закономерности формирования региональной идентичности, взаимосвязь базовых факторов и методов их адаптации в условиях материально-пространственной среды;

- универсальная модель эволюции стилевых признаков архитектуры: от вернакулярности до региональной идентичности;

- особенности регионального подхода в современной мировой архитектуре с учётом художественно-образных, архитектурно-планировочных и

конструктивно-технических решений в различных социально-экономических и природно-климатических условиях;

- факторы сложения региональных признаков и форм в архитектуре Казахстана до начала XXI века и в современной архитектуре Казахстана;

- проблемы интерпретации региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана;

- принципы, способствующие решению проблем региональной идентичности и тенденции развития архитектуры Казахстана;

- концептуальные модели: адаптации архитектуры к региональным условиям в виде типов композиции: фронтальной визуализации, объёмно-планировочного решения, пространственной организации среды; регионального формообразования; создания комфортного микропространства регионального города

Научная значимость: проведённое исследование расширяет возможности дальнейшего развития региональной идентичности в архитектуре Казахстана, а также может быть использовано в научных разработках, программах высшего образования по направлениям «Архитектура», «Строительство», «Дизайн».

Практическая значимость: выводы и рекомендации диссертации могут быть использованы в практике проектирования объектов, проектов детальной планировки, благоустройства территорий.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации доложены на республиканских и международных научных конференциях:

- «Современные тренды в архитектуре и строительстве: энергоэффективность, энергосбережение, BIM технологии, проблемы городской среды» (Алматы, 2021 г.);

- XVI-Международная научно-практическая конференция им. В.Е.Татлина «Реабилитация жилого пространства горожанина» (Пенза, 2020 г.);

- «Современные тренды в архитектуре и строительстве: энергоэффективность, энергосбережение, BIM технологии, проблемы городской среды» (г. Алматы, 2019 г.).

По теме диссертации опубликовано 17 статей:

1. Мурзагалиева Э.Т. Принцип доступности среды в архитектуре музеев // Вестник КазГАСА. – Алматы, 2016 г. - №4 (58). - С. 60-64.

2. Мурзагалиева Э.Т. Проблемы архитектурного формирования безбарьерной среды // Вестник КазГАСА. – Алматы, 2016 г. - №2 (60). - С. 48-52.

3. Мурзагалиева Э.Т. К вопросу пространственной организации и размещения объектов фармацевтической промышленности // Международный научно-популярный журнал «Наука и жизнь Казахстана». - Астана, 2017. - No 3/2 (47). - С. 236-238.

4. Абдрасилова Г.С., Мурзагалиева Э.Т. Реализация проектов зарубежных архитекторов в Казахстане: в поиске региональной идентичности // International Scientific Journal on Urban planning and Sustainable Development. -

Баку, 2017. - № 22. - С. 1-11.

5. Мурзагалиева Э.Т., Абдрасилова Г.С. Влияние природно-климатических условий на формирование архитектуры в условиях Казахстана. // Вестник КазГАСА. - Алматы, 2018. - №3 (69). - С. 73-78.

6. Мурзагалиева Э.Т. Признаки регионализма в архитектурных сооружениях Алматы // «Современные наукоемкие технологии». - 2018. - №12 (часть 2). - С. 326-329

7. Абдрасилова Г.С., Мурзагалиева Э.Т. Региональное своеобразие в архитектуре Алматы // Вестник КазГАСА. - Алматы, 2018. - №4 (70). - С. 6-11.

8. Абдрасилова Г.С., Мурзагалиева Э.Т. Мавзолей Ходжи Ахмеда Яссави как культурно-исторический и архитектурный феномен. Матер.междунар.научно-практ.конф «Современные тренды в архитектуре и строительстве: энергоэффективность, энергосбережение, BIM технологии, проблемы городской среды». – Алматы: КазГАСА, 2019. – С. 201-210.

9. Мурзагалиева Э.Т. Зарождение и развитие архитектуры кочевого и стационарного жилища Казахстана // Вестник КазГАСА. - Алматы, 2019. - №2 (72). - С. 89-95.

10. Мурзагалиева Э.Т. Traditional elements of providing sustainability of architecture in regional conditions of Central Asia // Вестник КазГАСА. - Алматы, 2020. - №1 (75). - С. 103-111.

11. Абдрасилова Г.С., Мурзагалиева Э.Т. The concept of identity in architecture // Вестник КазГАСА. - Алматы, 2020. - №1 (75). - С. 5-10.

12. Мурзагалиева Э.Т., Абдрасилова Г.С. Архитектура музеев Казахстана как отражение контекста времени // Матер. XVI междунар.науч-практ.конф. им. В.Татлина. Ч. I / под общ. ред. Е.Г. Лапшиной «Реабилитация жилого пространства горожанина». – Пенза: ПГУАС, 2020. - С. 157, 168-171.

13. Abdrassilova G., Murzagaliyeva E. (2019) Accessibility as a criterion of quality of architectural spatial environment // International Scientific Journal on «Constructions Of Optimized Energy Potential» Czestochowa, 2020. – Vol. 9, No 1/2020. - P. 39-46.

14. Abdrassilova Gulnara S., Murzagaliyeva Evira T., Sabina Kuc. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi as the element of regional identity formation in modern architecture of Kazakhstan // Periodicals of Engineering and Natural Sciences (PEN). – 2021. - Vol. 9, № 1. - P. 127-138. DOI: <http://dx.doi.org/10.21533/pen.v9i1.1783>

15. Мурзагалиева Э.Т. «Новый регионализм» в архитектуре XXI века // Вестник КазГАСА. – Алматы, 2021 г. - №1 (79). - С. 114-118.

16. Абдрасилова Г.С., Данибекова Э.Т. Развитие архитектуры и пространственной среды города Туркестана в современных условиях // Вестник КазГАСА. - Алматы, 2021. - №2 (80). - С. 7-13.

17. Gulnara Abdrassilova, Evira Danibekova. The transformation of modern architecture in Kazakhstan: from Soviet “internationalism” to a post-Soviet undestanding of the regional identity // Spatium. – 2021. - № 46, December 2021. - P. 73-80. DOI: <https://doi.org/10.2298/SPAT2146073A>

Внедрение результатов исследования:

- изданы методические указания «Архитектурное проектирование музеев в региональном контексте» для учебного и дипломного проектирования для студентов образовательных программ «Архитектура жилых и общественных зданий» и «Градостроительство». – Алматы, 2021. - 41 с. (в соавторстве с Г.С Абдрасиловой);

- результаты диссертационного исследования использованы при разработке программы социально-культурного развития и совершенствования архитектурно-пространственной среды города Туркестана (акт внедрения №14/1645 от 18.05.2021г.)

Объём и структура исследования: диссертация состоит из одного тома (205 стр.), включающего введение, три раздела, заключение, список использованных источников (379 наименований) и приложений (36 стр.).

В первом разделе **«Интерпретация проблем идентичности в архитектуре»** проведён анализ формирования понятия «идентичность» в науке и искусстве, исследованы проблемы глобализации и регионализма в мире, рассмотрена региональная идентичность как концепт в современной архитектуре, выявлены базовые факторы региональной идентичности.

Во втором разделе **«Теория и практика архитектурного регионализма: современные проблемы»** освещены вопросы теории регионализма в мировой архитектуре. Изучены ареалы развития региональных подходов в архитектуре XX века. Рассмотрены современные тенденции в мировой архитектурной практике.

В третьем разделе **«Проблемы региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана»** выявлены проблемы интерпретации региональной идентичности в архитектуре Казахстана, проведён анализ современных факторов формирования региональных характеристик в архитектуре страны, сформулированы принципы, определяющие региональную идентичность и тенденции её развития в современной архитектуре Казахстана.

1 ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМ ИДЕНТИЧНОСТИ В АРХИТЕКТУРЕ

1.1 Понятие идентичности в науке и искусстве

Одна из основных задач современного градостроительства и архитектуры в условиях всеохватывающей глобализации, расширения спектра инноваций в науке, технике и технологиях - найти пути формирования национальной или региональной идентичности.

Связанное с процессом глобализации исчезновение границ между национальными архитектурами и культурами в целом, сегодня выявляет особую остроту проблемы национальной самоидентификации, самосохранения и определения архитектурного своеобразия регионов. Так как идентификация выражается через систему символов и знаков, то через архитектуру - это самый наглядный и оперативный способ может решить актуальные проблемы самоидентификации людей, сообществ, государств [117, с. 49] [174].

Стремительные глобальные изменения в современном мире повысили интерес к проблемам идентичности, исследования которых затрагивают ряд различных дисциплин.

Идентичность (от лат. *identicus* - тождественный, одинаковый) в различных словарях, таких как толковый словарь С.Ожегова, Большая Советская Энциклопедия, Энциклопедический словарь и др. выражает общность, тождество, одинаковую природу и совпадение, осознание принадлежности [175].

Появление первых трудов по идентичности изначально в рамках наук по психологии и философии относятся к середине XX века. Но однозначно понятие идентичности на сегодня продолжает уточняться.

В психологии термин «идентичность» впервые был сформулирован Э.Эриксоном, который рассматривал это понятие с нескольких ракурсов: с точки зрения индивидуальности и уникальности личности, а также ощущения целостности и самотождественности человека, осмысленности его жизни в согласованности и сопричастности к миру [92, с. 12-13].

По мнению специалистов в гуманитарных науках процесс самосознания и самоопределения человека длится всю его жизнь. «...идентичность не является чем-то постоянным или изменчивым, ... [идентичность] связана с изменениями среды...» [77, с. 5-6].

Понятие идентичности широко используется в различных отраслях науки. Например, в социологии идентичность предстает собой поведение и мироощущение индивида в соответствии с принадлежностью к какому-либо социальному месту, слою, сообществу – его положением в социуме и самовосприятием [69, с. 170]. Суть *культурной идентичности* состоит в том, что человек, являясь носителем какой-либо культуры, в которой сформировался как личность, принимает её ценности, соответствующие нормы, традиции и поведение, т.е. самоотождествляет себя с образцами данного общества [176].

В искусстве идентичность выражает совокупность морально-нравственных принципов, эстетических предпочтений, социальных взаимоотношений индивида и общества в пределах региона.

Г.Андреева, как основу идентификации индивида с определенным местом его существования, в качестве непосредственного фактора жизнедеятельности человека рассматривает среду. Для самоидентификации личности важную роль играет соотнесение себя с определенной средой обитания через особые позитивные символы и знаки [177].

Окружающая среда, как фактор становления личности, связана с проблемами идентичности определённого региона, его историко-культурной и художественно-эстетической памятью, природно-климатическим каркасом. Этим обусловлено тщательное изучение понятия региональной идентичности, которое всё больше из гуманитарных наук начинает проникать в архитектуру.

1.2 Проблемы глобализации и регионализма в современном мире

Ввиду актуальности проблемы идентичности в архитектуре требуется определение понятия «региональная архитектура» в соответствии современным научным реалиям. В то же время как противовес регионализму профессиональный интерес представляет термин «глобализация».

Обратимся сначала к идентификации термина *глобализация*. Само понятие, используемое в научной сфере со второй половины XX века – многогранно и происходит от латинского слова *globus*, означающего «шар». Глобализм по мере развития научно-технического прогресса представляет собой активное явление нивелирования границ и перетекания национальных и региональных проблем в общие, когда города и архитектура в разных климатических и историко-культурных контекстах приобретают единообразные решения с минимальными различиями [178] [53, с. 163].

Неизбежным аспектом глобализации на рубеже XX-XXI вв. является процесс урбанизации. Небольшие города, разрастаясь и занимая всё больше окружающее пространство, ерерастают в мегаполисы. В результате скоростной информационной доступности, нивелирования разных отличительных нюансов жизнедеятельности современного человека в больших городах у населения наблюдается схожий образ жизни. Вследствие этого вокруг человека формируется универсальная для любого поселения модель пространственной среды обитания. Гигантская обновлённая структура мегаполисов с сопутствующим глобализации стиранием политических, территориальных и культурных границ, и потерей самобытного облика вызывает тревогу у населения как массового потребителя. В особенности проявляется озабоченность в вопросе экологичности окружающей среды и «законности» внесения новых форм в устоявшееся архитектурное пространство. Так, во второй половине XX в. повышается интерес к регионализму как «сопротивлению» места глобальному, традиций и культуры – всеобщей унификации в целях сохранения традиционности и самобытности

Регионализм подразумевает особенности развития архитектурного стиля или стилового течения, продиктованного региональной спецификой:

направление, когда одной из первостепенных задач архитекторов является следование идеи национальной самобытности развития, учёт местных особенностей и традиций в сочетании с современностью. Региональная специфика в различных архитектурных стилях и стилевых течениях выражается в архитектурно-планировочных, конструктивных и декоративных элементах, продиктована природно-климатическими, этническими и иными региональными факторами [179].

Термин «регионализм» в современной архитектурной науке был предложен в 1981 году А.Тзонисом и Л.Лефевром [64, с. 5-9]. Но тема регионализма в архитектуре всегда интересовала профессионалов в архитектурной науке.

Прямая зависимость функционального назначения и зонирования того или иного здания от природного окружения и климата отмечена у Витрувия, Альберти и Палладио, которые последовательно указывали на важность местоположения и климата [63, с. 165] [64, с. 4]. Так, к самому раннему документу, содержащему ссылку на обязательный учёт регионального контекста, относятся труды Витрувия, где он даёт рекомендации к строительству согласно природным особенностям местности, его климату, влажности, ветру и даже, «...положению неба по отношению к наклону оси земли...и пути солнца». Там же указывалась на необходимость правильной разбивки главных улиц, площадей согласно направлениям господствующих ветров. Также, кроме природно-климатических особенностей Витрувий в качестве региональных факторов выделял физиологические и психологические особенности народностей, населяющих данный регион, указывая на необходимость наблюдения ...за телосложениями людей различных племён...» [180, с. 141-145, 151].

В терминологическом словаре строительных и архитектурных специальностей «регион», как исходное слово понятия «региональный», понимается как территория, отличающаяся от других совокупностью естественных и исторически сложившихся условий; группа соседствующих стран, районы, объединённые по каким-нибудь общим признакам [181, с. 204].

Независимо от административно-территориального деления, территории, характеризующиеся общностью природных, исторических особенностей обладают идентичностью места – сочетанием традиционных и культурных аспектов, ландшафтным фоном. Эти условия являются благоприятными для поиска форм региональной архитектуры, основанного на вдохновении традициями региона и элементами ландшафтной структуры и существующей архитектурной среды.

1.3 Региональная идентичность как концепт в современной архитектуре

Осмысление идентичности в архитектуре и градостроительстве в условиях динамичных глобализационных процессов предоставит конкретному региону (стране) возможность понимания своей самобытности, сущности и содержания

прошлого и устоявшегося, а также определения тенденций развития региональной составляющей современной архитектуры.

Архитектура в своей основе выражает социально-политическую, культурную идентичность общества и человека. Оpozнание принадлежности архитектуры к какой-либо местности, народности обусловлено своеобразием архитектурного языка, выраженного через набор знаков, образов и символов, свойственных данной территории, эпохе, событию и т.д. Так происходит самоопределение индивида и его отождествление с местом, историей, культурой, материальной средой. В то время, как специалистами - архитектурами и строителями - *своеобразие* понимается как архитектурно-планировочное и эстетическое качество, присущее конкретному зданию, конкретной исторической эпохе и конкретному стилю, *идентичность* – это уникальный набор признаков, по которым объект опozнаётся потребителями [181, с. 97], а уникальность – это различие в тождественном [182].

За счет опознаваемых признаков, создаётся образ объекта, но в контексте комплекса значений «узнаваемости» и «отождествления» идентичность выражает уже не только знаковость объекта, но и саму среду [110, с. 60].

Сегодня проблема состоит в том, что современный мир в основном характеризуется масштабной индустриализацией строительства со значительными изменениями в её технологиях и методах, которые попутно сопровождаются бездумным использованием природных ресурсов. Повсеместно наблюдается стремительная урбанизация территорий хаотично расширяющихся городов, игнорирующих контекст окружающей среды и ориентированных на применение стандартных форм и новых технологий.

В результате процесса глобализации формируется и развивается принципиально новая мировая система, обусловленная особенностями века информационных технологий, базирующаяся на взаимопроникновении и взаимовлиянии культур [178, с. 17] [53, с. 163]. С интенсивным охватом глобализацией всех сфер, возникает кризис национальной идентичности, подразумевающей культурную память, традиции, быт, тем самым ставя во главу угла проблему самоидентификации, как отдельной личности, так и общества.

Национальная идентичность в исследовательских трудах, посвящённых проблеме определяется как «...культурная норма, ...реакция личности по отношению к своей нации и национальной системе...» и связывается с самобытностью и национальной принадлежностью [183]. В процессе самоидентификации могут быть задействованы отличительные черты данной территории и свойственные ей философия бытия местного населения, сопровождаемая мифами и легендами, семантика исторически и культурно значимых пространств, которые могут послужить катализатором новых тенденций [74, с. 118-119]. В ответ на быстрый темп появления универсальных городов, соответствующих общемировым трендам, региональная самоидентификация в архитектуре выступает инструментом сохранности самобытного облика регионов.

Региональная идентификация в любой сфере, в том числе и в архитектуре, как правило, базируется на исторических событиях, легендах - значимых для общества [99]. Знание истории может объективно помочь достижению лучшего понимания традиций и их преемственности. Информация об образе жизни, мировоззрения, традициях и быте людей данного региона являются средством культурной преемственности и дальнейшего развития архитектуры на основе имеющегося опыта.

Народная архитектура, характеризующаяся осмысленностью историко-культурного контекста среды и устойчивой взаимосвязью с окружающей природой данного региона, формулируется Ч.Дженксом как «*вернакулярная архитектура*» [95, с. 67] [62, с. 32].

Обращение к культурному коду региона с целью восстановления и сохранения местных образов и символов может стать основой формирования «родной и близкой» среды, хранящей воспоминания, «генетическую память» или «*дух места*» [116, с. 132] [96, с. 137] [184, с. 70, 145-146]. Используя зрительные и эмоциональные ассоциации из многовекового опыта народной (вернакулярной) архитектуры, соответствующие духу места, архитектор ищет пути совершенствования приёмов и методов формирования региональной архитектуры.

Таким образом, взаимоотношения между архитектурной средой и человеком обусловлены пониманием его через конкретную социально-историческую ситуацию, индивидуальными или общественными установками, эстетическими нормами, восприятием в аспекте функциональных процессов и потребностей [184, с. 22, 70].

На основе различных исследований А.Скалкин классифицировал перечисленные обстоятельства, предложив открытую структурную форму идентичности - «древо» факторов, которую можно дополнять новыми закономерностями и развивать. В схеме выделены два фактора формирования идентичности в городской среде: *внутренние*, сложившиеся естественным путём и *внешние* – заимствованные. В свою очередь, *внутренний тип* подразделяется на регулярные и нерегулярные факторы. К *регулярным* относятся: географические, климатические, исторические факторы; к *нерегулярным* – социальные, культурные, экономические, политические. Заимствование извне внешних факторов происходит с изменением социальных, культурных, технологических и даже политических ситуаций в регионе [110, с. 63]. У Ю.Ярлова природно-географические условия и климат как главные факторы сложения национальных особенностей в архитектуре называются «*долговременно действующими*» [59, с. 31].

Примерами существенной роли климата и окружающего ландшафта в формировании своеобразия среды являются г. Алма-Ата (ныне – Алматы) в прошлом в Казахстане и Кабул (Афганистан) до конца 60-х гг. XX века. Эти города, расположенные на живописном фоне гор, несмотря на отсутствие общих территориальных границ, культурно-исторических и национальных параллелей, имеют схожие планировочные принципы, продиктованные

повышенной сейсмичностью региона. В обоих городах застройка имела аналогичную прямоугольную сетку улиц; а жаркий сухой климат побудил к организации пешеходной инфраструктуры из тенистых бульваров, парков, скверов и садов. Здесь налицо - пример схожести приёмов планировки города и организации среды вследствие идентичности природно-климатического фона.

В то же время, региональная идентичность рискует быть утраченной без взаимосвязи фундаментальных исследований глубинной сути вернакулярной архитектуры с внешними обстоятельствами. Э.Байтенов, относя географические, климатические, социально-экономические условия, в отличие от внимания А.Скалкина именно к *внешним* особенностям, делает акцент на *внутреннем* аспекте - сущности и закономерности архитектурного формообразования [130, с. 23].

Подход в систематизации факторов А.Скалкина больше свойственен для градообразующей ситуации, для определения идентичности городской среды. Возможность дополнения «древа» новыми признаками идентичности сопровождается доминированием значимости климатических и социально-экономических факторов над *внутренней* логикой формообразования.

Первичным в содержании традиционной архитектуры является национальное, т.к. помимо утилитарной роли в обществе, искусство, подпитанное этнической культурой и мировоззрением людей, должно решать актуальные проблемы для конкретной нации. Но в советский период в искусстве союзных республик произошло ослабление культурных *архетипов* – понятий-символов о человеке и его месте в социуме в контексте истории [182, с. 327, 243, 376].

О потере целого пласта неизученных залежей культурных, духовных и исторических аспектов формообразования в зодчестве Казахстана со времён Советского Союза говорит Э.Байтенов [130, с. 23]. По мнению специалиста в области региональной культово-мемориальной архитектуры изучение культурных и духовных аспектов, придающих смысл и сущность традиционному национальному зодчеству, было обделено вниманием, в отличие от анализа степени воздействия климата и природы на образно-планировочное решение объектов. Это значит, что необходимо уловить саму суть и содержание этнической культуры, систематизировать истоки формообразования. Возможно, для выявления признаков региональной идентичности требуется учёт культурно-духовной нити, связывающей природу нации с «*духом места*», средой.

В культурном отношении [идентичность] «...региональной архитектуры не бывает нейтральной, она коренится в определённых людях, местах...» [63, с. 165].

Таким образом, *региональная идентичность* сочетает в себе историко-культурный ландшафт, возвращенный на протяжении веков в локальной природной среде, местные образы и символы, заимствования в архитектуре и строительстве и другие аспекты, систематизированные в схему базовых факторов формирования [185] (Рисунок А. 1, Приложение А).

1.4 Базовые факторы региональной идентичности в архитектуре

Анализ современной архитектуры разных стран даёт основание для понимания того, что с безразличием к обстоятельствам местности, социально-экономическим, экологическим и культурно-историческим особенностям населения и его образу жизни теряется самобытность и своеобразие региона. Стандартизированная вненациональная парадигма в архитектуре с помощью современных унифицированных материалов и конструкций порождает однообразную и безликую среду «без души», лишает человека связи с географическим локусом, тождественности с исторической памятью своего народа.

Региональная идентичность в архитектуре строится на основе деликатного отношения к обстоятельствам местности, социально-экономическим, экологическим, культурно-историческим особенностям и образу жизни населения с привязкой к современным научным выводам строительной климатологии и достижениям технологий.

Все эти факторы можно разделить на: *постоянно (непрерывно)* действующие предпосылки и *переменно* влияющие на архитектуру в контексте исторических этапов. *Постоянные* - это: местные природно-климатические условия, специфика используемых строительных материалов, жизненный уклад населения, его эстетические идеалы, заключающие в себе символические смыслы и метафоры. К *переменным* предпосылкам формирования идентичности относятся: политические, экономические, социальные, историко-религиозные события и процессы, а также различные заимствования и результаты преемственности.

В свою очередь, *постоянные* факторы, во все времена, непрерывно оказывающие существенное влияние на утилитарно-практические ценности, этнокультурные, строительные традиции и эстетические компоненты окружающего мира, *напрямую* наглядно формируют своеобразную материально-пространственную среду. Поэтому, эти условия можно сгруппировать в поверхностно-очевидные факторы, к которым относятся природа, ландшафт, климат, местное строительное сырьё. Вместе с тем, на смысл, значение местных форм и семантику пространств накладывали всегда свой отпечаток «дух места», ментальность и мировоззрение населения, с присущей ему системой символов, знаков и образов. Эти факторы также являются постоянными, но имеют *скрытый* характер, зачастую избегая прямого цитирования и определяя *глубинную* сакральную суть и закономерность формообразования и логику сложения архитектурной среды (Рисунок А. 2, Приложение А). В современных условиях необходимо тщательное изучение тысячелетнего опыта народного зодчества именно в контексте среды, культуры и «генетической памяти» места.

Разумеется, эти *постоянные (непрерывные)* факторы имеют свойство меняться в контексте времени и истории. Историзм как движущая сила и основная интерпретационная установка, систематизирует и помогает

рассматривать архитектурные объекты как составные звенья различных этапов [90, с. 7]. Выражаясь в архитектурных формах, образах и пространствах, такие *переменные* факторы, как социальная сторона общества, политическое, экономическое состояния, религия, уровень научно-технического прогресса оказывают *глобальное* влияние на развитие и становление традиций и культуры в контексте эпохи. В то же время, перетекание культурных и строительных традиций по принципу преемственности внутри региона *локально* действуют на закономерности формообразования и пространства. Эти заимствования избирательно приспособляются к конкретным условиям географического локуса и культурно-исторической памяти населения, места и среды (Рисунок А. 1, Приложение А). Другими словами, в рамках действия *переменных* факторов, в случае воздействия *глобальных* предпосылок происходит наполнение пространств и адаптация имеющихся местных форм к этим изменениям, в то время как обусловленные *локальными* обстоятельствами заимствованные формы и закономерности среды, адаптируются к данному региону.

Постоянные факторы, такие как природа, история, культура и традиции определяют региональный архитектурный язык, являясь фундаментом в формировании региональной идентичности. Однако, если силу влияния будут иметь только эти факторы, то в результате будет сформирован закрытый тип местной архитектуры. Известно, что местная идентичность вернакулярной архитектуры – культурного и символического содержания места, преимущественно типична для одной этнической группы, сформированной в конкретной местности, и существует только в её пределах. В связи с этим, существует вероятность, что идентичность может стать узкой и безжизненной, если не будет движения, развития и поступления извне. Но при интенсивном расширении спектра привнесённых факторов произойдут изменения внутри системы, благоприятствующие постепенному переходу из закрытой народной архитектуры в открытую. Значит, *переменные* факторы играют большую роль в сохранении самобытности и своеобразия региона под влиянием современных идей и новых конструкций с материалами.

Этот процесс самоорганизации как универсального явления для любых систем, в науке близок к термину «синергетика». Синергетика (от греч. - содействие, сотрудничество) - взаимосвязь всякого рода элементов системы, их различные состояния, в которые переходит система, т.е. процесс внутренней самоорганизации.

Система, организованная путём тщательного историко-генетического анализа местности, изучения потенциальных ресурсов обмена с внешней средой, будет находиться в постоянном процессе самоорганизации, выдавая необходимый результат «идеальной» региональной идентичности, никогда не останавливающейся в самосовершенствовании и росте.

К примеру, принцип заимствований применялся во времена колониальных экспансий, когда привнесённые идеи переселенцев не придерживались определённых стандартов, а адаптировались к местным условиям. Так, спонтанно формировалась идентичность архитектуры определённого региона

как продукт привнесённого языка архитектуры и обращённого к многовековому опыту местного зодчества, наиболее удачно решавшего проблемы адаптации строительных методов к местным экстремальным условиям климата и ландшафта [186].

Таким образом, можно сделать вывод, что идентичность является неким инструментарием, выражающим сакральный и художественный смысл региональной архитектуры, обусловленной ментальностью населения, культурными установками, социальными и ценностными критериями, и основанным на связи с ландшафтом, уважении контекста традиционной преемственности, трансформированного современными идеями и новыми технологиями.

1.4.1 Влияние природно-климатических условий на формирование архитектуры

В современной архитектуре формирование наиболее адаптированного пространства для жизнедеятельности человека напрямую связано с принципом региональной обусловленности. Климат и природный ландшафт являются одними из *постоянных* и поверхностно-очевидных факторов воздействия на психофизиологическое состояние человека, одновременно как положительного, так и отрицательного. Наряду с историческими условиями природно-климатический каркас местности играет существенную роль в формировании материальной среды для жизни населения, составляя основу объёмно-пространственной композиции здания, его планировочной структуры, конструктивной схемы. Приемы и методы возведения зданий, учитывающие местный климатический контекст, наиболее наглядно артикулируют региональные признаки архитектуры.

Зависимости архитектуры от природно-географических условий и климатических факторов региона, особенно в ранние периоды истории человечества, уделялось пристальное внимание в различных исследованиях известных ученых: Леон Батиста Альберти (XV в.), Дж.Аронин, Витрувия (I век до н.э.), В.Крогиус, А.Римша, В.Фирсанов, О.Шуази, Ю.Яралов, и др.). Выводы исследователей сошлись в одном: климат и природа, являясь одновременно как движущей силой, так и ограничивающим фактором, всегда определяли архитектуру, а их воздействие на региональное формообразование превалировали над влиянием национальных границ различных стран. Резкие перепады температур, уровень влажности воздуха, ветровой режим, показатели солнечной радиации и т.д. в условиях северных или южных широт оказывают решающее воздействие на микроклимат.

К природным условиям относятся: рельеф местности, почвенный покров, ландшафт, температура и влажность воздуха, ветер, осадки, солнечная радиация. Недостаточный учёт региональных природных факторов ведёт к необдуманному формированию пространств, непригодных для комфортного пребывания в нём человека, и даже, порою, несущих опасность его здоровью. Специфика климата требует разработки адаптированных методов

строительства и формирования архитектурной среды в конкретных условиях [116, с. 14].

Перед зодчеством как искусством всегда стояли задачи, нивелирующие «вред, наносимый природой». С началом своего появления на Земле человек, осваивая своё первое жилище, вынужден был решать, в первую очередь, задачу защиты от неблагоприятных условий климата. Выбор места для проживания определял расположение пещер, служащих примитивными убежищами: в целях сохранения сухих и теплых помещений зимой выбирались пещеры в горных склонах, ориентированных на юг и обращённых на подветренную сторону. В дальнейшем такой метод строительства жилищ торцами к потокам холодных ветров стал наиболее распространённым методом защиты от неблагоприятного воздействия существующих климатических условий.

Учёные всегда были озадачены исследованием мирового опыта проектирования и строительства зданий и сооружений, демонстрирующего различные способы и приёмы сохранения энергии, обеспечивающих низкую эксплуатационную стоимость строений. В современном строительстве исследователями определён широкий спектр приёмов адаптации строительства к различным условиям климата и ландшафта, минимизирующих негативные воздействия природы. Эти работы имеют одну общую цель, приводящую к задачам обоснования бесспорной зависимости архитектуры от природно-климатического контекста.

В то же время, результаты исследований могут быть сведены к различным методологически сложившимся подходам, где конкретизируются приёмы адаптации к природно-климатическим особенностям. В разных исследованиях были рассмотрены вопросы взаимодействия архитектурной среды с *ландшафтом и рельефом* местности; закономерностей *градостроительства* в условиях природно-климатического и ландшафтного разнообразия; *функциональной организации* пространства; *архитектурно-композиционных и конструктивно-технических решений* зданий и сооружений, особенностей строительства. Вышеназванные группы являются теоретической основой практических аспектов и мероприятий организации среды. На основе изучения профессиональной деятельности архитекторов по формированию среды жизнедеятельности в конкретных природно-климатических условиях, нами выявлена последовательность формирования пространства (Рисунок А. 3, Приложение А).

Эта классификация методов формирования материально-пространственной среды отражает последовательность инженерных процедур и демонстрирует особую, базовую значимость учёта природных условий и ландшафта при проектировании и строительстве.

С давних времён строители были озабочены вопросами осмысленной застройки местности для поселения. *Градостроительство* требуют тщательного «...учёта местных климатических и природных особенностей...». Ссылаясь на Ибн Сину (Авиценну) А.Римша говорил о целесообразности выработок основных *градостроительных* предпроектных материалов. А.Римша

применил методику климатического районирования и чётко определил необходимые требования для минимизации отрицательного воздействия климата на жизнь и здоровье человека [83, с. 88-89, 100-105].

Древний Вавилон (Месопотамия, 2000 г. до н.э.), Кахун (Древний Египет, 2100 г. до н.э.), Тель-эль-Амарн (Египет, 1375 г. до н.э.) и города Древней Греции иллюстрируют примеры адаптации первых поселений к негативным воздействиям ветров и солнца, а также использования их положительного влияния. Здесь главные улицы прокладывались навстречу прохладному потоку воздуха с севера для проветривания территории; открывались в сторону моря для использования морских бризов; а здания ориентировались по сторонам света, открываясь по необходимости солнцу, благоприятным ветрам, красивому ландшафту [83, с. 88-89, 100-105].

Дворец-посёлок индейской культуры в форме амфитеатра Пуэбло Бонито, расположенный в национальном историческом парке Чако-Каньон, в северной части Нью-Мексико (Pueblo Bonito, Chaco Canyon, IX -XII вв. н. э.) представлял собой пример доиндустриального пассивного города на высоком плато на юго-востоке США. Посёлок был обращён на юг, подогревался солнечным теплом и был защищён скалой с севера, вследствие чего поддерживался благоприятный микроклимат среды. Тонко продуманная геометрическая форма амфитеатра позволяла уменьшать воздействие солнечной радиации в летнее время и в то же время аккумулировать солнечное тепло в зимнее [63, с. 176].

Между тем, не только ландшафт, но и мировоззрение с религией определяли архитектурно-планировочную композицию, например, средневековых городов. Так, «*Запретный город*» - резиденция династии Юань в Китае (XIII-XV вв.), придерживавшихся философии буддизма, в основе своей имела прямоугольник, обнесённый глинобитной стеной, отдельные группы сооружений и галерей вокруг квадратных дворов. Аналогичная планировка была свойственна композициям храмов Сунского периода (Китай, XIII-XIII вв.) и городам – поочередным столицам Японии (Нара, VIII в.; Хэйан-Киото, IX-XI вв.). Градостроительные принципы в городах Японии, характеризовавшиеся чёткостью, симметричностью и прямолинейностью сетки улиц, ориентированных строго по направлениям север-юг, восток-запад, были заимствованы из Китая [187].

Архитектурно-планировочным и композиционным средствам отведена важная роль по «нейтрализации» негативного воздействия окружающей среды или напротив использования условий климата, элементов природы и ландшафта для создания уникального архитектурного облика, выразительных форм и объёмов. Так, с расцветом строительного искусства в Европе получили развитие перистильные дома с открытым пространством (двором, садом), окружённым крытой колоннадой у древних греков и атриумные – у римлян, как примеры адаптации к природно-климатическим условиям, отличавшиеся высокой художественной выразительностью. В Римской империи, согласно местному климату, основу планировочного решения зданий составляла композиция, построенная по принципу группировки помещений вокруг

центрального ядра. Античные дома жилищного населения строились с внутренним двором, в центре которого предусматривался водоём (бассейн, фонтан), куда с крыш был организован сбор дождевой воды. Позже такие виды жилища послужили образцами при формировании жилых массивов европейских городов преимущественно в регионах Средиземноморского бассейна [187, с. 57].

В южных районах с жарким сухим климатом самая благоприятная ориентация именно прямоугольного (не квадратного) в плане сооружения, преимущественно с массивными стенами, с продольной осью в направлении «восток-запад» позволяет обеспечить удовлетворительную инсоляцию, естественную вентиляцию и защиту от чрезмерной жары.

Учёными (В.Фирсанов, А.Юнусов) определена главная мера при проектировании как смирение человека перед силами природы, «...его физиологическое восприятие среды...единство его организма и внешней среды...», а, следовательно, и обеспечение комфортных условий для него [88, с. 5-8] [173]. В.Фирсановым были рассмотрены и классифицированы направления архитектуры, планировочные методы и приёмы, и разработаны рекомендации по улучшению гражданского строительства в двух основных условиях климата (жарко-сухой и жарко-влажный).

Другой подход в адаптации к условиям климата основан на *функциональной организации пространства*. Адекватные проектные решения и закономерности определения номенклатуры и размещения помещений могут существенно ослабить негативные воздействия климата или, напротив, использовать благоприятные.

Одним из основных факторов, оказывающих наибольшее влияние на композиционное и функциональное решение архитектурного пространства можно назвать экологические условия [145, с. 11]. Например, некоторые специалисты, рассматривая регионы со слабо выраженными ветрами и пасмурной зимой, для смягчения дискомфорта климата рекомендуют использовать объёмно-планировочные приёмы, основанные на тектонике, формах и планировке зданий, климатически обоснованной организации ландшафта, применении энергосберегающего оборудования, материала и инновационных технологий [102].

Теоретиками и практиками архитектуры (А.Аалто В.Крогиус, Ф.Л.Райт, Б.Родоман и др.) уделено большое внимание *ландшафту и рельефу* местности - активным природным факторам, формирующим микроклимат, и влияющих на функционально-бытовые, санитарно-гигиенические, архитектурно-эстетические и технико-экономические характеристики городского планирования. Для архитектора главной задачей должно быть «смирение» перед природой и климатом путём адаптации к ним, а не самоутверждение через их подчинение [78, с. 4] [84]. Важно принципиальное значение синхронизации действий архитектуры, географической специфики региона и экологии, через разумное воздействие на окружающую среду с деликатными

изменениями в целях улучшения неблагоприятных характеристик ландшафта и использования положительных.

Для Фрэнка Ллойд Райта – одного из ярчайших архитекторов «...характер участка ... был... исходным моментом при проектировании...» [188, с. 27]. Главным достоинством больших его работ было «согласование и родство» с окружающим ландшафтом и подчёркнуто осознанного отношения к применению природных строительных материалов. Ф.Л. Райт задал модное направление «живого» взаимодействия интерьера с существующим окружением с помощью открытых террас. Построенный по образу японского народного жилища «Дом Гембл» братьев-архитекторов Ч.С. и Г.М. Грин (1909 г., Пассадина, США) из лёгких деревянных конструкций, имеющий горизонтальный силуэт с широкими свесами кровель, множеством террас, повторяет равнинный ландшафт региона, способствуя укреплению традиций строительства в данных условиях.

Наряду с архитектурно-планировочными приёмами особые требования предъявляются к *конструктивно-техническому решению зданий и сооружений и особенностям строительства*. Выбор соответствующих конструкций для строительства имеет принципиальное значение, в особенности в условиях сейсмической активности местности. В трудах Г.Исходжановой определены сейсмические характеристики территорий в Казахстане и республиках Центральной Азии, где схожие климатические и национальные особенности формирования архитектуры требуют соответствующих конструктивных решений. В результате выявления перерасхода строительных материалов из-за противоречий архитектурных решений с особенностями сейсмостойкого строительства, в работе была обоснована целесообразность подходящей тектонической структуры сообразно принципам антисейсмической жесткости и устойчивости [142, с. 12]. Только при выполнении требуемых условий сейсмостойкого строительства должны решаться вопросы выразительности и пластичности форм, уникальности архитектурного облика застройки и выявления идентичности архитектурной среды [27, с. 70-71].

К примеру, Империял-отель - гостиница в Токио (Япония, 1919-1922 гг.), построенный по проекту Ф.Л.Райта, выражал не столько творческие изыскания автора, сколько его повышенное внимание к сейсмостойкости строительства. Здание гостиницы с более облегчёнными верхними конструкциями, чем нижними, имело деформационные швы через восемнадцать метров и опиралось на фундамент, укреплённый сваями ввиду слабых грунтов. В другом примере строительстве в условиях сейсмической особенности Японии – здании аэровокзала международного аэропорта Кансай (1994 г., Осака, арх. Р.Пиано) были применены специальные компенсационные соединения, снижающие колебания между стальным каркасом и покрытием. Гармонично вписываясь в окружающий ландшафт, изящно изогнутое сооружение из металла и стекла длиной в более чем полтора километров держится на устойчивых девятистах колоннах, а ритмический ряд конструкций, формирующих кривизну крыши, усилен стальными трубчатыми стальными раскосами. Сооружение на

искусственном острове представляет пример адекватности конструктивно-технического решения здания при строительстве в сейсмических зонах.

В свою очередь, исследователями определена значительная роль *конструктивного решения зданий и сооружений* в условиях жаркого климата. Выявлено, что в случае перепада температур в надземных стенах возникают большие растягивающие напряжения, которые могут привести к ослаблению конструкций. Для предотвращения этого необходимо предусмотреть температурные швы по всей высоте стены до основания фундамента и обеспечить рациональный подбор конструкций в целях снижения теплопоступлений в помещения [189].

В условиях жарко-сухих районов Центральной Азии, Ближнего и Переднего Востока как спасение от сильной солнечной радиации издавна существует традиция применения купола и сводчатых крыш: подкупольное пространство имеет охлаждённый благоприятный микроклимат под воздействием ветра и в силу большой площади поверхности оболочки. Одновременно с этим, купол как легко опознаваемый и выразительный конструктивный элемент в культовой архитектуре усиливает самобытный облик региона с помощью художественных и композиционных качеств купольных и сводчатых форм [88, с. 38].

Архитектурная среда с оптимальным микроклиматом уменьшает негативные воздействия специфической природы, обеспечивает благополучную адаптацию и удовлетворение бытовых и культурных потребностей населения [76, с. 9]. Исходя из условий резко-континентального климата, многообразия ландшафтов и природных зон на обширной территории Казахстана нами рассмотрен опыт применения архитектурно-планировочных приёмов и строительных методов относительно холодного и сухого жаркого климата, в целях его адаптации к условиям нашего региона.

Зима в Казахстане (в особенности, на севере) - суровая, со средней температурой до -20°C , длится с ноября по март, сопровождается сильными ветрами и периодическими буранами, а лето со средней температурой до $+29^{\circ}\text{C}$ – знойное, с ветрами, пыльными бурями. Условия сурового холодного климата побуждают к созданию защиты среды от снегозаносов и господствующих ветров путём наиболее распространённого метода как полузамкнутая композиция из специальных ветрозащитных домов. Так, создаётся мягкий микроклимат во дворе жилой застройки с подъездами и входами благодаря, например, композиции из дома-экрана с протяжённой вогнутой стороной вокруг жилой группы с подветренной стороны [76, с. 16-17].

Специалистами неоднократно были рекомендованы методы обеспечения комфортного микроклимата путём создания искусственной среды в условиях суровой зимы. К ним относятся: применение мобильных сборно-разборных жилищ в форме цилиндра, шара, из пространственных оболочек; объединение в единый комплекс отдельно стоящих зданий с помощью крытых тёплых пешеходных галерей-переходов, иногда с зимним садом внутри строения; перекрывание территории поселения или его части единым куполом,

пирамидой, сферой, цилиндром и т.д. Предложенные проекты создания искусственного микроклимата многими архитекторами (М.Хаммард, Р.Эрскин, А.Шипков, Я.Трушиньш, К.Агафонов) направлены на создание целостной композиции в виде дома-города, дома-посёлка с внутренним двором и садом, и одновременно, обеспечению замкнутого вида жизнедеятельности [76, с. 17-19, 82-87, 102-103, 130-131] [190] [191].

К одному из наиболее распространённых приёмов проектирования в условиях жаркого климата относится создание замкнутых пространств, сформированных вокруг ядра с внутренним двором (садом). Такой способ широко использовался в схеме греческого жилого дома с перистильным двором (IV в. до н. э.). Аналогичную схему из затенённых дворов, создающих комфортный микроклимат и охлаждающих помещения, можно проследить в комплексе площади Регистан в Самарканде (Узбекистан, XV в.) [83, с. 8]. Похожие замкнутые объёмно-пространственные структуры имеют традиционные жилища в жарких засушливых районах Мавритании, Камеруна, Ирана с попутным сокращением площади стеновых поверхностей, подверженных солнечной радиации и чрезмерному обветриванию с помощью плотности застройки и массивности крыш для создания прохладных внутренних дворов.

При высокой температуре и солнечной радиации защитить внутреннюю среду от воздействия окружающего пустынного пространства и обеспечить прохладу в здании можно с помощью применения соответствующих строительных материалов, обладающих способностью сохранять прохладу в помещениях, например, как в здании фермерской школы в Гвинее (1999 г.). Проект архитекторов из Хельсинки М.Хайккинен и М.Комонен в виде дешёвого строительства, учитывающего местные традиции и материалы с использованием принципов западного модернизма, стал обладателем премии Ага Хана в 2001 году. В условиях зноя целью архитекторов было обеспечить термодинамическую изоляцию внутреннего пространства путём установления двойных кирпичных стен и хорошей вентиляции помещений [192].

В региональном зодчестве стран с жарким климатом для снижения чрезмерной тепловой нагрузки на внутреннюю среду и обеспечения естественного воздухообмена традиционно задействованы заглубленные лоджии, внутренние дворики-сады, аэрируемые пространства (атриумы), иногда с ледовой ареной, фонтаном или бассейном. Благодаря обводнению в атриуме, происходит понижение температуры в жаркое время и создаётся комфортный микроклимат. Атриум, как основа объёмно-пространственной композиции сооружения, обеспечивает доступ ко всем его функциональным зонам с помощью горизонтальных и вертикальных коммуникаций.

Устройство верхнего света атриума решает проблему снижения солнечной радиации в жаркий период и её использования в – холодный [96, с. 129-132]. Наличие аэрируемых пространств в современных зданиях придаёт ему уникальность, тем самым повышая его статус. Современные технологические возможности способствуют строительству атриумов в качестве одного из

альтернативных источников для улучшения микроклимата, повышая энергоэффективность архитектурных сооружений. Двор-atrium внушительных габаритов с верхним освещением в административном комплексе «Ковчег» (1992 г., Лондон, Англия, арх. Р.Эрскин) в центре здания, визуально связывает все уровни здания в единую пространственную композицию, обеспечивает естественную вентиляцию помещений, содействуя снижению энергопотребления, а также защиту от задымления здания в случае пожара.

Для смягчения чрезмерной жары, создания тенистой прохлады и улучшения микроклимата в дворовых пространствах используется обводнение территории, посадка зелёных насаждений. Зелёные насаждения снижают температуру воздуха на 1,5-2,5° С, солнечную радиацию на 50%. Зелень и вода, являясь элементами природы, становятся ведущими компонентами искусственной, но дружелюбной и устойчивой среды, играя значительную роль в формировании архитектуры и структуры городских пространств. Они создают соответствующую атмосферу для контакта человека с окружающей средой и оказывают значительное влияние на восприятие пространства. К примеру, вода в крепости-дворце Альгамбра в Гранаде (1238-1358 гг., Испания) присутствует по всей его территории в виде бассейнов, каналов, фонтанов, бьющих из-под земли родников. Вода, растекаясь и разрезая зелень пышных садов на части, наполняет влагой сухой воздух, и в восприятии пространства способствует ощущению спокойствия и покоя [193, с. 34-35].

Впоследствии, такая традиция мусульманского зодчества стала применяться в создании культового образа дворцовой архитектуры с отражением в воде, придавая эстетический и духовный смысл статусным объектам. Так, уравновешенность и величественность мавзолея Тадж Махал (1630-1653 гг., Индия) подчёркивается осью симметрии и пространственной перспективой воды для орошения сада из строгих рядов кипарисов. Здесь способ борьбы с жарким и сухим климатом с помощью воды способствовал формированию регионального образа «земного рая», передающего впечатление целостности и гармонии всей композиции [193, с. 54-55].

По аналогичному принципу размещена застройка общественного центра в Узбекистане – в целях эффективной вентиляции пространства и снижения солнечной радиации в Ташкенте здания на главной площади расположены на открытых пространствах-островках, включающих обильную растительность, достаточное обводнение, покрытия дорожек и площадок из материалов светлых тонов [83, с. 155-157].

Озеленение и обводнение современных комплексов обеспечивает максимальную возможную площадь активных природных поверхностей, придавая архитектурной среде своеобразие и уникальность. Сочетание из зелени и воды играет существенную роль в функциональных, пространственных, композиционных решениях архитектурных и городских комплексов, а также способствует решению сложных технологических задач. Технологический центр McLAREN (2004 г., Великобритания, Норман Фостер, Foster and Partners) - завод, где проектируют, строят и испытывают гоночные

машины - болиды «Формулы-1», является многофункциональным зданием широкого спектра услуг. Здание олицетворяет собой переосмысление возможностей информационных технологий в организации экологически чистых рабочих мест, уважительное отношение к природным ресурсам. Деликатно размещённое в существующем пейзаже, здание надземной части Техноцентра с обрамляющим его искусственным озером, представляет собой в плане круг, отсылающий к даоистскому символу «инь-ян», где «ян» - само сооружение, а «инь» представляет водная гладь озера. Фасад стеклянной стены входной группы, близкой к полукругу в плане под затенённой консольной крышей, подобно «берегу» искусственного водоёма, не доминирует над ландшафтом. Водоём является центральным ядром в экологической стратегии объекта, а также его существенной частью его системы охлаждения - аэродинамической трубы для тестирования машин и фасадной стены из стекла.

В целях минимизации визуальной нагрузки на местный пейзаж и создания прохладного микроклимата для работы летом производственная зона расположена под землёй, на которой специально высажены живописные ландшафтные сады [194].

Основываясь на опыте строительства общественных зданий и сооружений в условиях жары Узбекистана, Е.Крюковой отмечена важность применения солнцезащитных средств - «...формирования гармоничной, эстетически совершенной и климатически благоприятной среды южного города...» [195, с. 156]. Установка на фасадах как, например, в Ташкенте декоративных солнцезеро-панджара в национальном стиле одновременно снижают перегрев здания, придают ему пластическую выразительность, способствуя созданию узнаваемого регионального образа [96, с. 68].

Мировой опыт эффективных приёмов защиты, снижающих воздействие на среду внешних избыточных тепловых нагрузок, знойных и пыльных ветров, включает в себя правильную ориентацию зданий с помощью эффективного использования фасадов-экранов и учёт направлений благоприятных ветров, исключение препятствий для них в целях сквозной вентиляции. Высокая отметка потолков обеспечивает эффективную циркуляцию воздуха в помещениях, а увеличение глубины помещений с небольшими окнами непосредственно под потолком ослабляет чрезмерную солнечную радиацию объекта [88, с. 106].

В связи с разнообразием природно-климатических зон и поясов, архитектурно-планировочные решения напрямую связаны с конкретной локацией местности в условиях существующего климата и степенью его воздействия на формирование среды. Например, здание Solar Hemi Cycle, Herbert Jacobs, Usonian House #2. (Middleton, Wisconsin, Ф.Л.Райт), находится в земляном укрытии, защищающем северные стены и обеспечивающем ветровую защиту сада на юге. Стены обеспечивают пассивное солнечное отопление. В середине лета крыша полностью затеняет южное стекло [63, с. 178]. Только такая архитектура - *биоклиматически* чувствительная, становится критическим аспектом региональной архитектуры. Таким образом, главным участником

архитектурного действия является место, где происходит выявление и восстановление его индивидуальности, сущности и духа с одновременной ответственностью за экологическое состояние окружающей среды [63, с. 178].

В результате анализа опыта проектирования и строительства в специфических климатических условиях и систематизации результатов ряда исследований, в работе определено, что необходим комплексный подход в изучении влияния на архитектуру природно-климатической специфики региона. Работы исследователей объединяет основная мысль, что климат - важнейший *постоянный* (непрерывный) фактор формирования региональной идентичности среды.

Способы формирования среды в условиях природно-климатического и ландшафтного разнообразия, рассмотренные различными учёными, нами были систематизированы для разработки основных теоретических *моделей приёмов адаптации пространственной среды, объёмно-планировочного фронтального решения к существующим особенностям местности* (Рисунок А. 4, Приложение А). Эти приёмы имеют конкретную привязку к определенным климатическим зонам с преобладающим в течение года только одним жарким-сухим либо, наоборот, холодным климатом.

Защиту от ветра, снеганосов, уменьшение теплопотерь поверхностей охлаждения *в условиях холодной* климатической зоны обеспечивают:

- полузамкнутая композиция из специальных ветрозащитных жилых групп или домов-экранов (длиной не менее шестидесяти метров), обращены на юг протяжённой вогнутой стороной вокруг жилой зоны и входами в здание с подветренной стороны;
- большая ширина зданий с двухслойными стенами с воздушной прослойкой и маленькими площадями окон;
- разные направления основных улиц и господствующих ветров;
- единый объём из жилых групп, с зимним садом, крытыми тёплыми пассажами, пешеходными галереями внутри или дом-город под гигантским куполом /пирамидой/, с искусственным микроклиматом внутри;
- террасированные композиции домов на южном склоне местного рельефа.

В *условиях сухого жаркого* климата снижению жары и улучшению микроклимата, и обеспечению естественной вентиляции способствуют:

- устройство внутренних вентиляционных шахт, вертикальных коммуникаций, лоджий, световых проёмов под потолком на южном и северном фасадах;
- покрытие в виде сферического купола, сводчатой крыши или двухслойной кровли с вентилируемым пространством;
- съёмные, передвижные, трансформирующиеся перегородки;
- солнцезащитные устройства: лоджии, балконы, козырьки, жалюзи, маркизы и отделка фасадов материалами с высокими рефлективными свойствами и светлых тонов;
- температурные швы в целях свободной деформации конструкций при изменениях температуры;
- озеленение и обводнение среды.

Архитектурно-планировочные приёмы, применимые для обеих ситуаций как жары так и холода:

- большая ширина зданий;
- двухслойная стена с воздушной прослойкой;
- максимальная компактность застройки с высокой плотностью;
- использование строительных материалов с высокими показателями теплозащиты.

В регионах, где наблюдается смена температур в течение года, как в Казахстане, где например, в летнее время температура повышается до $+30^{\circ}\text{C}$ и понижается до -30°C в зимнее, появляется необходимость применения методов адаптации одновременно к условиям холода и жары. Соответственно, в этом случае требуется вдумчивый комплексный подход в использовании специализированных схем формирования архитектурной среды [196].

Каждая из разработанных нами теоретических моделей адаптации пространственной среды является универсальной и гибкой основой для дальнейших исследований факторов региональной идентичности, которую можно изменять и дополнять в зависимости от природно-климатических условий. Приспособление моделей для конкретного региона в различных исследованиях позволит решить вопрос по поиску современных подходов формирования региональной идентичности в архитектурной практике в контексте глобализации.

1.4.2 Отражение местных культурных и строительных традиций в архитектуре. Традиционные инженерно-технические сооружения и элементы зданий для обеспечения устойчивости архитектуры в региональных условиях стран Востока

О традиционном зодчестве можно судить по материалам археологических, исторических исследований, а также сохранившимся материальным признакам в различных точках земли. Через анализ традиционного народного жилища определяются культурно-исторические предпосылки и строительные традиции в формировании идентичности в архитектуре в различных контекстах географической и культурной среды. Нашим исследованием был выбран *метод культурно-исторического анализа*, ставящий задачу определения культурной значимости объектов, степени влияния традиций и верований на местное зодчество и закономерностей формообразования в традиционной архитектуре. Эта методика позволяет выявить развитие и распространение не только визуальных признаков, но и пространственного внутреннего насыщения, принципы ориентации и планировки, формирования образа, организации благоустройства и т.д. в контексте географической среды.

Казахстан, находясь в центре материка Евразии, всегда был на пересечении многообразия культур и традиций. Засушливый климат, характерный для большей территории Казахстана, с наиболее интенсивностью выражен в арабских странах. Например, климатические условия в странах *Ближнего Востока* и *Северной Африки*, повлиявшие на формирование их

жилищ, продиктовали применение идентичных солнцезащитных приспособлений от чрезмерной радиации, средств тенеобразования, аэрации. Внешние факторы в виде любых изменений в искусстве, науке и технике Европы или Азии накладывали отпечаток и на развитие зодчества на территории Казахстана.

Евразия - самый крупный материк, состоящий из двух частей света - Европы и Азии. По большей степени, Евразия расположена в Северном и Восточном полушариях, и некоторыми частями - в Южном и в Западном полушариях. Обширная территория самого высокого материка характеризуется чрезвычайно разнообразием рельефа, ландшафта и природных зон. Здесь находятся одни из самых больших равнин и горных систем. Этим объясняется высокая сейсмичность регионов Центральной и Восточной Азии. Протяжённость Евразии с севера на юг обеспечила пестроту природных зон: от полярных пустынь, тундры и лесотундры через тайгу, смешанные леса до юго-восточных влажных экваториальных лесов, полупустынь и пустынь, субтропических и тропических лесов, которые сменяются жестколиственными вечнозелёными лесами, а затем и степями.

Материк охватывают весь спектр климатических поясов: север находится под влиянием арктического и субарктического, затем следует умеренный пояс, далее - субтропический, тропический пояс. Субэкваториальный пояс представляют Индия, Индокитай и южная часть Китая; экваториальный пояс, в основном, - островные территории юго-восточной Азии. Огромная территория Евразии характеризуется огромным количеством государств с уходящей в глубину веков историей. Это определяет пёстрый этнический состав со свойственной ему бытом, культурой, традициями, социальными взаимоотношениями, верованиями и религиями. Несомненно, все эти факторы повлияли на достаточно широкое многообразие местных культурных и строительных традиций в зодчестве в различных регионах материка, одновременно содействуя их взаимодействию и взаимовлиянию.

Коллективная мудрость каждого этноса способствовала выработке того типа народного жилища, который отвечал локальным климатическим условиям, быту и национальным особенностям. Сначала постройки простейших форм из местного сырья складывались под влиянием природно-климатических условий, отражая образ жизни населения и специфику их быта и культуры, основанной на мифологических представлениях человека о мире и бытие. В древности, используя подручный строительный материал, человек учился строить себе жилище в степи, в тундре, в джунглях, в горах, в пустыне и в речных долинах. Первое жилище человека решало сугубо утилитарные задачи защиты от внешних проявлений окружающей среды: убежища в виде пещер в горных склонах, углублений в земле; примитивные формы шалашей и палаток из веток, камыша, коры деревьев, листьев, шкур животных, снега и льда и т.д. Это были временные укрытия, не представлявшие собой какой-либо архитектурной ценности, в силу своей недолговечности.

Обстоятельства мест проживания сформировали образ жизни населения - кочевой, полукочевой, оседло-земледельческий. В зависимости от быта людей и особенностей ведения хозяйства жилища выработались в двух видах: переносном и стационарном. Необходимость постоянного или периодического передвижения населения инициировала создание универсального типа мобильного жилища из лёгких конструкций полусферической формы или конусовидной формы, приспособленного к кочевническому ведению хозяйства, продиктованного обстоятельствами и природно-климатическими условиями.

Конусовидной формы жилища типа «чум» и «яранга» из деревянных жердей, скреплённых вместе и покрытых шкурами животных, были характерны для народов Восточной Сибири (ненцев, эвенков, коряков, чукчей и др.). Ввиду быта и особенностей промыслово-оленьеводческого хозяйства временное переносное жильё в условиях тундры и лесотундры Евразии отличалось удобством и лёгкостью в транспортировке, сборке и разборке.

Сборно-разборный вид жилища полусферической получил распространение у многих народов обширных степных пространств со схожей формой кочевого скотоводства. Они населяли обширные территории с запада на восток от реки Днепр до Амура и с севера на юг от реки Енисей до тибетских гор, упоминавшиеся в китайских источниках VI века как государство тюрков. В период перехода от эры бронзы к эпохе саков, а затем - к правлению гуннов, развитие скотоводства определило сложение признаков кочевой культуры в виде переносного жилища – «юрты», транспортируемого на вьючных животных и повозках, сохранившегося вплоть до начала XX вв. Лёгкие несущие конструкции вместе с продуктами животноводства - шерсти овец сформировали вид удобного жилища, адаптированного к условиям сурового климата, таким, как сильные ветры, палящее солнце летом и морозы зимой [31, с. 13]. Именуемое в русскоязычной литературе как «юрта», кочевой тип жилища имеет название общемонгольское (у монголов, бурятов и т.д.) «гэр», у калмыков – «ишкэ гер» (кибитки) и казахское – «киіз үй» [197].

Картина мира, представляемая степными народами на начальных этапах развития, ментальность и мировосприятие, где верования скрещивались между собой и сменяли друг друга, демонстрируют схожесть, например, в рациональном отношении к окружающей среде, как у тюркских народов доисламского периода, так и у монгольских, исповедовавших буддизм. Это послужило основанием для использования тех или иных материалов и элементов в организации жилого пространства, и, в особенности, символизации формообразования.

Строение космоса в мировосприятии тюрков было аналогично образу вертикального мирового древа как «оси мира» или мировой горы, отождествляющегося с социальными взаимоотношениями в обществе, а также строению юрты. В свою очередь, юрта представляла собой не просто утилитарную необходимость, но и выражала систему мифологических образов и пространственных выражений в виде символа небесного свода, уменьшенной модели мироздания, органичной части природы. Так же, как на небесной горе,

находящейся на семи уровнях Земли, находится древо, подпирающее небесный купол по принципу верх-низ, так и композиция из шанырака и уюков символически составляет образ Солнца с лучами, устремлёнными в сияющее небо [182, с. 253] [154, с. 6-7] [82, с. 124-126]. Освоение широкой и бескрайней степи как единого континуума, стремление стать её неотделимой частью природы, космоса, бесконечности - всё это приобрело материальное, в то же время функциональное, воплощение в виде юрты. С непрерывным движением во Вселенной связана гармония, пропорциональность и соразмерность архитектурных форм. Форма полусферы представляет собой архетип верхнего неба, Вселенной, образ отцовского покровительства.

Стационарная локальная культура и строительный опыт нашли отражение в народной (вернакулярной) архитектуре в пределах одного народа, этнической группы с привязанностью к историко-культурному контексту местности. Народное зодчество, взращенное в конкретной местности, характеризовалось осмысленностью контекста среды, что выражалось в устойчивости и гармоничном экологическом синтезе с окружающей природой.

По мнению советского исследователя Ю.Яралова, традиционное зодчество в пределах одной нации, этнической группы считается национальным. Ю.Яралов определил основные компоненты формирования национальных особенностей в архитектуре: в первую очередь, природно-географические условия и климат, затем - местные материалы, исторические условия, синтез искусств, цвет, орнамент, быт, психический склад и культурная общность [58, с. 37-68]. В процессе развития планировочные и композиционные приёмы народного жилища отражали основные концепции проектирования и строительства на данной территории, а результаты снижения климатического дискомфорта продолжали постоянно совершенствоваться.

От постоянных очевидно-прямых факторов формирования идентичности в вернакулярной архитектуре (наличия и качества автохтонного строительного сырья) всегда зависели конструктивно-технические приёмы, масштабы и пропорции, формы и художественно-образные решения. Аутентичность форм и простота их исполнения из имеющегося материала в народном зодчестве являлась залогом гармоничного взаимодействия окружения и строений. Такие материалы, как дерево, камень, глина или кирпич стали основой создания узнаваемых образов с соответствующими внешними характеристиками. Например, в русском зодчестве в холодном климате с помощью дерева создавался тёплый микроклимат внутри жилища, а необходимая прохлада в центральноазиатских домах обеспечивалась использованием глины в их строительстве. Широкое применение дерева, глины или камня в качестве основного строительного материала было распространено из-за их легкой добычи и обработки.

Прямая связь строительных конструкций и имеющегося строительного сырья проиллюстрирована в региональном зодчестве юго-восточной части Европы, некоторых частях Ближнего Востока. В силу постоянной угрозы землетрясений во втором тысячелетии до н.э. была разработана, сложная на тот

период, технология строительства из несущих конструкций из каменных стен, укрепленных деревом. Необходимый образец инноваций отличался смелым архитектурным стилем и высокой художественной ценностью в контексте времени и региона. Предпочтение дерева в данной местности как основного материала в строительстве было логичным в связи изобилием древесины на островах и накопленным опытом в кораблестроении, уходящим корнями в VIII в. до н.э. [198] [199]. Конструкции представляли собой различные системы горизонтальных, вертикальных деревянных включений в структуру стен, колонн и фундаментов с функцией сопротивления растяжению и изгибу. Так создавались структурные ячейки от простой прямоугольной формы традиционного дома до сложной композиции величественных построек. В итоге, структурная единица формировала изолированную среду, устойчивую к воздействию сил окружающей среды.

Рассматривая другие примеры, демонстрирующие роль строительных материалов в народном зодчестве, можно выделить Литву и Латвию, где вплоть до середины XX века строители добивались органического взаимодействия с окружающей средой путём рационального применения местного сырья (дерева, соломы). Монументальность строений была подчеркнута природной выразительностью материалов, функциональной целесообразностью и отказом от излишнего декора [200] [201].

Обусловленные, в первую очередь, наличием местного строительного сырья и природно-климатическими условиями образцами сложения региональных характеристик считаются традиционные жилища территорий современной России, Беларуси и Украины, богатых лесом, соответственно с широким использованием дерева в строительстве [202]. Произрастание обширных лесных массивов и народное умение способствовали выработке уникального типа жилища – «избы», приспособленного к различным суровым климатическим условиям и отражающего высокий уровень традиционного строительного искусства, продиктованного бытом и жизненным укладом.

Изба – компактное деревянное жилое строение, в плане близкое к квадрату. Связанные с обширной территорией региона особенности планировки, техника возведения и художественное оформление изб варьировались в зависимости от природных условий, быта и эстетических предпочтений. Поэтому, в условиях холода изба отличалась объединением жилой зоны с хозяйственными постройками в единую композицию. В зонах с южным мягким климатом деревянные строения с выносными кровлями и обмазанными глиной стенами вместе с подсобными помещениями группировались вокруг двора по типу центральноазиатских или перистильных античных домов Европы.

Стационарное жилище жителей тундры и лесотундры Евразии в Восточной Сибири (ненцев, эвенков, коряков, чукчей и др.) представляло собой четырёхугольное срубное строение «*туна*» (пырт) со скатной кровлей без особых вспомогательных хозяйственных построек [190, с. 20-21]. На рубеже XIX-XX вв. у калмыков Приволжья были распространены дома из плетня,

обмазанные глиной – «турлушки» или «землянки» из кирпичей из местного сырья - глины, травы, соломы и т.п. Также строились деревянные прямоугольные в плане дома. Эти дома являлись образцами синкретического сочетания традиций культовой архитектуры (с обходной галереей и четырехскатной крышей, с буддийским символом в центре) и особенностей национального кочевого жилища (наличие светового фонаря) [197, с.76-79].

Планировочное решение жилых зданий типа «избы», «пырт», в основном, в условиях холодного климата, где необходимо сохранять тепло, характеризовалось развитием «от печи» или «от очага». Центром композиции был очаг, вокруг которого распределялись остальные функциональные нагрузки. Незначительно меняясь в габаритах, в применении местных материалов, в расположении в зависимости от ландшафта, национальных традиций в культуре и строительстве, печь занимала доминирующее положение в композиции народного жилища.

По аналогичному принципу во второй половине I-го тысячелетия формировались жилища оседлого населения Южного Казахстана. Двух-трёхкамерное строение из доступных строительных материалов, как дерево, камень, дерн или сырцовый кирпич, с коническим или сферическим сводом – «шошала» углублялось в землю на пятьдесят - шестьдесят сантиметров с местом для разведения огня в центре [21, с. 57-59].

Другими примерами народных жилищ из простых форм, развивавшихся по принципу «от очага плюс свето-дымовое отверстие», являлись «дарбази» с куполовидными покрытиями в Грузии, «карадам» в Азербайджане, образцы которых встречались и в Передней Азии, «согомакаш», «азарашенк», заглубленные в землю на косогоре в Армении (IV в. до н.э.).

Строительные традиции представленных типов жилья в природно-климатическом контексте опосредованно сыграли существенную роль в дальнейшем развитии жилища по принципу преемственности в контексте постоянной миграции народов. Были заимствованы планировочные схемы и функциональные решения, обогащены архитектурные формы, что в конечном итоге, привело к изменениям структуры традиционного жилища. На примере трансформации «жилища от очага» в полноценную жилую среду мы можем видеть как местный климат, ландшафт и наличие автохтонного сырья стали постоянными генераторами своеобразных идей регионального строительства.

Человеческая изобретательность в условиях жары, сейсмичности и ураганов способствовала созданию куполообразных домов-улей - хижин в Харране (III тыс. до н.э., Турция) с толстыми стенами без окон из самана и камня, также распространённых на территории Передней Азии (Афганистан, Грузия, Ирак, Иран, Кипр, Турция и др.). Устойчивые к сезонным ливневым дождям и землетрясениям, конструкции возводились быстро и способствовали сохранению прохлады внутри помещений. Купол с верхним вентиляционным отверстием способствовал эффективному охлаждению горячего воздуха в знойное лето. Защитой от палящих лучей служили конические кровли-зонты как наиболее значимый элемент конструкций жилища на территории стран

Ближнего Востока и Северной Африки, продиктованные стоянием солнца преимущественно в зените.

Глубоко исследованная Д.Назиловым архитектура горных районов Таджикистана является примером адаптации пространственной среды к условиям активного горного ландшафта, жаркого климата и отсутствия осадков является плотная, ковровая застройка из кирпичных зданий, обмазанных глиной, с узкими улочками. Дома-террасы, плотно прижатые друг к другу и повторяющие профиль склона, имели плоские крыши, которые служили террасой для домов, расположенных выше и дополнительным способом затенения [107, с. 11-12] [203]. Сплошная террасированная застройка селитебных курганов (XIV-XIX вв.) в долинах Верхнего Зеравшана, Горного Бадахшана, Дарваза, Каратегина и др., поселения на территории Турции (Ч'аттал-Хаюйюк, VII-VI вв. до н.э.) с внутренними дворами и узкими улицами выглядела как единый объемно-планировочный организм в слиянии с окружающей природой горных районов Передней и Центральной Азии.

С преодолением сложных природных условиях тропического и субтропического климата Евразии (отсутствие ветра, наводнения, почвенная влажность, постоянный риск заползания змей в жилища и т.д.) было связано народное зодчество Юго-Восточной и Восточной Азии. В Малайзии и Сингапуре традиционные деревянные жилища в условиях тропического климата имели большие нависающие крыши, которые защищали стены и окна от чрезмерной влаги в сезон дождей и способствовали естественной вентиляции помещений. Сейсмика и обилие дождей в Японии продиктовали применение лёгких деревянных конструкций в возведении жилища с массивной крутой черепичной кровлей.

Проблемы адаптации к данному климату решались путём возведения свайных каркасно-столбовых жилищ с применением доступного строительного сырья таких, как дерево, бамбук, пальмовые листья, тростник, глина. Активной аэрации в жилищах Индии середины II тысячелетия до нашей эры из древесины, природного камня, глины и обожжённого кирпича способствовали подвальные помещения, веранды, крытые галереи с горизонтальными членениями объёмов на ярусы [88, с. 28-29, 32-33]. Таким образом, местные строительные материалы, содержавшие в себе сначала сугубо утилитарную функцию, в дальнейшем стали одним из факторов сложения региональной идентичности традиционной архитектуры.

Анализ традиционного зодчества показал, что для любого региона в условиях жаркого и холодного климата были характерны общие визуальные признаки, соответствующие понятию жилого дома, в первую очередь, как «убежища» с идентичным типом: жилище с толстыми стенами, маленькими оконными проемами и защищённым двором. Необходимость выбора соответствующего материала, конструкций стен и кровли, композиционных приёмов была обусловлена адаптацией к условиям различных климатических зон, специфики местности с присущим ему геологическим составом и ландшафтом. С ходом эволюции, «убежища», изначально имевшие сугубо

утилитарные задачи укрытия от неблагоприятных воздействий климата, стали приобретать своеобразные визуальные признаки, характерные для конкретного народа в пределах одного ареала обитания.

Между тем, климатические факторы А.Рябушин не считает национальными и относит к региональным с незначительными «...модификациями, присущими всем народностям...» данного региона [45, с. 337]. С изменениями строительной-материальной базы и конструктивных систем в разные периоды, в условиях географического каркаса в контексте исторических перемен, формируются образы местного населения, его мифо-космологических и философско-религиозных представлений с параллельным использованием знаков и символов. Ввиду различия культурно-исторических условий, цветовых и художественных предпочтений, быта и психического склада разных народностей, складывался локальный тип традиционного жилища. Жизненный уклад населения на протяжении веков определял уровень удобства функционального зонирования помещений, «родные» психическому складу и мировосприятию местного населения внешние характеристики жилища.

Наглядным образцом влияния культурно-бытовых аспектов на формирование функционального зонирования жилища является одно из первых жилищ на территории Евразии, относившегося к эпохе неолита (VI-IV тыс. до н.э.) в поселении в Хирокитии (Кипр). Поселение из ряда круглых домов из сырцового кирпича на каменном фундаменте с купольными покрытиями было для своего времени наглядным образцом расцвета инженерного мастерства. В целях создания двухуровневого пространства (нижнее пространство - для погребения), где имелись своеобразные ниши «встроенные шкафы», были применены специальные конструкции из каменных столбов и балок, двойных стен, поддерживавших купол, при возведении которого строители шаг за шагом сдвигали к центру камни.

Культурные традиции, основанные на специфической философии, подсказали строителям приёмы формирования пространств окружающей среды в Японии через заимствование красоты природы и слияние человека с естественным окружением. Органическая взаимосвязь интерьера с окружающей природой, экологический синтез внутреннего пространства с внешним достигается путём использования легких передвижных ограждающих конструкций. Жизненный уклад, климатические условия и сейсмичность региона сформировали характерные особенности японского традиционного дома - унификацию конструкций, модульных элементов интерьера и его содержания. Были стандартизированы деревянные щиты каркаса, предназначенные для быстрого возведения жилого дома в случае его разрушения в результате землетрясения. Своеобразным модулем при планировочном решении стали «татами» - плетёные подушки из соломы как функциональные элементы интерьера. Татами имели установленный размер длиной до двух метров и шириной одной второй длины [204]. Принцип унификации и осознанного «минимализма» обеспечивает хорошее

проветривание помещений, поэтому всё ещё остаётся наиболее приемлемым в формировании жилища для японских архитекторов.

К примеру, строительство императорской загородной резиденции - Дворцового ансамбля Кацура (1620-1658 гг., Япония) в естественной природной среде близ реки было продиктовано тягой к уединению и отшельничеству членов императорской семьи. При этом стремление к уединению и пребыванию в гармонии с природой подкреплено устранением границ между искусственной и естественной средой с помощью органичного равновесия дворца с окружающим ландшафтом, использования природных материалов в строительстве, гибкости и подвижности простых форм. Природно-климатические условия потребовали выступающие консоли крыш, которые защищают от палящего солнца и интенсивных дождей, а организованное пространство под кровлей обеспечивает вентиляцию в зной. Простота стоечно-балочной конструкции с приподнятой над землёй верандой для созерцания озера перед дворцом, в совокупности символизирует естественную эстетику японской архитектуры.

У некоторых народностей ментальность и мировоззрение повлияли на категоричность выбора строительного материала. Так среди местного населения Африки бытовало мнение, что в строениях для живых людей предпочтительно использование растительных или глиняных строительных материалов, в то время как камень - мёртвый материал и подходит только для отделки захоронений. Характерным типом жилища, учитывающим природно-климатические условия, культуру и традиции, стала ярко раскрашенная круглая глиняная хижина из одного помещения.

По мере необходимости группа из таких домов с переходами-коридорами, включая помещения для скота и хранения запасов, образовывала дом для одной семьи, или целые поселения [83, с. 29]. Традиционное зодчество в регионе Ближнего Востока и Северной Африки в результате влияния местного климата и завоевательных войн отличалось традицией строительства башенных типов домов с массивными стенами из кирпича-сырца, плоскими кровлями-террасами и внутренними дворами. Ярко выраженные региональные признаки имели группы из круглых глинобитных башен высотой от четырёх до шести метров. Башни завершались коническими соломенными крышами, соединялись стенами из глины и отличались художественной обработкой в виде глинобитных зубцов, горизонтальными желобками, полосами геометрического орнамента. Элементы, характерные средневековым замкам, придавали монументальности сооружениям, а геометрический декор - законченный художественный образ.

Следующий компонент формирования национальных особенностей в архитектуре - синтез искусств, способствует усилению национально-образной выразительности архитектурного сооружения, где эмоционально-эстетическую и идейно-художественную роль играют инструменты художественного оформления образа, такие, как цвет и орнамент. При этом очень важно гармоничное соединение произведения прикладного искусства с формой и

функционального назначения здания. Изысканные композиции и определённые сочетания цветов, орнаментов, характерные той или иной народности и соответствующие национальным традициям, ментальным отношениям или религиозным взглядам, выражали региональную образность. Пример проявления культуры в формах, деталях и художественных образах объектов представляет традиционное зодчество индийского жилища, обусловленное влиянием арийской цивилизации, где строения отличались преобладанием замысловатых элементов, декора из скульптурных и рельефных композиций.

Посредством декора, орнамента человечество выражало своё взаимоотношение с мирозданием, в связи с чем, верования и религии оказывали немалое влияние на содержание, стиль и форму изображений. Например, в отличие от христианства ислам отказался от изобразительного искусства, в частности изображения живых существ. В итоге, в мусульманских странах получило повсеместное распространение использование декоративного, преимущественно бессюжетного, искусства с геометрическими, растительными и эпиграфическими мотивами. Несмотря на такое сужение границ изобразительной техники, орнаментальное искусство восточных стран исламского толка не получило обобщённого воплощения в типизации и унификации. Напротив, ему характерно локальное своеобразие, отличающее искусство тюркских кочевников Средней Азии, например, от техники Передней; а среди памятников зодчества Азербайджана можно было встретить сооружения, в декоре которых изображены зоо- и антропоморфные мотивы [205].

Таким образом, очевидно-прямые факторы формирования традиционного жилища у различных народностей были, в основном, аналогичны: сначала была необходимость защиты жилья от неблагоприятных влияний климата с помощью имеющихся подручных материалов. Схожесть образных и планировочных решений проявлялась в таких приёмах, как: простота геометрических форм строений; принцип строительства «от очага», и центра; небольшие габариты помещений в целях сохранения тепла или прохлады; использование местного необработанного сырья; минимальное вмешательство и адаптация к структуре природного ландшафта. Далее продиктованные спецификой жизненного уклада обитателей и ведения хозяйства, а также социально-политической ситуацией планировочные схемы строений, состав помещений и их функциональные особенности, конструкции и материалы всё более приобретали своеобразные выражения форм и образов (Рисунок А. 5, Приложение А).

Современная территория Казахстана является одним из исторических преемников многоликой тюркской степной культуры, не стоявшей особняком от развития и других исторических процессов народов Евразии. Будучи в центре торговых взаимоотношений на трансконтинентальной трассе Великого Шёлкового пути, соединявшей Европу и Азию, Казахстан стал колыбелью степной цивилизации, вобравшей в себя ценности и традиции различных культур и этносов, что нашло отражение в расцвете искусства и зодчества, обусловленного взаимовлиянием принципов строительства [6, с. 37-45]. Так,

тюркская цивилизация в данном регионе была возвращена на основе симбиоза культур степи и города.

Сведения о формировании тюркской архитектуры в пределах региона Казахстана и сопредельных государств Центральной Азии, обусловленной кочевым типом хозяйствования и образом жизни населения, проблеме развития среды поселений в разные годы, накоплены учёными и отражены в трудах казахстанских и центральноазиатских учёных. Авторами исследований были рассмотрены жилища в историческом развитии, с определением их типов и формирования в пространственно-географическом контексте. Путём изучения историко-археологического, культурно-этнографического наследия выявлены условные периоды формирования тюркской архитектуры на территории современного Казахстана и Центральной Азии.

Тюркское народное зодчество, в том числе, Казахстана и Центральной Азии развивалось по принципу преемственности, а также адаптации к существующему разнообразию ландшафта и природно-климатическому контексту. Архитектура Казахстана с древнейших времен до современного расселения XX века, Б.Глаудиновым условно делится на несколько периодов: 1 - Зодчество древнего Казахстана; 2 – Эпоха Раннего Средневековья (VI-IX вв.); 3 - Эпоха Развитого Средневековья (X-IV вв.); 4 – Эпоха Казахских ханств (XV-XVII вв.); 7 – период Казахстана в составе Российской империи (XVIII-XX вв.) [21, с. 11, 102, 324]. Каждый из этих периодов имеет свою систему определённых хозяйственных навыков и образа жизни, общественных и политических условий, раскрывающих специфику материальной культуры, и развивающихся с течением времени.

Широким рядом исследователей были выявлены факторы возникновения форм и характерных признаков в традиционном зодчестве Казахстана с акцентом на общность заимствованных черт тюркской архитектуры в контексте эпохи и региона. Учёными были рассмотрены местные материалы, культура, быт и форма хозяйствования населения; указана взаимосвязь жилища и климата как важнейший фактор формирования жилого дома.

В древнейший период до появления хозяйственно-культурной общности тюрков первые жилища представляли собой простейшие конструкции из нескольких жердей, связанных и скрепленных между собой у верхних концов, покрытых ветками деревьев, камышом, тростником и т.д.

Важнейшим периодом времени в истории тюрков (VI-VIII вв.) можно считать середину I-го тысячелетия. К этому времени их культура стала закономерным преемником стержневых элементов цивилизаций саков, гуннов и усуней, которые в основной массе были кочевническими племенами, преследовавшими цель к неуклонному расширению пространства обитания, всё больше распространяя этническую структуру в новых регионах Великой степи.

На основании различных исторических и археологических документов, эпоха бронзы на территории Казахстана была отмечена экстенсивным ростом скотоводства. Продиктованная образом жизни и типом хозяйствования юрта со

сферической крышей, рассчитанная для равнинной части казахских степей, в отличие от юрт с конической крышей других кочевых народов, с середины I-го тысячелетия н.э. прошла эволюционный путь от «кош» (временного конического шалаша) через различные типы передвижных жилищ на повозках с шатровым или сферо-коническим завершением. Следует отметить, что тип казахского кочевого жилища окончательно сформировался к концу XVIII - началу XIX вв. [19, с. 65-66] [31, с. 36-37]. Основные составляющие юрты были из мягких пород дерева, где кереге (тонкие решётки) в виде круглого основания составляли устойчивую конструкцию с уыками (купольными рейками) и шаныраком – венчающим круглым элементом для проникновения света и дымоудаления.

Сходное историко-культурное развитие народов, характеризующееся общностью традиций древних верований и местных культов, населявших степи современной Центральной Азии и Казахстана, наглядно отразилось в идентичности древнего зодчества, и далее в архитектуре средних веков [182, с. 252, 268]. Формирование тюркского (далее – казахского) архитектурного своеобразия основывалось на органичном использовании местных форм и символов под влиянием мировоззрения населения, возникшего благодаря успешному синкретическому соединению местных мифологических верований и заимствованных религий.

На зодчество местных народов повлияло искусство древних насельников, например, саков. Саки имели развитую строительную технологию, ювелирное искусство, отличавшиеся роскошью и богатством, что отразилось в строительстве огромных курганов, где хоронили царей и знать вместе с украшениями, бытовой утварью и оружием, что было связано анимистическими представлениями кочевников. Представления саков о власти, как оси и центре организованного космоса, заключались в порядке социальных взаимоотношений, страхе и уважении к умершим. Это отразилось на строительстве курганов – материального воплощения бытия в виде культовых сооружений мавзолеев [209, с. 478] [19, с. 23].

Форма и композиционное решение курганов получили дальнейшее распространение в зодчестве Казахстана. Традиции строительства сакрального зодчества трансформировались в «...краеугольный архитектурный архетип...» в виде юрты кочевника – купольной формы жилья, как метафора небесного свода, образованного путём вращения дуги вокруг центральной оси [129, с. 104] [132, с. 18-24].

Для каждого народа характерны собственные архетипы [108]. Для сакских племён был характерен культ Солнца, о чём, по мнению исследователей, свидетельствует формирование сакрального пространства с помощью курганов, жертвенников с некрополем (Бесшатыр - комплекс курганов сакской эпохи на территории национального природного парка Алтын-Эмель) в центре [135, с. 22-23]. Рассматривая Берельский курган №11 (VIII-VII вв.) Э.Байтенов отмечает яркие признаки его индивидуальности, расширяющие представления

о культуре саков и их строительных традициях, опосредованно раскрывающие особенности региональной идентичности [133, с. 106] [129, с. 104].

Видение мира с концепцией центразма, круга или «мирового древа» получило широкое воплощение у тюркских племён в виде купольного свода с круглым отверстием в зените, олицетворяющим небесный свод. Наряду с образом Солнца или мировой горы (древа) особое сакральное значение имели формы квадрата или пирамиды с четырьмя сторонами (космическая гора, четыре стороны света и т.д.), сыгравшие существенную роль не только в формировании архитектурного пространства, но и в орнаментальной символике.

Окружность, полусферу, пирамиду, квадратную платформу Э.Байтенов относит к основным пространственным региональным архетипам идентичности, общим для Казахстана и Центральной Азии эпохи архаики, включая «вертикаль» и силуэт конуса или курганного сооружения и др., сыгравшие существенную роль не только в формировании архитектурного пространства, но и в орнаментальной символике [132, с. 18].

Б.Глаудинов, ссылаясь на И.Кастанье, называет «курганным» период повсеместного строительства кураганов на обширной территории Казахстана, Центральной Азии, Южной Сибири, Урала, связанный с эпохой бронзы и культурой саков, усуней, канглы и др. племён доисламского времени, [19, с. 33]. В связи с широким распространением кочевого образа жизни, традиция захоронения царей различных племён не была привязана к конкретной местности или региону, климату и культуре. Впоследствии, именно на территории Семиречья Казахстана этот метод строительства культовых сооружений получил распространение по принципу преемственности. Так, к первым упоминаниям о региональных признаках в зодчестве Казахстана Б.Глаудинов относит Дандыбай-Бегазинские памятники мемориальной архитектуры (поздняя бронза XII-XI вв. до н.э.), которые характеризовались новаторским подходом и высоким уровнем строительного искусства.

Архитектура тюркских народов, характеризовавшаяся не только формированием типа мобильного жилища кочевых племён, была отмечена и становлением стационарного типа жилья. Это объяснялось одновременным развитием земледелия, охоты и рыболовства вместе со скотоводством. Различия климата географических зон определили специфику хозяйства и образ жизни степных народов второй половины I-го тысячелетия. Так, мягкий климат Южного Казахстана в зимний период способствовал росту земледелия в оседлых поселениях наряду с увеличением пастбищных угодий, а в северных частях Казахстана, с запада на восток было распространено кочевое и полукочевое скотоводство. Хозяйственные интересы и быт населения бесспорно являющиеся факторами формирования вернакулярной архитектуры повлияли на размещение и обустройство раннего жилища оседлых племён.

Структура стационарного жилища оседлого населения получила два пути своего развития. Первое направление заключалось в сохранении традиционной формы юрты (киз үй, гэр), но применении более прочного, функционального

строительного материала. Жилище оседлых степняков древнетюркского Каганата с круглыми в плане стенами на небольшом фундаменте, с ямой в земле для очага и отверстием для дымоудаления (шанырак) было по своему внешнему очертанию своеобразной отсылкой к войлочной юрте кочевников [31, с. 54]. Структура самого древнего типа стационарного жилища оседлых племён I тысячелетия формировалась по аналогичному принципу двух-трёхкамерного жилища с коническим или сферическим сводом «шошала», завершающимся верхним отверстием для выхода дыма, развиваясь аналогично опыту многих народностей «от очага». Разумеется, имело место очевидное влияние на планировку, формы и тектонику строений природно-климатического каркаса региона и наличия местного строительного сырья. Строение, углубленное в землю на пятьдесят - шестьдесят сантиметров, возводилось из сруба, дерна, камня или сырцового кирпича [21, с. 173].

Другой вид стационарного жилища, независимо от традиционной формы кочевого жилья, представлял собой врытую в землю землянку примитивной формы. Этот переходный тип трансформировался в надземное строение и приобрёл правильные геометрические формы, размеры которого могли увеличиваться в зависимости от количества пристроек [31, с. 56]. Ранние поселения располагались ближе к водоёму и состояли из десяти - пятнадцати полуземлянок-углублений до полутора метров, покрытых скатными крышами. В целях беспрепятственного доступа к загонам для скота в любых погодных условиях предусматривались коридоры, соединяющие жилище с хозяйственными пристройками наподобие комплекса Актас-2 (I-III вв. н.э.) [211] [210]. Так создавался благоприятный микроклимат в дворовом пространстве, формировавший оптимальную жилую среду дома. В качестве своеобразной защиты от неблагоприятных воздействий существующего климатического состояния, был использован действенный способ строительства жилищ торцами к потокам холодных ветров [21, с. 58-59, 173-177].

Прообразом стационарного жилища можно считать обнаруженные постройки поселения андроновцев бронзового века (Шортанды-Булак, Атасу и др.), где население удачно воплотило решение проблем сохранности общего скота в архитектурно-планировочной композиции из жилых и хозяйственных строений, размещавшихся в её центре [19, с. 273].

В дальнейшем в период расцвета оседло-земледельческой культуры (X-XII вв.) простейшие шалаши и землянки эволюционировали до феодальных усадеб-замков типа городского стационарного жилища, строившиеся из автохтонных строительных материалов (дерн, саман, камень, пахса, обожжённый кирпич и т.д.) [19, с. 66-71].

Картина архитектурно-планировочных особенностей средневекового городского жилища была воссоздана на основании археологических раскопок. Так, исследователями были обобщены признаки и черты традиционного жилища на территории Южного Казахстана как места зарождения наиболее развитой городской культуры тюрков. В особенности, археологические

материалы региона, объединившего Отрар и другие близлежащие поселения как крупного оседло-земледельческого центра в долине реки Сырдарья, стали значительной научной основой в изучении традиционной жилой ячейки из двух комнат (передней и хозяйственной) с глинобитными суфами и печами. Выявленные учёными основные строительные приёмы и материалы позднесредневекового отрарского жилища позднее нашли отражение в казахском народном жилище XVIII-XX вв. и представляют значительный интерес в плане преемственности [3, с. 122-123].

Таким образом, региональный природно-климатический каркас, специфика социальных и культурных ситуаций, быта и жизненного уклада населения, и в особенности, заимствование путей развития народных жилищ сопредельных поселений земледельцев или ремесленников стали безоговорочными факторами зарождения и развития архитектуры стационарного жилища на территориях, входящих в границы современного Казахстана [212].

Дальнейший опыт формирования был построен на принципах преемственности и заимствования извне традиций адаптации к разнообразным климатическим условиям и природному ландшафту. Например, холодные зимние условия на территории современного Северного Казахстана продиктовали необходимость адаптации к ним строительных приёмов жилища по типу «изба». Для этого региона был приспособлен компактный в плане городской тип жилья из дерева, кирпича и глины со скатной кровлей, с объединением под общим покрытием дворового пространства, примыкающих к жилой зоне хозяйственных построек. По аналогии с избами, в Восточном Казахстане, расположенном, в основном, в зонах лесостепей, строились срубные дома, с соединением жилой части дома с хозяйственной с помощью крытых переходов (тёплых галерей) ввиду суровых условий зимы. В то же время, дома в условиях жаркого климата на территории Южного Казахстана были идентичны жилищам Центральной Азии: строения из глины, сырого кирпича, необработанного камня с плоскими кровлями (иногда - в виде продуваемых ночью террас для сна), небольшими окнами под потолками возводились в единой композиции вместе с хозяйственными потройками и внутренним двором, защищённым различными тенеобразующими приспособлениями от солнечных лучей.

В процессе определения особенностей формирования традиционного зодчества исследователями были изучены инженерные сооружения, способствовавшие улучшению качества жизни населения в региональных климатических условиях Казахстана и Центральной Азии [6, с. 206] [10, с. 7-11] [206].

В целях выявления методов адаптации пространственной среды, зданий и их инженерно-технического обеспечения к условиям конкретной местности, отличающихся жарким сухим климатом, нами рассмотрены традиционные инженерно-технические сооружения и элементы зданий в странах Востока (Рисунок А. 6, Приложение А). Изучение использования многовекового строительного опыта является важной частью процесса обеспечения

экологического равновесия между архитектурной и природной средой, как одной из основных задач современного градостроительства и архитектуры.

Современная наука и достижения технологий позволят достаточно эффективно использовать энергию ветра и солнца, добывать воду и доставлять её в труднодоступные пустынные районы, обеспечивать кондиционирование воздуха в помещениях и т.д. Применение альтернативных источников в строительстве целенаправленно решает задачи энергоэффективности в рамках стратегии устойчивой архитектуры. Однако в этом случае повышается вероятность чрезмерной унификации принципов формирования пространства, стандартизации форм и обезличивания местной архитектуры. Напротив, формирование архитектурного своеобразия региона в контексте местного климата, строительных традиций и культуры может вызывать у населения положительные эмоции и ощущения «родственности» духа места.

Для создания близкой и знакомой «генетической памяти» окружающей среды требуется обращение к местным строительным традициям, их изучение, восстановление и сохранение путём выявления опознаваемых образов, символов и форм [96, с. 42-45] [116, с. 59].

По мнению Альберти, в сознании общества хранятся воспоминания, связанные с местом, которые могут «указать» архитектору пути организации пространства [184, с. 70]. Необходимо найти и восстановить этот язык общения между архитектором и «духом места». Создание зрительных и эмоциональных ассоциаций способствуют обогащению фактуры формируемого архитектурного пространства. Одной из задач региональной архитектуры является обращение к многовековому опыту местного зодчества, наиболее удачно решавшего проблемы адаптации строительных методов к местным экстремальным условиям климата и ландшафта.

Местная, или аутентичная, архитектура – это подлинная, связанная с первоисточником, нестилизованная архитектура [179, с. 20]. Строительные приёмы, выработанные веками и обусловленные местным строительным сырьём, на первый взгляд, примитивны в своей оригинальности и простоте технологий. Тем не менее, традиционные строительные методы, преимущественно энергопассивные в своём роде, были способны решить проблемы адаптации архитектурной среды к существующим суровым природно-климатическим условиям.

Учёными зафиксирован опыт использования подземных грунтовых вод на южных территориях Центральной Азии в виде инженерных приспособлений регионального характера - «кяриз» [4, с. 76] [10, с. 26-27] [213]. *Кяриз* (кәріз - каз.) или *канат* (с перс.) - гидротехническая система, представлявшая собой подземный канал в виде глиняной горизонтальной штольни, соединявшая место потребления с водоносным слоем [214]. Это сложное и трудоёмкое сооружение из основного колодца-водохранилища, куда самотёком поступали подземные воды из предгорий за пределами поселения, через ряд шахтообразных колодцев - вентиляционных отверстий, соединённых подземными галереями – водоводными тоннелями. Такая система орошения в виде цепочки круглых

отверстий, выходящих на поверхность земли, была распространена на пустынных территориях Марокко, Алжира, Ливии, Афганистана, Крыма, Армении, Азербайджана, Ирана, Южного Казахстана, Узбекистана [215]. На территории Центральной Азии кяризы преобладающее развитие получили в Туркменистане, некоторое количество которых сохранилось и функционирует до сих пор, играя заметную роль в местной оросительной системе [8, с. 66] [208]. Историк и востоковед В.Бартольд (1869-1930 гг.) упоминал о крайней необходимости применения кяризов в засушливых районах Туркестана (историко-географический регион Центральной Евразии и Азии, включавший в XIX-XX вв. территории современного Казахстана, Кыргызтана, Туркменистана, Узбекистана) [10, с. 26-27].

Остатки кяризов в Казахстане - разрушенные временем грандиозные каналы ирригационной системы длиной в десятки километров, свидетельствуют о важном значении земледельческого хозяйствования в жизни полукочевого населения на равнинах рек Таласа и Чу [34, с. 113-115].

В некоторых поселениях в засушливых условиях Азербайджана, Туркменистана и Ирана, по-прежнему используют кяризы для орошения и доставки питьевой воды, что отвечает современным задачам экологизации и энергосбережения. В Азербайджане кяризы повсеместно функционировали в Баку, Гяндже, Карабахе, Нахичеване: обнаруженные остатки одного из разрушенных кяризов в окрестностях Гянджи, в долине р. Шамкир датируются I в. до н.э. [216]. С помощью таких же кяризов вода поступала во дворец для питья и в баню, расположенную на территории комплекса дворца Ширваншахов (г. Баку, Азербайджан, XII-XVI вв.).

Помимо бесперебойного обеспечения водой засушливых территорий перед архитекторами и строителями всегда стояла задача адаптации среды к крайностям природно-климатического окружения путём создания оптимального микроклимата за счёт циркуляции воздуха. В условиях жары необходимо постоянное движение воздушных волн для создания благоприятных санитарно-гигиенических условий, охлаждения ограждающих конструкций и температуры в помещениях. Способ вертикального воздухообмена под действием теплового напора как один из рациональных методов создания благоприятных условий среды, имел широкое распространение в народном зодчестве стран Востока [88, с. 20-21].

Проблемы зноя, духоты, сухости воздуха в Передней и Центральной Азии привели к поискам архитектурно-планировочных методов и форм, обеспечивающих проветривание и вентиляцию в зданиях для поддержания оптимального температурного баланса в помещениях. В архитектуре жилищ Центральной Азии влияние сложных природно-климатических условий воздействовало на создание замкнутых дворов или террас - «айванов», куда выходили все помещения.

Айван – пристройка к зданию, создающая тень и прохладу, благодаря продуваемости с трёх сторон [6, с. 102]. Так, широко использовался метод улавливания прохладного потока воздуха и передачи его по всему низу комнат

с помощью схемы: большой «айван» (онг-айван, улу-айван) - расположенный с противоположной стороны нижний «айван» (терс-айван) [179, с. 7] [88, с. 22-23] [96, с. 72]. В дополнение к основной функции, айваны способствовали приданию пространственности формам здания, усилению пластичности образа. Находясь на стыке степей для кочевья и земледельческих районов, традиционное жилище Южного Казахстана вобрало с себя черты, характерные для жилых домов оседлых узбеков-земледельцев и ремесленников. Местный климат, строительные методы и материалы продиктовали обязательное наличие открытого или остеклённого айвана, создание внутреннего двора из глинобитных стен; применение в возведении домов жжённого или сырцового кирпича, необработанного камня [207].

Другим самобытным приёмом поддержания оптимального микроклимата было подземное строительство жилищ, мечетей и т.д. как в комплексе Шакпак ата. Сооружение, высеченное в скале, подземная мечеть (п-ов Мангышлак, XII в.) с взмлённым центральным залом, высокой каменной башней-минаретом и залами типа «айван», является уникальным примером, обладающим выраженными региональными характеристиками [19, с. 109-110].

Ввиду резко-континентального климата для Центральной Азии характерны: летом – дневной зной и прохладные ночи, и короткие, но холодные зимы [196, с. 74-75]. В этих условиях вопросы традиционного отопления без дополнительных энергетических затрат решались путём устройства очага («йер-учак»), где дымоходные трубы проходили под приподнятой частью пола спальных помещений или айвана. Трубы выводили дым от глинобитной печи для выпечки хлеба («йер-танур» или «тандыр») и давали тепло вверх, где располагались спальные комнаты. Эта система вторичного использования энергетического ресурса (теплого воздуха) была распространена в Узбекистане, Южном Казахстане, Афганистане, в горных селениях Кавказа и т.д. [217].

Характерная для южных широт Центральной Азии специфическая плотная застройка с узкими улицами, невысокими строениями с плоскими кровлями хорошо затеняла улицы. В то же время, такая плотность застройки создавала сложности для беспрепятственного проветривания зданий. Воздух внутрь помещений можно было доставлять с помощью традиционных архитектурных строений - «бадгиров» (перс. – ветролов, система охлаждения в жарких районах). Бадгиры - древняя система кондиционирования воздуха, не требовавшая энергетических затрат, были распространены на территориях Бахрейна, ОАЭ, Пакистана, Афганистана, Саудовской Аравии, Центральной Азии, в том числе, и Южного Казахстана [206, с. 64]. Четырёхугольные (иногда, шести, - восьмиугольные) сооружения в виде массивных высоких башен, начинаясь от низа рядом стоящих зданий и возвышаясь над ними, обеспечивали вентиляцию путём захвата даже слабого ветра и передачи его в нужную сторону. Бадгиры имели в стенах отверстия и внутреннее вертикальное разделение с помощью перегородок из необожженного кирпича или дерева. Втянутый через отверстия внутрь здания наружный воздух охлаждался в предусмотренных водных резервуарах. Принцип такой системы состоял в

замещении прохладным воздухом, поступавшим из охлаждавших резервуаров, использованного горячего воздуха и выталкивания его наружу.

Одним из ярких примеров аутентичной архитектуры, выразившей необходимость адаптации традиционного строительства к местной специфике, является «яхчал» (*перс.* - «яма со льдом») – сооружение, имеющее древние корни, предназначенное для хранения льда в пустынных и степных территориях. Распространённые, главным образом, на территории Ирана, эти сооружения состояли из надземной конусообразной части и подземных пространств с широкими термостойкими стенами. История техники возведения яхчалов из местных строительных материалов восходит к 400 г. до н.э., представляя собой ценный опыт из глубины веков. В целях постоянного наличия льда для хозяйственных нужд в условиях жары, зноя и сухого ветра, древние инженеры нашли уникальный метод создания льда зимой и хранения его летом в яхчалах. С северной, а значит, теневой, стороны в подземную часть сооружения в холодное время года заливалась вода, которая замерзала естественным путём или быстрым - с помощью льда, который доставляли с вершин соседних гор. Холодная температура внутри сооружения создавалась благодаря его форме и принципу внутреннего устройства: прохладный воздух попадал через вход у самого основания яхчала, и направлялся вниз, тогда, как высокая коническая форма надземной части способствовала нагнетанию тёплого воздуха и выводу через верхнее отверстие. Кроме этого, особенный состав местного сырья обеспечивал снижение теплопроводности стен и повышение их водоустойчивости.

Вместе с тем, часто сооружение функционировало с помощью кяризов или бадгиров, способствующих понижению температуры внутри яхчала. Способ оснащения яхчалов системой кяризов и бадгиров повышал эффективность традиционных приёмов адаптации к местным природным условиям. Так, комплекс из энергопассивных аутентичных систем облегчал доставку воды в яхчалы и его охлаждение; улавливания ветров бадгирами для охлаждения пространства внутри сооружения в жаркий период и его прогревание через дымоходные трубы в холодное время года. Эта адаптация к существующим природно-климатическим условиям подчёркивала специфичность и принадлежность к данной местности описанных строений.

Несомненно, что необходимое кондиционирование воздуха и доступ к холодной воде в условиях знойной жары требуют постоянного потребления электроэнергии, в свою очередь, влияя отрицательно на экологию. Улавливание потоков ветра для кондиционирования помещений, организация ирригационных систем с минимальными энергозатратами, вторичное использование ресурсов для экономии тепловой энергии являются архаичными видами энергосберегающих технологий. В новом прочтении виды аутентичной архитектуры и инженерных сооружений могут способствовать сбережению природных ресурсов. Анализ показал, что методы адаптации к суровым условиям местного климата характеризовались повсеместным распространением

в разных регионах с аналогичным жарким климатом путём преемственности и заимствования форм и принципов работы инженерных сооружений.

Изучение опыта, выработанного веками, и его внедрение в жизнь в современной интерпретации являются условиями создания психологически и экологически «дружелюбной и понятной» архитектурной среды, играющей существенную роль в художественно-образном формировании, конструктивно-технических, архитектурно-планировочных решениях региональной архитектуры.

Строительный опыт стран Востока, в том числе и Центральной Азии, демонстрирует высокий уровень адаптации местной архитектуры к локальным природно-климатическим условиям. Нами проведён анализ выработки простых аутентичных очертаний сохранившихся сооружений из круглых отверстий колодцев и печей (кяризы, очаги), крытых террас (айваны), башен или куполов (бадгиры, яхчалы). Приведённые примеры традиционных инженерно-технических сооружений и элементов зданий сочетают в себе бесценный опыт традиционного строительства, адаптации среды в региональных условиях Центральной Азии. Разумеется, основу формообразования древних сооружений, возвышающихся над окружением, составляла рациональность и простота исполнения объёмов и деталей. Аналогичность и рациональность форм были продиктованы мифологическими представлениями о Вселенной у древних насельников, выразившиеся в обращении к кругу – символу Земли, Солнца, вечного круговорота, модели мироздания. Видение мира с концепцией центризма, круга или «мирового древа» получило широкое воплощение у тюркских племён в виде купольного свода с круглым отверстием в зените, олицетворяющего небесный свод (Рисунок А. 6, Приложение А) [218].

Такой опыт аутентичной архитектуры может быть применён в создании неповторимых образов региональной идентичности только в случае преемственности, развития и изменчивости во времени. Гармоничный синтез достижений современных технологий с опытом народного зодчества, уже прошедшего апробацию в суровых климатических и строительных условиях, можно рассматривать как один из наиболее важных вариантов проектирования устойчивой региональной архитектуры. В современных условиях это будет способствовать художественному формированию стилевой общности городских элементов в целом [218, с. 103, 110].

1.4.3 Организация пространственной среды поселений в региональных условиях

В архитектуре концепция пространства рождается из местной культуры, искусства и природно-климатических условий.

«Первые рождения городов» в виде укреплений или поселений на перекрестках водных или сухопутных путей, отвечали функциональной целесообразности их возникновения. Они представляли собой военный лагерь, центр ремесленного производства, торговый узел, промысловые или земледельческие становища и т.д. [219, с. 39]. Далее, в зависимости от

специфики природного контекста, исторических, социально-культурных обстоятельств, особенности формирования пространственной среды различных поселений придерживались индивидуального направления.

Среди ранних поселений, в силу высокого уровня развития просвещения и науки, отличаются античные города Греции. При организации пространственной среды поселений древние греки, согласно трактатам Аристотеля и Гиппократов о санитарно-гигиеническом взаимодействии зодчества и климата, учитывали направление ветров и стороны света [88, с. 15]. Кроме того, древнегреческие зодчие обязательно ставили во главу угла органическую взаимосвязь поселений с эстетическими качествами ландшафта, что выражалось в живописности планировки. Города Римской империи, напротив, формировались, в основном, по типу военного города-лагеря, с прямоугольной сеткой пересечения главных улиц, обеспечивая сокращение путей и связей внутри поселения. Такой принцип по типу Гипподамовой системы способствовал адаптации к условиям климата путём проветривания территории в условиях жары, получив, в дальнейшем, широкое распространение.

Деликатное отношение к природному окружению и климату имело широкое распространение в организации пространств традиционных поселений. Так, на территории Европы Поздней Античности, в градостроительстве, включая Византийское и Русское, при размещении кремлей, храмов, торговых площадей, прокладок дорог тщательно учитывался существующий рельеф для построения архитектурных ансамблей [219, с. 55-57] [78, с. 11-13]. При этом, мощные вертикали в виде венцов башен, куполов, шатров, колоколен древних соборов, церквей, храмов и монастырей, расположенных на возвышенности с панорамными видами на простирающийся внизу город, становились его яркими элементами, обозримыми ориентирами и акцентами местности. Сакральное содержание архитектурных доминант из мемориально-культовых сооружений наполняли подлинной энергией окружающее пространство и формировали вокруг себя благоприятную среду. Анализ планировочных основ особенностей организации пространственной среды первых поселений выявил универсальные приёмы формирования пространства городов в различных регионах мира (Рисунок А. 7, Приложение А).

Анализ развития пространств первых поселений показал, что принцип организации в аграрной феодальной Европе был основан на возведении замковых укреплений и монастырских ансамблей на высоком холме или у мыса реки. Доминирующая роль в укреплениях принадлежала высоким каменным или деревянным башням – *донжонам* или монастырским церквям. На фоне миграции народов и пестроты этнических, религиозных традиций, разнообразия ландшафта и условий климата, освоения пустующих земель для ведения хозяйства заключительной стадии развития средневекового градостроительства Западной Европы были характерны обмен идей, и художественные открытия. Стремительное развитие новых европейских

городов сопровождалось сочетанием христианского мировоззрения и античной культуры, где средоточием общества стал городской собор [219, с. 65-67].

Так, произошла трансформация концепции пространств: в западной европейской архитектуре получило развитие тенденции раскрытия среды существующему окружению. Города, по большей степени, занимали ранее пустовавшие территории на равнинной, легко обозримой территории, с достаточной инсоляцией узких улочек и их проветриванием, со спокойным ландшафтом у подножия гор, ближе к лесным массивам, водоёмам, с желательным доступом к портам и т.д. Композиция плана европейского города с регулярной системой прямоугольного и радиального характера строилась на основе пирамидального силуэта: от малоэтажной застройки с периферийных зон, словно, под воздействием центростремительной силы, строения постепенно набирали высоту к фиксированному центру с главным зданием административного или культового назначения на возвышенности - доминирующим элементом всего пространства.

В известных работах исследователей приведены примеры использования метода панорамных приёмов и высотных ориентиров в средневековых городах Азии и Европы, где узкие улицы на различных участках маршрута имели неожиданные интересные перспективы и акценты [65, с. 96-98] [96, с. 148]. Венцы башен, колоколен, купола соборов безраздельно господствовали, подавляя и подчиняя себе городское пространство. В европейской архитектуре в качестве яркого примера - ориентира в структуре поселения и духовного центра региона - можно рассмотреть кафедральный собор Санта Мария дель Фьоре (1296-1436 гг.) - изящное украшение города Флоренции (Италия), обозреваемое в любую погоду и время суток со всех направлений. Флоренция – город с выраженной индивидуальностью и региональной идентичностью, расположен в живописном месте Италии на фоне жёлто-серой реки. Визуальной общности всех элементов городского интерьера способствует взаимосвязь строений охристо-бежевых тонов с мощением узких улиц и фасадами, облицованными камнем [220].

Над городской структурой из характерных очертаний зелёных холмов и силуэтов зданий возвышается активно указывающий направление к своему местоположению ориентир – купол кафедрального собора [65, с. 79]. Санта Мария дель Фьоре составляет с городом единый целостный образ: это географический центр и самый узнаваемый элемент города.

В формировании византийско-русской архитектуры значительную роль играли топография местности и наличие водоёма, аналогично принципам выбора места у древних греков [219, с. 29, 56-57]. Торговля славян с Византией, странами Центральной и Северной Европы, Ираном и Средней Азией в X-XI веках привела к интенсивному строительству городов. Поселения возводились на холмистом берегу в излучине реки и её притока, тем самым, становясь узлом торговых дорог, повышая защищённость и обороноспособность, а также формируя компактное пространство вокруг главного доминирующего, и в то же время, изолированного объекта в виде

церкви, храма. По такой схеме расположены такие города как Псков, Нижний Новгород, Ярославль, Тверь, Кострома и др. Вдобавок, некоторые города были основаны у высоких берегов озёр с живописными панорамами заречных равнин на торговых путях (Новгород, Гдов, Белозерск и др.) [5, с. 36].

Планировочная структура городов рубежа X-XI вв., обусловленная социальной дифференциацией населения, состояла из центральной крепости (кремля) на высоких холмах с соборной площадью для феодальной аристократии и жилого района преимущественно для ремесленников и торговцев. При этом соблюдалось создание «лица города» путём обращения фасадов к главной дороге и реке.

В Юго-Восточной и Восточной Азии особенности организации пространственной среды поселений имели некоторые отличия от Запада Евразии, обусловленные не только природно-климатическими условиями, но и мировоззренческой основой и социальным строем общества.

Например, в Древней Индии в силу распространения религии индуизма возникли кастовые системы существования и взаимоотношения различных слоёв в обществе. Это отразилось на формировании принципа «идеальных» городских схем, основанных на иерархической дифференциации функциональных пространств, связанных с разделением населения на касты. Традиционное градостроительство представляло собой регулярные планы поселений согласно сословно-кастовому порядку [219, с. 80-81].

В Древнем Китае религия и верования также оказали влияние на формирование принципов регулярной планировки городов, основанных на учениях Конфуция, философии даосизма и буддизма, и следовавших дифференциации застройки согласно существовавшим сословиям общества [184, с. 38] [221].

Убеждённые в том, что красота в природе, жители Восточной Азии, в основном, придерживавшиеся буддийской веры, создавали вокруг себя пространство в гармонии с окружающей средой. Обязательным компонентом в создании архитектурно-пространственной среды в японской архитектуре было обожествление природы и созерцание в ней красоты, интроверсия или обращённость в себя. Обусловленное влиянием Китая, как в политической, так и в культурной жизни, градостроительство Японии в VIII-IX вв. заимствовало архитектурные приёмы Китая. К примеру, город г. Чанъань - одна из бывших столиц государства, имела регулярную планировку с прямолинейной сеткой улиц, где к императорскому дворцу, расположенному в северной части города, вела основная дорога, идущая от главных ворот строго в южной части.

Таким образом, основными условиями развития пространственной среды первых городов в различных регионах мира были: адаптация к условиям климата; удачное расположение поселения в культурном, торговом, политическом (военном) плане или на благоприятных территориях, пригодных для скотоводства или земледелия; характер существующего ландшафта; культурный уровень местного населения. Функциональная направленность поселений, культурный уровень и мировоззрение населения, местный

ландшафт продиктовали следующие приёмы формирования пространства первых поселений в перечисленных регионах мира:

- раскрытие среды на внешнюю среду;
- изоляция среды и её защита от внешнего пространства;
- гармоничная взаимосвязь с внешней средой путём органичного слияния с окружающим ландшафтом в единый объемно-планировочный организм;
- регулирование вмешательств в существующую структуру природного каркаса в целях сохранения экологического баланса между новым строительством и естественной средой.

При возведении городов Ближнего Востока, зодчие следовали принципу социальной дифференциации по районам, обусловленной многонациональным этническим составом населения и ведением хозяйства. Дамаск, Иерусалим, Бейрут и другие города, богатые историей основания и развития в эпоху завоеваний и нашествий, расположенные в узле торговых магистралей, имели характерный силуэт из старых кварталов с плоскими кровлями, террасами и возвышающимися над ними массивами храмов и мечетей (Рисунок А. 8, Приложение А).

Формирование восточных средневековых городов на иранском плато было основано на планировочном принципе геометрического порядка круга или квадрата. Поселения, разделённые двумя главными перпендикулярными улицами (ориентированными по осям север-юг, восток-запад) на четыре одинаковые части, в свою очередь, подразделялись на мелкие кварталы; на центральной площади обычно располагался ансамбль из дворца правителя и мечети, а жилая зона - по периферии. Иногда, композиция зон строилась по принципу пирамиды: начиная с самого ядра, считавшегося золотым в макрокосмической концепции населения и символизировавшего солнце, каждое последующее окружение к периферии было ниже, чем предыдущее. В персидской архитектуре зодчие следовали идее главенства человека над физической средой и его сопричастности к космосу, Вселенной. В связи с чем, по убеждению первых градостроителей, город должен был развиваться по образу анатомии строения человека, где основная ось-позвоночник соединяла базарную площадь-голову со сложившимся круглым ядром-сердцем из зданий культового и управленческого назначения. Дополнительные элементы поселения могли располагаться на периферии [222].

Древний Багдад (762 год н.э.) стал символом круглого геометрического порядка среди городов на Ближнем Востоке. Окружённые кирпичными стенами дворец халифа и мечеть представляли центр «круга» города, а буферную зону между ним и стеной составлял периферийный круг из жилой зоны, поделённый на четыре квадранта главными четырьмя крытыми проходами. Центростремительное движение к дворцу и главной мечети в виде визуальной доминанты задавало «принудительное» направление перемещения населения от круговых стен к символической «душе», «сердцу», обеспечивая постоянные циклы движения внутри строгой геометрии. Однако для сохранения идеальной композиции круга как совершенного архетипа нужно было сохранить

существующий порядок, что в принципе невозможно с развитием и увеличением города в контексте времени и истории. Так, в целях дальнейшего развития поселения за основу была взята концепция центробежной системы, принимающей рост и изменения как естественный процесс жизни. По мере роста центральной площади и базара росло и тело города, пронизанное сеткой улиц как рёбрами [222, с. 89-97].

Поселения на территории Ближнего Востока, а также Центральной Азии и Северной Африки характеризовались выраженной адаптацией к природно-климатическим условиям при организации пространственной среды. По причине расположения в тропических поясах, в пустынях с высокой температурой и скудными показателями количества осадков, жилища строились на близких расстояниях друг от друга (Рисунок А. 9, Приложение А). Тем самым сокращалась площадь наружных стен, защищавших внутреннее пространство от перегрева, а узкие длинные помещения связывались между собой с помощью центрального тенистого двора с садом, бассейном, фонтаном.

Сведения о древних казахстанских городах (V век до н.э. - III век н.э.) можно почерпнуть из археологических, исторических и других письменных источников [6, с. 256-309] [35, с. 50-51]. Первые оседлые поселения на территории Казахстана связываются учёными с племенами саков, усуней, кангюйцев в V-III вв. до н.э., и представляют собой простые формы круга, овала, квадрата в плане, иногда - в виде городищ-холмов из двух-трёх ярусов.

На рубеже IV-I вв. до н.э. продиктованная различием климатических зон сложилась соответствующая специфика быта и ведения хозяйства. Так, если в степях, пустынях и полупустынях современного Западного и Центрального Казахстана было распространено кочевое скотоводство, а в лесостепи и горном ландшафте Семиречья и Восточного Казахстана - полукочевое скотоводство, то условия края Южного Казахстана послужила благоприятной основой для земледелия. Согласно исследованиям археологов I тыс. до н.э. при возведении городов сакского периода основной упор делался на защите и укреплении внешних стен (Шерик-рабат, Кок-Мардан, Алтын-Асар, Алып) [6, с. 20] [34, с. 17-20].

Общей характерной чертой древнейших поселений из глинобитных строений было наличие крепостной стены, вала и рва по периметру с ирригационной системой и единой внутренней структурой без какого-либо функционального разделения: Куйик-кала, Жар-тобе, Жуан-тобе, Майбалык, Жеты-асар (Рисунок А. 10, Приложение А).

Далее поселения бронзового века (I-III вв. н.э.) характеризовались организованным пространством и четкой композиционной двухчастной структурой из жилой и общественной части по примеру протогорода Аркаим, свидетельства которого были обнаружены археологами на границе Челябинской области в Россия и Костанайской области. Разнообразие местного сырья в городищах у рек Таласа, Чу позволило древним насельникам возводить строения из камня, гальки, соломы и Тянь-Шанской ели [34, с. 10-11].

Небольшие поселения отличались пластичностью облика благодаря их сочетанию с природным ландшафтом, создаваемым однородностью местного сырья, пространственностью композиций и обусловленностью этнической картины населения, его родом занятий и экономической ситуацией общества. Учёт ориентации по сторонам света, обеспечение водопроводом из глиняных труб и водохранилищем-котлованом при дальнейшем развитии городских поселений, разумеется, были обусловлены сочетанием и взаимовлиянием кочевой и оседло-земледельческой культур посредством торговли, обмена и т.д. Сохранившиеся остатки городищ с ирригационными сооружениями, системами водоснабжения позволяют провести анализ и выявить тождественность их особенностей формирования пространственной среды.

Выводы по разделу 1

1. В современной науке и искусстве понятие идентичности трактуется как осознание принадлежности, самоидентификации в условиях изменений среды. В архитектуре под «идентичностью» понимается уникальный набор признаков, по которым объект опознаётся потребителем.

2. Существующие в современном мире социально-экономические, политические, гуманитарные процессы в рамках глобализации и регионализации ведут к активизации проблем региональных сообществ, в том числе в сфере архитектуры.

3. Региональная идентичность как концепт в современной архитектуре сочетает в себе историко-культурный ландшафт в местном природном контексте, локальные образы и символы в гармоничной взаимосвязи с достижениями современных технологий и заимствованиями из смежных культур.

4. Выявленные в процессе исследования базовые факторы формирования идентичности систематизированы в зависимости от характера (постоянные и переменные, поверхностно-очевидные и глубинно-скрытые), взаимосвязь которых приводит к самосохранению местной общности, симбиозу идей и форм, осознанию всех факторов формирования региональной идентичности.

5. Взаимосвязь теоретических и практических методов формирования материально-пространственной среды, по авторской интерпретации, отражается в последовательности инженерных процедур и демонстрирует важность учёта природных условий и ландшафта при проектировании и строительстве в региональных условиях.

6. Теоретические универсальные образцы приёмов адаптации форм и пространств позволяют создавать необходимые модели в соответствии с климатом любого региона.

7. Проблема идентичности в архитектуре является исторически обусловленной и формируется на протяжении длительных периодов развития цивилизации и локальных культур. Данный тезис подтверждён общим

анализом древних сооружений и поселений, преемственность развития которых отражается в архитектурном формообразовании:

- *в форме архитектурных сооружений* – определена тождественность первоначального сложения форм традиционных жилищ, обусловленная природно-климатическими условиями и строительными традициями: простые формы-архетипы (куб, параллелепипед, полусфера, конус, цилиндр, арка и т.д.)

- универсальные для любого вида объектов;

- *в форме инженерно-технических сооружений и их элементов* - выявлен принцип рациональности и усиления силуэтов бадгиров, яхчалов и др. в традиционном зодчестве стран Востока (в том числе и Центральной Азии), являвшихся контекстной и соответствующей специфике климата, ландшафта и сформированных архаичными формами круга, полусферы, пирамиды, конуса;

- *в форме поселений* – на основе изучения мирового опыта разработаны условные модели организации пространственной среды первых поселений в различных регионах мира. Анализ закономерностей организации пространственной среды первых поселений на территории Казахстана показал, что понимание взаимодействия городской пространственной структуры с региональной средой основывается на таких факторах формирования идентичности, как: причина возникновения поселений, взаимоотношение с природно-климатическими условиями и ландшафтом, композиционные формы - общие для одного этапа формирования и отличающиеся на каждой стадии сложения отдельных типов.

2 ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХИТЕКТУРНОГО РЕГИОНАЛИЗМА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

2.1 Теоретические основы развития тенденций регионализма в мировой архитектуре

Архитектура на рубеже XIX-XX вв. в Европе характеризовалась интенсивным поиском различных стилей, по очереди сменяющих друг друга. Такие течения XX в. как эклектика, конструктивизм, функционализм и др. отличались несколько односторонним подходом в архитектуре, оперируя рационализмом в целесообразности форм, функциональных назначениях зданий и сооружений. Интенсивное развитие инженерных конструкций создавало благодатную почву для реализации сложных архитектурных решений. Стандартизация форм и унификация строительных элементов рассматривались архитекторами XX в. (В.Гропиус, Г.Мутезиус, Э., П.Смитсоны и др.) как средство борьбы с индивидуализмом и методом достижения социального эффекта в решении жилищных проблем. Такое направление было, в основном, характерно для архитектуры стран Северной и Южной Америки, Африки, Восточной Азии, как бывших колоний, где велось широкомасштабное строительство в духе имперских держав Европы.

Стремление к чистоте и функциональности форм привели к потере эстетической красоты, психологической отчуждённости архитектурной среды от мировосприятия человека [223] [54, с. 9]. Обезличивание архитектуры в результате отсутствия её привязанности к местному контексту, в послевоенные годы привело к растущему кризису позднего модернизма и интернационализма, а вслед за ним к активизации интереса архитекторов и проектировщиков к традиционному зодчеству и согласованному проектированию с учётом географического обрамления локации. В итоге, наступил этап поиска образности и самобытности региональной архитектуры с одновременной критикой повсеместной универсальности современных принципов организации среды «...неэтичность эстетического контроля архитектором вкусом других людей и, ... необходимость изучения образцов данного культурного контекста для воссоздания самобытных региональных архитектур...» [96, с. 26]

Несмотря на повышенную потребность в согласовании архитектуры с контекстом места, в 30-е гг. XX века *регионализм* ещё не рассматривался как самостоятельное направление, а воспринималось как одно из течений *органической архитектуры*, наиболее полно учитывающее местные природно-климатические условия. Поэтому было вполне объяснимо сознательное его противопоставление современным стилям и направлениям, таким, как эклектика, модерн и др. из-за присущего им безликого «*интернационализма*» и игнорирования местных традиций, географических, климатических, исторических, социально-бытовых и строительных различий.

Органическая архитектура строилась на тесной взаимосвязи с окружающей средой, учёте потребностей и психологии населения, придерживалась более свободных планов, вписываемых в ландшафт интересной композицией. Принципу органической взаимосвязи здания с природой, традиционности,

консервативности, индивидуальности, исключении всего ненужного и несущественного по типу японского зодчества, выразительности тектоники, контрасте горизонтальных и вертикальных плоскостей, взаимосвязи компонентов внутреннего и внешнего пространства, сохранении естественного рельефа и очертания местного ландшафта следовал американский архитектор Фрэнк Ллойд Райт. В его работах живое окружение всецело пронизывает сооружение, становясь формообразующим символом, объединяя образ и форму объекта.

Ф.Л.Райт слово «органичный» ассоциировал с бетонным элементом, формой, подобной ветке дерева как метафоре «живой» архитектуры [224, с. 277]. Следуя принципу органического подхода в архитектурно-планировочном решении, Райт проводил тщательный подбор строительных материалов, применяя их с необработанной естественной фактурой, отказываясь при этом от отделки поверхностей ограждающих конструкций. Возможно, в принципиальном стремлении взаимосвязи с природой, приоритете функционального содержания и надёжности строения Райт, как архитектор-конструктор, рассматривал жильё в его первоначальном предназначении как убежища и защиты от неблагоприятных условий климата. При этом он, как архитектор-художник, виртуозно создавал эстетическую картину гармоничного сочетания форм его объектов с окружающей природой и ландшафтом.

Задачи максимального слияния архитектуры с естественным окружением решены в проекте дома «Тейлизин-Северный» (1925 г., Висконсин, США), архитектуру которого характеризует обильное остекление, приближенность к земле нулевой отметки пола, плавно перетекающего в террасы и лужайки зелени снаружи. Связь интерьера с внешней средой усилена повсеместной колоритной каменной кладкой стен и дерева, неожиданными видовыми картинами рекреационных зон и уютных уголков участка, сформированных с помощью бассейна, фонтанов, подпорных и ограждающих стенок, зелени и т.д. Другой проект Райта, построенный на склоне холма – «Второй дом Г.Джекобса», в основе которого была полукружность, являл собой пример органического включения сложной композиции жилища в структуру рельефа существовавшего ландшафта. При проектировании виллы Э.Кауфмана «У водопада» (1937 г., США), художественная выразительность достигнута автором путём симбиоза массивов из железобетона, камня и стекла с обрывистыми изгибами скалы и воды [188, с. 72-73, 95-98].

Ф.Л.Райт с помощью парящего распластанного горизонтального силуэта дома Роби (1910 г., Чикаго, США) мастерски создал выразительный лаконичный образ, ассоциировавшийся с бескрайними просторами американских прерий, подчиняя всю композицию единому замыслу объединения интерьеров и экстерьеров. Даже при проектировании церкви, в которой молящиеся должны были изолироваться от всего земного, Ф.Л. Райт не отказался от стремления объединить здание с природой с помощью больших плоскостей остекления и величественности природного камня в отделке стен. Тем самым был ещё более усилен художественный образ Унитарианской церкви

(1951 г., Висконсин, США), придерживавшейся догм о единстве Вселенной [188, с. 118-121].

Приверженцем гармоничной и, в то же время, причудливой и яркой взаимосвязи природы и зданий был американский архитектор Брюс Гофф. Его работы были созданы на основе сочетания или контраста затейливых форм зданий с условиями и традициями местности. Это повлияло на позитивное восприятие населением понятных им метафор: американские дома семьи Хардер (1972 г., Миннесота); семьи Бавинджер (1951-55 гг., Оклахома); семьи Форд (1948 г., Иллинойс) характеризуются уникальностью, визуальной и философской взаимосвязью с природным окружением.

Вместе с тем, в конце XX века появилась потребность органического проектирования не только в природной среде, но и в искусственной, т.е. средовой подход. Задача сохранения исторически сложившейся городской ткани потребовала максимально щадящего вписывания нового объекта в существующее окружение, способствующего его восстановлению и развитию. Так появилось стилистическое направление контекстуализма, идеи которого, можно проследить в работах Карме Пиноса, Энрика Мираллеса, Тадао Андо, Ренцо Пиано, Йорна Утцона и Хосе Рафаэля Монео. В своих произведениях архитекторы намеренно отказывались от слепого следования модным трендам и ставили задачу осознанного соответствия окружению [225].

Исследования контекстуализма как стилистического течения связаны с мусульманской архитектурой Индии. По мнению Ш.Аскарова, в конце 60-х годов XX века Клаус Хердег в композициях древних комплексов Индии выявил отсылки на природу с выдержанными соотношениями деталей и форм. В свою очередь, «...контекстуалистские исследования способствуют пониманию традиций региональных культур и методологическому использованию их качеств, невидимых поверхностному взгляду...» [95, с. 26]. Например, в здании парламента (Шри-Ланка, 1979-1982 гг., арх. Джеффри Бава), расположенного на острове, в центре искусственного озера, прослеживаются признаки постколониального регионализма за счёт пространственных решений по традиционному пути и использования местных материалов. В работах индийского архитектора Балкришна Доши, работавшего с Ле Корбюзье и Луисом Каном, чувствуется максимальное соответствие местным климатическим условиям с помощью простых архитектурных приёмов и использования оптимально доступных материалов [226].

В архитектуре начала XX века повсеместное развитие туризма, экономики (особенно, нефтедобывающей промышленности), строительной индустрии, активизация социальных процессов, реставрации и реконструкции исторических поселений в послевоенные годы, и как существенный фактор - поиск самоидентификации наций и стран, актуальный для развивавшихся независимых государств, способствовали успешному продвижению принципов регионализма.

Регионализм понимается как разделение мира на территории – регионы. В границах конкретных регионов - в контексте места происходят общественно-

политические, экономические и социо-культурные процессы. В то же время, по Б.Хеттне и Ф.Содербауму – регион характеризуется как «воображаемая» сущность и субъективное определение вне исторического процесса и традиций каких-либо государств [227].

Ю.Янковская и В.Куршакова *регионализмом* в архитектуре называют наличие «...совокупности устойчивых, обусловленных местными причинами черт...». Это понятие отражает комплексный подход взаимодействия архитектуры с рядом особенностей: традициями, природно-климатическими, историческими, этнографическими, национальными, социальными, политическими и экономическими условиями. При этом, по их мнению, обязательно нужно ориентироваться на развитие и адаптацию глобальных течений – как технологических, так и социальных и экономических [228] [229].

Разумеется, в период зарождения регионализма среди архитекторов и даже политиков нашлись его противники. Так, в 1920-е годы один из последователей модернистского течения в интернациональной архитектуре Ле Корбюзье, выговаривая побуквенно термин «р-е-г-и-о-н-а-л-и-з-м», определил его как «...опасного врага новой архитектуры». По мнению архитектора, регионализм, взращенный на тесной связи с традициями, может пагубно влиять на развитие современной архитектуры [93, с. 181]. Если, в начале XX века в пределах многих стран Европы и Азии местные культурные структуры с присущими им предпочтениями оказывали существенное влияние на развитие тенденций региональной архитектурной среды, то в США этот сценарий не получил развития. Сосредоточение на региональной культуре не поощрялось, тогда как прорыв в экономике, технике и технологиях позволили легко решить проблему адаптации к природно-климатическим условиям, породив интернациональные формы и образы в архитектуре. Интернациональный стиль в лице таких архитекторов как Вальтер Гропиус, Ле Корбюзье, Филип Джонсон, Мис ван дер Роэ и др. предполагал отказ от «архитектурных излишеств» в виде национальных исторически сложившихся черт, одновременно культивируя эстетику прямых линий, чистых геометрических форм, зеркальных поверхностей из стекла в сочетании с железобетоном и металлом. Так складывалась глобальная архитектура - единая для большинства современных городов из силуэтов, основанных на идеалах интернационального стиля, поддержанных модернизмом с выраженной функциональностью и демонстрацией достижений инженерно-технического прогресса. Урбанизированные модели массовой застройки второй половины XX века из однотипных небоскрёбов решали экономические и социальные проблемы. Одновременно простота форм из сборных конструкций, игнорирование локальной исторической и культурной памяти способствовали потере индивидуальности.

Некоторые исследователи своеобразно трактуют глобальную и традиционно региональную архитектуру, где современное типовое высотное строительство с применением новых материалов и технологий представляет собой «архитектуру-небо». Такое новое видение архитектуры, с созданием

иллюзии лёгкости и растворения здания в небе, в корне отличается от традиционной «архитектуры-земли» - относительно невысоких зданий, соответствующих «классическим» принципам с соблюдением пропорций (массивный низ – легкий верх), построенных с учётом привязки к местности и, соответственно, содержащих в себе некоторые признаки регионализма. Согласно исследованиям, за счёт знакомых символов и обобщений у зрителя накопленный опыт идентифицирующих компонентов формирует опознавание региональной архитектурной среды [230, с. 125-127].

Сторонниками региональной архитектуры интернационализм и аналогичные ему направления воспринимались как негативный элемент, оказывающий губительное влияние на культуру, экологию, экономику в глобальном масштабе: «...[интернационализм] как культурная цель бесплодна, ...продукт торговли, но не культуры, в лучшем случае – анонимная и нейтральная, в худшем - загрязняющая окружающую среду...» [63, с. 175]. Тогда как, по мнению архитекторов-«регионалистов», «...регионализм склонен мыслить локально и действовать глобально...» [231]. В их трудах (Дж.Кук) целью архитектуры указывается создание определённого набора региональных характеристик при обязательном соответствии во время проектирования местным природным и техногенным условиям, где местом является выраженное интегрирование экологии, климата, ресурсов и культуры. К ресурсам учёные относят человеческие навыки, интеллект и убеждения [63, с. 174].

В 1985 г. на конференции по теме регионализма в Севилье (Испания) за продвижение регионализма в архитектуре выступили А.Тзонис и К.Фрэмпон (указывавшие в своих трудах на необходимость адаптации к условиям местного климата и ландшафта современных тенденций в архитектуре), а представители правительств европейских стран высказались против введения регионализма в действие. А.Галлано (F.Gallano) объясняет это тем, что «...для политиков, стремившихся к космополитическому гламуру, регионализм являлся узким понятием...» [231].

Задачи изучения особенностей региона, поставленные перед научно-исследовательскими и проектными институтами, привели к учёту не только местного климата при проектировании, но и строительного опыта зарубежных стран с аналогичными традициями и культурой, под влиянием которых формировались «...научные обоснования методов проектирования» [93, с. 181]. Так, в процессе работы над проектом в Чандигархе (Индия, 1952 г.) по мере возникновения трудностей в попытке применения универсальных для западного модернизма форм, материалов и техники в условиях климата Индии, для Ле Корбюзье стало очевидным неизбежность адаптации знакомых ему устоявшихся строительных норм к существующему природному окружению. В итоге, Ле Корбюзье в дальнейшем стал чаще обращаться к местным традициям и формам. Одним из примеров, когда архитекторами Ле Корбюзье и Пьер Жаннере был отражён поиск своеобразных путей применения принципов новой архитектуры с учетом региональных традиций, является проект дворца Лиги

Наций (Женева, 1927 г.). Результатом их деликатного творения стала гармоничная целостность комплекса и окружающей среды, где природа сохранена в неприкосновенном виде с минимальными вмешательствами [232, с. 306-307].

Между тем, *региональное* своеобразие некоторыми учёными воспринималось в рамках *национального* по причине географических, климатических, этнических особенностей, наличия местного сырья [46, с. 57] [60, с. 67]. Рассматривая эти два понятия и их взаимосвязь, установлено, что *национальное* в архитектуре - это материально духовная культура именно одного народа, выраженная в своеобразии архитектуры, резко отличающейся при сравнении с архитектурой другой нации. При этом, *региональная* архитектура – местная, относящаяся к какой-либо определённой территории, району, региону, области, группе стран; построенная по региональному признаку [181, с. 205]. По Б.Глаудинову, национальная архитектура представляет собой «...сложное единство ...идей, основанных на заимствованиях из современной культуры, науке, технике и наследия прошлого...». Тем не менее, по мнению учёного, «...национальные формы не окостеневают, а находятся в процессе непрерывного развития...» [20, с. 364].

Так, многообразие природно-климатического каркаса и этническая пестрота, к примеру, на территории России или Украины, повлияли на формирование непохожих и даже диаметрально противоположных региональных фактур в архитектуре. Это объясняется тем, что представители одного народа живут в различных географических, социально-культурных условиях, или, напротив, в одних региональных условиях живут несколько народностей с культурными и бытовыми отличиями.

Отличавшиеся друг от друга национальные обычаи, верования, профиль хозяйства и быт разных народностей при общности природно-географических условий Передней Азии определили выработку своеобразных черт архитектуры у таких соседних стран как Азербайджан, Армения и Грузия. Это нашло отражение в различных композиционных подходах. Например, особенности единого ландшафта Кавказа обыгрываются различными этносами, свойственными только им методами. На территории Грузии в горных селениях традиционная архитектура в виде жилища-крепости башенного типа всегда являлась активным компонентом ландшафта. Напротив, для армянской архитектуры характерно было иное отношение к окружающей среде, выразившееся в стремлении подчинить архитектуру существующему ландшафту. Здания-крепости размещались в низинах, маскировались в силуэте гор и зелени как архитектурные комплексы Нор-Гетик (XII-XIV вв.) и Агарцин (XI-XIV вв.), или вовсе высекались в природной скале, как архитектурный комплекс Гегард (IX-XIII вв.) [233] [234].

На зодчество территории современного Азербайджана существенное влияние оказал факт его расположения в центре исторических коллизий, на пересечении торговых путей и в разнообразных природно-климатических условиях с широким спектром использования строительных материалов,

способствовавших многообразию архитектурно-планировочных и строительных приёмов, силуэтов и форм [205, с. 186]. К примеру, один из древних поселений страны Шеки – город контрастных силуэтов (крепости, церкви, мечети, древние сооружения из камня, кирпича, глины и т.д.) на фоне живописных гор и равнин. Развалины древних строений и традиционные жилища с верандами-айванами, иногда объединённые в блоки – махалля являются продолжением окружающей природой [235].

Проявление своеобразия в архитектуре на стыке культурных и географических границ может представлять собой не просто симбиоз компонентов, но и сложную систему, обусловленную взаимодействием и контрастом противоположностей в символах и образах [236]. Показательным примером является одновременная аналогичность и различаемость архитектуры Китая и Японии. Сходство природно-климатических условий, единство архитектурных и градостроительных приёмов, подобие строительных материалов, исторические параллели, тесные культурные, политические, экономические взаимодействия способствовали взаимопроникновению методов функционального решения, объёмно-планировочных приёмов и композиционных средств.

В то же время, философия и отношение к жизни каждого из этих народов изображают своё видение через архитектуру и искусство. Так, формы эмоциональной взаимосвязи людей и окружающей их среды выражены в *Японии* «условными изгородями», в *Китае* – мощными стенами [96, с. 56]. Объясняется это тем, что культура любого народа как национальна – индивидуальна и неповторима, так и интернациональна – способная к взаимовлиянию и сближению с чужими культурами.

Вне всякого сомнения, что *региональные и национальные* особенности выступают в комплексе, во взаимосвязи [237]. Вследствие того, что исторические события и обстоятельства способствуют изменению национального характера, устоявшегося уклада жизни и психического склада, принципы формирования национальной архитектуры могут адаптироваться к новым условиям путём отказа от устаревшего опыта и принятия новых; выработки прогрессивных традиций; мудрого симбиоза традиций и новаторства. Такую трансформацию национальной архитектуры можно рассматривать как проявление поиска регионального своеобразия.

Наделённое общими чертами национальное зодчество народов в схожих условиях под влиянием исторического, социально-политического развития территории, принципов расселения, культурного взаимодействия и взаимовлияния начинает приобретать своеобразную окраску региональной идентичности. Так, территории стран прибрежного региона у Балтийского моря (Литва, Латвия, Эстония, Польша, Калининградская область) объединены историко-культурными аспектами и схожими климатическими условиями. Это продиктовало тождественность строительных традиций в архитектуре, ясно прослеживавшихся в архитектурно-планировочных и образных решениях сооружений, сформировавшихся вследствие периодических экспансий и

миграций. О том, что в прошлом Восточная Пруссия господствовала на большей территории региона, напоминают кирхи – сооружения церквей из красного обожжённого кирпича с черепичными кровлями и высокими шпилями, которые возвышались над поселением и были видны со всех его концов. Значит, национальные признаки стран-соседей, зачастую, приобретают *региональную общность*, но при этом, не теряя своей специфичности и своеобразности. В Казахстане и регионах Центральной Азии это выражено в одинаковых планировочных принципах, обусловленных схожими условиями жаркого климата, укладом жизни и традициями, местных строительных материалов, с использованием которых строились глинобитные жилища с внутренним двором, лоджиями и другими приспособлениями для создания теневых и проветриваемых зон. При этом стоит отметить отличительные нюансы, обусловленные культурой, бытом, традициями: так, в Узбекистане дом в Бухаре строился с замкнутым внутренним двором, а в Хиве, напротив, для улучшения микроклимата был предусмотрен открытый ветру айван.

Учёные рассматривают климат и местные материалы не только как часть национальной самобытности архитектуры, но и как факторы формирования *региональной общности*, объясняя это тем, что один и тот же материал может различаться даже в одном и том же общем климате и культуре, а сложившаяся за столетия особенность восприятия формировали картину национального в архитектуре [56, с. 101-105] [63, с. 166]. Следовательно, природно-климатические условия, характерные для конкретных климатических поясов в пределах одного материка с закономерным профилем хозяйства и образом жизни населения, строительные материалы этой территории, в конечном, счёте определяли региональные особенности, а не национальные.

Ш.Аскарров в *«региональном»* видит гармоничное «...взаимовлияние и взаимообогащение...принципов современного градостроительства и традиций градостроительных культур Востока...», путём продуманного синтеза традиционного зодчества с достижениями глобальной архитектуры [96, с. 7-10].

В целях раскрытия понятия *«регионализм»* применительно к архитектурной науке Казахстана, в трудах Г.Абдрасиловой рассмотрены понятия «регион» и производные от него «региональный», «регионализм», «регионалистика» в различных областях знаний. В результате проведенного исследования определены стратегические направления сложения региональной архитектуры и градостроительства Казахстана в XXI веке, рассмотренные согласно таксономическим уровням, особенностям формирования пространства поселений и сложения форм. На основе проведённого анализа выведено понимание регионализма как архитектуры, характеризующейся совокупностью устойчивых черт, продиктованных местными природно-климатическими, историческими, культурными, национальными обстоятельствами, и ориентирующей на комплексное решение проблемы формирования среды [116, с. 62]. В диссертации «Своеобразие национальной архитектуры» Д.Тойшубеков региональную архитектуру не относит к каким либо стилям, а

считает её комплексным подходом в формировании современной архитектуры [161, с. 77-80].

Рассмотренные направления раскрывают только один или несколько аспектов поиска идентичности в архитектуре. Так, к архитектурным течениям XX века, наиболее отражающим учёт и уважительное отношение к местному географическому, историческому и культурному окружению, в той или иной степени, относятся: *национальное зодчество, органическая архитектура, контекстуализм*. Вместе с тем, такие направления в архитектуре, как *эklekтизм, конструктивизм, модернизм, функционализм, интернационализм* и др., проявляют отчуждённость к локальному климату, культуре, традициям, с образными, формально-ассоциативными и внутренне планировочными коллизиями в силу целесообразности чистых форм и функционального соответствия (Рисунок Б. 1, Приложение Б). В результате анализа факторов сложения мировых архитектурных стилей выявлено, что только региональная архитектура объединяет в отличие от остальных течений, не является каким-то узким направлением, а представляет собой комплекс характерных признаков в локальном контексте, с учётом глобальных тенденций.

Нами приведена схема, иллюстрирующая эволюционную последовательность развития архитектурных стилей и направлений от вернакулярной до региональной архитектуры, где выявлены взаимосвязь и взаимовлияние между каждым последующим этапом (Рисунок Б. 2, Приложение Б). Можно проследить своеобразный генезис и рост регионализма: «эволюцию» от вернакулярной и национальной архитектуры до критического регионализма. Вернакулярная (народная) архитектура в пределах одной народности (поселения) складывалась на основе решений первостепенных задач: защиты жилой среды от негативных воздействий природно-климатических условий; организации комфортного бытового пространства, обусловленного местными традициями и культурой; формирования с помощью мифов и образов «духа места». Далее можно отметить трансформацию вернакулярной архитектуры в более осмысленный вид – национальную, в которой учитывается историко-культурный контекст места, природно-климатический каркас региона, быт, психический склад и традиции народа с использованием зрительных и эмоциональных ассоциаций из многовекового опыта народного зодчества.

Тем временем, между органической архитектурой, контекстуализмом и регионализмом тоже можно провести аналогии по вопросу деликатного взаимодействия архитектурной среды с окружающей. Однако, проблема региональной идентичности не решается лишь уважительным отношением к живой природе, сохранением местных силуэтов и основной концепции существующей архитектурной среды. В контексте названных задач требуется: соответствие культурному коду региона хранящему «генетическую память» или «дух места»; совершенствование приёмов и методов поиска своеобразия на основе взаимодействия исторического опыта и нового современного прочтения традиционных форм, элементов по принципу преемственности; формирование

«родной и близкой» среды на основе выявления глубинной сути местной архитектуры.

История проблемы региональной архитектуры, ступени и этапы её формирования были рассмотрены в трудах ряда исследователей разных исторических периодов.

Учёными–пионерами региональной архитектуры А.Тзонисом и Л.Лефевр были рассмотрены уровни регионализма от примитивного понимания к высокому уровню трактовки проблем [64, с. 4, 7, 14]:

- *регионализм местный* (национальная архитектура без связи с мировой);
- *регионализм романтический* (сочетание местного зодчества с мировыми архитектурными унаследованными течениями, такими как готика, романский стиль и др.);

- *регионализм критический* (местные особенности сочетаются с современными технологиями). В связи с постепенным исчезновением традиционной архитектуры, базировавшейся на этнических особенностях, в XIX в. наблюдалось интенсивное развитие *регионализма романтического*, основанного на технических достижениях и выборе региональных элементов «симпатичных» памяти. Приём бережного отношения к региональным географическим условиям, формам и символам был впервые указан авторами как «*критический регионализм*».

Регионализм критический – это поиск уникальных путей усиления своеобразия региональных форм в архитектуре современными методами при одновременной сосредоточенности на человеке, его принадлежности к данному региону, чувстве места. Учёные рассматривают регионализм в виде «нити», сочетающей в себе связь различных направлений и стилей с формами, возвращенными «духом места». По их мнению, «продолжением нити» является критический регионализм с «непростым переплетением волокон» [64, с. 21].

На необходимость обязательного обращения к условиям местного климата и ландшафта с целью адаптации к ним современных тенденций в архитектуре указал в своей работе Кеннет Фрэмpton. Критический регионализм – это творческое переосмысление и критическое восприятие влияния извне при одновременном уважении к географическому контексту среды, климату, свету, строительным традициям [67, с. 20-23]. Им отмечено, что даже конструктивный рационалист О.Шуази в вопросе взаимосвязи с природными условиями придерживался принципа обусловленности «...средой, в которую здание вписано...», а французский теоретик архитектуры Виоле-ле-Дюк призывал к отказу от безликого интернационализма к региональной артикуляции архитектуры [224, с. 32] [98, с. 27-29]. Чувство природы, история, техника, и методология проектирования названы основными факторами формирования критического регионализма, где наиболее значимый и высокоразвитый порядок можно найти в природе, а история – богатый источник архивов значений и смыслов [238]. Разумеется, главной целью критического регионализма является удовлетворение потребностей людей в контакте с природой, историей и традициями.

Создание архитектуры в конкретном месте и контексте времени, включение окружающей природы в её концепцию чётко иллюстрируются в некоторых проектах XX века. Так, архитектура «Солнечного дома» Э.Шнайдера-Весслинга с отсылкой на идеи социо- (био) реализма Р. Нютры (Dr. Menzel Landstühl, Германия, 1983 г., E.Schneider-Wessling) характеризуется выраженным чувством идентичности, обусловленной функциональными потребностями и экологическими проблемами. Проект «Nikolai Centrum» (Osnabrück, Германия, 1975-1984 гг., E.Schneider-Wessling), несмотря на применение современных материалов, отличается принадлежностью и близостью к контексту места и гармоничным сочетанием современной реконструкции с исторически сложившимся районом [68, с. 124-126]. В работах Р.Спенса и его партнёров (Parliament Building Competition, Лондон, 1972 г., R.Spence; Energy House, Milton Keynes, 1982 г., R.Spence and Webster) прослеживается забота об естественном освещении, отказ от формальных ассоциаций с прошлым, использование промышленной стали и кирпича, соответствие контексту путём визуальных взаимосвязей внутренней и внешней среды [239].

Один из современных исследователей М.Искандаров опыт национальной (региональной) архитектуры в пределах территории России делит на следующие периоды [101]:

- *стихийный период*, обусловленный ландшафтом, климатом и бытом населения;

- *период*, сформированный под влиянием *религиозного* мировосприятия;

- *период влияния классической западной культуры* - прочтение классической западной архитектуры через призму регионального контекста (русский ампи́р, екатерининский классицизм, архитектура «бель-эпо́к»);

- *конструирование национального стиля* (XIX в.) - неорусский стиль, с образами допетровской и византийской культур;

- *модерн* (XX в.) - появление романтическо-национального и псевдорусского стилей (представители: Ф.Н. Шехтель, А. Щусев и др.);

- *неоклассические поиски* (1910 г.) - русский ампи́р как национальная архитектура;

- *советская архитектура* (1930-1950 гг.) с идеологическим подтекстом - «сталинская». В период «сталинской» архитектуры впервые на территории Советского Союза поиск регионального своеобразия во внешнем облике зданий получил широкое распространение, позволив национальным республикам выразить свою самобытность через узнаваемую региональную или национальную архитектуру.

- *архитектурные теории СССР* как последний период с развитием ряда концепций пришёлся на 1970-1980 гг.

В.Куршакова и Ю.Янковская (УралГАХУ) выделяют следующие уровни региональной архитектуры [228] [229]:

- *низший* – архитектура отражает климат, политические и социальные реалии и т.д.;

- *промежуточный* – архитектура создаётся не только путём учета местных материалов и климата, но и на основе симбиоза устоявшихся традиций с современными тенденциями в архитектуре и строительстве;

- *высший* – органичное прочтение традиций в сочетании с применением современных технологий.

Профессором КГАСУ (Казань, Россия) Г.Айдаровой рассмотрен теоретический и практический опыт национальных и региональных изысканий архитектурно-градостроительных типов на разных этапах истории к которым, иногда обращалась архитектура Татарстана. История развития архитектуры Татарстана учёным разделена на периоды от доисламского, исламско-христианского до советского и далее – постсоветского. Им определены основные пути формирования национально-региональных традиций как противостояние процессам глобализации [240] [241]:

- эволюционный путь - в рамках народной архитектуры;

- взаимодействие традиций в архитектуре в пределах культур и регионов;

- целенаправленное сложение национального стиля.

Ш.Аскарлов называет пять этапов эволюции национальной архитектуры в региональное в Центральной Азии [96, с. 20-22]. К первому этапу относятся «...ярко выраженные местные признаки восточного стиля дореволюционного Туркестана...»; ко второму - национальное самоопределение в 1920-е годы национальных республик с «...ограниченным видением традиций в пределах республиканского наследия...»; к третьему – стиль «Восток плюс классика» 1930-1950-х гг.; к четвёртому - влияние научно-технической революции, научных исследований в сочетании с внешними композиционными декоративными приёмами выражения *национальной* архитектуры и учётом климата, традиционного зодчества, быта как факторами выражения *регионального* своеобразия. Пятый этап видится автору как критичное понимание региональной архитектуры, «...трансформирующейся через опыт людей данного места...».

В трудах Б.Глаудинова, несмотря на отсутствие чёткой периодизации регионализма в Казахстане, можно выявить, что к *первым признакам* регионализма учёным отнесены Дандыбай-Бегазинские памятники (поздняя бронза XII-XI вв. до н. э.), *романтически-национальным направлением* определено зодчество периода принятия Казахстаном царского подданства (конец XIX века – начало XX века) [19, с. 7, 227]. Период со второй половины до конца XX века, начиная от 1950-х гг. Б.Глаудинов характеризует как «...новый путь...» поиска региональной идентичности и национального своеобразия, «...высокотехнический и далёкий от механического воспроизведения старых форм и приёмов...» [20, с. 361].

В результате исследования и выявления терминологического аппарата, факторов формирования и тенденций развития региональной архитектуры и градостроительства Казахстана Г.Абдрасилова в своих трудах выделила следующие стадии регионализма Казахстана [116, с. 67]:

- «регионализм национальный» (юрта, казахские мавзолеи);

- «регионализм романтический» (проекты для оседающих кочевников (1920-1930-е гг.), «казахская классика» 1940-1950-х гг.);

- «регионализм критический» - архитектура знаковых общественных сооружений Алматы (вторая половина 1970-1980-е гг. и современное творчество отдельных архитекторов). Этот этап характеризуется отказом от прямого цитирования традиционных форм и элементов, переходом к ассоциативности образов и совершенствованным принципам организации среды.

Д. Тойшубеков подразделяет региональную архитектуру на три уровня, где *низший* обусловлен лишь климатом, социальными и политическими условиями, *промежуточный* - поиском самобытности путём попытки синтеза традиций с новыми архитектурными тенденциями; *высший* – органичным преломлением традиций в сочетании с современными технологиями [161, с. 77-80].

Таким образом, анализ трудов учёных показал, что в различный период времени в основе каждого отдельно взятого региона (Европа, Россия, Центральная Азия и Казахстан) содержался большой исторически сложившийся пласт «примитивного регионализма». Он был, в основном, обусловлен ландшафтом, климатом, бытом и религиозным мировоззрением как по Б.Глаудинову, «местным» по А.Тзонису и Л.Лефевру, «стихийным» по М.Искандарову или «национальным» по Г.Абдрасиловой и далее приобретал очертания «романтического-национального» направления, обусловленного национальным самоопределением под влиянием заимствований научно-технического прогресса (Рисунок Б. 3, Приложение Б).

2.2 Ареалы развития региональных подходов в архитектуре XX века

Одним из основных факторов формирования региональной архитектуры и её дальнейшего развития является обеспечение конкретных климатических моделей в пределах географических зон, подкреплённых устойчивыми поселениями с длительной индивидуальной историей и богатым культурным контекстом ввиду разнообразных этнических групп [63, с. 166]. Регионализм, способ достижения своеобразия в архитектуре путём учёта строительного опыта данного региона и местных традиций в сочетании с функционализмом, современными технологиями получил большее признание в странах Северной Европы, затем Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, в Японии, Китае и др. (Рисунок Б. 4, Приложение Б).

Универсальные градостроительные и архитектурно-планировочные приёмы модернизма в виде линейной застройки из простых и строгих объёмов в основном, с плоскими кровлями, без учёта специфики природно-климатических условий продемонстрировали свою несостоятельность в организации комфортной среды жизнедеятельности. В начале XX века одними из первых, кто отказался от стандартизации приёмов и форм, и перешёл к принципам деликатного отношения к локальным условиям были страны Скандинавии. Местная природа и климат (активный ландшафт, холодные зимы с большим количеством снега) продиктовали соответствующие приёмы

адаптации пространственной среды: замкнутая и полузамкнутая застройка, повторяющие силуэт горного рельефа; протяженные или криволинейные в плане здания со скатными кровлями; устройство тёплых подвалов для сохранения тепла в помещениях на нулевой отметке; уменьшение площадей окон и т.д. Использование традиционных материалов, таких, как камень, кирпич, дерево удовлетворяло эстетические требования населения и стало характерной чертой региональной архитектуры скандинавских стран. Особое проявление признаков скандинавского регионализма видно в работах финского архитектора Алвара Аалто.

Многогранное творчество А.Аалто отражает влияние новаторских идей нового направления в архитектуре 1920-1930-х гг. таких мастеров как В.Гропиус, Ле Корбюзье, Ф.Л.Райт. Вдохновляясь их произведениями и синтезируя их с творчеством финского представителя рационалистической архитектуры С.Фростеруса и бельгийского архитектора Ван де Вельде, Аалто развил свой индивидуальный путь, связанный с региональной обусловленностью. Его работы цитируются теоретиками и практиками архитектуры как наиболее удачные примеры регионализма [64, с. 19] [242].

Архитектором учитываются индивидуальные потребности и психология людей как потребителей архитектурной среды, рельеф и природно-климатические условия, культура и традиции Финляндии в симбиозе с новаторством. Концепция сохранения первоначальной топографии местности, использование местных строительных материалов и традиционных форм находят своеобразное воплощение в проектах А.Аалто как взаимосвязь архитектуры и естественного окружения - важное условие жизнедеятельности человека.

Нельзя сказать, что А.Аалто создавал этнически чистую финскую архитектуру. Творя на стыке современной западной архитектуры, финской культуры и самобытности, А.Аалто, вдохновляясь живописными очертаниями финских озёр, с помощью пластических фасадов, плавных изгибов линий придавал своим произведениям многослойность и выразительность. Это было скрещивание прошлого и будущего, его индивидуальное, как автора произведений выражение и видение регионального. При этом его интересы как архитектора не превалировали над местным природным, социальным, культурным контекстами и строительными материалами.

Любовь к природе, местным материалам и традициям наглядно проявилась в строительстве виллы Майрея (1941 г., Нормаркку, Финляндия), где гармонично сочетались принципы народной и современной архитектуры. В проектировании дома из системы опор и несущих стен внимание уделено организации свободных пространств, естественному освещению и живописности форм и отделки стен.

Здание муниципалитета в Сяюнятсало (1949-1952 гг.), в строительстве которого были использованы красный кирпич и дерево, можно считать симбиозом традиционной и универсальной (мировой) архитектуры:

рациональное применение модульного, экономичного, бетона с органическим взаимодействием интерьера и света.

Анализируя приёмы использования естественного освещения, строительных материалов, взаимосвязи архитектурного объекта с окружающим ландшафтом, рельефа местности в проектах А.Аалто, можно сказать, что философскую основу его работ составляет человек и гуманное к нему отношение через органичное взаимодействие искусственной среды с живой.

Строения, деликатно вписанные в локальный ландшафт, выражают «чувственную» связь с землёй, где природа буквально пронизывает формируемое пространство [224, с. 168, 330, 367]. Эта идея «genius loci» способствует созданию яркой региональной самобытности и достижению психофизиологического комфорта [64, с. 7] [243] [244]. Одновременно с этим, конструкции из традиционных материалов (например, гнутых древесноклеевых и др.) как неотъемлемая эстетическая составляющая архитектуры, стали характерной чертой скандинавского регионализма [119, с. 27-28].

В.Орфинский и Э.Хейккинен характеризуют архитектуру Финляндии как регион, имеющий некий код в пределах «символических» культурных границ, где «...при продвижении от центра к периферии наблюдается активное усиление специфической их выразительности. Вблизи границ культурного региона символический смысл, заложенный в различных предметах и образах, приобретает особенно яркие формы...» [42, с. 7]. Например, в проектировании здания музея искусств в Олборге (Дания, 1958-1972 гг.), эффектно вписанного в существующий ландшафт холмов, оттеняющих выразительный силуэт музея, А.Аалто придерживался органичности гибкого пространства и освещения. Как известно, при проектировании музеев, в зависимости от технологических требований формирования среды, во избежание разрушительного воздействия естественного света на экспонаты ввиду их чувствительности, была решена требуемая схема рассеянного естественного освещения галерей в виде архитектурного воплощения в «знаковом» элементе образа.

Используя свет как элемент природы и средство связи здания с естественной средой, Аалто виртуозно решает техническую задачу оптимальной освещённости залов с помощью ассиметричных световых фонарей. Пластическому единству здания, напоминающего огромный зиккурат, и окружающего ландшафта с активным рельефом, способствуют эксперименты контрастных взаимодействий мрамора, стекла, медных листов и дерева.

Современная региональная архитектура Финляндии как наследие прогрессивных архитекторов XX века С.Фростеруса, Э.Брюггмана, А.Аалто, характеризуется выраженной связью архитектуры с природой, предпочтением традиционных для скандинавских стран строительных материалов, таких, как натуральный камень, кирпич, дерево. Вдохновляясь живописными очертаниями финских озёр, скал, водопадов и учитывая климат, финские архитекторы использовали приёмы, ставшие характерными для скандинавского регионализма: скатные кровли в условиях высокого уровня снегопада, особое

внимание естественному освещению, плавные изгибы линий фасадов и планов для выразительности образа, повторяющего существующий ландшафт.

Показательным примером естественного включения современного здания в устоявшуюся ткань города является музей современного искусства Киасма (1998 г., Хельсинки, арх. Стивен Холл). Здание музея - криволинейное в плане. Динамичный фасад состоит из криволинейных и прямолинейных плоскостей, строится на контрасте цветовых решений и материалов, а также сбалансированного соотношения искусственного и естественного освещения. Архитектура музея обогатила визуальный образ существующего городского пространства, став неотъемлемой частью его эмоциональной атмосферы. Гармония сочетания современного здания с традиционной городской средой подчеркивается соседством со зданием Малого Парламента на противоположной стороне одной из главных улиц Хельсинки - проспекта Маннергейма. Сооружение словно подражает композиции здания музея использованием аналогичных принципов, основанных на контрасте плоскостей, форм и материалов [245, с. 26-31].

Последователь А.Аалто - Йорн Утзон, также использовал способ индивидуального выражения региональных особенностей окружающей среды. Вдохновившись принципом единства в облике деревни и ландшафта по типу североафриканских поселений *касбы* в Марокко, Утзон раскрыл региональную сущность пространств жилых массивов Кинго-хойзер (1956 г.) и Фреденсборг (1962 г.) в Дании по образу примитивных построек, но через своё видение выразительности фасадов, гибкости планов и соответствия композиции зданий топографии местности [232]. Касба (араб. - цитадель [181, с. 109]), ячеистый многоярусный квартал из жилых домов с плоской кровлей-террасой и дворами, активно взаимодействует с существующим рельефом и ландшафтом. По такому принципу непрерывной «...взаимосвязи разнородных открытых и закрытых пространств, сомасштабных человеку...» был создан Средиземноморский «конструктор» Испании, Италии, Нидерландов [95, с. 34-38].

Как противоположное европейскому интернационализму, контекстуализм определил существенные тенденции формирования регионализма. Модули жилых массивов по типу «касба», адаптированных к контексту местности и представляющих собой рациональный симбиоз традиционной и мировой культуры, можно отнести к *критическому регионализму*. К примеру, контекст местной среды учитывался в деревнях Удайя (Марокко), М'Заб (Алжир) и средиземноморских городках на холмах из однородных домиков, где одновременно решались проблемы социального равенства. Впоследствии, суть такого метода создания целостной структуры из архитектурной среды и естественного окружения была положена в основу разработок французских архитекторов 40-е гг. XX века. По мнению Ш.Аскарова, тем самым был создан прецедент «...контакта современной архитектуры с региональной культурой...», повлекший за собой требование соответствия нового строительства реалиям местности, т.е. развития *контекстуализма*. Так, с

помощью средств традиционной архитектуры формируется «...реальность современного процесса урбанизации...» [95, с. 68, 38].

Архитектура Латинской Америки – следующего ареала развития региональных подходов в архитектуре XX века связана с работами таких архитекторов, как Оскар Нимейер и Афонсу Рейди в Бразилии, Луис Барраган в Мексике, оперировавшими выразительными фасадами с динамичными формами, смелыми цветовыми решениями, связанными с национальными традициями декорирования. Сложение яркого образа архитектурного языка этого региона было обусловлено местным климатом, ландшафтом, спецификой национальных особенностей и эстетических предпочтений. Пластичность объемов криволинейных форм, в основе своей выражавших экспрессивный темперамент коренного населения, был усилен неординарным решением солнцезащитных приёмов, продиктованных условиями жаркого влажного климата. Так, выступающие тентовые навесы, козырьки, решётки и другие солнцезащитные устройства с богатой фактурой строительных материалов придавали скульптурность и монументальность образной композиции сооружений.

Становлению современной региональной архитектуры также способствовали принцип взаимодействия внутреннего пространства с природным окружением и синтез искусств с включением в общую композицию декора, живописи и элементов ландшафтного искусства. В особенности это ярко проявилось в архитектуре Мексики – преемнице культуры инков, майя, ацтеков и других древних народов, активно применявших рельефы с культовыми и символическими изображениями.

Отказавшись от принципов безликой интернациональной архитектуры, мексиканские архитекторы с помощью синтеза искусств старались найти собственной путь выражения регионального своеобразия в современной архитектуре. Так, в проектировании университетского комплекса в Мехико (1946-1950 гг.) кроме архитекторов Марио Пани и Энрико дель Моралес приняли участие и художники-монументалисты Д. Ривера, А. Сикейрос и др. Расположенный в холмистой местности комплекс демонстрирует выраженную живописность и взаимосвязь с окружающим пейзажем. Здесь был активно использован местный материал вулканического происхождения в облицовке сооружения в виде рельефных тотемных рисунков, мозаики и оптимального озеленения территории; насыщенный традиционный рисунок покрывает стены здания библиотеки, а монументальная живопись – стены здания медицинского факультета и т.д. Сейчас университетский комплекс является ярким региональным образцом, построенным на органичном синтезе монументального искусства и архитектуры, уважении к этническим ценностям и новаторству.

К наиболее ярким образцам самобытной архитектуры Бразилии относятся оригинальные работы Оскара Нимейера, отличающиеся пластичностью, грандиозностью и фантастичностью форм из железобетонных конструкций, такие как Кафедральный собор (г. Бразилиа, 1960-1970 гг.), Дворец

Национального конгресса (г. Бразилиа, 1960 г.), Музей современного искусства (г. Нитерой, 1996 г.) и др. Кафедральный собор представляет собой огромный свод, сложенный из изящно изогнутых бетонных пилонов, создающих уникальную динамичную форму раскрывающихся лепестков, рук или короны. Удачное сочетание бетона и стекла придают особую эмоциональную легкость всей конструкции и завершенность композиционному замыслу автора [246].

Во время строительства новой столицы Бразилии (1953 г.) патриотический порыв в союзе с полётом творческой мысли О.Нимейера привели к рождению нового регионального языка в местной архитектуре, где новаторство было усилено национальным своеобразием и самобытностью, а монументальность, массивность и контрастность объёмов (на примере дворца Национального конгресса Бразилии и организации пространства главной площади) решали идеологические задачи страны того периода.

В строительстве здания дворца Правосудия (1970 г., О.Нимейер) проблема адаптации к жаркому влажному климату была решена с помощью массивов солнцезащитных козырьков, поддерживаемых ритмом арок и вертикалей планок-стенок, способствующих формированию своеобразия в современной локальной архитектуре.

Так, региональная архитектура Латинской Америки складывалась по пути создания смелых динамичных и выразительных форм путём сочетания национальных характеристик с новаторством, основанным на новых технологиях инженерии и строительства.

Значительный интерес представляет особый путь формирования региональной архитектуры Японии, основанной на обращении к традициям путём использования символов и ассоциаций, исключая бесосновательное украшательство. Главной особенностью японской архитектуры является её взаимосвязь с природой с помощью раздвижных и подъемных ограждающих конструкций. Характерные для регионального зодчества лаконичность модульной системы по принципу сборного строительства, сохранение первоначальной фактуры и естественного цвета применяемых строительных материалов, использование форм и силуэтов, присущих традиционным культовым сооружениям гармонично сочетаются с современными направлениями и стилями в архитектуре, такими, как модернизм, функционализм, метаболизм, минимализм и т.д.

Особенное интенсивное развитие японского регионализма проявилось в середине XX в. после Второй Мировой войны в период политических и социально-экономических преобразований с целью национального возрождения. Это привело к интенсивному строительству множества жилых общественных зданий, вовлекавших население в активную деловую, культурную спортивную жизнь. Японские архитекторы пошли по собственному пути проявления регионализма в современной архитектуре - отказались от цитирования национальных форм и элементов. В то же время, использовали имитации с органичным преломлением традиций, активно применяя оболочки, висячие вантовые конструкции из сборного и монолитного железобетона, что

связано с традиционными деревянными стоечно-балочными конструкциями, исключавшими сводчатые и купольные системы.

К примеру, при реконструкции в 2004 г. архитектором Рёдзи Сузуки синтоистского храма в городе Котохира в Кагава, датируемого I-м веком, и расположенного на плоской поверхности с роскошным видом на живописный пейзаж из гор, скал и деревьев, были использованы современные приёмы и материалы с деликатным вмешательством в целостность исполнения традиционности. Вся планировочная структура была построена на уважительном отношении к природе и чувствам верующих: минимум изменений в существующий ландшафт путём создания искусственного грунта, и переходов с подпорными стенками. Был сохранён акцент на горизонтальной плоскости - «абсолютной горизонтали», дифференцирующий мир на два духовных уровня; аккуратно введены стальные конструкции и стекло; а кровля, как характерная черта в японском зодчестве, была сделана из дерева и покрытая традиционной глиняной черепицей.

Одним из основоположников современной архитектурной школы Японии, предложившим синтез принципов интернациональной архитектуры с оттенками национальных традиций, является архитектор Кендзо Танге. Он определил направления современной архитектуры Японии: простота форм и функциональная обусловленность художественного замысла; гипертрофированность габаритов сооружений, масштабов конструкций и деталей, сохранение естественности фактур и текстур материалов; отказ от необоснованного декора и орнамента.

Проекты К.Танге (Мемориальный комплекс, г. Хиросима, 1956 г.; здание ратуши, г. Курашик, 1960 г.; Олимпийский комплекс, г. Токио, 1964 г.), основанные на принципах функционализма, характеризуются как отсылки к древним японским строениям (массивные выносные кровли, горизонтальные членения и т.д.), так и новаторским подходом к воплощению самобытных художественных образов и идей с применением железобетонных конструкций. Архитектор К.Танге создавал монументальные, динамичные и скульптурно-пластичные образы с лёгким оттенком традиционности, как в случае с сооружением спортивного комплекса, приуроченного к Олимпиаде-1964: криволинейный силуэт висячих покрытий спортивных залов из современных конструкций воссоздаёт прообраз традиционных кровель японских храмов. Работы К.Танге демонстрируют, что обращение к прошлому опыта состоит не в прямом цитировании приёмов и форм, а в преломлении старого в синтезе с новым, когда наблюдается постоянная самоорганизация - синергия и взаимосогласованность.

Одновременно национальная архитектура Японии, складывающаяся на обращении к традиционному зодчеству, придерживалась путей поиска глубинной сущности контекста и философии места. Так, в архитектуре Японии зародившись в конце 50-х годов XX века, прочные позиции заняло течение, получившее название *метаболизм* (фр. *métabolisme* - превращение, изменение). Концепция метаболизма связана с традиционным зодчеством и развитием

современной архитектуры по законам живой природы в контексте изменяющегося времени. Модульная архитектура дома-башни Накагин (Nakagin Capsule Tower, г. Токио, 1972 г., арх. К.Курокава) как развивающийся организм из капсул и ячеек, ассоциируется с незавершённостью и недосказанностью, предоставляя простор для возможных её преобразований согласно требованиям времени [44, с. 177]. Такая незавершённая структура всегда открыта для взаимодействия с изменяющимся окружающим контекстом и непрерывного развития.

Такие факторы, как обожествление и созерцание природы, отрешённость и сосредоточенность в себе, закреплённые религиями синтоизма и буддизма в сознании восточных народов, сформировали особый путь традиционной архитектуры Восточной Азии [96, с. 55] [44, с. 183]. Параллельно с готовностью к «диалогу» с внешними воздействиями японская архитектура акцентирует внимание на обязательных визуальных пустотах, незадействованных промежуточных пространствах между упорядоченной внутренней средой и «живым» изменчивым окружением: «...у японцев есть слово *МА*, близкое по значению к пустоте, ...которой не хватает архитектуре...» [66, с. 37]. Такие пространства как веранда между жилыми комнатами и садом, внутренний двор, площадка перед небоскрёбом являются местом для «...смысловых контактов людей с окружением или между собой, ...созерцания, размышления, отрешения, что характерно религиям буддизма, индуизма, ...непрерывной связи здания и его окружения...» [96, с. 56]. Японские архитекторы пытались найти сущность традиционной архитектуры и её принципы построения пространства на основе взаимоотношений с природой, человеком, а также временем.

Особый интерес представляют работы японского архитектора, лауреата Притцкеровской премии, Тадао Андо, создающего «пространства-пустоты» через геометрию простых форм. С помощью пустых пространств, лишённых какого-либо материального наполнения, Т.Андо выражает обращённость в себя, создаёт лёгкость и эмоциональность пустот. Являясь сторонником максимальной пластической целостности строения и природного ландшафта, Тадао Андо в качестве основного инструмента использует окружающую среду. Индивидуальность его творчества раскрывают ряд проектов и уникальных строений: Часовня Света (1987-1989 г.), Музей литературы (1994-1996 г.), Музей искусств Титю (2004 г.), Художественный музей Кобе (2002 г.), и др.

В формировании архитектурной среды и создании художественного образа Т.Андо предоставляет доминирующую роль окружающей среде с её элементами и естественным ландшафтом. В решении художественного образа сооружения Тадао Андо использует приём гармоничной взаимосвязи архитектурной среды с естественным ландшафтом, обеспечивая включение в композицию элементов природы, создавая единый ансамбль.

В качестве элемента естественной среды Тадао Андо часто использует сочетание воды и её отражающую способность для достижения эффекта безмятежности и максимальной визуальной целостности здания с окружением,

где взаимное отражение в зеркалах водных и стеклянных поверхностей создает игру с вертикалями бетонных объемов [248]. Архитектор выбирает путь осмысленного сочетания сути национальных традиций с новыми прогрессивными подходами в мировой архитектуре.

Поверхностный поиск внешних форм, необдуманная изоляция от внешнего мира, ярая приверженность к традиционализму и национализму неотвратимо ведёт к архаике [96, с. 55] [182, с. 330]. «...Отношение к прошлому становится творческим лишь тогда, когда архитектор в состоянии понять его внутренний смысл...» [232, с. 362-363]. Японские архитекторы, нивелируя прямое цитирование традиционного зодчества, вычленили из него необходимое и универсальное, обогащая новаторский подход в возведении современных выразительных зданий и сооружений в гармоничном сочетании с окружением.

Корректное использование материалов с гармоничной организацией системы открытых и свободно перетекающих пространств и дворики с водоемами и озеленением, обилие естественного света – всё это традиционные приёмы современной региональной архитектуры Японии, как в примерах домов архитектора Варо Киши [249]. Сегодня типичной современной архитектурой для Японии является жилой дом, основанный на игре простых геометрических форм из стального каркаса и бетона, контрасте прозрачных и глухих поверхностей в плотной застройке города. В основе японского регионализма находится выявление национальной сущности с одновременной ориентированностью на новаторство и накопление опыта вследствие симбиоза Востока и Запада.

К проявлениям регионализма в архитектуре 1970-1980-х годов в странах Европы можно отнести некоторые тенденции обращения к восточным символам, выражающим региональную принадлежность. Символизм в архитектуре Востока в этот период выражал главные идеи, чувства и закономерности развития зодчества, классифицированный Ш.Аскарковым на три вида [96, с. 43-54]: 1 – обусловлен бессвязными отсылками к обычаям и традициям; 2 – основан на подражании примитивному облику восточных поселений из местного строительного сырья и имитации природы; 3 – отличается антиурбанистическим подходом организации среды при условии органичного сочетания архитектуры и ландшафта. Политические, экономические и социальные изменения послевоенных лет запустили механизм воздействия *глобальных* факторов (самоопределение новых государств после распада колониальной системы, рост миграции и увеличение городского населения, развитие нефтедобывающей отрасли и т.д.) (Рисунок А. 1, Приложение А). *Глобальные* факторы в свою очередь, помимо *непрерывных* факторов обусловили тенденции проектирования и строительства градообразующих объектов с ярко выраженными местными традициями.

Города бывших европейских колоний - сырьевых придатков ремесленного, аграрного или торгового характера, развивающихся стран Азии и Африки, имели чёткую упорядоченность и расчленённость по причине деления районов на «белые» и для «туземцев» [83, с. 27]. По мере роста городского

населения основой своеобразия восточных городов стали составлять ансамбли из торговых улиц, крытых общественных переходов и атриумов, композиции, способствовавшие прохладе из воды, зелени и архитектурных форм. Так, была создана модель формирования поселений Центральной Азии, Ближнего и Переднего Востока, привязанная к окружающей природе и представляющая собой системы сообщающихся компактных пространств [96, с. 86-89]. Патрик Джедс в начале XX века в своей книге «Эволюция городов» (1932 г.) первенствующее значение в полноценном развитии городов придаёт влиянию окружающего ландшафта, географического положения региона и его климатических условий, тем самым, заложив фундамент для новой архитектуры, решающей современные проблемы [232, с. 411]. Европейские архитекторы вдохновлялись традиционными формами и элементами Востока: куполом, аркадой, вычурной лепниной с растительными мотивами т.д. К примеру, создание «оазисов» с помощью куполов, галерей, адаптированных к экстремальным условиям стало новаторским решением формирования внутренних пространств Паломнического центра в Мекке, представлявшего собой купольно-сводчатую железобетонную мегаструктуру (арх. Р.Гутборд, Ф.Отто) [96, с. 28]. Применение пластичных органических фактур и форм создавало видимость «единения с природой». Так, в контексте существующего окружения появлялись имитации визуальных характеристик строительных материалов под природное сырьё.

В Испании, примеру, наблюдался опыт подражания восточным мотивам, связанным с мавританским прошлым в национальном зодчестве VII-XIV вв. В современной архитектуре проявление особого интереса к экзотике арабского зодчества, «родственного» природным, сказалось в работах испанского архитектора Антонио Гауди. Однако, черпая вдохновение в восточном искусстве в творческий «мавританский период» или в волнистых очертаниях и изгибах живой природы, например, образа горы Монсеррат близ Барселоны, Гауди не имитировал и не копировал восточные формы или другие элементы [224, с. 102]. Более того, следуя развивавшемуся на тот период неоготическому стилю и идеям французского архитектора Виоле-ле-Дюка и английского искусствоведа Джона Рёскина, а также основам модернизма, главным образом, придерживался принципа критического осмысления моделей из прошлого и создал свой собственный стиль [250, с. 22]. Уникальный творческий почерк А.Гауди, взращенный на одновременном цитировании «востока» и «запада», способствовал формированию испанской региональной архитектуры и, в частности, города Барселоны.

Рассматривая страны Юго-Восточной Азии (Малайзия, Тайланд, Сингапур и др.), можно отметить сложный процесс формирования современной региональной архитектуры, основанной на обращении к традициям, культуре, религии и заимствованиями извне строительных приемов, обусловленных в основном, культурными взаимосвязями, выражавшихся в художественной трактовке космогонических образах и религиозных канонов в культовом зодчестве. Однако, в дальнейшем архитектура каждой из этих стран

развивалась по самостоятельному вектору, сообразно культуре, мировоззрению населения и особенностям социального, экономического, религиозного и политического развития.

Особый интерес представляет собой архитектура Куала-Лумпура (Малайзия), связанная с колониальным прошлым и выраженная в пёстром переплетении традиций и внешних влияний: от зодчества Великих Моголов, Тюдоров, неоготики, греко-испанской архитектуры до модерна, постмодерна и малайской исламской стилистики [251, с. 56-65]. Разумеется, большая часть сооружений была адаптирована к жарким и влажным условиям местного климата с использованием имеющегося строительного сырья.

В условиях развития индустриальной экономики структура развивающегося глобального города с конца 1990-х - начала 2000-х годов стала обновляться архитектурой в стиле позднего модерна и постмодернизма из высотных зданий со стеклянными фасадами. Вместе с тем, множество современных объектов г. Куала-Лумпура можно отнести к региональной архитектуре, основанной на вдохновении малайской культурой и традиционными предметами. Это выразилось в формах: малайского барабана – офисного здания «Lembaga Tabung Haji»; наклонного разреза бамбукового ствола – здание телекома «Telekom Tower»; ножен *кериса*, традиционного малайского кинжала – штаб-квартиры Maybank Tower; головного убора минангкабау – Дворца культуры «Istana Budaya». Разумеется, ислам как официальная религия Малайзии нашёл отражение в архитектуре, в особенности в Куала-Лумпуре. В силуэтах и структурах таких зданий, как комплекс Даябуми «Dayabumi Complex» и Исламский центр, Масджид Виляях, Масджид Негара отчётливо читаются формы мемориального зодчества (купол, минарет), исламские геометрические мотивы, арабская каллиграфия и т.д. Башни-близнецы нефтяной компании «PETRONAS Twin Towers» (высотой 452 м.), по проекту Сезара Пелли, являются примером постмодернистского «взгляда» на традиции в цельностеклянной оболочке, а в плане сооружения можно прочесть исламские геометрические мотивы.

Архитектура Таиланда, в особенности храмовая и дворцовая, легко узнаваемая из-за обилия ярких цветов, орнаментов и широких многоярусных крыш, базируется на смешении индийского, кхмерского, бирманского и китайского стилей. При этом, в современной архитектуре ни один стиль не доминирует, варьируя от постмодернизма и архитектуры высоких технологий до концептуальных укрупнённых форм-скульптур. Тем не менее, Тайланд это не только современные стили и направления, но и поиск регионального своеобразия, возвращенного к традициям и культуре места. Одним из примеров регионального романтизма Тайской архитектуры является кинотеатр Scala (1969 г., арх. Ч.Сильпаканок, Бангкок) - здание в стиле позднего модерна с внутренней отделкой в стиле ар-деко.

Климатические особенности Таиланда требуют максимальное затенение открытых плоскостей, как в случае конструктивного решения фасадов отеля «Indra Regent» (1970-е годы, арх. Ч.Сильпаканок, Бангкок) и офисного центра

«Srifuengfung». В зданиях традиционные солнцезащитные элементы эволюционировали в консольные выступы, навесы, ниши и т.д. в виде колючих узоров или остроконечных форм и придали региональный облик. Однако, настоящий региональный стиль края сформировался вследствие индустриального прорыва в конце XX века и такое сооружение как высокие башни Байок II «Baiyoke Tower II» (1997 г.) олицетворяют экономическую мощь страны и переход на новый технологический уровень в строительной области. Все вновь возводимые небоскребы обрели интернациональный облик с помощью стекла и бетона, формируя особую атмосферу города и оставив традициям место во внутреннем обустройстве интерьеров [252].

Турция - одна из стран Ближнего Востока также представляет интерес в вопросе развития региональных подходов в архитектуре XX века. В начале 1950-х годов в стране сформировалась прослойка архитекторов, ориентированных на западные учения модернистской архитектуры, соответствовавшей интернациональному стилю и рационализму. Символично, что процесс взращивания нового поколения архитекторов имел место в стенах государственного технического университета (1980 г., арх. Бехруз Чиничи, Анкара) METU, здание которого стало примером синтеза региональных традиций, технологических новаций и выразительного образного осмысления пространства. Прогрессивным поколением архитекторов в 1960-70-е годы была избрана чистота форм и функциональная целесообразность с нивелированием традиционных мотивов в архитектурном облике следующих зданий: бывшего отеля Grand Ankara - Rixos Grand Ankara (1960 г.), культурного центра Ататюрка (1969 г., Стамбул), отель "Мармара" (1976 г.) и др.

Развитие строительной индустрии с производством новых строительных материалов позволило архитекторам освободиться от жестких форм и перейти к новым методам строительства в 1980-х годах. Так, постепенно в архитектуре Турции выработалось собственное региональное направление, основанное на синтезе традиций и заимствований опыта передовых стран, позволяющее по-другому взглянуть на интернациональный стиль.

Таким образом, теория архитектурного регионализма сложилась в XX веке на основе выявлений противопоставлений или аналогий с различными направлениями и стилями в архитектуре, наглядно отображающими аспекты национальной или региональной принадлежности. Анализ развития региональных школ даёт возможность определить факторы формирования своеобразной архитектуры стран Латинской Америки, Скандинавии, Японии и т.д., выделить аспекты, способствовавших выбору конкретных стратегий в рамках регионального проектирования. Рассмотренный опыт архитектуры разных стран может быть заимствован для отечественной методики проектирования региональной архитектуры в аналогичном русле.

2.2.1 Основные направления и особенности развития градостроительства Казахстана до начала XXI века

До начала XXI века вопросы развития формообразования и проблемы национальной и региональной архитектуры были изучены на основе анализа исторических предпосылок, хронологически систематизированы в работах казахстанских учёных.

Города, существовавшие в Казахстане от древности до начала XX в. такими учёными как Т.Басенов, А.Маргулан, М.Мендикулов были выделены как *три типа*, согласно истории их возникновения и планирочной структуры, обусловленной бытом и образом жизни населения. К *первому типу* были отнесены города - Сайрам, Сыгнак, Шымкент, обусловленные социально-экономическими условиями феодальной эпохи; ко *второму* – Тараз, Туркестан, сформировавшиеся в начале XIX в.; к *третьему* - Семипалатинск, Верный, Усть-Каменогорск, Уральск, Павлодар, Петропавловск и др., возникшие и развивавшиеся в период присоединения Казахстана к России [35, с. 118] (Рисунок Б. 5, Приложение Б).

В VI-XII вв. происходит формирование Тюркских, Тюркешских и Карлукских каганатов, государства Огузов, характеризовавшиеся включением исламской религии в региональную мозаику верований из тенгрианства, зороастризма, манихейства и т.д., побудившее к массовому возведению мемориально-культурных сооружений, в свою очередь повлиявших на формирование пространственной среды поселений. Возвышавшиеся силуэты куполов в форме конуса (мавзолей Айша-Биби, XI в.), гофрированного шатра (мавзолей Бабаджи-Хатун, XII в.) или башен мавзолеев Сараман-коса и Бегимана (X-XI вв.) исполняли роль доминирующих элементов в степи, как в материальном, так и в духовном плане. Символизируя средоточие вечного покоя и устремления к небу эти сооружения, преимущественно из обожженного кирпича, камня-плитняка на глиняном растворе, обладавшие выдающимися художественными достоинствами, оказали большое влияние на осмысление пространственной среды поселений. Устойчивый расцвет оседло-земледельческой культуры Казахстана и Центральной Азии в таких городах, как Каялык, Карачук, Кедер, Кулан, Касриба, Джикиль, Отрар, Сюткент, Тальхир, Тараз, Янгикент и др., был основан на учёте функционального зонирования, организации соответствующего пространства для жизнедеятельности населения [122, с. 32] [6, с. 48] [253, с. 13]. Так, в структуре города, в особенности, в Каялыке, Отраре, Таразе были предусмотрены бани-хаммам, инженерное благоустройство с водопроводными каналами и системой орошения (в Таразе, Токабкете, Сукулуке) и т.д. Также города представляли собой центры торговли, науки, религии и искусства своего времени, где работали над своими исследованиями и произведениями философы, математики, музыканты и поэты (Абу Наср аль-Фараби, Махмуд Кашгарский, Юсуфа Баласагунский, Арслан-Баб и др.).

В послемонгольский период, связанный с разрушением большого количества поселений, развивались новые города по принципу преемственности с предыдущими традициями. Трёхчастная структура из *арка*, *шахристана*, *рабада* получила дальнейшее развитие. При этом, в таком

городище как Актобе (Степнинское, VI-XIII вв.) в Туркестанской области было два шахристана прямоугольной формы и городская округа с длинными валами. Так как южные города снабжались водой из водохранилища при помощи кяризов (Сауран, XIII вв.), создавались благоприятные условия для выращивания садов, виноградников.

Второй тип, предложенный Т.Басеновым, А.Маргуланом и М.Мендикуловым, представляет собой обособленный тип городов конца XIX века, сочетающих в себе градостроительный опыт России и местные региональные традиции народов Центральной Азии. Это выразилось в самобытном облике и своеобразной структуре таких городов, как Туркестан, Сузак, Тараз, через использование регулярного плана, характерного для европейского градостроительства и устройство системы озеленения и арыков вдоль улиц, свойственной городам южных регионов [35, с. 120].

Третий тип связан с периодом, когда с началом подписания в 1731 году акта о присоединении Казахстана к России регион перешёл на новый этап политических, экономических и социальных изменений, сопровождавшихся защитой границ огромной империи стратегически важными укреплениями, такими как Уральск (1613 г.), Гурьев (1640 г.), Усть-Каменогорск (1720 г.), Петропавловск (1752 г.), Семипалатинск (1756 г.), со временем превратившихся в развитые города.

Архитектурно-планировочная организация в городах *3-го типа* имела четкую регулярную (прямоугольную, реже многоугольную) структуру с примыкающей к ней слободой для казаков и переселенцев. С начала XIX в. на территории Казахстана обусловленные дальнейшей политикой колонизации, укреплением казачьих линий, переселением, освоением целинных земель, месторождений полезных ископаемых, развилось масштабное строительство крепостей, торговых пунктов, посёлков и т.д., в дальнейшем, постепенно выросших в промышленные, торговые, административные и культурные центры - Караганда, Успенка, Риддер, Зыряновск. Каркаралинск, Казалинск, Павлодар, Тургай, Темир, Джаркент, Форт-Шевченко и др. [15, с. 3-4]. Города, в основном, европейского типа формировались согласно устоявшимся градостроительным традициям чужой страны с эпизодическим учётом региональных особенностей местного климата по принципу архитектурно-планировочных характеристик городов Центральной Азии и южных территорий Казахстана.

Вместе с тем, Б.Глаудиновым выявлены основные факторы формирования и расширения городских поселений Казахстана, согласно «предназначениям»:

- в процессе освоения целинных земель (Целиноград-Нур-Султан);
- в связи с промышленным развитием республики, включая разработки месторождений полезных ископаемых с рыбным и нефтяным промыслом (Караганда, Каратау, Павлодар, Экибастуз, Ермак, Костанай, Рудный, Балхаш, Усть-Каменогорск, Шымкент, Жамбыл, Актобе, Гурьев-Атырау, Шевченко-Актау);
- в результате работы научно-исследовательских институтов (Алматы);

- по причине образования транспортных магистралей союзного значения (Арысь, Шу, Аягоз, Уштобе, Аральск) и т.д.

На базе предыдущих исследований, с целью понимания методов пространственной организации весь период освоения территории нашей страны нами рассмотрен как *три этапа* выражения регионального пространства: *средневековый* (I-XVII вв.), *фортификационный* (XVII в.- нач. XX в.), *производственный* (нач. XX в.) к которым относятся следующие типы городов соответственно: *торгово-ремесленный*; *колониальный*; *современный* (Рисунок Б. 5, Приложение Б). На основе определения причин возникновения поселений, факторов и закономерностей их формирования, композиционных форм выявлено, что каждый этап имел свою форму пространственного выражения, основанную на преемственности традиций, экономической или политической подоплёке. Развитие поселений, независимо от того, были они малые, средние или крупные, в региональных условиях происходило на основе взаимодействия городского пространства с местной природно-климатической средой.

Этап средневековый (I-XVII вв.). Обусловленные социальным развитием древние городища на территории Южного Казахстана в IV-V вв., сохраняя архаические черты, стали приобретать признаки поселений с дифференцированным порядком расселения. Интенсивное развитие зодчества в южной части Казахстана и частично в Семиречье объяснялось его стратегически удобным расположением. Соединявшая все народы Евразии трасса Великого Шёлкового пути, имевшая направление в VI-VIII вв. «Сирия – Иран – Средняя Азия – Южный Казахстан – Таласская долина – Иссык-Кульская котловина – Восточный Туркестан» через долины рек Чу, Таласа, Сырдарьи, Или, Талгар, играла существенную роль в культурной, социально-экономической и политической жизни Казахстана и Центральной Азии [211, с. 133] (Рисунок Б. 6, Приложение Б). Обширный материал по таким городищам, как Баласагун, Сайрам (Испиджаб), Сауран, Суяб, Тараз, Туркестан, Фараб (Отрар), Шавгар, Шаган (Жайык), Каялык (Койлык) и др., свидетельствует о развитой строительной культуре племён этого региона.

В период VI-VII вв. восточный иранский мир сосуществовал с тюркским народом в культурном взаимодействии в связи с активным переселением тюрков и завоевания ими новых земель, обусловивших им этнические контакты и с остальными народностями. Благодаря миграции тюркского альянса имело место форсированное расширение занимаемых ими территорий, способствующее росту числа оседлых регионов, органично соседствующих с кочевыми племенами [211, с. 123-125] [254]. Известно, что в модели мира мусульманского Востока, человек характеризовался целостным мироощущением и являлся осью всего мира, который «...не отчужден от него, он очеловечен и наделён человеческими качествами...» [182, с. 351]. В исламском зодчестве задачи защиты от окружающей природы и создания оптимального микроклимата способствовали формированию специфического пространства, основанного на замкнутых связях и ощущениях [96, с. 11]. В соответствии не только с природно-климатическими условиями, но и

восприятием человеком мира, издревле формировался определённый тип архитектурных пространств, отличающихся компактностью, замкнутостью по отношению к внешней среде и созданием оптимальных микроклиматических условий.

Остатки и развалины *средневековых* городов Казахстана *торгово-ремесленного типа* являются свидетелями истории, важных событий и доказательствами существования самобытной городской культуры и развития традиционного зодчества и искусства. Благодаря материалам археологических раскопок, исследований известно, что многие поселения на территории Казахстана являясь важными пунктами на трансконтинентальной трассе Шелкового пути, имели развитую городскую культуру, с самобытной архитектурой, банями и ирригационными сооружениями, с функциональным зонированием на цитадель (*арк*), общественный центр со знатью, духовенством (*шахристан*), торгово-ремесленный район (*рабад*), караван-сарай и кварталы, разделённые согласно специализациям (Рисунок Б. 7, Приложение Б).

Один из крупнейших оседло-земледельческих городов Южного Казахстана - Испиджаб (Сайрам), построенный из местной глины с сетью подземных каналов, длиной водопровода сто двадцать километров, обеспечивавших людей водой, упоминался в письменных источниках в VII в. Поселение было известным административным, транзитным и торговым центром. Город имел овальную в плане структуру, разделённую на функциональные зоны, аналогичную древним городам Центральной Азии: цитадель, окружённые глинобитной стеной множество *рабадов* - ремесленных слобод, караван-сарай, густая зелень садов - *джаб*, сельскохозяйственная территория с развитой агро-ирригационной системой *кяризов* [6, с. 205-206].

В Таласской долине на ответвлении Шёлкового пути находился один из наиболее древних городов - Тараз (VI в.), экономический и культурный расцвет которого пришёлся на XI-XII века. О развитой строительной культуре столицы династии Караханидов, завоевавших Семиречье, Южный Казахстан и Центральную Азию, свидетельствуют раскопки *шахристана*, развалины различных строений Тараза из сырцового и жженого кирпича, включая баню, городской водопровод из гончарных труб, канализационный канал, мощёные улицы и т.д.

С развитием строительного искусства в период X-XIII вв. в Южном Казахстане в феодальных городах с цитаделью, сторожевыми башнями и фортификационными сооружениями возникает ряд общественных и культовых зданий, построенных по новым усложнённым принципам строительной технологии, декоративным и конструктивным методам [34, с. 36-38]. Этот же период характеризуется интенсивным ростом новых городов в предгорьях Заилийского и Джунгарского хребтов в долинах Талгара, Каскелена, Чилика, Лепсы по причине перехода основных масс кочевников на оседлый образ жизни [9, с. 26].

Сопrotивление местного населения монгольскому нашествию (XIII в.) повлекло за собой разрушение некоторых городов. Но, в то же время,

последующий за монгольскими войнами приход ислама из арабских стран в Центральную Азию дал толчок расцвету мемориальной архитектуры, и как результат - формированию городского пространства вокруг неё [9, с. 36].

Постоянный широкий обмен научными знаниями, культурой, религией, искусством и архитектурой привёл к сложению своеобразных повторяющихся черт в структуре средневековых городов с похожими функциональным зонированием. *Переменные* (исторические события и внешние заимствования) и *постоянные* (природно-климатические, местные материалы, культурные и строительные традиции, чувство места, форм и символов) факторы с течением времени вносили свои коррективы в формировании идентичности тюркских поселений.

Силуэты средневековых городов мусульманской Центральной Азии формировались по принципу выявления доминанты в объёмно-пространственной композиции городской среды с гармоничным сочетанием воды, зелени и замкнутых связей. К таким примерам можно отнести главную соборную мечеть Бухары - Калян (Узбекистан, XVI в.), архитектурный ансамбль из медресе Улугбека (1417-1420 гг.), медресе Шердор (1619-1636 гг.), медресе Тилля-Кари (1646-1660 гг.) на площади Регистан в Самарканде (Узбекистан, XV-XVII вв.) (Рисунок Б. 8, Приложение Б). Примеры величественных сооружений с доминирующим силуэтом на фоне городской застройки усиливали векторную заданность среды, создавая уникальное пространство и гармоничный образ. Эти побуждающие к движению и раскрытию новых панорамных картин направления должны были привести зрителя к ядру композиции города. Крупномасштабные формы мавзолеев определяли центростремительную композицию пространства, в котором плыл величественный купол, оставаясь главным, феноменальным элементом городской среды.

Аналогично перечисленным примерам средневековой архитектуры Центральной Азии эпохи Тимуридов, демонстрировавшим принципы и приемы организации пространства, продиктованные как природными факторами, так и канонами исламской философии, на территории Казахстана в 1396-1398 годах в г. Ясы, входившем в состав империи эмира Тимура, было начато строительство мавзолея над местом погребения Ахмеда Яссави.

Статус главного города в регионе к городу Ясы, располагавшемуся на месте существующих развалин к юго-востоку от современного города Туркестана, перешёл в XII веке от поселения Шавгар. Около 500 г.н.э. Шавгар был одним из основных опорных пунктов на пересечении караванных путей в виде административного и экономического центра, которое в X веке именовалось городом, место локации которого описывалось как «...приблизительно соответствующее нынешнему Туркестану...» [10, с. 147] [36, с. 3]. На значимость роли Ясы на этой территории указывает А.Маргулан: в период бурного развития феодализма в Южном Казахстане Ясы выделялся среди своего окружения [34, с. 113]. Находясь в едином торговом, культурном и религиозном пространстве, полиэтничный город являл собой стратегически

важное ядро региона, представлявшее интерес для реализации политических амбиций правителей близлежащих территорий.

От мавзолея Ходжи Ахмеда Яссави, как главной цитадели, с XVI стал формироваться город Туркестан. Ходжа Ахмед Яссави (1103-1166 гг.) - один из первых суфийских мистиков в тюркоязычном мире, поэт, философ, живший и похороненный в г. Ясы. Веротерпимость, праведность Ходжи Ахмеда Яссави снискали ему популярность среди населения при жизни и после его смерти. Строительство мавзолея Ходжи Ахмеда Яссави объяснялось тонким политическим расчётом эмира Тимура, заключавшимся в укреплении его позиций правителя, установлении господства над свободными сырдарьинскими степняками.

Возведением величественного мавзолея эмир Тимур хотел продемонстрировать внимание и уважение к духовной святыне кочевников, целесообразность единства между разными народами. Его цель - впечатлить население мощью своей империи через грандиозность и величие сооружения [36, с. 4]. Находясь в едином торговом, культурном и религиозном пространстве, полиэтничный город являл собой стратегически важное ядро региона, представлявшее интерес для реализации политических амбиций правителей близлежащих территорий. Вместе с тем, возведение мавзолея способствовало усилению роли Туркестана как одного из торговых, культурных и религиозных центров Центральной Азии.

С момента возникновения на топографически выгодном месте, комплекс Ходжи Ахмеда Яссави, величаво возвышаясь над застройкой и просматриваясь с любой точки, стал смысловым и композиционным центром города, определяя его облик в целом [36, с. 13]. Гравюры и фотографии XIX века [255] [256] показывают, что комплекс Ходжи Ахмеда Яссави был построен на возвышенности. Тем самым были подчеркнуты его монументальность и превосходство над окружением. Комплекс, окружённый по периметру высокой крепостной стеной, был виден издалека. Сакральность места духовного развития, просветления и почитания была усилена «закрытостью» и камерностью архитектурного пространства комплекса. Со всех сторон комплекс был окружен плотным кольцом одноэтажных жилых домов и различных строений поселения (Рисунок Б. 8, Приложение Б).

Для того, чтобы попасть на центральную площадь у мавзолея нужно было пройти сквозь узкие улочки, а оттуда - к величественному главному portalу. Начиная уже с окраин поселения, через лабиринт улочек отчётливый силуэт бирюзового купола, как ориентир, вёл паломников к их цели - месту погребения Ходжи Ахмеда Яссави. Уникальное сооружение и среда, в контексте которой проявлялось величие мавзолея, сосуществовали в удивительной гармонии, внушая путнику благоговение и трепет. Так была подчеркнута символическая и доминирующая значимость главного соборного комплекса по отношению к остальным строениям, а его легко узнаваемые элементы являются символами города, определяя высоту, форму и детали

новых архитектурных включений в среду, наполняя пространство поселения визуально автохтонными смыслами [244, с. 133-134].

Итак, к первому этапу (I-XVII вв.) - *средневековому* соответствует *торгово-ремесленный* тип городов. К ним относятся: Алмату (X-XII вв.), Аркук – Артык-Ата (VII-XII вв.), Аспара (VII-XV вв.), Баладж (VII-XIII вв.), Баласагун (XI-XIII вв.), Бунджикат (VII-XIII вв.), Джамукат – Костобе (VI-VIII вв.), Джанкент (I-XVI вв.), Джикиль (VII-XII вв.), Испиджаб – Сайрам (I-XIX вв.) Каялык (VIII-XVI вв.), Кедер – Курыктобе (I-XIV вв.), Кулан – Луговое (VII-XII вв.), Каракемир 1 (X в.), Касрибас – Акыртас (VIII-IX вв.), Отрар – Фараб (I в.), Сауран – Каратобе (I-XVIII вв.), Сузак (VII в.), Суяб – Акбешим (VIII-X вв.), Сыгнак (X в.) Сюткент (VIII-XII вв.), Тальхир (III-XII вв.), Тараз (VI-XIV вв.), Шавгар (500 г. н.э.), Шымкент (I-XIX вв.), Ясы - Туркестан (I в.) и др. (Рисунок Б. 9, Приложение Б).

Основной упор был сделан на нанизывание поселений на торговую трассу Великого Шёлкового, определявшую *экономическую причину* их возникновения и придавал смысл жизнедеятельности мастеров, ремесленников и купцов. Устойчивая жизнь насельников была возможна при удачном их проживании у опорных пунктов торговых путей, условия наличия плодородных земель и необходимого сырья для строительства жилищ и ремесленной деятельности. Средневековые традиционные города отличались *подчинённостью природе, прямой зависимостью от климатических условий* и ландшафта, и вследствие этого были компактными с чёткой функциональной организацией из цитадели – крепости, «шахристана» - средоточии экономической и политической жизни региона «рабада» - торгово-ремесленных районов.

Вместе с тем, не всегда города на казахстанской ветке Шёлкового пути, в отличие от поселений Центральной Азии, состояли одновременно из трёх частей: иногда поселения слагались только из одного или двух зон [35, с. 87-88]. В целом, планировочные структуры городов и их компонентов, были обусловлены не только природными условиями и ландшафтом. Закономерности формирования пространственной среды строились на основе знаний истории региона, значимости тех или иных сооружений; степени влияния традиций и верований на зодчество.

Этап фортификационный (XVII в.- нач. XX в.). Начало XVII в. характеризуется укреплением и дальнейшим развитием политических связей и торговых отношений казахских ханств с Индией, Китаем, Россией и другими государствами. Это способствовало возрастанию числа оседлого населения на юге страны. С постепенным угасанием функции Шёлкового пути как главной торговой артерии Евразии в силу роста морских сообщений непосредственно из Европы в Индию и Китай, города на казахской ветке трассы Шёлкового пути лишились источников постоянного дохода. Ситуацию усугубили постоянные набеги других народов с более высоким уровнем военной подготовки и оснащения. Бывшие опорные пункты на торговых караванных путях оказались неспособны противостоять историческим потрясениям с разделом территорий в

природно-климатических условиях знойной пустыни и жарких степей с ветрами. Так, города с менее развитой инфраструктурой медленно пришли в упадок. Только небольшое число определенных городов, таких, как Шымкент, Туркестан, Тараз (Талас) и др., уходящих корнями в глубокую древность, продолжили своё развитие, адаптируясь к запросам времени, местами сохранив историческое ядро.

После присоединения Казахстана к России в истории края начался новый этап, когда произошли существенные изменения не только в политической, экономической сферах, но и в принципах организации пространственной среды поселений. Постепенно были возведены стратегически важные на тот период крепости для укрепления огромной территории царской империи. Размещение городов *колониального типа*, как Петропавловск, Костанай, Уральск, Павлодар, Семипалатинск, Усть-Каменогорск было обусловлено наличием рек Ишим, Тобол, Урал и Иртыш соответственно. Такой подход был продиктован европейским опытом организации пространственной среды, успешно применявшимся в российских городах. Характерной чертой планировочной схемы была регулярная планировка с иерархической дифференциацией: города имели прямоугольную сетку улиц с чётким функциональным зонированием, где расселение происходило в зависимости от рода деятельности и национальной принадлежности (Рисунок Б. 10, Приложение Б).

К примеру, Семей - Семипалатинск расположен на пересечении древних караванных путей у реки Иртыш, старый план которого выдержан в строгости прямолинейных улиц, так же как и Усть-Каменогорск, Петропавловск (с ориентацией улиц - север-юг), Павлодар, Гурьев-Атырау (в виде замкнутого четырёхугольника с каменными стенами и бастиянами). Так, правило регулярности и обязательного расположения центральной площади на берегу водоёма, традиционный для планировки российских городов, стал «принудительной» основой большинства казахстанских поселений без какого-либо учёта местных природно-климатических условий, по принципу раскрытия пространства во внешнюю среду. Ввиду привычного кочевого образа прошлой жизни местного населения можно сказать, что в основе городов фортификационного этапа в отличие от средневекового, не было «наследственной памяти» в организации пространственной среды.

Можно отметить лишь эпизодические принятия во внимание особенностей местного ландшафта, как в случае Павлодара или Уральска, когда города располагались на высоких берегах водоёмов, или центральная площадь в Усть-Каменогорске была сориентирована в геометрическом центре поселения в стороне от реки с целью защиты от систематических паводковых вод.

Основанию укрепления Верное в 1854 г. способствовали наличие рек, сбегаящих с гор к развалинам древнего поселения Алматы (X-XII вв.) и место пересечения торговых путей с Китаем. После переименования в 1867 г. крепости в город Верный пространство приобрело чётко зонированную структуру. Одна из частей города – крепость была ограничена от остальных районов глинобитной стеной, где располагались офицерские дома и казармы,

небольшая церковь и т.д. [6, с. 69, 257] [70, с. 83]. Так как здания в городах *колониального типа* возводились из имевшегося строительного сырья, такого как камень, дерево, обожжённый кирпич, это придавало схожесть силуэту архитектурно-пространственной среды поселений таких городов, как Семипалатинск, Павлодар, Уральск и т.д. [169, с. 14-15].

Был также распространён опыт «двухструктурности» развития новых городов рядом с существовавшими поселениями, подробно рассмотренный в работах Ш.Аскарова, В.Ворониной и др. Можно отметить существенное значение взаимовлияния градостроительных традиций Европы и Центральной Азии в формировании новых региональных пространственных структур. К примеру, старая планировочная структура средневекового Шымкента (I-XIX вв.), расположенного на высоком холме, была радиальной с цитаделью и шахристаном в центре, от которого расходились основные улицы, защищённые от пыльных бурь и с системой арыков для поддержания благоприятного микроклимата в городской среде [6, с. 308-309]. Основанный в 1860 г. на северо-востоке от старого городища новый Чимкент-Шымкент отличался регулярной планировкой, заимствованной от русского градостроительства с включением традиций местного опыта (озеленение, арычная система). Можно отметить негативную сторону: как во вновь основанных, так и в «двухструктурных» городах была сегрегация по социальному признаку - общественный и геометрический центр поселения с относительно комфортными условиями были доступны переселенцам, тогда как неблагоприятные и плохо освоенные территории выделялись для коренного населения.

Рубеж XIX-XX веков был отмечен дальнейшей разработкой природных ископаемых, промышленности, на основе которых были основаны рабочие поселения. Так, появившиеся новые крепости-города, а также модернизированные издревле существовавшие южные поселения, где ядром-цитаделью стали военные крепости или промышленные предприятия вокруг которых формировались казачьи станицы и рабочие слободки, сыграли существенную роль в закреплении позиций Российской империи на международной арене.

Таким образом, второй этап (XVII в.- нач. XX в.) - *фортификационный* представляют города *колониального типа*, возведённые по *политическо-экономической причине* с фиксацией стратегических точек пространственной инфраструктуры. Сетью опорных стратегических пунктов были охвачены уездные центры, транспортные разъезды, плодородные места: Уральск (1613 г.), Гурьев (Атырау, 1645 г.), Усть-Каменогорск (1720 г.), Петропавловск (1752 г.), Семипалатинск (1718 г., 1780 г.), Ак-Мечеть (Кзылорда, 1817 г.), Кокчетав (1824 г.), Акмола (Нур-Султан, 1824 г.), Верный (Алматы, 1854 г.), Коряковский форпост (Павлодар, 1856 г.), Ак-Тюбе (Актобе, 1869 г.), Шымкент (нач. XIX в.), Аулие-Ата (Тараз, 1830 г.), Талды-Курган (Талдыкорган, 1868 г.), Кокчетав (1868 г.), Костанай (1879 г.), Туркестан (нач. XVII в.) и др. Существовавшие небольшие фабрики, заводы, мелкая кустарная

промышленность, ярмарки или месторождения полезных ископаемых дали толчок появлению таких поселений, как Риддер (1786 г.), Зырянск (Алтай, 1791 г.), Каркаралинск (1823 г.), Форт-Шевченко (1886 г.), Тургай (1868 г.) и др.

Колониальная политика Российской империи закрепляла присутствие армии и переселенцев на больших территориях современного Казахстана, где казачьи линии послужили поводом для основания городов-укреплённых форпостов для охраны границ, военно-административных и торговых пунктов, в основном, в северной части и юго-восточной частях страны. Города характеризовались меньшей зависимостью от природно-климатических условий с некоторым «вторжением» и *доминированием над природой* вне региональной принадлежности и культурной памяти (Рисунок Б. 9, Приложение Б).

Построенные на основе генеральных планов, разработанных российскими специалистами, первоначальные крепости-поселения отличались идентичностью первоначального облика [116, с. 168-170] [15, с. 3]. Их объединяли: аналогичные силуэты духовно-административных центров из церкви, рынка, домов офицеров с казармами, и др., располагавшихся на обозримой возвышенности в устье/у реки, вокруг которого формировались жилые, рабочие кварталы и сплошная «фасадность» главных улиц и площадей по типу русских городов; однотипность планировочных решений традиционного жилья, строительных материалов; дифференцированный порядок расселения исходя из рода деятельности и национальной принадлежности.

Этап производственный (нач. XX в.). К началу XX в. принципы организации пространства казахстанских городов претерпели значительные изменения в силу преемственного развития и процесса взаимовлияния различных строительных традиций в связи с переселенческой политикой. Установление Советской власти на территориях Союзных республик в 1917 г. и, как следствие, политико-экономические трансформации инициировали в формировании пространственной среды в Казахстане новый виток развития, изменения быта и формы хозяйствования в регионе. Так, с интенсивным освоением месторождений полезных ископаемых, ростом народного хозяйства, старые поселения из уездов, крепостей, ярмарочных пунктов выросли в крупные промышленные и сельскохозяйственные центры, возникли новые современные города, посёлки *современного типа*. Подъём хозяйственного, производительного, социально-экономического уровня страны отразился на пространственной организации поселений, функциональном зонировании их структуры.

Характерный архитектурный силуэт городов *современного типа*, основанный на пограничных базах, фабрично-заводских и ремесленно-торговых поселениях, складывался на основе регулярной планировочной схемы, традиционной для рубежа XIX-XX вв. вместе с мозаикой стилового разнообразия зданий и сооружений (Рисунок Б. 11, Приложение Б).

Параллельно с этим, в каждом городе строго учитывались социальная структура населения, существующий ландшафт, климат и осуществлялись следующие мероприятия [15, с. 5-6]:

- расчленённость жилых зон;
- высадка защитных зелёных массивов от ветра;
- расположение центра города в стороне от реки в целях защиты затопления паводковыми водами и т.д.

Главные городские ансамбли создавались путем синкретического взаимодействия традиционных строительных приёмов для Центральной Азии с европейскими и российскими новшествами. Тем самым, градостроительство Казахстана конца XIX начала XX вв. характеризовалось поиском путей *региональной идентичности*, обусловленной природным ландшафтом местности, социально-экономическими и политическими обстоятельствами. Парадигме в архитектуре рассматриваемого времени, сформированной на многообразии стилей, была свойственна уникальность собственного «лица» отдельного города, существование «духа места».

Пространственная среда поселений в 1917-1935 гг. Б.Глаудиновым характеризуется интенсивным развитием городов с сохранением исторически сложившейся основы в сочетании с принципами свободной планировки в целях оптимальной ориентации домов [20, с. 8-44].

Планировочные решения городов были выполнены путём разделения территории на: жилые кварталы с культурно-бытовым обслуживанием; промышленную часть; санитарно-гигиеническую зону. Были осуществлены мероприятия по учёту местного климата: благоустройство улиц, дворов, площадей; защита городской среды от неблагоприятных ветров с помощью озеленения; создание замкнутых дворов из жилой группы; применение домов-экранов.

XX век ознаменовался освоением полезных ископаемых и ростом обрабатывающей промышленности. Это нашло отражение в функциональном решении крупных городов, которое было построено на принципе разграничения территории на жилые ячейки-кварталы с культурно-бытовым обслуживанием; центральную часть с ансамблем из главных зданий, площадей, улиц; промышленную зону и повсеместным санитарно-гигиеническим благоустройством (Алматы, Атырау, Жезказган, Караганды, Семей, Петропавловск, Шымкент и др.). Были выполнены дополнительные мероприятия по учёту местных условий: защита жилых кварталов от неблагоприятных ветров с помощью зелёных защитных полос, объединения группы домов вокруг дворики и т.д.

В отличие от первых двух этапов (средневековый, фортификационный), *производственный этап* характеризуется планомерным возведением, в основном, промышленных городов с упорядоченной застройкой и соответствующей инфраструктурой. Так, в 1934-1938 гг. был утверждён первый генплан Караганды, где было предусмотрено чёткое функциональное зонирование в сочетании с просторной сомасштабной городской средой,

образованной прямоугольной сеткой главных магистралей – основных композиционных осей. Создание благоприятного городского микроклимата была достигнута с помощью парковых зон в каждом жилом районе, зелёных бульваров и аллей, искусственных водоёмов, защитных зелёных лесополос.

Градообразующими элементами города Темиртау (1945 г.) стали строительства гидроэлектростанции (1935-1938 гг.) и металлургического завода (1949 г.). Генеральный план ставил задачи разделения жилой зоны от промышленной путём взаимосвязанной системы зелёных насаждений водохранилищем. Вдоль берегов Кенгирского водохранилища на пересечении важнейших магистралей страны на базе месторождений руды в соответствии с генеральным планом в 1969 г. получил развитие город Джезгазган - Жезказган. По примеру Караганды, Балхаша в промышленных центрах Казахстана в условиях полупустыни зеленые насаждения по периметру города и в его интерьере играли важную ветрозащитную роль, селитебные районы располагались удалённо от производственных зон.

Интерес представляют региональные подходы в строительстве городов в пустынной, но богатой месторождением нефти местности: Нового Узеня (1962 г., гл. инж. В.Карамышев) и жилого городка нефтяников 2 км от Гурьева-Атырау (1943 г., арх. А. Арефьев, С. Васильковский). Генеральный план Нового Узеня (ныне Жанаозен), образованного в 1964 году на плато Мангышлак (Мангистау) предусматривал комплекс мероприятий для создания благоприятного микроклимата городской среды в виде ориентации главных улиц и домов-блоков, образующих замкнутые двory, защитных лесных полос и т.д. средств [15, с. 59] [28, с. 3-7].

Жилищный комплекс, ныне входящий в черту города Атырау, также в западной части Казахстана является примером рационального решения задачи совмещения жилого массива с собственными видами культурно-бытового обслуживания. Оптимальное градостроительное решение обеспечило водную защиту территории, расположенной в поймах р. Урал, от пыли и песка. Архитектурная композиция генерального плана сложилась с помощью естественного взаимодействия рельефа местности в виде большой протяженности береговой линии с озеленением и селитебной зоной. Также учёт местных условий был подчёркнут соответствующими направлениями улиц по отношению к западным господствующим ветрам.

Эти города, возникшие по производственной причине, нацеленные на подъём экономики, возводились с учётом природно-климатических условий с организацией благоприятной среды путём разделения мест приложения труда, проживания и отдыха, системы озеленения, обводнения жилых и промышленных зон.

Так, третий этап (нач. XX в.) - *производственный* включает города *современного типа*, нацеленные на развитие *социально-экономических условий*, освоения и использования природных ресурсов (плодородных земель, залежей полезных ископаемых): Караганда (1934 г.), Аягоз (1931 г.), Темиртау (1945 г.), Жезказган (1938 г.), Балхаш (1932 г.), Сарань (1954 г.), Шахтинск (1955 г.),

Каратау (1936 г.), Рудный (1953 г.), Экибастуз (1898 г.), Шевченко (Актау, 1958 г.), Новый Узень (Жанаозен, 1962 г.) (Рисунок Б. 9, Приложение Б). На территориях, богатых ресурсами возводились новые города с адаптацией к природно-климатическим условиям в виде ветропылезащитных зелёных полос, обводнений, взаиморасположения главных магистралей и взаимодействия функциональных зон с расчётом направлений преобладающих ветров и благоприятных сторон света и т.д.

Таким образом, понимание региональной пространственности казахстанских городов основывается на следующих факторах и закономерностях: *причина возникновения поселений, взаимоотношение с природно-климатическими условиями и ландшафтом, композиционные формы.* Формирование и развитие пространственной среды поселений были продиктованы рядом существенных элементов. Природно-климатический контекст, целесообразность поселений, восприятие мира и окружающей среды, религия, культура и философия местного населения, политический строй и структура социальных взаимоотношений в той или иной степени сыграли значительную роль в закономерности выраженных особенностей средовой организации. Генезис и расцвет городов был напрямую связан с их местоположением на стратегических пунктах, пересечении торговых узлов, в центре культурных и политических событий, благоприятных территориях, пригодных для скотоводства или земледелия. В результате этого обозначилась функциональная направленность поселений с присущим им социальным порядком, сформировавшим расчленённость и упорядоченность структуры. Развитие пространственной среды Казахстана от древности до конца XX в. отличалось самобытностью, устойчивостью традиций, но вместе с тем, преемственностью форм и строительных приемов, обусловленных спецификой быта и жизненного уклада, а также региональными природно-климатическими условиями.

2.2.2 Основные направления и особенности формообразования в архитектуре Казахстана до начала XXI века

Архитектура и градостроительство СССР, в составе которого был Казахстан, представляла собой поэтапную смену различных стилей: от модерна (конец XIX в.- начало XX в.), рационализма и конструктивизма (1920 гг. - первая половина 1930 гг.) с эстетической выразительностью, унификацией строительства геометрически строгих лаконичных монолитных форм, компактностью застройки и традиционализма (1930 г.); Сталинского ампира (1940-1950 гг.), в котором соединились стили от ампира эпохи Наполеона и барокко до позднего классицизма с неоготикой и индустриализации (с 1955 года) [160, с. 136, 139, 142, 145, 149, 154, 157, 161, 166, 170].

Вместе с тем, архитектура национальных республик, в особенности, Центральной Азии и Закавказья эпохи Советского Союза, были основаны не только на учёте природно-климатического каркаса местности, но и на демографических и бытовых характеристиках населения, гармоничном слиянии

с окружающей средой, стремлении выразить самобытность и национальные особенности [88, с. 48, 121].

Таким крупным исследователем регионального зодчества как Б.Глаудинов, проделана работа по определению условий, принципов и особенностей формирования архитектуры и градостроительства Казахстана с древнейшего периода до начала XX века, а также тщательное изучение развития Казахской архитектуры в Советскую эпоху [20, с. 353-362]. На основе классификации, предложенной Б.Глаудиновым, условно поделившего архитектуру Казахстана на несколько периодов, Г.Абдрасиловой определены особенности формирования региональных признаков жилищной архитектуры Казахстана от кочевой и оседло-земледельческой культур до современного расселения [19, с. 273] [116, с. 23-48, 52-56]:

- в Акмолинской, Актюбинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Кокчетавской, Костанайской, Северо-Казахстанской, Тургайской и Павлодарской областях применялась исторически сложившаяся замкнутая система планировки «жилой дом плюс хозяйственные помещения под общей кровлей»;

- в южных регионах Казахстана (Кзыл-Ординская, Туркестанская, Жамбылская, Алматинская) жилища строились по открытому типу, где зона для скота находилась на удалённом расстоянии от жилой зоны, а ограждения использовались только в земледелии.

В исследованиях Б.Глаудинова указано, что *жилой архитектуре* в 1917-1935 гг. присущи следующие характеристики архитектурно-пространственных и художественных качеств: учёт местных условий и демографической ситуации в регионе; внимание функциональному зонированию жилищ; использование традиционных форм и элементов в образных решениях многоквартирных жилых домов [20, с. 8-44].

Архитектуре городского жилища в 1935-1955 гг. были присущи характерные признаки советского периода развития архитектуры [20, с. 48-117]. В развивающихся промышленных городах жилые группы являлись важным градообразующим элементом, обогащая силуэт города. Несмотря на массовый и унифицированный характер, строительство типовых жилых домов отличалось региональными признаками проектирования. К примеру, с учётом местных условий Центрального Казахстана, использовались планировочные принципы организации дворов в целях защиты от постоянных сильных ветров и морозов с помощью непрерывного ряда пятиэтажных домов с открытыми лоджиями внутрь двора, защищающими помещения летом от перегрева. В строительстве города нефтяников Атырау (Гурьев) для защиты от жары летом и пустынных пыльных ветров были использованы приёмы традиционной архитектуры южных регионов Центральной Азии: композиция из жилых домов вокруг двора с водоёмом; включение открытых помещений (айванов, галерей, террас); применение арочных сводов из глины и камышита в перекрытиях одноэтажных строений; использование солнцезащитных средств [15, с. 52-55].

Рубеж XIX-XX вв. в Казахстане был ознаменован созданием своеобразного стиля «колониального» зодчества XIX-XX вв., основанного на художественных образах одно-, двухэтажных, чаще, деревянных зданий, по мотивам русского классицизма или стилизаторстве древнерусского зодчества в местном контексте. В Верном - Алма-Ате - Алматы возводились такие уникальные здания и сооружения, как городское училище им. Г.Колпаковского – (1890 г., арх. П.Гурдэ, ныне РГП «Казреставрация»), Верненская мужская гимназия (1895 г., арх. П.Гурде, ныне Казахский национальный Педагогический Университет им. Абая), Дом офицерского собрания (1908 г., арх. А.Зенков, ныне музей народных музыкальных инструментов им. Ыкыласа), торговый дом И.Габдувалиева (1911 г., арх. А.Зенков, ныне дом тканей «Кызыл-Тан») и др. [257, с. 68] [258] [259, с. 52].

Согласно исследователям, архитектурная парадигма конца XIX - начала XXв. с некоторыми отличиями согласно сформировавшихся отдельных субрегионов - «Западно-Казахстанского, Южно-Казахстанского и Центрально-Северо-Восточного представляла «новую концепцию архитектурной формы и современных методов проектирования и строительства» [22, с. 31]. Учёными определены пять основных направлений «своеобразия модерна в Казахстане», появившегося в России в конце XIX века, характеризовавшиеся следующими приёмами [22, с. 28]:

- органичностью визуального единства внутреннего и внешнего пространства (проект дома купца Янгуразова в г. Петропавловске, XIX век);

- включением элементов народного искусства национального зодчества (магазин в Петропавловске, 1895 г., здания железнодорожных вокзалов в г. Уральск, 1894 г. и Кзыл-Орда, 1905 г. и др.).

Стремление к нарядному «сплошному фасаду» улиц по принципу градостроительства в России XVIII века способствовало созданию своеобразного облика городов в Казахстане. К примеру, жилые дома представляли собой, в основном, срубные строения из дерева, иногда обмазанные глиной или штукатуркой (дом-музей Е.Пугачева в неорусском стиле, Уральск, 1760-1770 гг.; деревянный полтораэтажный мемориальный дом-музей Ф.М. Достоевского, Семей, 1838 г.; дом купца Юзефовича в неорусском стиле с включением приемов модерна в виде ступенчатой кровли, эллипсоидного купола, Петропавловск, 1895 г.) [160, с. 128, 885].

В оформлении фасадов зданий широко использовалась орнаментированная резьба по деревянным наличникам, ставням, оградкам и т.д. Мотивы и образные решения, популярные в архитектуре Российской империи были характерны, в основном, на территории Северного, Западного и Восточного Казахстана. Возникшие на побережьях крупных рек крепостные укрепления, рыбацкие или торговые поселки быстро превратились в промышленные и торговые центры, в облике которых интерпретировались практически все европейские стили конца XIX в.- начала XX в.: историзм (романтизм, неоготика, неоклассицизм, неорусский и псевдовосточный стили), «кирпичный стиль», эклектика, модерн. В Семее, сохранившиеся западные Ямышевские ворота были выполнены из

горного плитняка и кирпича. Ворота в виде массивной арки с треугольным фронтоном, сводчатым потолком, карнизами были частью каменной крепости, возведённой в 1773 году [21, с. 339-340].

В архитектуре таких *общественных строений* как здание хозяйственного управления казачьего войска (1869 г.), Коммерческий банк (1896 г.), дом атамана (1825 г.) в Уральске; бывший дом губернатора (1856 г.), Штаб военного округа (1892 г.), Знаменско-Абалацкий Петро-Павловский монастырь (1895 г.), Здание бывшей мужской гимназии - учебный корпус КазГЮИУ (1894 г.) в Семипалатиске - Семее использованы *неоклассические* мотивы в виде элементов ордерной системы, наличников, фронтонов, междуэтажных и венчающих карнизов, рустовки стен. Это придало некую торжественность, величественность и узнаваемость городам [21, с. 337-375] [160, с. 884-885].

Вместе с тем, 1800-е годы ознаменовались духовно-культурным и национальным подъёмом, выразившимся в широкомасштабном строительстве множества культурно-просветительских, административно-бытовых зданий, таких как мечети и церкви в г. Петропавловск, г. Акмола (Нур-Султан), г. Сузак, г. Шымкент, г. Костанай, г. Кызыл-Орда, в г. Семипалатинск (Семей), банк в неоклассическом стиле (1896 г.) и русско-казахская школа (1848 г.) в г. Уральск, филиал гостиницы «Иртыш» (1900 г.) и четыре кожевенных заводов (1864 г.) в г. Семипалатинск, мельница в г. Петропавловск (1900-е гг.), обувная фабрика в г. Костанай (1906 г.) и др.

Общий подъём региона в этот же период потребовал обеспечения стратегически важных транспортных узлов с возведением первых зданий железнодорожных вокзалов, в таких городах, как Уральск, Аральск, Новоказалинск (Казалы), Перовск (Кызыл-Орда), Туркестан [19, с. 197-214, 215-225, 227-245]. В трудах Г.Исабаева, где подробно рассмотрены стилевые особенности Казахстана в период второй половины XIX в.– начала XX в., здания вокзалов станций Арысь и Перовск Оренбургско-Ташкентской железной дороги (1901-1906 гг.), железнодорожного вокзала г. Туркестана (1906 г.) отнесены к примерам стиля модерн. В то же время, учёным отмечен синтез «...стилевых стереотипов модерна... с художественными особенностями региона...» [143, с. 67]. По мнению Г.Исабаева, перечисленные методы и приёмы выражают самобытность и «дух места»: им зафиксированы архитектурно-планировочные приёмы, обусловленные климатическими условиями в виде защиты от солнечной радиации; объемно-композиционные решения, продиктованные строительными традициями формирования, особенно в мемориально-культурной архитектуре, и декоративные композиции оформления фасадов, связанные с национальным искусством.

Начало XX века (социалистическая эпоха) характеризовалось высокими темпами развития экономики, строительства, культуры, образования и социальных преобразований в Казахстане. Этот фактор нашёл отражение в материально-культурном формировании, повлёкшим за собой поиск прогрессивных принципов градостроительства, строительства массового жилья и обязательного возведения множества общественных зданий и сооружений.

В периодизации, предложенной Б.Глаудиновым, архитектура общественных зданий в 1917-1935 гг. отличается соответствием местным условиям в виде проветривания и инсоляции помещений, организации двориков. Силуэты сооружений были обусловлены функциональным и идейным (построение социализма) содержанием [20, с. 34-44]. Этот же период аналогичен отрезку времени 1920-1930-е гг., названному Г.Абдрасиловой как «регионализм романтический», когда появилось новое понимание народности, когда можно обнаружить новаторский подход к традиционному зодчеству во многих сооружениях национальных республик [116, с. 67]. В 1926-1928 гг. такие инициаторы нового подхода, как Л.Веснины, М.Гинзбург, Г.Вегман, А.Щусев стремились придать региональное своеобразие новой среднеазиатской архитектуре через функцию и традиционную эстетику жилища, отличавшиеся геометричностью объёмов, контрастом белых и тёмных поверхностей с подчёркнутой функциональностью. Такая архитектура формировалась в условиях интенсивного развития Алма-Аты, куда в 1929 году была перенесена столица КазССР из г. Кзыл-Орды. В городе росла численность населения и повышалась плотность застройки не только путём удлинения и расширения улиц и площадей, но и следования преобладающей ранее сложившейся регулярно-квартальной системы планировки. Одновременно проводились мероприятия в соответствии с сейсмостойким строительством, санитарно-гигиеническими требованиями: обеспечение оптимальной юго-восточной и северо-западной ориентации жилых домов, организация работ по озеленению и т.д.

В архитектуре Казахстана своеобразное прочтение образа «живого Востока», традиций среднеазиатского зодчества и логика формообразования, характерная для конструктивизма, положены в основу концепции проекта здания бывшего Дома правительства КазАССР (Алматы, 1931 г., арх. М.Гинзбург при участии Ф.Милиниса, ныне – Академия искусств им. Т.Жургенова) [259, с. 52]. «...Сооружение Дома правительства КазАССР, построенное в лучших традициях конструктивизма с учетом местных климатических особенностей, демонстрирует характерные для этого течения композиционные приемы - контрастное сочетание лаконичных геометрических объемов и глади стекла, вертикальных и горизонтальных сплошных лент остекления, глубоких лоджий, раздвижных стен, соляриев...» [259, с. 55]. Искусно решена проблема создания комфортной среды в природно-климатических условиях юга Казахстана: планировочная схема здания состояла из семи отдельных корпусов, с требуемой ориентацией по сторонам света и связанных между собой крытыми переходами; рабочие помещения расположены вокруг внутреннего двора; железобетонный каркас был заполнен камышитом для предотвращения проникновения жары и холода в здание; были использованы озеленение и обводнение интерьеров и экстерьеров сооружений. Все эти мероприятия относят данный архитектурный объект к одному из образцов регионального зодчества [22, с. 53-55] [257, с. 138-139]. Ярко выраженные черты конструктивизма, также отчетливо читались в

архитектуре бывшего Клуба работников ГПУ, ныне - здание Государственного академического уйгурского театра музыкальной комедии (Алматы, 1930-1932 гг., арх. Н.Буровцев). Продиктованный влиянием архитектуры клуба им. Русакова в Москве (арх. К.Мельников), образ клуба был решён на основе подчеркнутой функциональности: планировочная схема была сосредоточена вокруг основы композиции – прямоугольного театрально-концертного зала. Интерпретация своеобразного и целесообразного была основана на контрастном сочетании лаконичных геометрических объемов с вертикальными и горизонтальными сплошными лентами остекления с одновременным отказом от визуальных кодов национальной культуры.

Однако, вместе с учётом местных природно-климатических условий, по мнению Б.Глаудинова, конструктивизм принизил социальную роль архитектуры «...в укреплении национального самосознания недавно освободившегося народа от царской диктатуры...», тем самым лишив здания национальной принадлежности [20, с. 42-43]. Несмотря на соответствие контекста времени, новаторский подход конструктивизма в формообразовании игнорировал местную историю и культуры, «дух места».

Архитектор М.Гинзбург в поиске новых средств, выявляющих смысловое значение здания Дома правительства КазАССР, отказался от ссылок на традиционные элементы национальной среднеазиатской архитектуры, предложив новаторские на тот период планировочные и композиционные решения, соответствующие местным природно-климатическим и политическим условиям. Аналогичный композиционный приём придания художественной выразительности фасадов с помощью крупных вертикальных и горизонтальных членений был применён также в архитектуре Дома правительства Калмыкии (Элиста, 1932 г., арх. И.Голосов и Б.Мительман) и Дворца культуры им. Горбунова (Москва, 1930 г., арх. Я.Корнфельд). Эти сооружения, построенные на принципах функциональной логики; масштаба форм, характерных для конструктивизма; развития дворилов, лоджий, террас для взаимосвязи с природным окружением относятся ко времени вдохновения идеями революционной эпохи и построения социализма в стране. Это было связано с тем, что Октябрьская революция 1917 года повлекла за собой значительные изменения в архитектуре: плановая государственная экономика потребовала масштабное строительство зданий и сооружений новых типов общественных зданий (производственные, общественные и жилые). Существовавшая политика и идеология повлияла на возведение общественных зданий, которые у населения ассоциировались с символами власти, и в то же время, с признаками светлого и радостного будущего.

В архитектуре общественных зданий период 1935-1955 гг. Б.Глаудиновым отмечен поверхностным пониманием сущности национальной и региональной архитектуры, стремлением к «...фасадничеству, ...избыточной декорации зданий...» [20, с. 117]. В целях создания самобытной эстетики имело место переработки национального орнамента или прямого заимствования форм и элементов прошлого как русского классицизма, так и среднеазиатского

зодчества. Так, приём прямых отсылок и копирований вне культурного, временного и местного контекста исключал органичность формообразования. Архитектура этого же временного отрезка (1940-1950-х гг.) по Г.Абдрасиловой как «казахская классика» является «...частью культурного образа городов Казахстана...» несмотря на перегруженность заимствованными деталями из классического и национального наследия в силу поиска наиболее оптимальных путей формообразования в национальной архитектуре [116, с. 55].

Период 1950-1970-х гг. характеризуется развитием строительства в сфере культуры, науки, искусства и возведением значимых архитектурных сооружений в Алма-Ате: стадион «Центральный» (1957 г., арх. А.Леппик, А.Капанов, А.Косов); Дворец спорта (1966 г., арх. В.Кацев, О.Наумова); кинотеатр «Арман» (1968 г., арх. А.Коржемпо, В.Панин, И.Слонов); гостиница «Алматы» (1967 г., арх. Н.Рипинский, И.Картаси); здание Цирка (1970 г., арх. В.Кацев, И.Слонов); Дворец Республики (1970 г., Дворец им. В.Ленина, Государственная премия СССР); Дворец бракосочетания (1971 г., арх. А.Леппик, М.Мендикулов); Дом Дружбы (1972 г., арх. Р.Сейдалин, Р.Тимченко) и др. Многие из этих сооружений являются примерами тщательного учёта природно-климатических особенностей, использования сейсмостойких конструкций, включения элементов монументально-декоративного искусства. В эти годы было сокращено использование приёмов механического копирования стилей неоклассицизма, русской классики, барокко в виде широкого применения колонн, различной зачастую неоправданной лепнины и декора [20, с. 361]. Решение проблем региональной идентичности и национального своеобразия перечисленных сооружений заключается в опосредованной выразительности форм, раскрытия композиций, организации пространства, расширения ряда строительных материалов, применения различных солнцезащитных устройств и включении элементов традиционного прикладного искусства. Использование народных мотивов и орнаментов способствовало, не только, близости к традиционному зодчеству, но и придавало зданиям величественность, торжественность. Так, в строительстве Дворца спорта имени Балуана Шолака в Алматы (1966 г., арх. В.Кацев, О.Наумова, констр. М.Кашарский, З.Волков, С.Матвеев, М.Плахотников) применялись передовые советские технологии. Это - двухуровневое, прямоугольное в плане большепролётное здание с каркасно-металлическими конструкциями перекрыто кровельными фермами полуциркульного абриса.

Одним из зданий, органично вписанных в контекст окружающей среды, является кинотеатр «Арман» в Алматы, расположенный в важном градостроительном узле – на стыке проспектов Абая и Достык. Лаконичная форма компактного здания белого цвета, с глухими стенами фасадов на фоне активного рельефа местности отражает простоту его функциональности и органически связана со структурой места.

Специфика климата и географического расположения Алматы на фоне гор Заилийского Алатау обусловили сложение характерных черт региональной традиции: в здании кинотеатра организован открытый дворик – зимний сад;

проведены мероприятия по обводнению и озеленению; использованы малые архитектурные формы; организован требуемый уклон зрительного зала благодаря естественному уклону участка строительства. Пластичность и выразительность лаконичной формы здания решена с помощью включения в оформление фасадов барельефов с изображениями на темы освоения космоса, национальных орнаментов, шрифтовых композиций [22, с. 215-216] [260].

Другим объектом, художественно-композиционное решение которого напрямую было связано с климатом и географическим расположением местности, стала гостиница «Алматы»: здание имеет плавный изгиб фасада, раскрыто к югу, и ритмический ряд членений из горизонтальных окон и лоджий.

Важной вехой в архитектуре Советского Казахстана стало строительство Дворца Республики в Алма-Ате - сооружения, отличавшегося монументальностью и уникальными конструктивными решениями. Образные характеристики дворца были основаны на активной тектонической пластике конструктивных элементов на фасадах, контрасте горизонтальных и вертикальных выступов (пилонов), способствующих игре затенённых и освещённых участков. Вместе с визуально-пространственными элементами, эмоционально воздействующими на зрителя, выразительность зданию придавал козырёк – «корона» с чешуйчатой поверхностью, выступавшего над главным входом, создавая эффект парения кровли. Здание Дома дружбы также имеет серебристую козырёк – «корону», пластичное решение образа которого, К.Самойлов соотносит с обликом Конгресс-холла в Киото (1960 г., К.Маякава) [160, с. 447].

Анализируя архитектуру Казахстана 60-х годов XX века, К.Самойлов отмечает тенденции многообразия архитектурно-художественных форм индустриального направления с преобладанием тем центральноазиатского регионального зодчества с применением солнцезащитных приспособлений и модулей, упрощённой классики с ордерными элементами, национального орнамента, витражей, панно и т.д. [160, с. 616]. Национальные мотивы, ассоциации и силуэты, образно связывающие новые строения с историческим наследием, прочитывались через отсылки к формам традиционного зодчества, таким, как стрельчатая арка, пиштак, купол и их новые прочтения, возвращённые на достижения современного строительства «...и органического сочетания с принципами русской классической архитектуры...» [22, с. 58] [116, с. 54].

К концу XX века в Казахстане трактовка регионализма выражалась не только в иллюстративном подходе, но и приобрела новые формы передачи через архитектуру глубинной сути культуры и духа места вместо прямого цитирования архитектурных элементов. Ярко выраженными региональными признаками характеризовались здания, представлявшие собой характерный советский стиль зданий 1980-х годов и пример комплексного подхода, учёта региональных особенностей с одновременной стилизацией национального зодчества.

Этот период стал рубежом в осмысленном подходе создания гуманной среды, учитывающей потребности населения и формирования новых тенденций в формообразовании с учётом истории, контекста места с признаками некоторой «романтической и антифункциональной направленности» [160, с. 616-626].

Активное строительство крупных объектов – жилых комплексов, административных зданий, медицинских, культурно-бытовых учреждений, театров, музеев, университетов, школ, промышленных сооружений было связано с социально-экономическими условиями и техническими достижениями. Архитектура знаковых общественных сооружений в это время, обращаясь к истории и прошлому опыту, тяготела к монументальности форм, новому прочтению узнаваемых элементов традиционного зодчества: куполов, пилонов, орнаментальных решеток и витражей, стилизованных сталактитов и др. Созданию своеобразной эстетической картины способствовала активизация научных исследований в области истории, археологии, традиционного зодчества и изобразительного искусства; выявление истоков и основ нематериальной и материальной культуры [261].

В то же время, обусловленные единой архитектурной школой, повсеместным развитием инженерных технологий, а также общим социальным строем с соответствующей ему идеологией, общественные сооружения на территории Советского Союза возводились из аналогичных конструкций и материалов по идентичным планам и образу. Можно отметить тождественность функционально относящихся к одному типу сооружений, в разных концах СССР, в основе которых можно было прочесть величественность помпезность, монументальность силуэтов строений: Русского драматического театра им. М.Ю.Лермонтова (Алматы, 1968 г., арх. В.Давыденко, Г.Горлышков, М.Былинкин, В.Руденко) и Музыкально-драматического театра (Ургенч, Узбекистан, 1978 г., арх. В.Березин, А.Козлова) и др. Идентичные лаконичные стройные силуэты зданий основаны на композиции из вертикальных ритмов солнцезащитных ребёр и панелей, стен-витражей, а архитектурно-планировочные решения - на чётком функциональном зонировании, взаимосвязи интерьера с окружающей средой путём включения дворики, обводнения и озеленения территории.

Усилению региональной принадлежности здания театра им. М.Ю.Лермонтова способствуют организация требуемого уклона мест зрительного зала и использование уникального конструктивного подхода в виде железобетонных «стаканов» - опор, предназначенных для снижения сейсмической нагрузки [22, с. 218-219].

В качестве аналогичного примера также представляют интерес образные решения зданий Государственного музея искусств имени А.Кастеева (Алматы, 1975 г., арх. Э.Кузнецова, О.Наумова, Б.Новиков) и Дворца художественных выставок (Вильнюс, Литва, 1967 г., арх. В.Чеканаускас). Соответствующие функциональные зонирования в сооружениях оптимизируют благоприятные условия для посетителей, способствуя непрерывному круговому осмотру

экспозиций. Выразительность объёмно-пространственным формам придаёт ритм небольших пирамид на кровлях для верхнего освещения и ребристые выступы по периметру здания, «прячущие» под углом оконные проёмы в целях защиты от прямых солнечных лучей. В композициях сооружений предусмотрены внутренние дворики с элементами ландшафта и малыми архитектурными формами как основа всей объёмно-пространственной композиции [20, с. 280].

Для условий южного климата Алматы, наличие внушительного по размерам атриума, внутреннего дворика с элементами ландшафта в здании Государственного музея искусств имени А.Кастеева служат альтернативными приёмами создания комфортного микроклимата в летний период. Архитектурный объём здания решен лаконично: прямоугольная геометрия фронтальных поверхностей фасадов завершается четырехгранной стеклянной пирамидой над атриумом. Выразительность фасадам также придаёт козырек, активно выступающий над главным входом. В градостроительном отношении зданию музея отводилась важная роль как центру культурной жизни формирующегося района со среднеэтажной застройкой. Но даже сегодня, в условиях активной застройки данного района многоэтажными зданиями, музей до сих пор не потерял своего значения как один из ключевых элементов среды и пример прогрессивных тенденций в архитектуре Алматы 1970-х годов.

Своеобразная идентичность силуэтов прочитывается в образах зданий гостиницы «Алатау» (Алматы, 1975 г., арх. И.Кушнарев, С.Темиргалиев, А.Петров) и гостиницы «Узбекистан» (Ташкент, Узбекистан, 1974 г., арх. И.Мерпорт, Л.Ершова, В.Ращупкин). Оба сооружения слегка изогнуты в плане с раскрытием на проспект (в Алматы) или сквер (в Ташкенте), играя доминирующую роль в формировании городского ансамбля. Пластичность, выразительность и скульптурность фасадам гостиницы «Алатау» придаёт горизонтальный ритм светотеневых контрастов заглубленных лоджий с балконами и стен-витражей [257, с. 237], а в случае гостиницы «Узбекистан» - непрерывный ритм рисунка солнцезащитных решёток из лёгких железобетонных конструкций [262, с. 229-231].

Всё это говорит о том, что в республиках Советского Союза в середине XX века в условиях индустриального строительства искали пути типизации объёмно-планировочных решений и координации экономики, удовлетворяющие требования строительной технологии, архитектурной композиции и градостроительства, больше формируя архитектуру с признаками интернационализма с повсеместным применением таких материалов, как бетон, металл, алюминий. Имело место установление основных принципов унификации и модульного единства в проектировании и строительстве, рекомендованные в Единой модульной системе (СНиП II-А.4-62-ЕМС) [263, с. 62]. Для успешной адаптации образцов типологизации проектирование велось с привязкой к месту с эпизодическим использованием традиционных форм. Однако, несмотря на это, на территории Советского Союза в середине XX века происходил процесс взаимообогащения и взаимовлияния культур и

строительных традиций между союзными республиками. В сочетании с современными подходами это способствовало сложению общих региональных черт в советской архитектуре в целом. Такие факторы, как схожесть истории того или иного края, идентичность культур, аналогичные природные условия, близость национальных и этнических групп и т.д. благоприятствовали течению этого процесса. В основе развития региональных школ архитектуры можно проследить синтез национального и интернационального традиций и новаторства. В особенности активное проявление регионализма получило в архитектуре общественных зданий в национальных республиках Закавказья и Центральной Азии, отражающее достаточно весомое влияние местного разнообразия климата и ландшафта и своеобразное преломление традиционных архитектурных форм.

Во второй половине 1970-х гг. и в 1980-е гг. такой фактор как учёт историко-культурного контекста и условий места сыграл важную роль в формировании «регионализма критического», когда творчество отдельных современных архитекторов способствовало созданию знаковой архитектуры таких крупных городов как Алматы. Велось активное строительство крупных объектов - культурно-бытовых учреждений, зрелищных, спортивных, учебных и промышленных сооружений, связанное с социально-экономическими, политическими условиями и техническими достижениями. Городская среда казахстанских городов имела свои особые признаки в архитектуре, которые различно интерпретировались в разные периоды советской истории [116, с. 180].

Относительно новый подход в вопросе обращения традиционному зодчеству был применён в архитектуре музея Ч.Валиханова в пос. Алтын-Эмель Алматинской области (1985 г., арх. Б.Ибраев, Р.Сейдалин, С.Рустембеков). В основе одновременно лаконичной и динамичной композиции музея - интерпретация формы *сагана-тама* (бескупольного мавзолея, характерного традиционному зодчеству Казахстана в домусульманский период) [70, с. 127]. Современное прочтение семантических форм и символических значений отсылает к древним архетипам и значениям в космогонии тюрков.

Значительный интерес представляет выявление творческого переосмысления форм и элементов национального зодчества в современной мемориально-культурной архитектуре. К примеру, своевременно цитирование древних силуэтов в композиции мемориала Ыкыласа Дукенова (1993 г., арх. Э.Байтенов, А.Еспенбет, Г.Сахариева), в селе Саудакент Жамбылской области. В силуэте вытянутого конуса со срезанным фасадом и входной частью в виде разлетающихся крыльев переплетаются образы кобыза, шатра кочевника, национального головного убора, а также отсылки к традиционному *сагана-таму*. В образе другого мемориального комплекса, посвящённого батырам Карасаю и Агынтаю в Северо-Казахстанская области (1999 г., арх. Б.Ибраев, С.Агитаев), читается головной убор батыра, боевые снаряжения и национальная символика.

В архитектуре мемориального комплекса Абая и Шакарима в Восточно-Казахстанской области (1995-1996 гг., Б.Ибраев, С.Агытаев, Л.Карпыков) прослеживается отсылка к строительным приёмам возведения мавзолеев в эпоху Караханидов (гофрированные поверхности куполов Бабаджи-хатун и Жоши-хана), а в основе концепции использовано обращение к традиционным космогоническим представлениям в мировосприятии казахов. Башнеобразные формы мавзолей с отличающимися завершениями куполов объединены платформой длиной двести метров, расчленённой по высоте на три яруса, символизирующим уровни Вселенной [264].

Архитектурный комплекс музей «Коркыт-ата» с амфитеатром и погребальным сооружением - стелы в форме кобыза (1980 г., арх. Б.Ибраев, физик-акустик С.Исатаев) на берегу Сырдарьи пронизан символикой, которая соотносится с мифологическим «центром» земли и украшен орнаментом «туйе табан». Магические звуки, похожие на мелодию кобыза благодаря трубам, встроенным в стелу, издаются в ветреную погоду [140] [265].

Совершенствование принципов организации среды, отказ от прямых отсылок к национальным формам и элементам, стремление к ассоциативности образов характеризуют архитектуру и градостроительство Казахстана к концу XX века как отражающиеся на современные региональные «...принципы формообразования и формирования среды...» [116, с. 67].

В архитектуре 1980-х гг. к зданиям, демонстрировавшим поиски новаторства в синтезе прогрессивными традициями, с помощью архитектурно-художественных средств (усиление пластики, контраста и нюанса, масштабности) и богатством декора относятся, впоследствии ставшие знаковыми: Казахский драматический театр им. М.Ауэзова (Алматы, 1980 г., арх. О.Баймурзаев, А.Кайнарбаев, М.Жаксылыков); Аппаратно-студийный комплекс (Алматы, 1981 г., арх. А.Коржемпо, М.Эзау, В.Панин); Республиканский Дворец школьников (Алматы, 1983 г., арх. В.Ким, А.Зуев, Т.Абильдаев,); Дворец торжественных обрядов (Целиноград – Нур-Султан, 1983 г., арх. В.Тоскин); Центральный Государственный музей Республики Казахстан (Алматы, 1985 г., арх. Ю.Ратушный, З.Мустафина, П.Рзгалиев); Лечебно-оздоровительный комплекс «Арасан» (Алматы, 1983 г., арх. В.Хан, М.Оспанов), Гостиница «Чайка» (Караганда, 1984 г., Е.Попов) и др.

К примеру, благодаря архитектурной выразительности и конструктивному решению, гармонично вписанный в существующий ансамбль Дворца Республики и гостиницы «Казахстан» на фоне Заилийского Алатау, Дворец школьников в Алматы (арх. В.Ким, А.Зуев, Т.Абильдаев, 1983 г. обладает ярко выраженным региональным характером [257, с. 240-241, 242-248]. Купол, характерный для традиционной казахской архитектуры, перекрывает обсерваторию, а использование динамичной спирали в планировочной схеме здания органично подчинено контексту места и подчёркивает космогонические представления о строении мира. Такая специфика композиции позволила плавному «объятию телом» здания окружающего ландшафта, благоустроенного с учетом рельефа местности, а отдельные блоки были соединены с помощью

крытых переходов. Региональный характер здания был усилен наличием зимнего сада и размещением кружковых и учебных комнат, раскрывающихся к прохладным южным ветрам – горным бризам. Использование местных традиционных строительных материалов (балхашский и кордайский гранит, мангыстауский ракушечник, металл и дерево) подчеркнули образ природного окружения [260, с. 9-10].

Включенность в общие тренды развития мировой архитектуры последней четверти XX века вдохновил зодчих Алма-Аты на создание проектов, ставших шедеврами советской архитектуры: Дворец имени Ленина, гостиница «Казахстан», Дворец пионеров, Дом политпросвещения, Дом офицеров, банный комплекс «Арасан». Этот период стал вершиной комплексного регионального подхода в архитектуре республики: каждое из названных сооружений отражало философию и дух места, критически переработанную трактовку местных архитектурных форм, внедряло в «местную тему» современные морфологические подходы, новые строительные материалы и технологии [118, с. 8-9].

Государственный музей Республики Казахстан, расположенный по центральной оси в зоне влияния важного градостроительного узла г. Алматы (на пересечении проспектов Назарбаева и площади Республики) – ярко выраженный пример культурных трендов в архитектуре Казахстана 1980-х годов. В создании образа музея использовались приемы, навеянные чертами местной мемориально-культурной архитектуры и декоративно-прикладного искусства: центральный купол, пилоны, декор стали отсылками к региональным приемам строительства традиционных сооружений. Несмотря на крупные габариты стилизованной дворцовой архитектуры с рядом массивных вертикальных членений, гармонично подобранные масштаб и пропорции форм придают зданию лёгкость и своеобразие. Как показывает опыт развитых стран, современные музеи различного назначения – объекты с яркой и вдохновляющей архитектурой [259, с. 167-173].

В Казахстане архитектура музеев как проводник в историю, связующее звено между прошлыми и нынешними поколениями отражали основные архитектурные тренды соответствующих исторических периодов. После отказа от традиций советского классицизма в архитектуре, с начала 1970-х годов можно наблюдать некоторые программные проекты музеев, которые отличались неординарным решением.

Особым проявлением региональной идентичности характеризуется архитектура мечетей через явное обращение к традиционному арсеналу композиционных средств и форм, которые практически не перерабатываются. Следуя традиционным, в основном, восточным приемам были созданы современные здания мечетей Алматы, Нур-Султан, Актау, Актобе, Атырау и других городов. Так, традиционные региональные силуэты Центральной (Соборной) мечети г. Алматы (арх. С.Баймагамбетов, Ж.Шарапиев, К.Жарылгапов, 1992 г.) и мечети г. Атырау (арх. Ш.Юсупов, Т.Абильда, Н.Попова, 1999 г.) были сформированы использованием порталного входа с

аркой, большого купола над центральным пространством мечети, угловых башен типа *гульдаста*, минаретов и т.д. Другая традиционная форма в виде шатрового купола на восьмигранном барабане применена в строительстве мемориального комплекса Байдибек-Ата в Южно-Казахстанской области (арх. Г.Садырбаев и др., 1998 г.) Здесь отчетливо читаются «цитаты», отсылающие к средневековой архитектуре Саманидов и Караханидов.

Представленные примеры архитектурных сооружений до XXI века в современных условиях являют образцы гармоничного сочетания прогрессивных строительных традиций и локального контекста, являясь идентификаторами региональной архитектуры. Анализ таких факторов и условий как использование прямых знаков, визуальных кодов национальной культуры, традиционных приёмов; стилизации и символизации форм; синтеза искусств; учёт природно-климатических условий среды; наличие характерных для края строительных технологий и материалов в разные *периоды* показал поэтапную смену формирования региональных признаков архитектуры Казахстана до начала XXI века (Рисунок Б. 12, Приложение Б). Обусловленные различными стилями, планировочными приёмами, методами формообразования, строительной материальной базой региональные простые формы-архетипы эволюционировали в новые отображения традиционности.

Сложение основных типов мемориально-культовых построек и форм-архетипов (пирамида, конус, купол, сфера, башня, вертикаль и др.) в обширный период до XVII вв.; формирование своеобразной смеси «колониального» зодчества, основанного на стилизаторстве древнерусского и европейских стилей в симбиозе с формами и элементами традиционного искусства в промежутке XVII в. – до начала XX в.; поиск прогрессивных принципов архитектуры и градостроительства с 1917 г. и в особенности рубежа 1940-1950-х гг., соотносят с этапами, отмечены как «*регионализм романтический*» или «*казахская классика*» [116, с. 67].

Анализ показал, что для второй половины XX века характерны: поиск региональных форм через воспроизведение этнического облика поселений и современную интерпретацию основных форм-архетипов в 1960-1970-е гг.; сложение своеобразного набора форм, деталей, установок и правил, не относящихся к известным стилям и направлениям, но наметивших зарождение *региональной* архитектуры в 1980-1990-е гг. на основе стилизации традиционных силуэтов, их дробления или сопряжения, усложнения контуров. Годы становления Независимости (1990-2000 гг.) характеризуются многовекторностью архитектурной парадигмы, обусловленной расширением спектра строительных материалов и технологий, современной интерпретацией традиционных форм купола, башни, использования сложных динамичных линий.

Систематизированные по периодам и их характеристикам знаковые общественные сооружения в Казахстане, построенные до начала XXI века, представляют собой яркие примеры воплощения региональной идентичности, как совпадающие с этапами регионализма, ранее предложенных учёными:

«местный – романтический – критический», так и способные сосуществовать одновременно в один исторический период и не соответствующие этому порядку. К примеру, к романтическому регионализму можно отнести здание Центрального Государственного музея Республики Казахстан (Алматы, 1985 г., арх. Ю.Ратушный, З.Мустафина, П.Рзгалиев), а к критическому - здание Государственного музея искусств имени А.Кастеева (Алматы, 1975 г., арх. Э.Кузнецова, О.Наумова, Б.Новиков). Безусловно, этому способствует национальная специфика, заключающаяся в органичном сочетании опыта кочевников, уходящего в глубину веков и открытости современного человека к новизне и продуктам инновационных технологий.

2.3 Современные подходы в мировой архитектурной практике: «Новый регионализм» в архитектуре XXI века

Понятие «новый регионализм» в 1990-е годы профессор политических и социальных наук М.Китинг (M.Keating) описал как неотъемлемый аспект местного и регионального экономического развития [247]. По мнению учёного, принципы, построенные на согласованности действий, синергии, сохранении экосистемы и устойчивого развития, обеспечении прав человека и равных возможностях общества на самоидентификацию составляют суть успеха Европейского союза. Процесс эффективной регионализации будет обеспечен при соблюдении обязательной интеграции и партнёрства вместо конкурирующей атмосферы в условиях глобального мира [266].

«Новый регионализм» - это явление не замкнутого характера, а феномен экстравертной модели общества, выходящего за пределы «...национального государства, в то же время укрепляющего его...» [227]. Обязательное включение негосударственных организаций как участников процесса «нового регионализм», их взаимодействие на различных уровнях способствует формированию многоуровневой системы управления и современной парадигмы.

Кардинальное отрицание проникновения интернационального в архитектуру и повсеместное обращение к традиционному опыту строительства с примитивизацией устоявшихся форм не решат проблему однообразия силуэтов и форм, созданных в различных частях света. Необходимы новые аспекты регионализма, его рычаги влияния на все сферы окружающего мира путём эмоциональной привязанности и принадлежности к месту через ряд современной интерпретации опознаваемых знаков, образов, ассоциаций и символов [266, с. 115].

В то же время, Ч.Дженкс стержнем новой концепции видит только формальные признаки, внешние характеристики с акцентом на образах и силуэтах, исключая необходимость обращения к окружающему контексту, связи с местной культурой и мифами, изучения смыслов знаков и символов, с которыми отождествляет себя потребитель данной архитектуры. Учет местного строительного и культурного опыта традиций учёный относит к «архаическим

предрассудкам прошлого» и ставит во главу угла мировые достижения в различных сферах науки [61].

Попытка противостоять охвату архитектуры глобализацией, построенной на типизации и универсализации строительных конструкций, и одновременное нежелание возвращаться к прошлому у Ч.Дженкса строится на внедрении «...фундаментально новой парадигмы...», исключающей легкомысленный подход в поиске новых форм в виде «модернистских навесных стеклянных фасадов», или следования «...моде, или смены стиля...» [61]. Так, по его мнению, наиболее оптимальным методом решения этого вопроса может стать модифицирующийся характер архитектуры, основанной на законах, как природы и Вселенной, так и физических процессах и математических расчётах (фрактальная геометрия, нелинейная динамика, теория самоорганизации - синергии): трансформация привычных форм в каплевидные, пузырчатые, фрактальные образцы. Ч.Дженкс называет ряд архитекторов на мировой арене, чьи творения ассоциируются с поиском новой культуры архитектурных тенденций: Бен ван Беркель (Ben van Berkel), Фрэнк О.Гери (Frank Gehry), Сантьяго Калатрава (Santiago Calatrava), Рем Колхаас (Rem Koolhaas), Дэниэл Либескинд (Daniel Libeskind), МакДугал (MacDougall), Эрик Мосс (Eric Moss), Джеймс Стирлинг (James Stirling), Норман Фостер (Norman Foster), Заха Хадид (Zaha Hadid), Питер Эйзенман (Peter Eisenman) и др. Однако, наряду с авангардной ориентированностью, многие работы перечисленных архитекторов, также основаны на учёте местного контекста, что оказало влияние на зарождение нового регионализма – гармоничного синтеза традиций и новаторства [266, с. 115].

Примером, по признанию самого автора, «...объединения монументальности и свободы, старых традиций и новизны хай-тека...» можно назвать Новую государственную галерею Дж.Стирлинга (Штутгарт, Германия, 1977-1884 гг.), которую А.Рябушин относит к «...проявлению нового уровня архитектурного мышления – контекстуального...»: «бесфасадный» силуэт сложного многофункционального здания, построенный на основе неформатных архитектурно-планировочных приемов и стилевых направлений в одном объекте, гармонично вписан в существующее окружение городской ткани с обязательным соблюдением современного опыта строительства музеев [193, с. 98] [44, с. 110] [266, с. 116].

К одному из примеров создания благоприятной атмосферы, когда были использованы приемы проектирования в суровом климате северных районов Западной Европы, можно отнести проект Ральфа Эрскина. Конторское здание «Ковчег» (1989-1992 гг.), напоминающее огромный ковчег, является своеобразным ядром транспортной развязки плотно застроенного района Лондона. Существующий контур участка продиктовал форму здания в плане, а внутреннее функциональное наполнение учитывает возможность многовариантной перепланировки этажей для размещения офисов. С помощью простых, но эффектных приемов архитектору удалось создать комфортные условия для работы внутри здания. Технология применения материалов и

форма здания из выпуклого стекла способствуют отражению шума извне; уникальная система вентиляции с использованием центрального атриума и боковых шахт, являющихся элементами архитектурной выразительности здания, позволяют значительно снизить расход энергии для вентиляции.

Другим примером, где архитектор максимально использовал контекст места и региональные факторы во время проектирования, является уникальное здание небоскреба Шанхайского банка (Гонконг, 1981-1985 гг., арх. Норман Фостер). Здание, ставшее впоследствии символом города, сочетает в себе новейшие достижения инженерной мысли, смелость конструктивных решений, технологических схем, адаптированных для данного места и отличающих сооружение от других. В основе конструктивной схемы были заложены восемь башен, каждая из которых опирается на четыре колонны. Башни соединяются большепролетными фермами, которые освобождают внутреннее пространство от дополнительных конструкций и позволяют создать гибкую планировку с максимальным простором и свободой внутреннего пространства. В проект также внедрена система солнечных отражателей, которые позволяют осветить отдаленные внутренние уголки здания через центральный атриум, а для охлаждения внутреннего воздуха использовалась морская вода.

Обыгрывание законов природы, подкреплённое новаторскими конструктивными решениями и материалами с помощью математических расчётов, заложено в формообразовании многофункционального комплекса «Городка искусства и науки» (1981-1988 гг., Валенсия, Испания) архитектором Сантьяго Калатравой. Уникальную композицию из пяти отличающихся друг от друга строений, как метафору живой природы, построенную на ассоциациях и интерпретации анатомических форм скелета, суставов и других человеческих органов, можно отнести к органической архитектуре [266, с. 116].

Необычные преобразования, синтез традиций и новаторства в формообразовании, усиленные достижениями цифрового проектирования, с оптимальным учётом существующего окружения радикально меняют методику проектирования и способствуют зарождению новой парадигмы в создании региональной архитектуры. Самобытный силуэт здания, который соответствует принципам нового регионализма, представляет собой архитектурную доминанту – фокус, влекущий за собой коренные преобразования окружающего пространства и тенденции его дальнейшего развития и оживления. Обновлённая интерпретация пространства с ярким архитектурным акцентом, возведённым с помощью инновационных технологий, притягивая новых зрителей, становится привлекательным для туристов и инвесторов, тем самым, способствуя возрождению всего региона и укрепляя его экономические и культурные влияния - даётся старт программе реновации [266, с. 116].

К выразительным примерам эффектных преобразований регионов, не пользующихся популярностью регионов (небольшое поселение, промышленная или периферийная часть города, заброшенный участок, тихий неприметный район и т.д.), можно отнести творения известного архитектора Френка О.Гери. Музей Гуггенхайма в Бильбао (1997 г., северный регион Испании) - образец

новаторского подхода в проектировании музейных зданий. Сооружение в стиле деконструктивизма является произведением зрелищного искусства и характеризуется как «живая» архитектура, реагирующая изменчивостью при восприятии его зрителем в зависимости его передвижения, угла зрения, расстояния от объекта, времени суток, климата и сезона, и даже - культурного или исторического отождествления реципиента. В результате, абстрактная композиция здания добавила образу города индивидуальности, а пространственной структуре поселения – целостности, став его устойчивым центром [266, с. 116].

Нелинейной динамичной архитектурой также отличается другая работа Френк О. Гери - здание Музея дизайна Витра (Вайль-на-Рейне, Германия, 1987-1989 гг.) - метафора «застывшего движения» по признанию самого автора. Экспрессивность и неустойчивость, характерные образу строения были достигнуты путём противопоставления разнородных объёмов и блоков с «внезапными» линиями в облике [44, с. 129]. Сегодня здание представляет собой активный архитектурный ориентир и может считаться символом города, привлекая новых зрителей [245, с. 78, 81] [266, с. 116-117].

К феномену устойчивой ассоциации известной достопримечательности с названием города, региона можно отнести популярный у туристов и жителей края район набережной Влтавы чешского города Прага. «Обнимающиеся» волнообразные и сложно искривлённые башни комплекса офисов «Джинджи и Фред» (1996 г.) в стиле деконструктивизма, привели к «...эффекту...размытых контуров...мира...» [44, с. 137]. Комплекс, больше известный как «танцующий дом» является своеобразным «вызовом» привычным канонам проектирования. Однако, строение не разрушило композиционную целостность исторического района Праги, напротив, стал архитектурным манифестом слаженного сочетания культурно-исторического контекста и нового подхода в проектировании, подкреплённого достижениями в строительстве. Процесс обновления, возрождения - реновации представляется триггером модернизации района и новой трактовки концепции пространства региона. Несомненно, такой существенный аспект способствует усилению роли архитектуры и нового регионализма в программах развития государств и их самоидентификации в глобальном мире [266, с. 117].

Очевидно, что процесс регионализации неразрывно связан с революцией в области формообразования с помощью сверхмощных технологий, подводящих любую виртуальную фантазию, не подвластную каким либо законам, к реальному проектированию и строительству. Суть «нового регионализма» состоит в особом взгляде на формообразование, подвергающееся в современном мире неожиданным метаморфозам благодаря математическому цифровому моделированию. Поиском новой парадигмы в архитектурной науке, помимо вышеперечисленных, отмечены работы мировых легенд, создающих формы и пространства, выходящие за привычные рамки. К ним относятся такие архитекторы, как Дэвид Аджайе (David Adjaye), Жак Херцог (Jacques Herzog) и

Пьер де Мерона (Pierre de Meuron), Бен ван Беркель (Ben van Berkel), Эрик ван Эгераат (Erick van Egeraat), Бьярк Ингельс (Bjarke Ingels) и др.

Революционный подход Б.Ингельса, основанный на минимизации вреда на окружающую среду способствовал не только росту мировой известности его проектов, но и сложения региональных черт современной архитектуры Дании. Его объекты, такие как подкупающий своей «подлинностью» Музей Lego House (2017 г.), сочетающий в себе органическую архитектуру и функциональность дом-восьмерка (2010 г.), эко-проект горнолыжного склона на крыше электростанции Копенхилл (2017 г.) стали узнаваемыми объектами-компонентами региональной идентичности государства.

Однако, несомненным фактором, делающим узнаваемым архитектуру современных стран через новую эстетику формообразования является новые направления в глобальной архитектуре, основанные на методах деконструктивизма, параметризма, генеративной и экологичной архитектуры. Решительный прорыв в раскрытии принципиально новых закономерностей в формообразовании связан с «параметризмом» - термином, введённым впервые в 2008 году Патриком Шумахером, который провёл аналогию его принципов с творчеством Антонио Гауди [267]. Следуя принципам органической архитектуры – физической и визуальной взаимосвязи с природой и учётом гармонии в соотношении архитектурной среды и человека путём цифрового проектирования достигается точность математических связей между элементами сооружения с помощью известных средств гармонизации среды (ритм, метр, тождество и т.д.).

Роль объекта-магнита, возведённого способом параметрического проектирования в создании опознавательного образа для жителей и туристов, своеобразной среды города или региона чрезвычайно важна. Параметрическая архитектура Центра Гейдара Алиева (Heydar Aliyev Center) в Баку (2012 г., Азербайджан) по проекту Zaha Hadid Architects включает в себе творческий перенос авторского видения символической составляющей в общий замысел произведения. Так, через индивидуальный почерк творца выражается дух места, где стираются границы между искусственной средой, существующим ландшафтом и городской тканью.

Культурный центр Las Setas de Sevilla (Metropol Parasol) в Севилье (2011 г., Испания) построен по проекту Jorgen Mayer-Hermann. Строительство гигантского сооружения из бетонных, гранитных и деревянных конструкций привело к активизации доминирующей роли площади Пласа-де-ла-Энкарнасьон в структуре города. Комплекс стал культурным символом, опознаваемым знаком, «душой», формирующим образ города. Как элемент формирования региональной идентичности культурный центр дал толчок процессу реновации города и региона в целом. На первый взгляд кажущаяся простота структуры, содержит глубокий концептуальный посыл в организации градостроительной среды, привлекает своей оригинальностью и своим новаторским решением. Также, гигантская бионическая структура, состоящая из сопряженных плоских элементов-проекции, расположенных в определенном ритме, покрывает

большую площадь, образуя «живую теневую» зону, создавая комфортный микроклимат в среде и всё больше вовлекая в неё новых зрителей.

Генеративная архитектура, также как и традиционная, строится на принципах взаимодействия человека с климатическими и ландшафтными условиями, только с помощью новейших цифровых методов анализа показателей климата, геологических и гидрографических характеристик рельефа. Оперируя, комплексными алгоритмами построения архитектурных форм на основе количественных показателей местности и вдохновения бионическими образцами природы, сооружение «самогенерируется». Так, основываясь на применении автоматизированного проектирования, развитых технологий, строительной компанией Evergrande Group был спроектирован крупнейший в мире футбольный стадион в Гуанчжоу (Китай) в виде лотоса путём трехмерного моделирования повторяющихся «живых» форм.

Аналогично феномену г. Бильбао – символом города стало сооружение музея слияний Musee des Confluences в Лионе, (Франция, 2014 г., Coop Himmelb(l)au). Футуристический образ сооружения, перекликающийся с водной поверхностью, соответствует одному из смыслов многозначного названию объекта «confluences» (поглощение, слияние): геометрия формы со своеобразной воронкой в крыше воспроизводит сценарий падения метеорита или теорию рождения Вселенной. Между тем, расположение музея – полуостров в месте слияния двух рек в бывшей промышленной зоне на периферии [267, с. 4]. В результате, был получен импульс к активизации района с привлечением инвестиций.

Вне всякого сомнения, рассмотренные примеры уникальных сооружений сложных криволинейных очертаний, из совокупности геометрических и бионических форм или имеющих характер нематериальности и виртуальности, являются композиционными и градостроительными акцентами, удостаиваясь статуса архитектурных символов необычной архитектуры, формирующих региональную идентичность. Тенденция узнаваемости и популяризации обновлённых силуэтов и образов поселений основывается на архитектуре, построенной путём симбиоза местных традиций с новыми технологиями, новаторских приёмов формообразования и экспериментов с конструктивными решениями через собственное видение автором контекста места (Рисунок Б. 13, Приложение Б) [266, с. 117].

Принцип «нового регионализма» в архитектуре XXI века предполагает отказ от прямого цитирования традиций и компиляций, выходя за пределы «...национального государства...», и одновременное органичное сочетание новаторства в проектировании и строительстве с культурными и историческими особенностями местности. Так, осуществляется процесс трансформации замкнутой региональной архитектуры в открытую активную архитектурную парадигму. Несомненно, этот фактор может влиять на глобальные структурные преобразования в регионе в целом, способствуя государству стать важным «игроком» на мировой арене [227] [266, с. 117].

Выводы по разделу 2

1. Изучение истории развития регионализма в архитектуре XX века, систематизация архитектурных течений показывает, что:

- теория архитектурного регионализма сложилась на основе противопоставлений или аналогий с различными направлениями в архитектуре, и трактовалась как местная, относящаяся к какой-либо определённой территории, району, региону, области, группе стран;
- универсальная модель эволюции региональных признаков архитектуры (от вернакулярности до региональной идентичности) демонстрирует неэффективность каждого отдельно взятого направления в решении проблем региональной идентичности и необходимость взаимовлияния каждого последующего стиля.

2. Анализ факторов сложения региональных признаков в мировой архитектуре в различных социально-экономических и природно-климатических условиях показал тенденцию выработки в отдельном государстве собственного регионального направления по схожим путям формирования, основанным на заимствовании опыта передовых стран и поиске форм через авторское видение традиций, заинтересованности государства в привлечении инвестиций и развитии туризма через архитектуру.

3. Городские поселения на территории Казахстана с I по XX вв. формировались в три этапа - средневековый, фортификационный, производственный, с соответствием им типов городов – торгово-ремесленный, колониальный, современный.

4. Примеры знаковых общественных сооружений до начала XXI века (преимущественно, в бывшей столице республики – городе Алматы) систематизированы по региональным характеристикам и периодам, ранее предложенным учёными: *местный, романтический, критический*.

5. Теория регионализма в архитектуре XXI века продолжает развиваться с учетом условий глобальных тенденций: формируется «новый регионализм» в архитектуре - открытая вненациональная парадигма, основанная на контексте места, которая интегрирует продукты глобализма, а в результате - способствует реновации и международной узнаваемости региона.

3 ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ КАЗАХСТАНА

3.1 Проблемы интерпретации региональной идентичности в архитектуре Казахстана

После распада СССР, в условиях независимости Казахстан обеспечил дальнейшее развитие архитектуры и градостроительства на новом историческом этапе. Архитектуре предыдущего советского периода были свойственны творческая преемственность, вдохновленная культурными и строительными традициями, построенная на учёте природно-климатических условий, социально-исторических особенностей общества, обусловленная целесообразностью создания комфортных условий для жизнедеятельности человека и повышением престижа предыдущей столицы Казахстана - Алматы. Казахстан, как одна из бывших советских республик, получил в «архитектурное наследство» около 60% панельного домостроения, обусловленного актуальной в своё время необходимостью обеспечения жилищем населения республики. Повсеместное строительство из зданий без особых визуальных отличий определило схожий силуэт казахстанских городов. Специфическая социально-экономическая, политическая обстановка привели к риску потери национальной и региональной идентичности. В результате, стало очевидно назревание кризиса архитектуры и архитектурно-пространственной среды поселений.

Новый исторический этап архитектуры Казахстана после обретения независимости отмечен симбиозом исторически сложившихся архитектурных приёмов и форм с новыми строительными технологиями и материалами в возведении, жилых и общественных зданий. В первые годы постсоветской истории шёл поиск новых средств выразительности в архитектуре. Если в современной культовой архитектуре неприкрытое цитирование национальных форм и деталей (купол, арки и т.д.) ассоциировалось с традиционным мемориально-культовым зодчеством, то буквальный перенос этих же узнаваемых элементов в другие типы сооружений приводил к созданию псевдорегиональной архитектуры без глубинного осознания знаков и символов.

Анализ архитектуры Казахстана первых лет независимости показал, что качественный уровень архитектуры на этапе становления молодой республики снизился по сравнению с периодом 1980-х годов, когда повышению ценности архитектуры способствовал контроль строительства государством. Наблюдалось также некоторое снижение качества применяемых строительных материалов и конструкций, так как монополия со стороны государства в виде домостроительных комбинатов и т.д. утратила силу; ухудшились методы строительства случайными компаниями на архитектурно-строительном рынке. Немаловажную роль сыграло то, что после 1990-х годов заказчики проектов в виде частных лиц стали оказывать значительное влияние на архитектурное решение, навязывая авторам работ своё видение объектов.

В процессе исследования нами выявлены проблемы интерпретации региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана, подразделяющиеся на: *научно-теоретические и научно-практические* (Рисунок В. 1, Приложение В).

Научно-теоретические проблемы: *конфликт преемственности традиции и новаторства, отсутствие профессиональной архитектурной критики, отсутствие научной парадигмы развития региональной архитектуры.*

Научно-практические проблемы: *примитивизация трактовки архитектурных форм, компилятивность и непрофессиональный подход к синтезу искусств в архитектуре, недостаточный качественный уровень технологических решений, неразвитость института общественной референтуры и культуры местной инициативы.* Исследованием предусмотрено раскрытие сути и предпосылок каждой из этих проблем.

Научно-теоретические проблемы.

Конфликт преемственности традиции и новаторства. Основной проблемой интерпретации региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана является конфликт взаимодействия традиций и новаторства, поиск новой трактовки форм, собственного архитектурного языка.

К примеру, выработка новых силуэтов и образов строений рубежа 1920-1930-е гг. была обусловлена внедрением последних достижений строительных технологий и конструкций, а также, увлечением новым на тот момент стилем конструктивизма. Так, этот период, относимый Г.Абдрасиловой к «регионализму романтическому», отмечен строительством объектов, одновременно отражающих *национальное* с учётом местного климата, ландшафта и быта, но характеризовавшихся отсутствием форм и элементов, подчёркивающих принадлежность к традиционной восточной архитектуре [116, с. 67] [260, с. 11].

Широкое «цитирование» темы сводов, арок, казахского орнамента активизировалось к 1940-м годам в архитектуре «национальной по форме, интернациональной по содержанию», придавая пространственной среде оригинальный азиатский колорит, благодаря стрельчатым аркам проемов, башенкам с куполами, солнцезащитным решеткам, орнаментированным деталям [118, с. 7-8].

Период 1955-1960 гг. в советской архитектуре обозначился борьбой с украшательством, которая на годы отодвинула практику использования региональной темы в строительстве зданий и сооружений. Массовое строительство жилых и общественных зданий из элементов заводского изготовления включило Казахстан в ареал «интернациональной архитектуры», чему способствовало развёрнутое в 1960-е годы крупнопанельное строительство, призванное решить жилищные проблемы советского общества. Всплеск интернациональной архитектуры в 1970-е годы и национальной в 1980-е годы был сменён совершенно новой траекторией развития. Градостроительство этих лет можно охарактеризовать как проевропейское,

которое развивалось на основе регулярной планировочной системы без глубокого учёта региональных аспектов.

Несмотря на активную архитектурную деятельность, возведение в Алматы уникальных архитектурных ансамблей и городских интерьеров с самобытным колоритом в 1950-1980 гг., формирование новой эстетики пространственной среды не всегда была реализована специалистами. В условиях поиска прогрессивных идей, оригинальных экспериментов и конкурентного внедрения новых строительных технологий, региональное осмысление проектируемого архитектурного пространства часто характеризовалось формальным цитированием национальных форм и элементов. Это выражалось в симбиозе классических черт и современной трактовки форм через обращение к традиционной форме кочевого зодчества – юрте или использование «реплик» региональных приёмов и форм строительства, характерных для мусульманского зодчества (акцентированная симметрия, центральный купол, пилоны, декор, стилизованные «минареты», арочные окна, порталы, башни). Вместе с тем, повторяющиеся классические формы зданий, в особенности административного, культурного и музейного назначения советского периода, воплощали образ незыблемости и силы власти. Основу композиций, аналогично зодчеству римской империи составляли выраженная тектоника, пропорциональный строй, симметрия, ритм и т.д.

В 1990-2000 гг. изменился характер направления поисков в градостроительной и архитектурно-строительной областях, сопровождавшихся бурной деятельностью и активным строительством, возобновившимся в Алматы, Актау, Астане, в Атырау и в других городах Казахстана. Период, связанный с экономическим ростом и развитием нефтедобывающей промышленности, можно отнести к переходному этапу анонимной архитектуры. Для крупных городов как Астана, Алматы и других областных центров были разработаны генеральные планы с учетом новых социально-экономических условий и роли каждого поселения в системе расселения. Поиск национального своеобразия, проявившийся в эти годы в зодчестве Казахстана вследствие обретения статуса суверенного государства в архитектуре общественных, мемориально-культовых зданий 1990-х гг., в основном, выражался в постоянном и прямом повторе старых формы: широко эксплуатировались псевдонациональные силуэты без глубокого понимания сути региональной архитектуры.

Изолированность от внешнего мира, поверхностное копирование традиционных форм и элементов неотвратимо ведёт к вырождению архитектуры [96, с. 55]. В этих условиях, каждый казахстанский архитектор должен избегать того, чтобы по-своему интерпретировать архитектурный язык, формально использовать формы и элементы традиционной архитектуры.

Учёными считается ошибкой принимать внешние отличия за национальные признаки, в особенности, это касается архитекторов «со стороны», которые сравнивая страны - свою и «экзотическую» в его понимании, с легкостью определяет местный колорит и национальный стиль.

Такой поверхностный подход только создаёт иллюзию формирования национального в архитектуре [56, с. 114]. Проблему представляет не только односторонний подход к творчеству путём повсеместного засилья, преувеличения и примитивизации традиционных приёмов, но и «преклонение» перед зарубежной архитектурой, бездумного копирования аналогов мировой архитектуры, что также неминуемо приводит к потере самобытности регионального зодчества. Модифицирующие влияния внешних источников, как зарубежной западного, так и восточного опыта негативно влияют на формирование языка региональной архитектуры. Как итог, формируются, *психологические* проблемы отторжения собственных корней в архитектуре и примитивизация отличительных черт национальной архитектуры, нивелирование особенностей, изведение их к примитивности по причине бессистемного научного обоснования.

Отсутствие научной парадигмы развития региональной архитектуры. В настоящее время наблюдается: низкий уровень региональных знаний, отсутствие научной парадигмы развития региональной архитектуры, изучения архитектурного наследия. Проблему усугубляет задержка создания структурированной системы научных институтов (НИИ) для изучения проблем архитектуры Казахстана. Требуется прогностическое видение гипотетической модели региональной архитектуры, аспектов, подлежащих модернизации.

Отсутствие профессиональной архитектурной критики. В современных условиях процесс поиска региональной идентичности требует развитие архитектурной критики. Отсутствие слаженной системы взаимодействия различных групп, организаций в виде архитектурно-критических журналов, интернет-порталов является причиной образования вакуума в профессиональной деятельности в архитектурном мире. Профессиональная критика освещает вопросы истории и новости архитектуры, достижений технологий, осуществляет анализ, к примеру, сооружений, в которых, наиболее ярко выражен региональный характер. Также, стратегия деятельности архитектурной критики будет влиять на формирование региональной архитектуры Казахстана, факторов и направлений её развития в современных условиях.

Наряду с перечисленными *научно-теоретическими* проблемами интерпретации региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана существует не менее важный ряд проблем *второго уровня - научно-практические*, требующие вмешательства специалистов из других сфер и активизации на государственном уровне.

Примитивизация трактовки форм. Проблема *отсутствия композиционной выразительности* выражается в нарушении «...системы взаимосвязанных элементов композиции...» и образовании «...домов-, районов-близнецов...». Как следствие, утрачивается тесно связанная с архитектурной композицией цельность и выразительность художественно-эстетического образа объекта, отражающего идеологию общества. Основной признак композиции – это целостность художественно-выразительной системы

форм, которая достигается с помощью средств гармонизации (метр и ритм; симметрия, асимметрия, дисимметрия; нюанс, контраст, тождество; статика, динамика; массивность, пространственность; цвет, свет и фактура). Целостная система форм в архитектурной деятельности является художественным материалом, генерирующим *уникальность стилевых решений* объекта. Архитектура через формы передаёт эпоху: стилистика зданий, тектоника, материалы, комплекс приёмов и средств выразительности характеризуют время, авторов произведений, мировоззрение и взаимоотношения в обществе и т.д. [32, с. 19] [269, с. 5].

Форма в архитектуре многозначна: содержит утилитарную нагрузку, символическую интерпретацию, и передаёт реальный характер культуры, стиль и эпоху [270, с. 98] [271]. Утрата этих значений, в особенности символизаций, ассоциаций лишает форму исторических и культурных смыслов. Период 1900-2000 гг. обозначился исчезновением целого пласта региональной культуры в архитектуре Казахстана, образовалась пустота без признаков стилевых особенностей, идеологических символов, которые бы трактовались на мировой арене как отличительные черты казахстанской архитектуры.

Компильативность и непрофессиональный подход к синтезу искусств в архитектуре. В современной архитектуре требуется узнаваемость, индивидуальность не только экстерьера здания, комплекса, района, но и его фрагментов в виде наполнения внутреннего пространства, малых архитектурных форм, скульптур, панно, декора, орнамента и т.д. Вместе с обращением к местным традициям, истории, климату и ландшафту, учёту специфики восприятия архитектурной среды региональная идентичность базируется на использовании декора - инструменте трансляции традиций.

«...В знаках и символах современный человек генерирует систему ассоциаций о комплексе деятельности человека прошлого...» [272, с. 81]. Синтез искусств информирует о социально-бытовых, этнических, технических, экономических условиях данного времени, одновременно оттеняя общую идею архитектурного образа. К примеру, художественность архитектурной среды прилегающей территории кинотеатра «Арман» (1968 г., арх. А.Коржемпо, В.Панин, И.Слонов) обусловлена архитектоникой самого сооружения и усилена лаконичной подачей барельефных скульптурных композиций на боковых фасадах (Рисунок Б. 12, Приложение Б). Масштабность и строгость композиции фигур (художник-монументалист В. И. Константинов) отражают культуру и историю Казахстана в контексте эпохи, органически связывая тектонику сооружения с его местом в структуре важного градостроительного узла [260, с. 9].

С помощью различных символов и знаков обостряется восприятие зрителя. Однако, символ, по мнению Ш.Аскарова, «...имеет наиболее фундаментальную социальную значимость, ...выражает главные идеи, понятия, чувства и законы исторического и современного развития, ...и символизм в архитектуре Востока 1970-1980-х годов означает слияние достижений прошлого и современных проблем...» [96, с. 54].

Декоративное обрамление архитектуры имеет различный спектр использования согласно периодам развития зодчества и регионам, композиции, цвету, материалам, деталям и символическому содержанию. В связи с тем, что в основе символического значения форм содержится мифология и особенности места, синтез искусств в архитектуре укрепляет идейно-художественную значимость объектов, и создаются условия для формирования эстетических, духовных ценностей у населения, а значит - национального самосознания и самоидентификации личности и культуры.

Известно, что орнаментика, геометричность и устойчивый ритм были издревле присущи культовой архитектуре, символизируя стремление к порядку, гармонии, преодолению страха перед смертью [273]. Применение орнамента, мотивов традиционного декора всегда выражает самобытность любой народности и придаёт сооружениям яркую индивидуальность. Так, древней культуре Центральной Азии были характерны высокая поэтичность и романтичность художественного языка, эллинистический подход в возвышении красоты человеческого тела и природы, экспрессии батальных сцен (костяные пластины эпохи кангюй, «звериный стиль» скифов) [43, с. 9-14].

В начале средних веков международная трасса Шелкового пути способствовала диалогу культур и религий (зороастризм, буддизм, манихейство, христианство) и представляла собой синтез тюркской и согдийской культур, что выразилось в применении настенной живописи с резьбой в виде растительных мотивов в монументальной и культовой архитектуре VI-VIII вв.

С утверждением во многих городах ислама, были вытеснены остальные местные культы и верования, которые местами синкретически соединились с новой религией. Зародилось новое искусство декоративного и узорного характера, насыщенное локальным эстетическим мировоззрением. Процесс исламизации происходил в основном, на территории Южного Казахстана в городской среде: были заметны тенденции украшения надписями религиозного содержания мечетей, мавзолеев, культовых ансамблей. Сформировались единые эстетические предпочтения для народов Казахстана и республик Центральной Азии, где основополагающим стержнем художественной культуры стал ислам, который регулировал правила изобразительного искусства. Так, объёмные пластические живописные композиции, изображения в миниатюре сюжетов мифологии были заменены плоскостным геометрическим орнаментом, растительной тематикой эпиграфических надписей религиозного и исторического содержания с достижением высокого уровня ремесленного производства: резьба по дереву, металлу, роспись на майолике, наборная мозаика из кашина, глазурованных кирпичей.

Декоративно-прикладное искусство всегда отражало особенности культурно-исторического развития региона, быт и уклад жизни населения, придавая дополнительную окраску в сложении региональной идентичности: уникальная подача барельефных, скульптурных изображений, живописи,

мозаики, витражей, органически связанная с композицией архитектурной среды, обогащает и углубляет её идейно-художественный облик.

Однако, широко распространённое буквальное применение орнаментов в современной архитектуре, упрощенное понимание символов, знаков без расшифровки приводит к разрыву преемственности традиций в трактовке символов и снижает потенциал синтеза искусств в архитектуре [274]. Советскому периоду характерен учёт этих нюансов и тенденций развития национального стиля в архитектуре с помощью художественно-эстетических приёмов. Параллельно, вместе с разработкой общественных зданий в стиле неоклассицизма, модернизма и т.д. в общую композицию включились элементы декоративно-прикладного искусства в виде панно, этнических орнаментов, мозаик и других элементов. Примерами синтеза искусств в архитектуре Казахстана являются: переработка мотивов национальных орнаментов и их использование в экстерьере и интерьере Казахского государственного академического театра оперы и балета им. Абая (1941 г., арх. Н.Простаков, при уч. В.Бычкова, П.Поливанова, Т.Басенова); внедрение мотивов казахского прикладного искусства в оформление здания Академии наук Казахской ССР (1953 г., арх. А.Щусев при уч. Н.Простакова); синкретическое создание национальных форм в сочетании с классицистической традицией в виде стилизованного ордера с мотивами народного зодчества в архитектуре зданий бывшего Дома правительства Казахской ССР (1957 г., арх. Б.Рубаненко и Г.Симонов), Казахского национального женского педагогического университета (1954 г., арх. В.Бирюков), Казгосфилармонии, (1958 г., арх. А. Леппик), оркестра народных инструментов им. Курмангазы (1952 г., арх. Т.Бреннер, С.Космериди); устройство солнцезащитных решеток сплошным кольцом вокруг здания Дворца бракосочетания (1971 г., арх. М.Мендикулов, А.Леппик, Н.Оразымбетов) из геометрического узора в виде национального орнамента и т.д. [257, с. 205, 220, 242, 274, 300, 310].

Чтобы не было избыточного украшения и стилизаторства в виде «национального формализма» и в целях усиления региональной идентичности через декоративно-прикладное искусство, присущее духовной жизни и культуре народа, нужно постичь «глубинные закономерности формообразования» [45, с. 336-337], «...не следование формальным признакам, а творческое переосмысление, основанное на глубоком понимании самой структуры народного мышления, отразившегося в орнаменте, ... закономерности и целесообразности орнамента...» [275, с. 23]. Требуется «проникновение» в суть символов и знаков, в национальные особенности культуры и психического склада народа. Глубокий анализ и осмысление закономерностей построения форм могут стать основой сложения современных стиливых решений архитектурной среды.

Недостаточный качественный уровень технологических решений. В условиях прогресса инновационных технологий проблема архитектурного творчества связана с отсталостью строительных технологий, однообразием некачественных материалов вследствие унифицированного заводского

изготовления, а также вторичностью используемых средств и отсутствием прямого доступа к технологиям.

В корне этой проблемы лежат следующие аспекты:

- ограниченность инвесторов-заказчиков в понимании важности формообразования в архитектуре;

- недобросовестная борьба за строительный рынок в виде закладки в проектно-сметную документацию материалов тех поставщиков, которые поощряют заинтересованность строительных компаний путём системы бонусного вознаграждения;

- «...технологическая многоукладность, выражающаяся в ограниченных возможностях использования преимуществ прогрессивных технологий наряду с широким применением «увядающих» и архаичных...» [276].

В результате страдает качество возводимых сооружений, снижаются художественно-образные показатели и низкий уровень воплощения архитектурных идей в образном контексте, отсутствие композиционной выразительности. В этой ситуации важно усилить роль архитектурного надзора, лоббирование интересов государства в возведении статусных объектов с региональной сущностью и уникальными стилевыми решениями.

Неразвитость института общественной референтуры и культуры местной инициативы. Советские республики, в том числе и Казахстан, в конце XX века стали независимыми государствами, и прошли через десятилетия реформ, становления нового общественно-политического и социально-экономического уклада. В современном Казахстане ведется активное строительство жилых, общественных, производственных зданий и сооружений. Однако, формирование идентичности в архитектуре – длительный и комплексный процесс, в котором участвуют не только профессиональные архитекторы. Одной из причин проблемы идентичности является замкнутость архитектурной деятельности и её зависимость от городских структур управления и заказчиков-инвесторов. Мнения общественных организаций, ассоциаций, жителей города всё ещё не влияют на архитектурные и градостроительные решения. В результате отсутствие архитектурной критики, широкого обсуждения через СМИ, привлечения населения, учёта места, истории, мнения, интересов и требований потребителя-соучастника приводит к оторванной от реальности «виртуальной» архитектуре.

В советский период были примеры практики координации работы архитектора и потребителя архитектуры: «культура местной инициативы» широко и эффективно взаимодействовала с профессиональным формированием города в 1970-1980-е годы в Узбекистане. Работа архитектора заключалась в регулировании и организации процесса проектирования с учётом потребностей непосредственных потребителей среды, их творческих предложений и идей [96, с. 71-76]. С 2020 года в Алматы в процессе разработки нового генерального плана города широко использовался метод участия населения в обсуждении проектных решений. Очевидно, что подобная практика сотрудничества архитекторов и потребителей будет расширяться, и общественное мнение

станет ещё одним инструментом формирования региональной архитектуры и гуманной архитектурно-пространственной среды поселений Казахстана.

3.2 Современные факторы формирования региональных характеристик в архитектуре Казахстана

Казахстан после обретения независимости, через реформы становления нового общественно-политического и социально-экономического уклада, возрождения культурных традиций, к началу XXI века обозначил приоритетами государственной политики технологический прогресс, сближение культур, международную научную интеграцию и внедрение современного строительного опыта развитых стран. В условиях глобализации мир входит в фазу актуализации идентичности – политической, исторической, национальной, культурной и др.

Анализ архитектуры Казахстана за прошедшие двадцать лет XXI века демонстрирует некоторые результаты, подтверждающие, что идентичность является эффективным механизмом самосохранения региональной общности на основе достижений науки и технологий. В стране ведется активное строительство жилых, общественных, производственных зданий и сооружений. Архитектурно-строительная отрасль Казахстана все эти годы решает не только прагматические задачи – формировать среду жизнедеятельности для своих граждан, но ставит цель повысить имидж страны на международной арене, презентовать социально-экономические достижения, привлечь зарубежных инвесторов [174, с. 2].

Для архитектурной практики Казахстана поиск приемов и методов регионального формообразования – насущная задача в силу становления молодого государства, стремящегося создать свой уникальный имидж на международном уровне. Современные общественные сооружения (музеи, театры, дворцы молодёжи и др.) представляют собой ключевые элементы формирования пространственной среды: именно эти объекты активно реагируют на культурные запросы социума и наиболее ярко выражают локальный контекст. Архитектурный образ культурно-зрелищных, досуговых и других объектов, созданный с учётом этнических, исторических, строительных традиций и современных технологических инноваций, обеспечивает связь общества с культурной памятью. Это пробуждает у населения ощущение сопричастности к истории, и способствует его самоидентификации.

После провозглашения Казахстана в 1991 году независимым государством поиск региональной идентичности в архитектуре развивающейся страны и её мегаполисов обрел особый смысл, который усилился с переносом в 1997 году столицы из города Алматы в город Астану (ныне – Нур-Султан). Строительство новой части города на левом берегу реки Есиль, где не было визуальных связей со старыми районами застройки советского периода, давало архитекторам исторически значимые полномочия на реализацию творческих идей. За годы строительства столицы в Астане-Нур-Султане большое число оригинальных проектов было осуществлено по проектам казахстанских архитекторов: Дом

Министерств, застройка площадей, Водно-зеленого бульвара, жилые комплексы, музеи, административные здания, гостиницы и торгово-развлекательные центры, университеты, медицинские центры и многое другое [170, с. 71] [174, с. 2]. Среди них: жилые комплексы «Триумф Астаны» (арх. А.Зуев, Н.Борискин); «Северное сияние» (арх. А.Сауменов, Я.Эзау, Ш.Матайбеков); «Гранд Алатау» (арх. Ш.Матайбеков); административная башня «Темир жолы» (арх. Т.Абильда) и др. [277]. С целью позиционирования образа Казахстана на международной арене как современного, динамично развивающегося государства, правительство страны приняло решение – для проектирования объектов столицы наряду с казахстанскими специалистами привлекать известных зарубежных архитекторов. Так, столица республики стала уникальной площадкой смелых необычных объектов, в создании которых важную роль сыграли не только отечественные, но и архитекторы с глобальным опытом проектирования – авторы реализованных проектов, соединивших в себе местные традиции и мировые тренды архитектуры – Кишо Курокава, Норман Фостер, Манфреди Николетти и др. [174, с. 6].

Вопрос интеграции зарубежных архитектурных идей и технологий в Казахстане является значимым аспектом в изучении проблемы формирования региональных характеристик в архитектуре. В работе внимание сконцентрировано на выявлении элементов региональной идентичности в проектах зарубежных архитекторов, осуществленных с 1997 года, в основном, в двух крупнейших городах – развивающейся столице Казахстана - *Нур-Султане* и бывшей – *Алматы*.

Лучшие образцы архитектуры представляют собой симбиоз оптимального использования мировых технологий и местных традиций. В современной архитектуре Казахстана все очевиднее проявляются региональные черты, артикулируя особую философию места, отражая природно-климатические и культурные традиции страны. Расширяя границы творческих возможностей архитекторов и вовлекая в процесс архитектуры новых участников, обладающих своей национальной культурой и архитектурными традициями, можно усложнить процесс формообразования, обогатить и освежить местный опыт и устои, придав им свежую интерпретацию [24, с. 7-12]. Именно поэтому возросла значимость привлечения архитекторов с мировой известностью Казахстан для проектирования значимых объектов.

Так, по итогам международного конкурса в 1997 году разработка генерального плана новой столицы была поручена одному из выдающихся мастеров XX века – японскому архитектору Кишо Курокаве. Разрабатывая эскиз-проект нового центра Астаны, К.Курокава – сторонник теории метаболизма в архитектуре - «отказался от идеи, завершенной в себе планировки», он проектировал город, способный к росту, полагая, что «будущее – за метаболизмом» по принципу самоорганизации и саморазвития с предоставлением возможности поселению быть открытой и готовой к переменам [277, с. 34] [174, с. 6].

Основная идея К.Курокавы состояла не в проектировании генерального плана в классическом смысле, а в организации гибкой открытой системы, способной реагировать на перемены и преодолевать сопротивления в структуре по законам явления, известного в науке как «синергетика». Синергетика (от греч. - содействие, сотрудничество) - взаимосвязь различных элементов системы, их различные состояния, в которые переходит система, т.е. процесс внутренней самоорганизации. Принимая во внимание этот факт, можно считать, что замысел К.Курокавы состоял в развитии архитектурной среды, с реакцией на внутренние связи с некоторой зависимостью от проявлений внешнего окружения, инициирующих изменения.

Одной из важных задач, которую нужно было решить – это деликатное включение объекта в контекст среды с учетом существующей городской структуры и связей. Мастер-план японского архитектора следовал идее устойчивой архитектуры, где главную роль играет река Есиль, которая делит теперь город на две части – правую (старый город) и левую (новый город) [118, с. 8-9]. Так, основной целью проектировщиков стало решение таких задач, как оптимальное взаимодействие природной и искусственной среды, учёт контекста места, обеспечение зелеными зонами, как в городе, так и вокруг него [174, с. 6] [277]. Развернулось масштабное возведение современных жилых комплексов, объектов культуры, торговли, обслуживания, спорта и развлечений, а сформировавшиеся архитектурно-градостроительные мысли были направлены на осуществление в фарватере мировых инновационных трендов с целью выработки выразительного архитектурного силуэта молодой столицы Казахстана [174, с. 6].

Современные архитектурные сооружения демонстрируют творческую преемственность, являя собой примеры гармоничного синтеза передовых достижений инженерных мыслей и локальных природно-климатических условий, создавая устойчивую комфортную среду жизнедеятельности человека и новую эстетику пространственной среды, способствуя повышению престижа суверенного Казахстана на мировой арене. Такая архитектура характеризуется стремлением к новизне, созданием уникального продукта вне устоявшихся эстетических норм. Это особенно ярко отражается в архитектуре объектов, активно откликающихся на культурно-исторические изменения в обществе. К ним относятся здания театров, музеев, мемориально-культурные сооружения, дворцы молодежи и др., которые являются ключевыми элементами формирования региональной идентичности архитектурной среды городов [174, с. 10-11].

Востребованность и посещаемость имеющихся популярных зданий и сооружений, к числу которых относятся музеи, выставочные павильоны неразрывно связаны с социально-культурными и природно-климатическими особенностями местности и, следовательно, с расширением сферы туризма в регионе - экономического явления, одного из главного фактора развития региональных качеств архитектуры и стимулирующего процессы поиска самоидентификации государств [261, с. 170-171].

Музеи - особый тип культурно-просветительского учреждения, способствующего образованию и привлечению к культуре и искусству широких масс населения. Предназначение музеев – экспозиция, хранение, изучение объектов материальной и духовной культуры, место доступа и знакомства общества с достижениями культуры и науки [278]. Деятельность музеев напрямую связана с интересом населения к истории, культуре, естествознанию, материальным достижениям человечества, и зависит от притока туристов. Закономерно, что здание музея, отличаясь своеобразной уникальной архитектурой, само по себе является объектом культуры и искусства, также как и ярким элементом создания целостности городской среды [26, с. 170-171].

В архитектуре здания Национального музея Республики Казахстан, который был открыт в 2014 году в столице Казахстана г. Нур-Султан, использованы авангардные приемы формообразования. Здание музея - необычной формы, состоит из семи блоков переменной этажности. Это - крупнейшее в Центральной Азии музейное здание, общая площадь которого составляет 74 000 кв.м. Монотонность глухих стен некоторых блоков композиционно оживлена барельефом из национального орнамента. Архитектурно-планировочное решение музея строилось на основе чёткого функционального разделения выставочных зон для удобного поэтапного передвижения посетителей согласно исторической хронологии. Здесь можно ознакомиться с материалами об археологических, этнографических, исторических памятниках, самобытной степной культуры и духовного наследия Казахстана, начиная с древних времён. Особое внимание уделено современным выставочным технологиям, дополнительным включениям в виде научно-исследовательского института, конференц-, медиа-залов, отвечающим мировым стандартам и способствующим интерактивному ознакомлению с новейшей историей и культурным наследием страны [261, с. 170].

В градостроительном контексте музей находится на главной площади, в композиционной увязке с новым центром столицы, который представляет собой архитектурный ансамбль из современных объектов государственной значимости и культурной ценности. В Нур-Султане, второй среди самых холодных столиц мира, сильные ветры и температура зимой может снизиться до -52°C [196, с. 74]. Такая специфика суровых условий на территории севера Казахстана требует разработки адаптированных методов строительства. Одним из распространённых приёмов является защита архитектурной среды от снеготаносов и господствующих ветров с помощью зданий с глухими стенами. При строительстве здания музея были учтены особенности местного резко-континентального климата: северный фасад представляет практически сплошную глухую стену, защищающую от господствующих холодных ветров в зимнее время; а большие стеклянные витражи открыты в сторону востока и юго-востока, навстречу солнечному свету и теплу. Перед взором посетителей музей предстает как динамичная форма, символизирующая силу и мощь государства, уверенное движение в будущее. Также суверенный Казахстан с

молодой, но динамично развивающейся столицей, стремится встать в ряд развитых стран [261, с. 170].

В 2013 году Международная специализированная выставка «Энергия будущего» - ЭКСПО-2017 стала творческой площадкой для поиска и интеграции этнокультурных и региональных особенностей в архитектуру.

В международном конкурсе на проект выставочного комплекса участвовали более пятидесяти архитекторов из разных стран, которые пытались осмыслить и отразить традиционную кочевую культуру в виде ассоциативных образов национальных музыкальных инструментов, головных уборов, костюмов, жилищ (юрты, конусовидных башен, шатров кочевника). Победителем конкурса была признана американская компания Adrian Smith+Gordon Gill Architecture. Американские архитекторы представили свой проект как «символ прекрасного будущего, где все человечество объединено и живет в мире и согласии» [98, с. 27]. В качестве центрального объекта комплекса Национальный павильон Казахстана был представлен в виде многоэтажной сферы (Вселенная, Земля, макрокосм кочевника) с использованием последних достижений технологий. Вместе с павильоном на площадке возведена интегрированная группа зданий - международные и тематические павильоны, которые после завершения выставки используются в качестве офисов научных организаций. Выставочный комплекс стал катализатором возросшего интереса населения к знаниям «зеленых» экологически ориентированных технологий во всех сферах жизни, в том числе - в архитектуре и строительстве.

Между тем, необходимо отметить, что линия поиска духовных символов, традиционных тюркских мотивов, национальных форм и деталей в региональной архитектуре проходит красной нитью и в других культурно-просветительских учреждениях, строительство которых пришлось на рубеж конца XX в. и начала XXI в. Так, образ музейно-мемориального комплекса жертв политических репрессий «АЛЖИР» (2007 г., арх. С.Нарынов) решён ассоциативным рядом форм сакральных курганов, святилищ – традиционных для степного зодчества. Безмолвная скорбь на территории комплекса эмоционально усилена композицией из скульптур-аллегорий [279].

В силуэте многоярусной мечети в Павлодаре (2002 г., арх. Т.Абильда, Н.Кабдуалиев, Ш.Юсупов, С.Даутов, С.Нурбай,) легко читаются ассоциации с воином, палаткой бедуина и т.д., а гофрированные поверхности главных куполов отсылают к строительным приёмам возведения мавзолеев в эпоху Караханидов, таких как Бабаджи-хатун и Жоши-хана.

Образы мемориальных комплексов, таких как «Батыр Бабалар» в Алматинской области (2017 г., рук. гр. дизайнеров Ш.Кожаканов), Кобланды в Актюбинской области (2007 г., арх. Б.Ибраев), восхваляющих бесстрашие казахских батыров – защитников родной земли от иноземцев, навеян военной тематикой. Отсюда и силуэты – повторяющие головной убор батыра, боевых копий, а сакральный дух комплексов усилен скульптурными изваяниями

воинов, боевыми снаряжениями, национальным орнаментом на поверхностях и другой символикой, означающей доблесть, благородство и единство народа.

Наряду с новой столицей, в прежнем центре страны – Алматы - форпосте современной экономики, науки и техники региона, новаторство успешно сочетается с традициями. На протяжении своей истории пространственная организация расселения города строится во взаимосвязи новейших тенденций с одновременным сохранением или новым прочтением элементов, форм и деталей с учётом контекста места. Благодаря природно-климатическим условиям, выраженному рельефу и живописной панораме горного обрамления горизонта, Алматы является благоприятной средой для развития спортивной инфраструктуры, как в горной местности, так и в самом городе.

Соответствие требованиям технологических связей, распределению зон и различных потоков людей является главным условием правильного функционирования спортивных комплексов. Поэтому, основополагающим модулем при проектировании зрелищных сооружений являются габариты основных зон для размещения спортивной площадки, трибун для большого количества людей. Вместе с тем, назначение современных большепролётных сооружений требует решения задачи создания комфортных условий в пределах пространства без каких-либо опорных конструкций для проведения спортивных игр, организации мест для зрителей, а значит применения новых конструктивных решений и поиска нестандартных художественных образов. В качестве примеров новых спортивных объектов, построенных в Алматы, достойно пополнивших ряды современной авангардной архитектуры Казахстана, можно привести такие здания, как ледовые дворцы «Халык арена» и многофункциональный ледовый комплекс «Алматы арена» (арх. Мелешенко С.Л.), построенные в 2017 году для проведения зимней Универсиады в Казахстане. Градообразующие факторы продиктовали выбор места: сооружения расположены на пересечении основных магистралей, что создает возможность хорошего обзора, подчёркивается необычность плавных форм сооружений на фоне гор. В этих спортивных сооружениях нового поколения внутреннее функциональное содержание соответствует внешнему образу, выраженному через символы природных элементов - глыбы льда, снега, огромные застывшие капли воды, сверкающие под лучами горного солнца.

Своеобразный симбиоз двух противоположных культур Азии и Европы представляет полифункциональный комплекс «Нурлы тау», придающий облику Алматы новое неожиданное звучание (2004 г., арх. Т.Ералиев, С.Баймагамбетов, А.Татыгулов) [280]. Его сложная многоступенчатая форма с развитой инфраструктурой выражает новый виток внедрения инновационных технологий и стремления региона к самобытности. Динамичная композиция комплекса из строгих и лаконичных форм-кристаллов, обозреваемая с различных ракурсов по мере движения по проспекту Аль-Фараби, перекликается с силуэтами сверкающих вершин Зайлийского Алатау, демонстрируя региональную привязанность к среде. В поиске региональной идентичности архитектурно-планировочное решение и принцип организации

пространственной среды «Нурлы тау» основаны на тщательном и всестороннем учёте природно-климатических характеристик региона: четыре группы зданий различной этажности, эспланада в виде пропилен, предусмотрительно ориентированы по направлению «север-юг» [280, с. 327-328]. В условиях крупного мегаполиса Алматы, расположенного в полузамкнутой межгорной долине, где в воздушном бассейне города накапливается большой процент выхлопных газов, перечисленные приёмы способствуют достаточному проветриванию территории комплекса вечерним горным бризом по направлению к нижней части застройки. Аналогично движению воздуха в ущелье, в узких пространствах между зданиями создаются своеобразные тоннели для движения воздушных масс, вызванных взаимодействием охлажденных и нагретых участков территории полифункционального комплекса. Вместе с тем, оптимальное соответствие анфиладной системы, организации дворовых пространств и переменной этажности зданий выраженному характеру местного рельефа способствует требуемой инсоляции помещений, а разница в высотных отметках рельефа обеспечивает организацию отвода поверхностных вод [280, с. 327-328] [174, с. 9].

В целях создания комфортного микроклимата в помещениях (сохранения тепла в зимнее время и прохладной температуры - в летнюю жару) и во дворах с обеспечением тишины принята соответствующая ширина строений с организацией внутренних дворовых пространств, защищённых с помощью зданий-экранов. Инновационные методы и технологии строительства, задействованные в комплексе «Нурлы тау» позволяют нивелировать негативные воздействия сейсмических нагрузок, характерных региону. Кроме всего, достигнута художественная целостность всей композиции с помощью проглядывающегося между разрывами блоков живописного фона гор Заилийского Алатау, усилена историко-культурная память художественно-образного решения комплекса наличием малых форм архитектуры, изображающих элементы культур различных народов, некогда проживавших в поселениях, через которые проходил Великий Шёлковый путь [280, с. 327-328] [281] [174, с. 9].

Особый интерес для исследования представляет трактовка региональных факторов Казахстана зарубежными архитекторами. На наш взгляд, проекты зарубежных архитекторов, с одной стороны, ускоряют внедрение прогрессивных технологических и художественно-образных тенденций в местную практику. С другой стороны происходит осмысление представителями «чужой» культуры традиционной архитектуры Казахстана, сочетание актуальных идей с творческой интерпретацией региональных особенностей. Ряд известных зарубежных архитекторов, участвовали в проектировании уникальных объектов новой столицы Казахстана, которые можно отнести к образцам авангардной архитектуры.

Здание Дворца Мира и Согласия, торгово-развлекательный комплекс «Хан-Шатыр» и многофункциональный гостинично-жилой комплекс «Абу Даби Плаза Астана» высотой триста восемьдесят метра (арх. Н.Фостер);

гостинично-офисное здание высотой двести шестнадцать метров (арх. К.Кикутаке); киноконцертный зал «Казахстан» (арх. М.Николетти); гостинично-офисный комплекс высотой двести восемьдесят метров (арх. Р.Стерн) и другие строения, выполненные в соответствии с прогрессивными технологиями и методами, придают неповторимый своеобразный облик новой столице Казахстана [174, с. 6]. Строительство «Дворца Мира и Согласия» в 2006 году по проекту архитектора Нормана Фостера было связано с проведением Международного Конгресса мировых и традиционных религий. Образ здания в виде пирамиды раскрывает региональную картину мира: квадратное основание (61,8x61,8 м) символизирует землю, тогда как вершина пирамиды – небо, вечность. Объект читается как центр мироздания и единения различных верований, их общности. Здесь также был учтён холодный климат Нур-Султана: английские инженеры применили уникальные подвижные шарнирные конструкции в основании пирамиды, способные реагировать на сезонные температурные колебания, сжимаясь и разжимаясь с амплитудой в шесть сантиметров [118, с. 10].

Как и традиционные памятники казахской архитектуры, один из доминантных объектов столицы - торгово-развлекательный комплекс «Хан-Шатыр» высотой сто пятьдесят метров (арх. Н.Фостер, 2010 г.) фиксирует в пространстве точку, обеспечивая историческую взаимосвязь формы с местом строительства (Нур-Султан расположен в центре огромного степного массива Сары-Арка) [118, с. 10-11]. Здесь реализована концепция кочевнической культуры в виде древнего жилища номадов – шатра, но в современной авангардной интерпретации. Разумеется, в конструктивной схеме здания применена уникальная система, способствующая защите внутреннего пространства в условиях резких температурных перепадов и созданию комфортного микроклимата.

Примером регионального прочтения жилой архитектуры в зарубежном изложении является комплекс «Изумрудный квартал» - пример международной коллаборации - совместная работа архитектора Р. Варакалли, компании Zeidler Partnership Architects (Канада) и проектной компании «Базис» (Казахстан). Уникальный по своим архитектурным и аэродинамическим характеристикам, комплекс из трех зданий (тридцать семь, сорок три, пятьдесят четыре этажа) можно сравнить со степным ковылем. С тридцать второго уровня каждый последующий этаж расширяется, придавая асимметричность силуэту зданий. Также как и степное растение, которое колышется под напором степного ветра, комплекс в виде расходящегося веера противостоит сильным ветровым нагрузкам Нур-Султана. В этой связи, региональный характер сооружению придаёт учёт контекста места и установка зданий на специальные сваи на необходимую глубину (до двадцати метров) и фундаментную плиту требуемой толщины с предварительными проведениями испытаний проекта в аэродинамической трубе [174, с. 9].

Значительный интерес представляют проекты зарубежных авторов, реализованные в крупнейшем городе Казахстана – Алматы как яркие примеры

взаимодействия инновационных технологий, традиций и учета «духа места». Например, проект комплекса «Esentai» (Skidmore, Owingsand Merrill (SOM), 2008 г.) выполнен с учетом высокой сейсмической активности и слабой продуваемости воздушного бассейна города. В целях устранения проблем безветрия и скопления выхлопных газов в виде смога объемно-пространственные решения направлены на регулирование движения воздушных масс с помощью узких разрывов между зданиями – тоннелей: вследствие взаимодействия охлажденных и нагретых участков территории создаются бризы.

Пространственная система многосекционного комплекса разработана с включением ядер и рам жесткости, расположенных по периметру строения, и устойчивых к сейсмическим нагрузкам. Также были использованы демпферы, позволяющие сооружению в случае сейсмических колебаний раскачиваться и гасить горизонтальные нагрузки [114, с. 45].

Подводя промежуточные итоги анализа ряда объектов, построенных в крупнейших городах Казахстана, можно сказать, что рассмотренные уникальные объекты являют собой примеры современного языка казахстанской архитектуры с артикуляцией нового понимания региональных форм, адаптированных к реалиям глобального мира. Желание отстраниться от привычного прямого цитирования общеизвестных форм мемориально-культурной архитектуры в современных объектах мотивирует архитекторов других типов сооружений искать свой язык форм (Рисунок В. 2, Приложение В).

Проведенный нами анализ крупных архитектурных сооружений Алматы и Нур-Султан в разные периоды со схожими функциональными назначениями советского и постсоветского периодов показал различия в особенностях формообразующего языка архитектуры (Рисунок В. 3, Приложение В). Обусловленная политизацией всех сторон жизни в советский период архитектура Казахстана 1970-1980 гг. (Рисунок Б. 12, Приложение Б) характеризовалась традиционно монументальным образом, с использованием типовых приемов строительства и декоративного оформления с включением узнаваемых национальных мотивов в виде куполов, пилонов, орнаментальных решеток, витражей, стилизованных сталактитов - региональных «реплик».

Новые здания сформированы на основе синтеза новаторства и традиционных форм, как например Дворец школьников в Нур-Султане (2011 г.), построенный по проекту российского архитектора Н. Явейна. В сравнении с силуэтом здания Дворца школьников в Алматы (1983 г.), Дворец школьников в молодой столице представляет собой прогрессивное прочтение традиционных форм в сочетании с лаконичными геометрическими объемами, воплощая в себе авангардные тенденции формообразования в региональной архитектуре Казахстана через принципы конструктивизма и супрематизма.

Супрематизм в архитектуре предполагает отказ от традиционного прикладного декора или его замену плоскостными членениями, барельефом, не связанными с контекстом местности [57, с. 7-10]. «Плоскостная живопись» из

геометрического национального орнамента на фасадах комплекса в Нур-Султане создаёт аллюзии, рождая новые ощущения. Формообразующие тенденции конструктивизма в здании Дворца школьников основаны на функциональной обусловленности тектоники силуэта, а супрематизм – через визуальное эмоциональное восприятие композиции, составленной из контраста вертикальных объемов и активных «вылетов» горизонтальных форм. Форма сооружения внешне представляет гигантский цилиндрический элемент (диаметр - 156 м.) с центральным атриумом и отсылает к традиционному образу юрты - сборно-разборного жилища кочевых казахов [282].

В реальной кочевой жизни обтекаемая форма и лёгкие конструкции юрты, продиктованные бытовыми и природно-климатическими условиями, выполняли задачу устойчивости к сильным степным ветрам. Также, композиция из основных конструкций шанырака и уюков содержала в себе сакральную значимость, символизируя образ Солнца с лучами, устремлёнными в вечное небо. В архитектуре Дворца школьников представлено современное прочтение уюков - металлическая сетка, обрамляющая цилиндрическую основу строения. Композицию комплекса дополняют выступающие параллелепипеды, акцентирующие чёткое распределение функциональных зон [282, с. 78].

Другими сооружениями в Нур-Султане, выражающими новый взгляд на архитектуру Казахстана, являются Дворец Независимости и Дворец творчества «Шабьт», которые находятся по обе стороны главной композиционной оси столицы, проходящей через Акорду (резиденцию президента Республики Казахстан) и Дворец мира и согласия. Дворец Независимости (2009 г., Linea Tusavul Architecture) - комплекс для организации различных мероприятий, выставок, концертов, состоящий из художественных галерей, музеев, кинозалов, электронной библиотеки, предназначенный и т.д. Дворец творчества «Шабьт» (2009 г., Ш.Матайбеков) многофункциональное культурное сооружение, является творческим пространством для всех видов искусств: Университета искусств Казахстана с лекционными залами, художественных, танцевальных и музыкальных студий, концертных залов, ресторанов и т.д. Концепция искусства, которое хранится народом как ценный сосуд и передается последующим поколениям, также заложена в образ здания в виде цилиндра из стекла и металла с вырезом ядра - внутреннего двора. Уникальное лаконичное по форме сооружение является сложным по содержанию с множеством различных функций, гармонично сочетается своей геометрией с противостоящим объектом по другую сторону композиционной оси. Такой геометризованный подход в формообразовании позволяет поставить здание в ряд ярких представителей авангардной архитектуры Казахстана [282, с. 79].

Новые архитектурные объекты обеих столиц стали достойными примерами современной региональной архитектуры Казахстана, благодаря конструктивным решениям и уникальным художественным образам. Общий анализ реализованных проектов показывает, что траектория, по которой развивается современная архитектура Казахстана, берущая начало от советского опыта (классицизм и интернационализм) движется в сторону

авангардизма в формообразовании в региональной архитектуре: архитектурные стили, сменяя друг друга, повлияли на вычленение доминантных признаков в локальной архитектуре, представляющих духовную ценность для местного населения [282, с. 79-80].

В соответствии с задачами, направленными на повышение конкурентоспособности Казахстана в условиях глобализации и сохранение национальной самоидентификации, в стране создаются условия не только для укрепления статуса молодой столицы, но и развития других городов.

Такие факторы как подъём машиностроительной, текстильной, швейной, пищевой, фармакологической промышленности, а также животноводства, растениеводства и хлопководства во второй половине XX века в регионе способствовали становлению города *Туркестана* как крупного регионального центра не только промышленности, торговли и образования, но и культуры и туризма. Сейчас развитие туризма, преимущественно историко-познавательного и паломнического, стало важным толчком создания современной, но самобытной и уникальной пространственной среды города в условиях глобализации. Оригинальные подходы в создании регионального облика местности демонстрируются в процессе масштабного развития города *Туркестан*. В современных условиях наличие в городе такого значимого памятника средневековой архитектуры как мавзолей Ходжа Ахмета Яссави и обретение нового административного статуса областного центра в 2018 году определили направление экономической специализации Туркестана: внешний и внутренний туризм имеет все предпосылки стать значимым ресурсом, мощным источником постоянных экономических доходов.

Источником формирования региональной идентичности в современной архитектуре города Туркестана является историко-культурный музей-заповедник «Азрет-Султан» с мавзолеем Ходжи Ахмеда Яссави, представляющий огромную культурно-историческую ценность (Рисунок В. 4, Приложение В).

Мавзолей как главная архитектурная доминанта служит вдохновением визуально осмысленных региональных форм и признаков. Уникальный пример регионального строительства средневековой архитектуры является обширным источником, сочетающим в себе строительный и композиционный опыт маркирующих признаков восточной архитектуры (купол, арки, решётчатые элементы, малые архитектурные формы и т.д.). Зрительные и эмоциональные ассоциации строятся на аллюзиях силуэтов новых строящихся сооружений и имеющегося средневекового мавзолея Ходжа Ахмета Яссави. Величественность и монументальность объёмно-пространственной композиции мавзолея Ахмеда Яссави, небесный цвет его элементов, формы минаретов, порталов (пиштаков) и богатый декор, свойственные Тимуридской мемориально-культовой архитектуре, нашли отражение:

- в куполах и проёмах, порталных входах, арках «Восточной бани», отеля «Hampton by Hilton», Международного университета туризма и

гостеприимства, зданий Духовного управления мусульман Казахстана и мечети Ахмета Яссави, дворца бракосочетания, казахского драматического театра и др.

- в теневых устройствах зданий областного акимата, решётках международного аэропорта Хазрет Султан, малых архитектурных формах общественных пространств и т.д. [244, с. 135] [283].

При формировании нового регионального пространства города Туркестана поставленные перед проектировщиками задачи развития государства и национального самоопределения в условиях глобализации решаются путём исследования традиционной архитектуры региона. Новая функция города как культурно-духовного центра тюркского мира и административного центра способствовали пересмотру роли архитектуры в развитии Туркестана на основе современной интерпретации региональных признаков, своеобразной трактовки традиционных элементов древнего поселения с включением архитектурных инноваций.

Разумеется, процесс строительства новых городских пространств Туркестана должен сопровождаться использованием специальных архитектурно-планировочных приёмов, способствующих созданию оптимального микроклимата и их адаптации к природно-климатическим условиям. Особенности климата местности - субтропического внутриконтинентального со средней температурой воздуха летом $+28,7^{\circ}\text{C}$ и максимальной $+49^{\circ}\text{C}$ - предполагают такие мероприятия по смягчению температуры и увлажнения воздуха как обводнение территории с озеленением и обводнением территорий. Таким образом, улучшается микроклимат искусственной устойчивой пространственной среды – комфортной эко-системы с повышенным уровнем благоустройства общественных пространств для жизнедеятельности человека.

В этом случае, наряду со стремлением к формированию соответствующего микроклимата путём обводнения, уделяется внимание сложению уникальной архитектурной идеи путём взаимодействия форм и деталей сооружения с водным окружением из ряби волн и бликов, в свою очередь, в зависимости от освещения, влияющего на человека и его восприятие среды. Как итог, это вызывает интерес у потребителей архитектуры, привлекая туристический поток и способствуя модернизации местности с укреплением его экономических и культурных позиций.

Аналогичным активным внедрением водного компонента в архитектуру характеризуется процесс климатической адаптации пространственной среды и возведение зданий в городе Туркестане на примере туристического комплекса «Керуен сарай», прогулочных аллей и фонтанов. На территории развлекательного центра «Керуен сарай» вода в виде каналов, фонтанов наполняет влагой сухой воздух, одновременно способствуя ощущению спокойствия и покоя. Самобытность силуэтов расположенных в комплексе зданий отелей, развлекательных центров, торговых помещений подчёркиваются отражением фасадов и элементов в воде, создавая органическую целостность окружающего пространства. Как и здание Национального театра в Пекине

яйцеобразное строение медиакомплекса - летающего театра «Алтын Самрук» на территории «Керуен сарай» «выплывает» из воды искусственного канала, а его отражение усиливает архитектурный образ из восточной сказки.

Архитектурные преобразования материально-пространственной среды Туркестана строятся на усовершенствованных подходах в осознании устойчивого развития города: создание комфортной среды общественных пространств путём озеленения и обводнения рекреационных прогулочных зон, повышения уровня благоустройства, органичного взаимодействия новых объектов с существующим окружением (Рисунок В. 4, Приложение В).

Изучение реализованных в Казахстане зарубежных проектов показывает, что их авторы, не находясь в «плёну местных штампов», оригинально используют традиционные архитектурные темы, раскрывают уникальные особенности истории и культуры Казахстана, широко внедряют новые технологии в местную практику. В интерпретации зарубежных архитекторов региональная идентичность трактуется как инструмент технологической и художественно-образной модернизации, и проявляется как устойчивая, но гибкая система, включающая традиции и инновации. Современные здания и сооружения уникальной архитектуры, выполненные на уровне мировых стандартов, придают неповторимый облик городам Казахстана, подтверждая ценность интеграции зарубежного опыта для осмысления региональной идентичности в архитектуре [174, с. 10].

Разумеется, принцип вовлечения в процесс архитектуры новых участников имеет незамкнутый характер. Повсеместно учитываются современные тенденции, международные кейсы формообразования, и как следствие, возникают ситуации, когда напрямую перекликаются образы казахстанских и зарубежных объектов, но это не всегда копирование или компиляция. Часто это означает, что казахстанские архитекторы находятся на уровне переосмысления мировых идей, отсюда - некая схожесть архитектурных форм и деталей, тождество, в то же время отталкивающаяся от наших местных казахстанских образцов. Одни и те же мотивы, ассоциации, символы (растительные мотивы, солярные знаки, геометрические фигуры и т.д.) своеобразно изображаются через призму региональной трактовки, и возможно, зачастую являются прообразами местной культуры. Архитектурный язык Казахстана такой же, как и любой другой, стремится через формообразование на основе достижений науки и технологий к решению сложных задач и более глубинных проблем, таких как региональная идентичность.

В настоящее время *формирование региональных характеристик в архитектуре Казахстана* основано на глубоком осмыслении признаков идентичности (Рисунок В. 5, Приложение В):

- преемственности опыта, отражавшего местную художественно-образную специфику в соответствии с историческим периодом;
- переосмыслении интерпретации образов и символов традиционной казахской архитектуры;
- росте самосознания и культуры самоидентификации;

- адаптации приемов формообразования, композиционных средств в направлении авангардизации современной архитектуры Казахстана;
- государственной политике формирования международного имиджа страны через создание архитектурных «брендов» (строительство новой столицы и развитие экономики, внедрение передовых технологий проектирования и строительства);
- законодательном упорядочении процесса от начала проектирования до введения объекта в эксплуатацию (проект – экспертиза - разрешение на строительство уполномоченным органом – приёмка в эксплуатацию по решению государственной комиссии);
- открытию границ с налаживанием контактов и приглашением архитекторов мирового уровня, творческой конкуренции казахстанского и зарубежного архитектурного опыта;
- организации международных конкурсов и интеграция в международное сообщество и т.д.

В современной региональной архитектуре Казахстана наблюдаются тенденции воплощения репрезентативных и имиджевых проектов, отражающих эпоху. Образ сооружений, построенных за годы становления независимости республики, вне зависимости от их функциональных нагрузок, но различных интерпретаций одних и тех же форм и деталей, выражает культуру и идеологию современного общества.

3.3. Принципы, определяющие региональную идентичность в современной архитектуре в Казахстане

Каждой эпохе свойственно своё видение архитектуры и эстетические предпочтения зрителей, обусловленные социальными, политическими реалиями в стране, общественным мнением и критикой, а также позицией архитектора, отражающей художественное освоение действительности. Эти аспекты определяют форму, смысл и содержание архитектурных сооружений, прочтение и восприятие которых может иметь множество значений в зависимости от индивидуального сознания и изменяться с течением времени и развитием общества. Выявление и решение проблем формирования региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана, определение основных факторов сложения казахстанского архитектурного регионализма в контексте глобализации предполагает следование определённым принципам (Рисунок В. 6, Приложение В).

Принцип климатического (санитарно-гигиенического) комфорта среды. Вместе с основными требованиями к пространственной среде для обеспечения биологического функционирования организма человека и его социальных нужд, необходим анализ *климатических* параметров среды и их взаимодействие со строительными материалами и конструкциями. В целях защиты среды от резких сезонных и суточных перепадов температуры воздуха, переохлаждения организма человека или его перегрева должны быть определены оптимальные параметры для данного региона физических процессов, таких как

температурно-влажностный, аэрационный, акустический режимы и инсоляция, являющихся основой проектирования комфортной среды.

Для комфортного пребывания в среде требуются следующие параметры *температурно-влажностного режима*: в зимнее время $+18^{\circ}\text{C}$ - $+22^{\circ}\text{C}$ при относительной влажности 40% - 60% и подвижности воздуха 0,07 - 0,1 м/с; в летнее время $+23^{\circ}\text{C}$ - 26°C при относительной влажности 40% - 50% и подвижности воздуха 0,1 - 0,25 м/с [284].

При этом важным условием сохранения термического сопротивления строительных материалов и конструкций является соответствующее проветривание воздуха. Оптимальный *ветровой режим* определяется анализом повторяемости ветров, существующего ландшафта, расположения места строительства, ориентации сооружения, размещения и габаритов проёмов на поверхностях фасадов и т.д. Например, комфортная для теплоощущения человека скорость ветра южных регионов с температурой воздуха от $+10^{\circ}\text{C}$ до $+25^{\circ}\text{C}$ считается 1,0 - 3,0 м/с [79, с. 87].

Решая задачи по созданию благоприятного микроклимата, в целях санитарно-гигиенической безопасности в помещениях и на территории необходимо большое внимание уделять *инсоляции*, т.е. их облучению прямыми солнечными лучами, имеющими высокое бактерицидное действие и положительное воздействие на психологическое состояние человека. Гигиеничность помещений зависит от продолжительности процесса солнечного облучения, измеряющегося в часах, нормируемого государственными строительными нормами. К примеру, нормативная продолжительность инсоляции для регионов вдоль северных границ Казахстана (48° с.ш. - 55° с.ш.) – с 22 марта по 22 сентября должна быть не менее двух часов в день, а для основной части страны (южнее 48° с.ш.) - с 22 февраля по 22 октября - не менее полутора часов в день [79, с. 70] [285]. При этом в регионах южнее 48° с.ш. (Шымкент, Туркестан и др.) ориентация жилых помещений на западную сторону является неблагоприятной в связи с чрезмерным их перегревом [286]. В случае расположения на южной или юго-западной стороне появляется необходимость применения элементов солнцезащиты, которые, в свою очередь способствуют сложению характерных черт региональной строительной традиции.

Принцип психофизиологического комфорта архитектурно-пространственной среды. По К. Дюю, архитектура является элементом среды и способна укрепить или разрушить здоровье человека. Это означает, что творение архитектора должно быть *психофизиологически комфортным*, оказывать позитивное воздействие на потребителя и вписываться в окружающую среду, не нарушая её целостность и структуру [287]. Архитектурная среда, как инструмент воздействия и, даже, манипуляций способна влиять на его чувства, направить движение человека, например, заставив присмотреться к интересной составляющей пространства, возбудить его с помощью экспрессивных деталей или цвета, или привести в состояние меланхолии и скуки. Учитывая свои предпочтения и ассоциации, восприятие

человеком окружающего его пространства позволяет определить степень физического комфорта среды, чему способствует «правильное» архитектурное решение [287].

В трудах античных философов вопросы восприятия среды тождественны категориям гармонии и меры, т.е. мир вокруг совершенен, если он целостен и соразмерен. Осмысление гармонии и учение о мере красоты пространства развивались и расширялись в философских умозаключениях древнегреческих учёных. К ним относятся: «звучность пространств» у Гомера; целесообразность у Сократа; воспитание чувств порядка и ритма у Платона; математическая упорядоченность и «архитектоника» у Аристотеля; необходимость оптических поправок в целях правильного восприятия форм (теория криватур) у Демокрита, Гераклита и Витрувия и т.д. [184, с. 41-51]. Для зодчих эпохи Возрождения были приоритетны духовность и созерцательность, гармоничная взаимосвязь человека с природой и городом.

Эмоции – одна из форм реагирования человеческого сознания на информацию, которую он получает, анализирует и сохраняет. Архитектура несёт в себе не только утилитарное значение, но и является эмоциональным отражением деятельности человека.

В отличие от многих исследователей, склоняющихся к факторообразующей роли природно-климатических и географических особенностей местности, Леон Батиста Альберти - теоретик архитектуры эпохи Возрождения, фокусирует основное внимание на культурно-историческом наследии местности (дух места, культы, запреты, исторические достопримечательности и т.д.) и социально-психологическом состоянии жителей как формообразующем факторе [288]. Так же, как система ориентации К.Линча с «пространствами существования», формирующаяся человеком, соответствует принципам философии экзистенциализма М. Хейдеггера, окружающий мир содержит в себе «дух места», предоставляющий человеку не только физиологический, но и психологический комфорт [96, с. 14].

Риск широкого распространения анонимной архитектуры в эпоху глобализации побуждает архитекторов и градостроителей к тщательному изучению и использованию особенностей данной территории в региональном проектировании. Архитектурное пространство, считающееся с существующим ландшафтом и ведущее диалог с окружением, «духом места», переходит в архитектурную среду «невраждебную и родную» потребителю, способствуя получению положительных эмоций для активации человеческой деятельности.

В.Ноль в своих трудах указывает на три уровня восприятия среды: «...1 – визуальный, 2 – функциональный (парковая скамейка – отдых и т.д.), 3 – символический (активизирует воображение, эстетическая мысль, предчувствие...» [96, с. 44]. Такая многоаспектность восприятия окружения подтверждает особое значение не только визуального впечатления зрителя, но и важную роль психофизиологического комфорта пребывания человека в среде через размещение, его употребление и активное взаимодействие со средой, соотношения знаков и образов.

Одним из главных факторов средовой организации, глубоко влияющий на эмоциональное состояние зрителя является *восприятие цвета*. Цветовые соотношения в архитектуре сохраняют ассоциативность с переживаниями зрителя и, обогащаясь культурно-историческими традициями, определяют эмоционально-образное содержание пространства.

Ранее учёными были определены угловые характеристики канала цветового восприятия: основным воспринимаемым цветом является белый, а в пределах прямого зрения взгляд фокусируется на зелёном или красном. Придерживаясь выявленных аспектов в колористическом решении видовых картин, можно выявить акценты в пространстве и оттеняющий их фон. Такой подход, усиливающий эффект восприятия среды был часто использован в архитектурной практике СССР при контрастном цветовом моделировании соотношений кровель с фоном естественного зелёного ландшафта [272, с. 25]. Эмоциональная реакция на разные цветовые характеристики различна по качеству и интенсивности. При этом эти чувства, в основном, сходны у большинства, независимо от принадлежности к какой-либо народности и культуре.

Основой палитры степного пространства Центральной Азии, Казахстана, Монголии служит минимальный набор палитры природного окружения – моноцветие, которое в свою очередь, породило тенденцию создания искусственного многоцветия и контрастных сочетаний, обеспечивающих отчётливое восприятие визуальных картин в условиях степного, пустынного жаркого климата. Так, для архитектуры региона при интенсивной освещённости требуется читабельность росписей, рисунков и декора на зданиях. Для региона стал характерен *принцип комфортного цветового моделирования* со следующими сочетаниями цветов: белого с чёрным, с синим, с зелёным, синего с жёлтым, голубого с зелёным и т.д. Здесь также важен учёт различий в восприятии одного и того же цветового тона в зависимости от времени суток, освещённости или, напротив, затенённости [96, с. 176-178] [289].

Традиционно сочетания нюансных цветов применимы в массовой застройке в виде ряда жёлто-охристых оттенков – спокойных и приятных для восприятия окружающей среды в условиях жаркого климата с чрезмерной инсоляцией, в то время как цветовые контрасты более актуальны в мемориально-культурных объектах мусульманской архитектуры Востока.

Предпочтение к тому или иному окрасу связано с местными традициями, верованиями, мировоззрением в региональной культуре Центральной Азии. Также учёными отмечен тот факт, стороны света имели своё цветовое значение, для тюркоязычных и монголоязычных народов, отражавшееся не только в зодчестве, но и в качестве этнического индикатора в целом: восток - голубой, запад - белый, юг - красный, север – чёрный [197, с. 43-45].

Согласно исследованиям, к традиционным цветам, характерным для Центральной Азии, относятся следующие: чёрный, белый, сандаловый, красный, жёлтый, зелёный, синий. Из них: красный, с жёлтым, зелёным и

синим - символизируют традиционализм в мировосприятии, а чёрный с белым и сандаловым - активность, пассивность, нейтральность человека [222, с. 47-50]. Желто-охристые, холодные синие и изумрудно желтые элементы в росписи казахских мавзолеев несли определённую символику, а использование красного как возбуждающего цвета было всегда ограничено в условиях экстремального климата. Интересна двойная трактовка красного цвета (жизнь, энергия – кровь, война), так же как и белого цвета, связанного с солнечными лучами, чистотой, и чёрного, олицетворяющего одновременно и божественное начало и смерть. В то же время, чёрный только подразумевает конец жизни, но не используется в оформлении погребального сооружения [96, с. 176-178] [290].

Зеленый в традиционной культуре монголов и калмыков преобладал как цвет растительности, сопряженный или совместимый с синим – голубым, бирюзовым. К примеру, для первого наследника Джучи по приказу Чингисхана предназначалась синяя юрта с серебряной рамой, а одним из главенствующих признаков национального в архитектуре Ташкента считается бирюзовый цвет [96, с. 176] [197, с. 46]. Также, синий цвет принято ассоциировать с открытым пространством, успокоением, иногда даже с тревожностью. Однако, использование, в основном, сине-голубого цвета в облицовке и эпитафическом декоре ханаки Ходжи Ахмеда Яссави (Туркестан, 1385-1405 гг.) Б.Туякбаева объясняет отражением «...древних представлений о бесконечном животворящем круговороте воды в природе...» [49, с. 29]. У Н.Ардалана и Л.Бахтияр согласно их четырехцветной цикличной системе, соответствующей природе Вселенной и четырём элементам материи, голубой (синий) цвет означает холод, ночь, зиму, т.е. конец жизненного пути или цикла, скорбь [222, с. 47-50]. О синем цвете как о признаке горя, и в то же время, как о величественном и сакральном говорит Ш.Аскарров в своих исследованиях. Вместе с тем, относительно духовного состояния человека синий означает умиротворение, ясность и даже пассивность [96, с. 169-179]. К примеру, в условиях вибрирующего знойного воздуха степи и пустыни зритель, исходя из особенностей восприятия дальних планов горизонта, воспринимает парящий голубой (синий, бирюзовый) купол или другие формы того же цвета как источник жизни, манящий оазис.

Так, в представлениях кочевников основной территории степного пространства Центральной Азии, Казахстана, Монголии Космос, Вселенная неотделимы от человеческой души, а жизнь не противопоставляется смерти в бесконечном круге мироздания, когда с помощью цвета создаётся иллюзия движения или пребывания зрителя в пространстве к/около «источника жизни» с погружением в размышления о бытии.

Особую привлекательность для теории восприятия архитектурно-пространственной среды представляют принципы *гештальтпсихологии*, основанные на целостном восприятии архитектурной формы, зародившиеся в Германии и получившие дальнейшее развитие в США. Архитектор С.Хессельгрэн в своих трудах, основанных на этих принципах, считает необходимым наличие у архитекторов знаний по психологии физического

восприятия, применяя такие термины как «эмоциональная выразительность» и «эмоциональная взаимосвязь», рассматривая проблемы ассоциативной взаимосвязи формы с визуальным восприятием [184, с. 138-139] [65, с. 87] [291].

Визуально окружающая среда, границы архитектурных пространств, воспринимаются целостно, тем самым, влияя на психологическое состояние зрителя. Здесь его состояние зависит от параметров межличностного пространства. Соотношения габаритов зданий, парков, дорог, тротуаров, рекреационных и других общественных зон с площадью города формируют различные типы этих пространств.

Специалистами рассмотрено поведение населения в различных пространственных формах. К первичной форме относится среда в пределах индивидуального круга (комната, кабинет и т.д.), к вторичной – общественные места (зал, библиотека и т.д.); к публичной – среда поселений (площади, улицы, микрорайоны и т.д.). В этих пространствах, положительно влияющих на создание привлекательной эмоционально-пространственной структуры поселений, функциональная компонента стимулирует возможность выбора разнообразных способов индивидуального или группового поведения. Сама возможность деятельности в среде способствует дальнейшей эмоциональной взаимосвязи с ней, усиливая смысловую нагрузку её восприятия [273].

На восприятие окружающего пространства влияют не только реальные параметры среды, придающие ей ощущение камерности или, напротив, вместительности и гипертрофированности, но и субъективные факторы, как географическая и культурная принадлежность человека к данному месту. Например, если жители Риги соотношение ширины одной из центральных улиц к её высоте в пределах 1:1 считают нормальным, то для коренного населения Москвы это замкнутое тесное пространство. К компактным и небольшим городским улицам относятся «интимные» пространства с параметрами двадцать пять - тридцать метров, в пределах которого можно распознать лица, фигуры, детали и др. В пределах максимального публичного пространства на расстоянии сто тридцать – сто пятьдесят метров можно узнавать знакомые силуэты и различать действия [292].

Гипертрофированно большие площади не учитывают местные региональные и культурные особенности, вызывая подавленность и отчуждение у населения, а в дальнейшем и изменения в его поведении. Если человек имеет многолетний опыт пребывания и передвижения в просторных пространствах, то ему будет непривычно и тесно в пределах узких петляющих улиц и городских общественных зон небольших размеров. При этом, реципиенту, привыкшему к компактным уютным улицам, габариты огромных площадей, больших парков и широких дорог и улиц будут вызывать дискомфорт. Так, зародившийся во Франции в конце XIX века «культ» протяжённой и парадной широкой улицы как главной оси города или высотная застройка, могут быть чуждыми и сложными для восприятия человеком из

поселений с небольшими и уютными улицами, способствующими тесным связям между жителями.

Общественные пространства в Казахстане обусловлены низкой плотностью населения. Некоторые из них представляют собой исторически сложившиеся площади для проведения крупных мероприятий в виде парадов, концертов (по официальным датам советского периода), массовых гуляний (весенний праздник Наурыз) и т.д., в основном, пустующие в незадействованное время, тогда как недавно появившиеся пространства в новообразованных районах в процессе урбанизации, требуют композиционной уравновешенности.

При включении новых элементов в существующую среду нужно контролировать их количество и назначение, чтобы не нарушить существующую конфигурацию. Здесь применим метод гармоничной взаимосвязи контекста и архитектурных форм, где условиями являются сохранение существующего масштаба и замкнутости визуальной пространственной единицы [293].

Этого можно достичь путём взаимосвязи имеющихся доминантных объектов-магнитов и соответствующей инфраструктуры согласно транспортной, пешеходной, социальной и экологической потребностью населения. Формирование комфортных пространств с помощью «родных по духу» средств гармонизации архитектурной среды и элементов благоустройства, обеспечивающих возможность гуляний, проведения мероприятий в любое время года и дня, повысит социальную роль архитектуры в процессе самоидентификации государства.

Ещё один уровень городского пространства – жилая среда, как материальное выражение потребностей, несёт в себе знаково-символическое значение казахстанской семьи и продолжения рода. Проектирование жилой среды обусловлено устоявшимися традициями. В отличие от западной модели взаимоотношений в семье, где степень обособленности человека от ближайших родственников с идеей автономной независимой личности отражается в организации личного пространства, менталитет и культурные традиции народов Казахстана демонстрируют иную характеристику семейных связей. Специфика тесных и преемственных родственных взаимоотношений, в основном, предполагает совместное проживание в одном доме (квартире) двух - трёх поколений (пожилые родители – их дети среднего возраста – внуки). Такой образ постоянного одновременного проживания и пребывания на одной жилой территории требует продуманной организации жилых пространств. Так, зона для людей пожилого возраста должна быть изолированной, способствующая их отдыху и реабилитации. В то же время, поколение среднего возраста с целью установления эмоциональной связи «родители - дети и подростки» должно совместно проводить большую часть досугового времени, что требует дополнительной зоны общего времяпровождения.

Для человека важно зрительное восприятие окружения хоть и имитирующего аутентичность, но выглядящего как настоящее. Это вопрос

поддерживает Дэвид Кантер, английский психолог, определяя развитие технологий как способ имитации приемлемой для восприятия среды и дополнения недостающими компонентами человеком [184, с. 146-150]. Перспектива применения соответствующих технологий, воспроизводящих реальную природу, актуальна в современной архитектуре: иллюзия контакта с природой, лицезрения её или пребывания в ней может оказать реабилитирующий эффект на организм человека [91, с. 32-34]. Лицезрение пусть даже такой «естественной» среды способствует осознанию взаимосвязи с окружающим миром.

По гельштат-терапии (направлению в психотерапии, связанное с целостным образом) цель архитектуры - организовать человеку его пребывание в среде «поэтическим» [184, с. 136]. К. Эллард в своей книге «Среда обитания: Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие» указывает, что в 1980-х гг. впервые в науке Р. Ульрихом из Техасского университета A&M было отмечено влияние благоприятного вида природного ландшафта на темпы выздоровления пациентов после хирургических вмешательств. В противоположность бетону и асфальту, вид на красивый пейзаж способствует повышению позитивных эмоций у зрителя, снижает нервное напряжение, тем самым, благотворно действуя на организм человека [91, с. 26-27]. При выборе архитектурного пространства, инстинктивно люди отдают предпочтение тому, которое, так или иначе, взаимосвязано с окружающей естественной средой, когда взору открывается живописный вид на горы, водоём, зелёные насаждения и т.д. Такие пространства могут быть общественной рекреационной зоной для отдыха, налаживания контактов. В то же время человеку необходимо чувство защищённости и безопасности.

Существенную роль в организации региональной архитектурной среды могут сыграть мавританские сады, призванные не только уменьшать негативные воздействия летней жары и духоты, пыли, шума от транспортных магистралей, но и обогащать эстетику архитектурного пространства поселения. Планировка структура традиционных садов включает обводнение и озеленение территории, устройство малых архитектурных форм, крытых галерей с солнцезащитными устройствами с учётом локального климата и ландшафта [120, с. 7-8].

Достаточное озеленение или обводнение способствуют созданию оптимального микроклимата и благоприятного обзора окружения из безопасного и удобного места. Необходимо отметить, что среда воздействует на эмоции и самочувствие зрителя целостно: симбиозом влияний каких-либо архитектурных деталей с элементами благоустройства в виде озеленения, обводнения, комфортных рекреационных зон, включением малых архитектурных форм.

Примером организации комфортной среды, способствующей улучшению самочувствия пациентов, является работа финского архитектора А.Аалто туберкулёзный санаторий в Паймио (1928-1933 гг.). Органичная планировка, взаиморасположение корпусов и их ориентация, композиционные приёмы в

организации пространств, тесная связь с существующим ландшафтом, максимальное использование солнечного света в помещениях в качестве благоприятного элемента природы – всё это расширяет зрительные аспекты восприятия реципиентом, минимизирует тяжёлые впечатления от больничного учреждения, создавая психо-эмоциональный комфорт пребывания в нём [242] [232, с. 360-361].

Согласно исследованиям учёных, благоприятное воздействие на психо-эмоциональное состояние человека оказывают криволинейные очертания как символ связи с космосом, информация о своем происхождении, непрерывное движение. Так, «...воспитывая в себе понимание собственных переживаний в пространствах различных форм...», человек получает возможность идентифицировать себя и свою принадлежность [287, с.117-120].

В региональной архитектуре Казахстана уместным для создания оптического комфорта будет применение национального орнамента, широко распространённого в виде: тюркских символов по У.Джанибекову (символы неба, земли, воды); зооморфных узоров (кошкар мүйіз - бараний рог, түйе табан - верблюжий след, қос мүйіз - соединённые рога и др.); геометрических мотивов (ромб, треугольник, крест, свастика и др.); растительных узоров; космогонических знаков (солнце, полумесяц), т.е. живых природных форм и линий [13, с. 58-70] [71, с. 25-26] [72, с. 160].

Принцип критического осмысления традиций и инноваций. Обращение к традициям исторического наследия архитектуры, духовной и материальной культуры родственных этносов, казахского народа является основой исследований казахстанского потенциала идентичности архитектуры и градостроительства.

Стандартизированные формы и элементы из устоявшегося традиционного опыта составляют основу региональной архитектуры. «...знание регионального фона и его связей с современной практикой архитектуры и градостроительства - необходимое условие не только эффективного формирования среды, но и творческого процесса...» [116, с. 58]. Проблема формирования местной идентичности и достижения оптимизации среды и социальной устойчивости решается путём учета местных историко-культурных ресурсов, изучения топонимики [294]. Например, узбекистанский опыт модернизации исторических городских районов может быть приемлем на территории Казахстана из-за схожих климатических условий, когда используются традиционные приёмы формирования среды: взаимосвязь исторических районов со своеобразным силуэтом с новой инфраструктурой и интересными панорамными видами, отвечающими духу времени; обеспечение требуемого санитарно-гигиенического состояния воздушной среды с учётом рельефа местности, направления и скорости ветров, температурно-влажностного режима [87, с. 66-67]. В результате, город складывается из преемственных элементов с использованием неожиданных решений пространств.

Так как проблема региональной идентичности не решается накладыванием «косметики» в виде национальных орнаментов, то требуется переосмысление

прогрессивных характеристик и их органичный синтез с новаторскими идеями. Нужно исключить риск возникновения «...гиперболически преувеличенных типов этнокультурной ментальности, одним из которых является архаизм...» [45, с. 350] [182, с. 330]. Чрезвычайная сосредоточенность на прошлом может привести к проблеме взаимодействия новаторства и традиций, где доминирующая роль в строительстве настоящего и будущего будет отведена ценностям прошлого. Традиционные каноны без обновления, развития и даже нарушений рискуют стать мертвым анахронизмом, а архитектура – узкой и тусклой.

Для исследователей архитектуры является аксиомой то, что для выявления глубинных закономерностей формообразования и «...прогрессивного развития «живых» традиций...» [45, с. 338] необходим критический подход и осознанное обращение к традициям: «истинной характерной региональности» нельзя достичь с помощью воспроизведения старых символов [295, с. 267, 147] [232, с. 42]. Непременное следование традициям ведёт к их «мумификации», что может негативно отразиться на восприятии архитектуры и прямом её назначении [96, с. 29].

Значимость исторической памяти традиционной архитектуры в симбиозе с прогрессивным опытом других стран и достижениями новых технологий в строительстве неоспорима, когда традиции составляют благоприятную базу для преемственности опыта, и одновременно приобретают новые оттенки. Традиции служат мотивацией создания нового архитектурного языка, воплощения творческих идей с помощью современной науки и техники. Искусство, культура, так же, как и социально-политическая система, экономика страны должны получать шанс на модернизацию с учётом многовековых традиций, когда проблема региональной идентичности решается именно через симбиоз сохранённых аутентичных традиций и инновационных технологий. Оптимальные пути региональной обусловленности проектирования и строительства влияют на расширение границ творческих идей и возможностей архитекторов, вовлечение в архитектурный процесс новых участников. Разнообразие национальных культур наряду с архитектурными традициями служит источником новых тенденций регионального формообразования.

В региональной архитектуре при формировании наиболее адаптированного пространства для жизни населения актуальны ассоциации, знакомые образы из прошлого и личные впечатления из индивидуального сознания, вызывающие чувства радости и комфорта. Привычные образы позитивны и «глубоки» в своём содержании в сравнении с чуждыми ностальгической «атмосферности» нововведениями. Художественные и архитектурные вкусы у зрителя непостоянны и периодически меняются, вызывая у него положительные либо отрицательные эмоции. Существенным фактором оценки произведения архитектуры является среда, в которой непосредственно объект воспринимается и переживается. В зависимости от этнической принадлежности человека, его культуры и менталитета в контексте места формируется комплекс «родных» или «чуждых» компонентов

архитектурно-пространственной среды, составляющих суть региональной идентичности.

Бесспорно то, что формирование региональной идентичности связано с географическим контекстом, с соответствующими природно-климатическими условиями, соответствующими строительными технологиями, конструктивными системами, материалами и особенностями ведения хозяйства. Однако, архитектура через метафору форм иллюстрирует идеи, присущие определённой эпохе и через эмоциональное восприятие потребителя раскрывает суть бытия. Монотонности, безликости и «глобальности» современного архитектурного языка может противостоять индивидуальность, узнаваемость, связанная с культурно-семиотическими ассоциациями. В процессе освоения архитектурной среды чувства пространства, восприятие формы и цвета зрителем, его эстетические предпочтения, обусловленные особенностями культуры, находятся в постоянном взаимодействии. Оценка пространства происходит не только на основе восприятия фактического окружения, но и восстановления образов из памяти, воображения, прожитого практического опыта, традиций, т.е., осмысливается вся среда в целом, включающая культурный, временной контекст.

Соответствующее психоэмоциональному восприятию зрителя окружение «...должно быть привязано к определённому культурному стереотипу, ... удовлетворяя требования различных индивидов», и создавая для них комфортные условия пребывания [65, с. 86]. Это означает, что архитектура должна содержать в себе те качества, которые подчёркивают её принадлежность именно к данному контексту среды.

Региональная идентичность в архитектуре не должна быть самоцелью, внешним формообразованием путём смешения старых образов и символов, утративших свою актуальность; копированием приёмов предыдущего опыта. Необходимо исследование и раскрытие сущностного смысла архитектуры, её эмоциональной привязанности к населению и местности в конкретных природно-климатических условиях в контексте включения нашей страны в усиливающийся процесс глобализации.

Обогащение и оживление местного опыта и устоев путём актуализованной интерпретации рождает авангардную архитектуру [24, с. 564-565]. К примеру, в западной архитектуре XIX-XX вв. В.Хайт выделяет три пути применения традиционных приёмов в проявлении регионализма, два из которых выражались в развитии постмодернистского регионализма 1970-х годов с цитированием традиционных народных форм, а также их современным прочтением в сочетании с ордерными композициями [52, с. 73-74]. Тем не менее, для развития региональной архитектуры современного Казахстана видится индивидуальный путь своеобразной интерпретации национальных традиций и их противопоставлении классической архитектуре с ордерным выражением стоечно-балочной системы. Возможно, вместо идеальности и строгости классических форм и создания с их помощью помпезности и величия архитектурного образа, для региональной идентичности приемлема ориентация

на свободное, внезапное и интуитивное видение вернакулярной архитектуры в современном прочтении, где гармония будет обусловлена не только авторским почерком, но и идейно-эстетическими предпочтениями потребителя.

Принцип уникальности регионального художественного образа и визуальной выразительности форм и элементов в архитектуре. Региональный художественный образ – эстетическая категория, заключающая в себе комплекс всех аспектов, отражающих контекст места и выражающая как индивидуальность и эстетический вкус автора, так и особенности восприятия и «понимания» содержания архитектурного облика потребителем.

Восприятие художественного образа в контексте эпохи потребителем строится на его понимании через социально-исторические, индивидуальные или общественные установки норм, эстетические требования [296]. Для искусствоведов и исследователей теории архитектуры важна психофизиологическая реакция на формы и художественной составляющей архитектурной среды. Это – воздействие на органы чувств, опыт при восприятии пространства, знание истории и миропонимания в контексте эпохи, наличие «хорошего вкуса» и способности «погружения в произведение искусства», а также простоты восприятия форм «без усилий» [184, с. 12, 86, 92]. Уникальность регионального художественного образа складывается благодаря взаимодействию социальных, культурных, исторических, географических факторов местности, эстетических предпочтений, культурно-исторической памяти и онтогенеза индивидуума-потребителя. В результате набора отдельных категорий «пониманий» среды у человека создаётся целостный региональный художественный образ объекта.

Художественная составляющая регионального образа – система знаков и кодов, отсылающих реципиента к аналогии и ассоциативности с контекстом места, причастности к истории и культуре. Символы и знаки также, несут информативную нагрузку и сигнализируют о функциональной составляющей объекта. Различные символы и обозначения, выражающиеся не цитатно, а метафорически – способны воссоздать региональный дух в целом, в русле национальной философии и культуры.

Принцип контекстуальности. Ежедневно человек пребывает и передвигается в архитектурной среде и визуально «считывает» информацию о ней, тем самым взаимодействуя с окружением. Формирование среды обусловлено процессом деятельности, происходящим в ней и особенностями её восприятия. Это происходит путём сложения необходимых факторов, таких, как взаимосвязь и соподчинённость её элементов, гармоничные включения новых элементов в существующий каркас и умелое сочетание с окружающей природой и ландшафтом. Архитектурная среда может выявить у зрителя знакомые ассоциации из жизненных переживаний, и в то же время, вызвать новые непривычные ощущения. Здесь важен баланс целостного восприятия окружающей архитектурной среды, выраженного через систему художественных образов и ассоциаций, и единства в соподчинённости и взаимодействии функциональных и эмоционально-образных элементов

архитектурного пространства. Целостное восприятие пространства обусловлено глубоким всеобъемлющим синтезом - совокупностью накопленного опыта и гармонией всех основных компонентов среды, их координации, придавая, тем самым, смысл архитектурному проектированию [184, с. 123].

Методологию моделирования среды в современных условиях целесообразно строить на основе принципов синергетики. Это поможет раскрыть механизм самоорганизации сложных систем, вероятные сценарии их развития с учётом точки бифуркации и возможных флуктуаций. Прочтение основных положений и терминов синергетики на языке архитектуры способствует созданию моделей архитектурной среды на основе синергетического моделирования [297] [298] [299]. В этом случае будет обеспечен этический подход органического включения новых элементов в окружающую ткань пространства, одновременно при этом сохраняя целостность существующей объёмно-пространственной композиции и своеобразии контекста среды [219, с. 81-82].

Успех и жизнённость региональной идентичности в архитектуре возможны при одновременном усвоении как историко-генетического контекста местности, так и влияний и потенциальных ресурсов из внешней среды. При таком подходе сценарий среды всегда будет пополняться элементами новизны, передающими насыщенную информацию зрителю, и находиться в постоянном процессе самоорганизации - гармоничном развитии. Целью средовой самоорганизации является «идеальная» среда, никогда не останавливающаяся в самосовершенствовании и росте.

Принцип безбарьерности. Общеизвестный факт, что безопасность, удобство, антропометричность пространственной среды, оптимальное его освещение, грамотное решение акустики, информационное тактильное и звуковое обеспечение – важные аспекты формирования универсального, комфортного архитектурного пространства для всех категорий населения [300, 301].

Среда, сформированная для среднестатистического человека, не имеющего физических проблем, ограничивает маломобильным группам населения (МГН) возможность беспрепятственного передвижения в жилой, социальной, транспортной и других системах. Отсутствие помех и преград в среде пребывания и передвижения населения, включая МГН, - один из важнейших показателей, определяющих доступность. Для благоприятного пребывания в среде для человека важен его визуальный контакт с окружающим пространством. В случае организации безбарьерной среды для людей с физическими ограничениями её информативность усиливается согласно требуемым эргономическим параметрам. Для безопасного осуществления МГН необходимой деятельности самостоятельно либо при помощи сопровождающего, требуется адаптация *эргономических* условий среды, снижение до минимума их отрицательных воздействий, опирающихся на данные физиологии, психофизиологии человека и определяющихся

требованиями к форме проектируемых объектов, качеству конструкции и пространства в целом [301, с. 14-15].

Для архитектора, проектирующего среду для физически ограниченных людей, очень важно исходя из доступности, верно определить с эстетической точки зрения композиционное решение среды на всех иерархических уровнях. Соблюдение таких критерий, как *доступность, безопасность и комфорт* при формировании поселений создаётся универсальная и бесконфликтная среда, нацеленная на обеспечение всем гражданам равного доступа к благосостоянию общества, городской инфраструктуре, к активной социальной жизни. Основу этой среды составляют:

- архитектурная композиция – логичность построения форм и планировочных решений, информативность;
- функциональность – четкость организации назначения и вида наполнения среды;
- конструктивно-техническое оснащение – применение прочных и безопасных материалов, использование принципов эргономической характеристики среды.

В связи с большой амплитудой перепадов температур на территории Казахстана происходит обледенение поверхности земли в период холодов, влажность и сырость в межсезонье, внезапные ураганы, жара и зной в летний период. Возникает необходимость в применении безопасных методов адаптации доступной среды: полосы озеленения как защита от снега, ветра, шума и выхлопных газов от транспортных магистралей; обязательные навесы над входными группами, и пешеходными пассажирами, защищающие от осадков; покрытия поверхностей открытых пандусов и ступеней лестниц, предотвращающие скольжение. В повышении комфортности городской среды играют важную роль различные малые архитектурные формы: скамейки для отдыха, небольшие фонтанчики как звуковые ориентиры для людей с недостатками зрения, в то же время - для улучшения микроклимата в рекреационных зонах, релаксирующего эффекта для самочувствия пешеходов. [301, с. 85] [302]

Принцип участия населения в формировании среды обитания. Согласно принципу соучастия Б.Дзеви: «.. архитектура не заканчивается завершением строительства, а приобретает смысл и культурное содержание с момента как входит потребитель..» [303, с. 32], раскрытие логики архитектурного творчества не должно ограничиваться одним автором и его собственным стилем архитектора. Требуется организация инициативных групп для опроса населения с выражением их пожеланий и рекомендаций, совместная деятельность с местными отделами.

Архитектура должна поощрять и предусматривать различия и свободный обмен людей идеями, строительными материалами, универсальными программами строительства в рамках не только самовыражения автора и следования определённому стилю, но и художественного отражения и оформления архитектурными средствами глубинных процессов согласно

меняющимся требованиям общества. Именно социальный строй и взаимоотношения определённой эпохи с системой эстетических предпочтений и идеологий устанавливают модели деталей, форм и силуэтов зданий и сооружений.

По А.Римше: «...правомерность существования традиций...зависят от того, насколько они будут удовлетворять изменяющимся условиям жизни...» и «...целостность традиций определяется соответствием современным потребностям...» [83, с. 22-23]. Также ряд других учёных придерживается того мнения, что индивидуум со своими потребностями и особенностями передаёт «архитектурное» лицо эпохи, в формировании которого, существенную роль играет «...творческое воплощение индивидуальности архитектора...» [32, с. 24] [269, с. 24] [96, с. 24].

Отношение к потребителю как одному из важных факторов проектирования имело место в истории архитектуры Запада на рубеже 1970-1980 гг. XX века, именованное «движение к потребителю». Для авторов проектов конечный результат теперь не был самоцелью. Главным здесь являлся процесс создания среды, представлявший интересы потребителя, итогом которого стали проекты, зачастую лишённые художественной эстетики, но соответствовавшие жёстким функциональным требованиям населения [304].

Известно утверждение из хартии Мачу-Пикчу, что при освобождении архитекторов от академических правил с обязательным участием потребителей воображение авторов «...будет оплодотворено колоссальным наследством народной архитектуры...». Тем самым будут создаваться условия для рождения органичной и искренней архитектуры, несущей в себе социальное значение. В то же время, следуя принципу «незавершённости» образов какого-либо объекта или пространственной среды, можно будет добиться законченности и развития путём добавления новых элементов и их визуальной взаимосвязи с существующим городским ландшафтом. По мнению В.Никитина, у коренного населения «...формируется чувство целостности...» местности, трансформируемое в осознание личного архитектурного пространства, обладающего духом места [305, с. 84-85].

В целях выявления уровня осознания социумом проблем региональной идентификации нами был проведён социологический опрос по теме исследования среди профессиональных архитекторов и общественности. Этот метод должен был определить уровень информированности респондентов в проблемах региональной архитектуры. Цель социологического опроса - определение отношения населения к архитектурным объектам и их авторам, оценка влияния профессионалов, городских властей и населения на культурный облик города, выявление направлений, по которым должна развиваться казахстанская архитектура, выработка основных выводов по проблемам формирования региональной архитектуры в Казахстане и т.д.

В соответствии с планом исследования, в анкетировании участвовало более трёхсот человек в возрасте *от восемнадцати до шестидесяти лет и старше* (Рисунок В. 7, Приложение В). Возрастной портрет респондентов

отражает информированность и предпочтения участников опроса по вопросам архитектурных сооружений Казахстана, в которых, на их взгляд, наиболее ярко выражен региональный характер, какие элементы/приемы/материалы, характеризуют региональный образ и т.д. Половину анкетированных составили люди младше 30 лет - 48,9%, группа «31-39 лет» - 20,7%, «40-49» - 12%, «50-59» - 7,6%, «60 лет и старше» - 10,9%.

На вопрос *об архитектурных сооружениях Казахстана, в которых наиболее ярко выражен региональный характер*, преимущественно были названы следующие сооружения:

- гостиница Казахстан в Алматы, 1977 г. (с наибольшим перевесом ответов группы «40-49»);
- мавзолей Ходжа Ахмета Яссави в Туркестане, 1385 г. (с преобладанием ответов группы «до 30 лет»);
- центральный Государственный музей РК в Алматы, 1985 г.;
- торгово-развлекательный комплекс «Хан-Шатыр» в Нур-Султан, 2010г. (с доминированием ответов группы «до 30 лет»);
- оздоровительный комплекс Арасан в Алматы, 1982 г. (подавляющее большинство ответов группы «31-39»);
- Дворец школьников в Алматы, 1983 г. (наибольшее количество ответов группы «40-49»).

Также, респондентами был назван ряд других зданий и сооружений: Дворец Республики, цирк, Дворец бракосочетания, железнодорожный вокзал Алматы-2, театр оперы и балета им.Абая, кинотеатр «Арман», гостиница «Алматы», государственный музей искусств имени А.Кастеева, академия искусств им. Жургунова, многофункциональный комплекс «Нурлы Тау» в г. Алматы; Дворец школьников, национальный музей РК, монумент «Байтерек» в г. Нур-Султане; государственный мемориальный музей Ш.Валиханова в Алматинской обл.; Центральная мечеть Машхур Жусупа в г. Павлодаре, Историко-культурный центр «Древний Тараз» в г. Таразе и др.

Результаты анкетирования показывают, что основные сооружения, с которыми опрошенные связывают региональную идентичность, являются крупными общественными сооружениями, построенными в Алматы в советский период, репрезентативными объектами периода Независимости (Байтерек и др.). Менее идентифицированы объекты вне крупных городов (Павлодар, Тараз, Шымкент и др.), что говорит об отсутствии широкого информирования населения об архитектурных достижениях через СМИ, профессиональную печать.

На вопрос *о казахстанских архитекторах, творчество которых связано с региональной архитектурой*, преимущественно респондентами были названы: С.Нарынов, Б.Ибраев, в особенности группой «31-39»; Ш.Матайбеков (группой «50-59»); Ю.Ратушный, Т.Басенов, М.Мендыкулов, В.Кацев, В.Ким (группой «40-49»); К.Монтахаев, С.Джамбулатов, Т.Ералиев (группой «старше 60»). С равномерным распределением по группам были отмечены следующие

архитектуры: Т.Абильда, Э.Байтенов, Ш.Валиханов, Г.Исабаев, А.Коржемпо, М.Мусаев, Н.Рипинский, А.Рустембеков и др.

Несмотря на шестидесятилетнюю деятельность казахстанской архитектурной школы, широкого ряда современных объектов, возведённых за последние двадцать лет на территории страны, опрос показал малый процент осведомлённости об отечественных практикующих архитекторов. Это связано с отсутствием профессиональных журналов, квалифицированной критики, направленной на пропаганду современной архитектуры и архитектурного творчества.

Абсолютное большинство опрошенных участников оценили *уровень архитектурного проектирования в Казахстане* как средний (63%), еще 26,9% отметили как низкий уровень и лишь 8,4% отметили как высокий уровень.

Понятие «региональная архитектура» ответившие связали, в первую очередь, с историей и культурой местности – 70,6%, природно-климатическими условиями - 58%, затем – с соблюдением преемственности традиций – 36,1% и повсеместным применением национальных форм и деталей (купол, арка, орнамент и т.д.) - 30,3%; и 14,3% из числа опрошенных посчитали все варианты обоснованными. В то же время, по мнению большинства, как и предполагалось, наиболее характерными элементами/приемами/материалами для регионального образа в архитектуре Казахстана являются орнамент – 73,7%, купол 71,2% и арка 65,3%. Средние позиции заняло применение свойственных региональному зодчеству таких материалов и приёмов, как камень (43,2%), резьба по камню (35,6%), жжёный кирпич (35,6%), дерево (34,7%). Саман и стекло представляют интерес для 26,3%, 17,8% участников соответственно.

В вопросе о *конкурентоспособности современной архитектуры Казахстана в сравнении с мировой*, большинство респондентов (45,3%) выразили сомнение, 44,4% ответили положительно, а 10,3% высказали различные мнения. При этом значительное количество респондентов (68,1%) *причиной отсутствия развития региональной архитектуры Казахстана в современных условиях* назвали заниженный статус, архитектора как профессионала и диктат заказчиков в процессе разработки проекта. Другие ответы: отсутствие знаний о региональной специфике местной архитектуры (40,5%); оторванность вопросов проектирования от главного потребителя архитектуры – населения (37,9%), отсталость в строительных технологиях и методах (37,1%) представляют собой замедляющие факторы вместе с непрофессионализмом архитекторов (21,6%) компилятивностью архитектурных идей (20,7%). Вдобавок, участниками анкетирования были отмечены такие причины, как отсутствие тщательного анализа местности и др.

Согласно результатам проведенного опроса, наиболее *оптимальным курсом, по которому должна развиваться казахстанская архитектура* должен быть собственный индивидуальный путь (33%). При этом подавляющее большинство ответов группы «возраста до 30 лет» в совокупности составило 27%, в возрасте тридцати одного – тридцати девяти и старше шестидесяти лет по 15,7%.

Остальная часть мнений разделилась на несколько вариантов, связанных с такими направлениями, как:

- по опыту ОАЭ (обязательное внедрение последних достижений высоких технологий в строительстве) - 20%;
- аналогично архитектуре стран Юго-Восточной Азии (учёт природно-климатических условий и культурного контекста) - 19,1%;
- по опыту скандинавских стран (строгая привязка к местному климату и строительным материалам) - 18,3%;
- по американскому сценарию (унификация, рационализм, функционализм и т.д.) – 6,1%;
- заимствование мирового опыта - 1,8%.

Показательность ответов респондентов на вопрос о *факторах влияния на развитие архитектурного облика города в настоящее время и дальнейшего его формирования* продемонстрировала контрастность существующего положения и модели, основывающейся на принципе участия профессионалов, общественности и населения. Большинство опрошенных (68,8%) считают, что на развитие архитектурного облика города, в основном, влияют городские власти, в то время как решение главного архитектора (35,7%) с пожеланиями общественных организаций (18,8%) и населения (17%) имеют меньшую силу воздействия. Между тем, просмотр ответов на вопрос о приемлемом влиянии на формирование архитектурного облика города показал, что более половины участников на первые места поставили значимость усилий главного архитектора города (58,4%), жителей города (46,5%), общественных организаций и ассоциаций (35,6%) и только затем – городских властей (32,7%).

Таким образом, социологический опрос показал, что с понятием «региональная архитектура», в основном, связывается история, культура и природно-климатические условия местности. Источниками формирования региональных признаков, по мнению респондентов, является широкое применение куполов, орнамента, арок - форм, характерных для традиционного зодчества. Примечательно, что при перечислении архитектурных сооружений Казахстана, в которых наиболее ярко выражен региональный характер, группа «до 30 лет» в большинстве назвала современное здание торгово-развлекательного центра «Хан Шатыр» (2010 г.) в молодой столице г. Нур-Султане, тогда как остальные группы выделили, в основном, сооружения 1980-х годов постройки в бывшей столице г. Алматы.

Для того, чтобы современная архитектура Казахстана смогла конкурировать с мировой, по мнению респондентов необходимы следующие условия:

- повышение статуса, авторитета архитектора как профессионала;
- исключение чрезмерного диктата заказчиков в процессе разработки проекта;
- повышение уровня знаний о региональной специфике местной архитектуры;
- развитие архитектуры по собственному индивидуальному пути;

- развитие института общественной референтуры и культуры местной инициативы.

Если идентичность представляет собой результат синтеза традиций и динамичности, непрестанное развитие и движение к новому, по утверждению В.Гропиуса, то люди как потребители принимают ту архитектуру, к которой они привыкли: «...подлинно оригинальная архитектура... зависит от общественного мнения...» [295, с. 127]. Вне сомнения, одним из центральных факторов развития архитектуры должно быть общество, его эстетические, психологические и физиологические потребности, основанные на исторической, культурной и духовной связи с местностью, чтобы стать мерой региональных форм и пространств.

3.4 Пути решения проблем региональной идентичности в современной архитектурной науке и практике Казахстана

Поиск региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана должен осуществляется в форме конструирования и творческой интерпретации природно-климатических, социально-экономических, политических, культурно-исторических явлений с заметным акцентированием местных визуальных особенностей. В работе предложены *пути решения* проблем региональной идентичности в современной архитектурной науке и практике Казахстана *на основе соблюдения некоторых условий* (Рисунок В. 8, Приложение В):

- *Синтез искусств*. Одним из условий решения проблем интерпретации региональной идентичности является включение элементов традиционного декоративно-прикладного искусства. Чтобы разбить однотипность архитектуры, усилить художественный образ объекта, придать индивидуальный облик отдельным городам необходимо усиление чувства места через синтез искусств.

Включение в общую композицию здания элементов монументального и декоративно-прикладного искусства, выражающих замысел художника в социокультурном контексте, способствует завершенности облика и выразительности архитектурного сооружения [306]. Историческая память народа вместе с социальной составляют традиционные устои, культуру, смысловое значение элементов, содержащих в себе обширную и многогранную информацию [182, с. 344] [75, с. 75-87] [104, с. 9-10].

Значимая роль синтеза искусств в формировании региональной идентичности в архитектуре очевидна: синтез искусств философски иллюстрирует утилитарную сторону жизни определённой эпохи и присущее ей мировоззрение, раскрывает суть бытия, укрепляются эстетически ценные качества, обогащение пространственных характеристик архитектурной среды.

Наиболее распространенным художественным элементом в региональной архитектуре является орнамент, решающий задачи архитектурной композиции с помощью средств выразительности – пропорций, ритма, контраста и нюанса, симметрии и асимметрии, соподчиненности и равнозначности масс. С помощью орнамента осуществляется образное осмысление деятельности

человека, его отношение к миру, способ описания мирового устройства в упорядоченности и равновесии через ритмический порядок мотивов, кодов, системы стилизаций и ассоциаций [104, с. 21-24].

Так как каждый регион должен культивировать и отмечать то, что является уникальным и характерным для себя, аутентичным, подлинная региональная архитектура может быть только при адаптации к местному ландшафту, учёте истории и культуры [238]. Необходимо выявить этнокультурный символизм, содержащий в себе этнические мифы и символы, целый ряд ценностей, норм и знаков [75, с. 7-9].

Феномен архитектуры в современном Казахстане должен определяться её ролью при взаимодействии с различными видами искусств в социальной жизни, в особенности, сегодня в эпоху глобализации, когда есть риск появления равнодушия к этническим, а значит и региональным символам. Как результат, это приведёт к потере региональной идентичности и к зависимому положению от мировых архитектурно-строительных тенденций. Требуется интеграция, привлечение художника, скульптора к проектированию на начальном этапе в целях представления объекта в пространстве, его взаимосвязи с окружением, взаимосвязи внутренней и наружной среды, выявления приёмов и методов в поиске концепций формообразования.

На территории тюрков-кочевников, начиная с эпохи средневековья, в основном были распространены космогонические, зооморфные, геометрические, растительные мотивы, взятые из окружающего мира, в соответствии с представлениями мастеров о красоте и гармонии, т.е. традиционное зодчество было связано больше с религиозной (сакральной, мифологической) картиной мира. Сегодня, в современной архитектуре в символике должно найти отражение образы науки и техники – математики, биологии, экологии т.д. Это будет современный обновленный тип аутентичной архитектуры, критического регионализма в контексте конкретного региона с чувством места, со встроенными символами не «рефлексивно», а следуя преемственности. При этом требуется соблюдение меры и взаимосвязи элементов композиции: чересчур насыщенная декором архитектура может разрушить целостность силуэта. Именно преломление традиции в условиях современной парадигмы гармоничного сосуществования современной архитектуры и традиционного орнамента, знакомого цвета способно решить проблему региональной идентичности.

Источниками региональной идентичности могут служить сохранившиеся материальные свидетельства ремесленного искусства, говорящие о развитой самобытной городской цивилизации. Например, некрополь Костобе (VI-VIII вв.) представляет собой синтез тюркской и согдийской культур: применение настенной живописи с резьбой в виде растительных мотивов в монументальной и культовой архитектуре, аналогичных творениям во дворцах Афрасиаба, Варахши, Самарры. Также представляют интерес уникальная поливная керамика в Испиджабе (IX-X вв.), в Отраре (XIII-XIV вв.), изделия из металла, резное дерево, роспись, орнамент (растительный, геометрический,

эпиграфический) в Таразе (XI-XII вв.), стены дворца в Куйрыктобе (VII-X вв.) с резным деревянным фризом, изображавшим зороастрийских богов [9, с. 128-129, 210-217]. Образец самобытного искусства эпохи Караханидов представляет оформление с использованием неполивных изразцов с растительным и геометрическим орнаментом стен мавзолея Айша-биби (XIII в.) близ г. Тараз. Уникальны оставшиеся колонны разрушенного мавзолея тимуридской эпохи из карагача с квадратными капителями, поясами, резными листьями и геометрическими фигурами [70, с. 60].

Жжёный кирпич и керамическая плитка, аналогичные оформлению Карабалгасунской башни (XIII-XIV вв.) в Прииртыше или мавзолея в городище Жайык (XIII-XIV вв.) вблизи г. Уральск; резьба по дереву двери в «казандык» Мавзолея Ходжа Ахмет Яссави; резная глина, по типу декора дворца тюркских правителей VIII века в древнем поселении Кулан, известное в археологических источниках как Луговое; резные облицовочные кирпичи X-XII вв. городища Отрар, декор кулпытасов и балбалов и др. составляют систему ценностей, символов и знаков, придающих культурный смысл пространству и определяющих «дух места». В условиях глобализации раскрытие преемственности культуры предыдущих эпох инициирует надлежащий курс в поиске собственной идентификации страны и в общей методологии архитектурного творчества (Рисунок В. 9, Приложение В).

- Преодоление стереотипов и компромиссный путь сочетания традиций и новаторства. С учётом новых социально-экономических условий развитие архитектуры и градостроительства должно представлять собой самоорганизующуюся систему - синергию. Постоянное развитие будет устойчивым благодаря не только обобщению опыта и преемственности архитектурного языка, когда присущий любой эпохе, может быть использован последующей, и каждое поколение может найти для себя приемлемые аспекты, но и включению чужих элементов в систему. Необходим внешний «раздражитель», дополнительный опыт с собственным видением вопроса и трактовкой старого с совершенно другого ракурса путём деликатного погружения в местную культуру и историю для выявления традиционных форм, испытанных временем, а не копирование шаблонов.

Применение передовых цифровых технологий в проектировании и визуальном моделировании, интегрирование энергоэффективных систем (солнцезащитные элементы фасадов, накопители энергий ветра, солнца, воды и др.), современные идеи в обращении к традиционным материалам, экологичный подход в строительстве (использование природного и переработанного сырья, внедрение озеленения как часть эко-системы строения и т.д.) создадут условия для повышения комфортного микроклимата в зданиях и сооружениях и достижения художественной выразительности и уникальности силуэта (Рисунок В. 10, Приложение В).

Региональная идентичность – это аутентичные формы, традиционные элементы декоративно-прикладного искусства, трансформированные под влиянием привнесённых идей, современных требований строительства и

личного видением автора, и отход от канонов и проявление уникальности, «...выделяющейся необычностью трактовки форм...» является одним из путей его достижения [186, с. 280] [32, с. 22]. Диалектический синтез традиций и новаторства: взаимодействие важного прошлого, как носителя исторической и культурной ценности с одной стороны; и актуального, обусловленного социальным контекстом и уровнем развития технологий, с другой - необходимые составляющие процесса поиска приёмов и методов регионального формообразования.

Проведённый выше анализ архитектуры Казахстана в период с конца XIX в. до конца XX в. выявил определённые признаки и факторы формирования региональной идентичности в архитектурно-планировочных, образных решениях различных объектов и пространственной структуре городов. Синтез традиций и новаторства, культурно-социального контекста и актуальных трендов, самобытности и научных достижений, национальной и вненациональной архитектуры к концу XX века привели к обогащению региональной идентичности. К этому периоду труды таких казахстанских учёных, как Т.Басенов, А.Маргулан, Б.Ибраев, Б.Глаудинов, М.Мендикулов, Э.Байтенов, У.Джанибеков положили начало процессу научного обоснования принципов и приёмов, определяющих региональную идентичность в диалектическом синтезе с обязательным учётом истории и «духа места», бытом, культурой. У этого процесса есть шанс ускориться в случае введения курса по регионализму, как образовательного компонента в архитектурных вузах Казахстана, благодаря которому теоретические знания у студентов будут пронизаны словарём научных понятий, лёгким восприятием обуславливающих факторов и быстрым пониманием идентичности.

При сравнении общей картины предыдущей архитектуры до начала XXI века со зданиями и сооружениями, возведёнными в Казахстане в первое двадцатилетие XXI века, в особенности в молодой столице, видно, что произошло «переформатирование» языка архитектуры: консолидация местного и зарубежного опыта отразилась в облике современных объектов новыми решениями художественного образа. На фоне усиления процессов глобализации все больше возрастает тенденция обозначения имиджа государства через новые здания, способные составить конкуренцию на мировой арене. Наблюдается попытка реализации этого процесса в казахстанской архитектуре по сценарию «нового регионализма» в мировой архитектурной практике XXI века с сопутствующим ему изменением канонов, выходом за рамки привычных приёмов проектирования (см. 2.3). Однако, в отличие от развитых стран, где глобальная архитектура имеет сильные корни, как уже было выявлено в предыдущем Разделе 2, без решения проблем формирования региональной идентичности в Казахстане сложно осознать суть «нового регионализма». При бездумном следовании глобальной архитектуре, в особенности с целью достижения максимальной плотности застройки территории, появляется риск интенсивного возведения построек-гигантов и небоскребов - символов глобализации. В итоге, лишённое культурной

символики, пространство, призванное быть комфортным и родным для горожан, может стать центром однотипных зданий и сооружений в наиболее часто применяемом интернациональном стиле - характерной особенностью глобального города.

Во время «пика строительства» в крупных городах страны был создан особый вид региональной архитектуры через явное предпочтение гигантских горизонталей, вертикалей, футуристических форм по аналогии современной зарубежной строительной индустрией (павильон Нур-Алем, Назарбаев-центр, Национальный музей, монумент Байтерек в Нур-Султане, Алматы-арена, Халык-арена, международный комплекс лыжных трамплинов «Сункар», многофункциональный комплекс Нурлы тау в Алматы и др.) и обращение к отдельным национальным элементам декора (Дворец Школьников в Нур-Султане, отель «The St.Regis Astana»). Это, в некоторой степени изменило устоявшееся восприятие среды и объектов: к примеру, вместо использования фрагментарного декоративного орнамента в интерьере и экстерьере зданий, родилась новая эстетика, основанная, главным образом, на больших открытых пространствах в виде целых форм и силуэтов сооружений, геометрических фигур, контуров плоскостей. Следование принципу нарушения традиционных канонов, прочтения стереотипов под новым углом было введено такими казахстанскими архитекторами, как Т.Абильда, Т.Ералиев, Б.Ибраев, Ш.Матайбеков, С.Нарынов, А.Рустембеков и др.

Сейчас, в современной архитектуре дальнейший путь одновременной поддержки аутентичности и продвижение передовых технологических решений продемонстрирует индивидуальность и новаторство отдельного объекта в региональном контексте. Вновь проектируемой среде и соответствующей ей идентичности следует моделироваться на традиционных версиях классических сооружений, разработанных поколением первых архитекторов и новых идей «мобилизованных» представителей «свежей» культуры. Это должно быть новое собственное направление и стиль, одновременно знакомое и непривычное, но надлежащее и осмысленное, символизирующее собой символ роста самоидентификации и гражданской гордости.

Таким образом, в регионально «осознанной» архитектуре национальное ядро усиливается свойствами тех или иных стилей и направлений в условиях местного контекста в сочетании с новыми технологиями, заимствованиями и отказом от лишнего – так, постепенно очищаясь от «примитивного регионализма» формируется региональная идентичность, содержащая в себе глубинную суть архитектуры. Последний этап видится как поиск региональной идентичности, через призму сочетаний традиционного зодчества с достижениями новых технологий и критичным пониманием сути архитектуры в контексте места.

Энергоэффективность и устойчивое развитие. Создание «умной» архитектурной среды с помощью эффективного использования различных ресурсов со снижением негативного влияния окружающей среды на микроклимат представляет собой не борьбу с природой, а достижение

равновесия между существующим ландшафтом и архитектурной средой. Как итог - получение экономии энергетических затрат, улучшение уровня комфорта и качества жизни.

При этом, по мнению учёных, устойчивость как парадигма, основывается на принципах *стабильности и изменяемости*. Стабильное - это духовные и материальные составляющие, в задачу которых входит сохранение историко-культурного наследия, значит - идентичности. Изменяемость базируется на новационных включениях достижений технического прогресса, адекватной реакции на внешние воздействия, эволюции - внутреннего саморазвития [307] [308].

Тщательный анализ суровых климатических условий стимулирует архитекторов к поиску приёмов адаптации к природному окружению. В целях координированной организации природных ресурсов и деятельности человека при оптимизации среды, защита внутреннего пространства от излишней жары или холода должна выполняться методами традиционного сохранения энергии в условиях Казахстана (см. 1.4.2), разумеется, с обязательным включением передовых инженерных систем, специальных динамичных конструкций, форм и элементов, новейших материалов и т.д.

Изучение и анализ локальной природной, исторической, культурной и экономической специфики способствуют «...пониманию традиций региональных культур и методологическому использованию их качеств, не видимых поверхностному взгляду...» [95, с. 39]. Биоклиматическая оценка местности усиливает экологическое взаимодействие уникальной и самобытной архитектуры, человека и места.

Особенностью Казахстана является резко-континентальный климат, многообразие ландшафтов и природных зон: лесостепи, степи, полупустыни и пустыни. Зима на территории нашей страны (в особенности на севере) – холодная, длится с ноября по март, сопровождается сильными ветрами и бурями; лето – знойное, с ветрами, суховеями, пыльными бурями. Средняя температура января - от -5°C на крайнем юге, до -20°C на севере; средняя июльская температура колеблется от $+18^{\circ}\text{C}$ на севере, до $+29^{\circ}\text{C}$ на юге. Основная часть территории республики, особенно южные области, характеризуются небольшим объёмом выпадения атмосферных осадков. При таких условиях погоду летом определяют не только температура, но и влажность воздуха: сухой воздух в Казахстане облегчает сильную жару.

С учётом продолжительности воздействия солнечной радиации для регионов вдоль северных границ Казахстана необходимо использовать соответствующие архитектурно-планировочные приёмы для создания благоприятного микроклимата, санитарно-гигиенической безопасности в помещениях [285].

В Казахстане, входящем в крупный территориальный регион вместе с Центральной Азией, традиционно имеет место разделение по географическому принципу: Южный, Северный, Западный, Восточный, Центральный. К наиболее крупным городам относятся – Алматы (более 1 916 822 человек),

столица государства - Нур-Султан (1 136 156 человек), Шымкент (1 038 152 человек), характеризующиеся неповторимыми архитектурными своеобразием и играющие важную роль в судьбе молодого государства. Далее с населением от 500 757 человек по уменьшению количества идут следующие города: Актобе, Караганда, Тараз, Павлодар, Усть-Каменогорск, Семей, Атырау, Костанай, Кызылорда, Уральск, Петропавловск и т.д.

Современные локации некоторых городов совпадают с месторасположениями с названиями территорий древних городищ и населённых пунктов (Алматы – Алматы, Нур-Султан – Бозок, Туркестан - Ясы, Тараз - Талас, Талгар – Тальхир, Мерке – Мирки, Луговое – Кулан и др.) история зарождения и эволюции которых обладает чертами преемственности духовной и материальной культуры [116, с. 58]. Поэтому, каждый этап формирования архитектуры Казахстана в отдельных регионах страны характеризуется различными своеобразными локальными приёмами.

Для выявления сути проблемы региональной идентичности и комплексного регионального подхода в архитектуре рассмотрим Казахстан в его экономико-географических границах - территориального деления страны на пять субрегионов.

Субрегион Южный охватывает Алматинскую, Жамбылскую и Кызылординскую области с крупнейшими городами Алматы и Шымкент. Климат характеризуется холодной зимой и жарким летом, ландшафт - степи и пустыни, горы с увлажнёнными предгорьями. Город Алматы - финансовый, научный и культурный центр страны, расположен на предгорной равнине с живописной панорамой гор Заилийского Алатау, имеет выраженный рельеф и конфигурацию с постоянным уклоном в 3-4% из-за близости горного массива, вытянутую в направлении юг-север [260, с. 6]. Географически поселение было привязано к развалинам средневекового городища Алматы (X-XIV вв.), о существовании которого свидетельствуют различные письменные источники современников и археологические находки (керамические и кузнечные изделия, монеты, датированные 1271-1272 гг. и др.) [6, с. 69-70]. Город имеет свои характерные особенности, которые различно интерпретировались на разных этапах истории. Как пример сочетания номадической культуры региона, научно-производственного потенциала и политического значения, город сохранил в своём облике баланс азиатского и европейского влияния, отражая принцип синтеза традиций и новаторства.

Известно, что в целях смягчения жары, проветривания территории в экстремальных условиях пустынного климата древний Вавилон имел регулярную планировку взаимно перпендикулярных широких улиц, ориентировавшиеся по сторонам света, с обилием водных каналов и густым озеленением. Пересекающиеся под прямыми углами магистрали и улицы в историческом центре г. Алматы можно отнести как наилучшему примеру создания регионального городского пространства, обусловленного аналогично древнему опыту местными природно-климатическими особенностями [83, с. 24] [196, с. 74].

Расположение города на выраженном рельефе является причиной возрастания вредного воздействия транспорта на окружающую среду усилением шума и выделением выхлопных газов. Следовательно, в таких условиях ландшафта требуются мероприятия по защите застройки от неблагоприятного воздействия главных магистралей с помощью барьеров-экранов [78, с. 58] [260, с. 6, 7]. Потоки слабого ветрового режима в Алматы идут с гор в долину, характеризуясь меридиональным направлением, что требует исключения протяжённых зданий в широтном направлении. Сейсмические характеристики территории Алматинской области диктуют целесообразность проведения специальных антисейсмических мероприятий, определяя выбор методов строительства, этажность застройки, качество материалов и конструкций [196] [260, с. 10-11].

Город Шымкент – один из промышленных, торговых и культурных центров страны расположен на территории, входящей в горную систему Западного Тянь-Шаня. Для южных широт, по В.Фирсанову, озеленение территории способствует снижению температуры на 1,5-2,5° С, показатель солнечной радиации - до 50%, а скорость ветра - до 60%. Высокая растительность близ торцов фасадов малоэтажного здания в направлениях восток – юго-восток, запад – юго-запад обеспечивает эффективную теневую защиту [88, с. 87-88]. Как и Алматы в 43° с.ш., расположение Шымкента обеспечивает достаточно хороший уровень солнечной радиации и максимальное количество солнечных дней. Отсюда возникает необходимость озеленения территории и применения вспомогательных устройств: лоджий, козырьков, жалюзи. Перечисленные факторы обоих мегаполисов благоприятствуют формированию выразительного облика поселений, широкому спектру творческих изысканий в художественно-образных и планировочных композициях зданий с органичным функциональным содержанием, с максимальным использованием существующих преимуществ и сведением к минимуму недостатков.

Субрегион Северный, в основном, занимает территорию Западно-Сибирской равнины с многочисленными озерами, лесами и включает в себя Северо-Казахстанскую, Костанайскую, Павлодарскую, Акмолинскую области и столицу республики - город Нур-Султан. Характеризуется холодной и продолжительной зимой (средняя температура в январе –22° С), умеренным летом (средняя температура в июле +21° С). Расположение в пределах от 49° с.ш. до 55° с.ш. даёт достаточный ресурс солнечной радиации, но всё же негативно отражается на вегетации.

В перечисленных условиях оптимальной ориентацией зданий с учётом направлений ветров считается обращение главного фасада перпендикулярно к напору ветра: шахматная система застройки способствует разрежению и равномерному движению воздушных потоков [88, с. 100]. Другим методом снижения негативных воздействий климата в условиях суровой зимы является создание искусственной среды: объединение в единый комплекс отдельно стоящих зданий с помощью крытых тёплых пешеходных галерей-переходов,

иногда с зимним садом внутри строения. Специалистами неоднократно высказывались идеи об обеспечении комфортного микроклимата всего населённого пункта или его части путем перекрывания всей территории поселения единым куполом [76, с. 17-19]. На основе гармоничного взаимодействия с окружающей средой, эффективных архитектурных приёмов, тщательных архитектурно-планировочных, функционально-технических решений корректируется воздействие природно-климатических факторов.

Столица Казахстана и крупнейший город субрегиона Нур-Султан сейчас находится в фокусе внимания как источник поиска архитектурных трансформаций Казахстана. Генпланы города, разработанные в 1954 г. и 1968 г. учитывали сложившуюся застройку, природно-климатические условия и ставили задачи объединения разрозненных районов единым планировочным решением с чётким зонированием. В результате сложилась композиционная целостность с общегородским, одновременно, геометрическим центром с точной дифференциацией уличных сетей по назначению [15, с. 43]. Новый генплан Нур-Султана по проекту К.Курокава (1998 г.) предусматривал устойчивое развитие на основе симбиоза сохранения биологических особенностей, культурных различий и создания экологической системы с помощью современных инженерных систем (очистка сточных вод для орошения лесных массивов, переработка отходов с последующим сжиганием их для получения электроэнергии) [116, с. 197].

Закономерно что, формирование региональной идентичности здесь должно основываться на учёте климата с применением современных методов строительства и новых технологий. В Нур-Султане, отличающимся суровым климатом, резкими перепадами температур, сильными ветрами, снежными бурями и песчаными бурями, создание системы крытых общественных пространств могло бы обеспечить жителям города круглогодичный благоприятный микроклимат. Такое решение, безусловно, способствует созданию уникального архитектурного облика быстрорастущей современной столицы, и соответствует современной концепции устойчивого развития.

Субрегион Западный состоит из Атырауской, Западно-Казахстанской, Актюбинской и Мангыстауской областей, и большей частью расположен на Восточно-Европейской равнине, Прикаспийской низменности, плато Устюрт. с отсутствием лесных массивов, но богатой степной растительностью. Отличается суровым резко континентальным климатом: жарким летом, морозной зимой. К крупным городам субрегиона относятся Актобе, Атырау, Уральск. Лето в Актобе жаркое и продолжительное, зима холодная. В советское время город был опоясан «зелёным поясом» для защиты от зимних метелей и летних суховеев с пыльными бурями. Климат г.Атырау - резкоконтинентальный с продолжительным засушливым летом и малоснежной холодной зимой. Третий по величине крупный город субрегиона – Уральск расположен в живописной степной равнине на берегах рек Урал и Шаган, характеризующейся резкоконтинентальным климатом с сухим жарким летом, холодной зимой и сильными ветрами.

Субрегион Восточный представляет Восточно-Казахстанская область с крупными городами Усть-Каменогорск и Семей. Административный центр области - Усть-Каменогорск расположен у рек Иртыш и Ульба, в двухсот восьмидесяти километрах к западу от Алтайской горной системы. По причине резко континентального климата холодный период длится пять месяцев, с ноября по март максимальная температура -49°C ; в июле $+43^{\circ}\text{C}$. В городе исторически сложилась регулярная планировка со строгими прямолинейными улицами, в особенности в центральной части, которая была отведена в сторону от реки в целях защиты от затоплений паводковыми водами. Архитектурные пространства города были сформированы на основе взаимодействия архитектурных ансамблей, магистралей с видовыми картинами окружающего пейзажа.

Город Семей разделяется на две части протекающей через город рекой Иртыш и отличается резкоконтинентальным климатом, с большими амплитудами температуры: максимальные показатели зимой $-48,6^{\circ}\text{C}$, а летом $+42,5^{\circ}\text{C}$. Город имеет регулярный план, основанный на первоначальном плане крепости «Семипалатная», возведенной в 1718 г. с лесозащитной полосой с наветренной (западной) стороны с целью защиты от песчаных буранов. Отличительным градообразующим элементом является сейсмостойкий подвесной мост через реку Иртыш (2001 г.), единственный в Казахстане, который был возведён с учётом природно-климатических условий, уровня воды, ширины реки, конфигурации города, направлений и силы ветра и стал своеобразным его символом.

Структура таких городов, как Усть-Каменогорск, Семей, Атырау аналогична из-за протекающих через них рек, разъединяющих городскую ткань по обоим берегам. В этом случае необходимо стремиться к композиционной целостности и единству всей территории. При этом, значимость водоёмов может возрасти в формировании городской среды в сочетании с различными площадями, благоустроенными рекреационными зонами на фоне живописных видовых картин.

В состав *Субрегиона Центральный* входит Карагандинская область с административным центром в г. Караганде. Ландшафт характеризуется степями и полупустынями, климат - резко континентальный с суровыми зимами с редкими метелями и буранами, умеренно жарким летом. Заложенный в 1931 г. в связи с интенсивным освоением угольного бассейна, новый город Караганда был возведён без каких-либо сложившихся планировочных традиций региона. Планировочная структура города основана на чётком зонировании с разделением мест проживания, труда, отдыха с помощью композиционных осей-магистралей, включая озеленение и обводнение жилых массивов и промышленных участков.

Предложенные нами ранее теоретические универсальные образцы совокупности приёмов адаптации форм и пространств (см. 1.4.1) приемлемы для климата всех субрегионов. Модели направлены на защиту как целенаправленно в *условиях холодной зоны, или жаркого климата, так и*

применительно к обеим зонам вместе. Несмотря на некоторые имеющиеся различия природно-климатических условий на территории Казахстана, адаптация архитектуры к ним должна строиться на учете локальных нюансов не только ландшафта и климата, но и культуры, истории, социально-бытовых характеристик, духа места. Природно-климатические условия всех субрегионов объединены целесообразностью преодоления зависимости от природных факторов, когда требуется формирование искусственной среды, экологически качественного микроклимата, позволяющего справиться с природно-климатическими проявлениями.

Региональные характеристики архитектуры Казахстана, основанные на учёте климата и ландшафта, складываются в соответствии с основными типами композиции: *фронтальной визуализации; объёмно-планировочного решения; пространственной организации.*

Предлагаемые нами концептуальная модель региональной идентичности в архитектуре современного Казахстана: *фронтальной визуализации; объёмно-планировочного решения; пространственной организации среды* (Рисунок В. 11, Приложение В), построены на основе взаимосвязи теоретических и практических аспектов организации среды (Рисунок А. 4, Приложение А), где отражена логическая закономерность практических аспектов и мероприятий организации среды с выраженными региональными признаками. Региональный набор признаков идентичности - единый для архитектуры Казахстана в целом формируются путём обращения к опыту народного зодчества, уже прошедшего апробацию в суровых климатических и строительных условиях, использования достижений современных технологий.

Модель фронтальной визуализации: конструктивно-технические решения зданий и сооружений, особенности строительства, архитектурно-планировочные и композиционные средства формируются путём использования элементов и символов фронтального восприятия с ярко выраженными региональными признаками, такими как: *купол, арочные проёмы и ниши, навесы, перголы, декоративные решётки и панно, панели с мозаикой и орнаментом* и др.

Плоскостные композиции солнцезащитных решёток, навесов, жалюзи, поверхности балконов, лоджий, оформление внутренних и наружных проёмов, кровли, ограждений - визуальные идентификаторы края участвуют в поиске локального характера, местных образов в формировании системы символов, и применяются в качестве защиты от пыльных бурь, чрезмерной солнечной радиации, преимущественно, в субрегионах Южный и Западный. Сегодня региональный оттенок сопровождается применением привычных традиционных, и в то же время новых, но экологически соответствующих материалов с различными включениями типа панно, мозаики, росписей, орнаментов, муралов (изображений больших масштабов на фасадах зданий, берущих истоки от наскальных рисунков и иллюстрирующих какие-либо актуальные проблемы) и т.д. Благодаря современному осмысленному синтезу искусств, функционально обоснованные теневые устройства и элементы

попутно приобретают выраженную индивидуальность и подчёркивают региональную характерность сооружений.

На первый взгляд, формы арок и куполов, орнамент, пришедшие в современность из мемориально-культового зодчества, выглядят чужеродными элементами [51, с. 10]. Однако, форма подвижна в отличие от функции, и традиционные арки, купола, решётки, проёмы, ниши и другие формы успешно могут быть заимствованы в образные решения других типов зданий, подтверждая закономерность их использования в условиях зноя и духоты в субрегионе Южном. В сухом жарком климате созданию благоприятного микроклимата архитектурной среды и нахождению интересных архитектурных решений способствует организация движения и охлаждения воздушных потоков, основанная на приёмах и приспособлениях традиционного строительства. Купольные и пирамидальные формы, или возведение по принципу бадгиров – как новая эстетика пространства, комплексного формирования архитектурной среды отвечает существующим природно-климатическим условиям, обеспечивая комфортное пребывание. Современные воплощения аутентичных устройств могут быть не только композиционным стержнем одного здания, но системой аэрируемых пространств нескольких групп или блоков строений и городскими промежуточными пространствами.

Модель объёмно-планировочного решения основывается на организации пространства с помощью функциональных приёмов, средств и приспособлений, обращающихся к узнаваемым силуэтам мемориально-купольных, инженерно-технических сооружений, их элементов (бадгиры, яхчалы, айваны и др.) и их принципам работы в традиционном зодчестве стран соответствующей спецификой климата. Через артикуляцию традиционных форм повышается не только качество микроклимата среды, но и интенсивность символического выражения идентичности всего образа сооружения. Самобытное решение проблемы регулирования температуры воздуха, одновременно, способствует приданию выразительной объёмно-пространственной композиции и своеобразного силуэта зданиям и сооружениям. Таким путём одновременно решаются проблемы «безликой архитектуры», региональной самобытности и уникальности, а также вопросы энергетического и экологического кризиса, когда в условиях жаркого региона, перечисленные методы можно рекомендовать к использованию в комплексе пассивных приёмов по примеру здания Дома дружбы историко-культурного центра «Древний Тараз» (арх. Э.Байтенов, Г.Исабаев, 2014-2015 гг.).

В создании *модели пространственной среды* участвуют такие опорные признаки регионального характера, как атриумы, галереи, сады, дворы, айваны, площадки, террасы, лоджии и др., увеличивающие площадь участков, защищённых от солнечных лучей, сильного ветра, осадков. Замкнутые пространства или перетекающие друг в друга с помощью галерей, или частичное заглубление строения в землю способствуют устойчивости среды к негативным воздействиям климатических условий. Атриумы, галереи, террасы в современных архитектурных сооружениях Казахстана с соответствующим

микроклиматом с помощью различных видов взаимосвязей могут формироваться по типу промежуточных помещений-пустот (МА) в работах японских архитекторов, но отличающимися функциональностью.

Дополнительного улучшения микроклимата можно достичь включением обводнения пространства с помощью фонтанов, бассейнов, озеленения и максимального доступа естественного света. Усилению регионального характера и обогащению пространственной среды способствуют малые архитектурные формы в виде современных трактовок балбалов, менгиров, обелисков и других различных функционально-декоративных элементов с одновременным внедрением соответствующих новых технологий строительства.

С помощью *моделей адаптации архитектуры к региональным условиям в виде типов композиции: фронтальной визуализации; объёмно-планировочного решения; пространственной организации среды*, основанных на принципиально осознанном учёте всех особенностей региона по вышеперечисленным принципам, определяющим региональную идентичность в современной архитектуре в Казахстане, решается проблема «безликих силуэтов», строительства из дорогих материалов и технологий, экологического коллапса. Новая эстетика пространственной среды, отвечающей природно-климатическим условиям, строится исключительно на творческой преемственности, черпая вдохновение в вековых традициях степного зодчества, этно-социальных особенностях общества, и обеспечивает комфортные условия для жизнедеятельности человека и привлечения инвестиционного внимания.

- *Доминирование формообразования в сложении архитектурной идентичности.* По мнению Ш.Аскарова, первостепенной в специфике центральноазиатского архитектурного пространства является климатическая обусловленность, затем духовная (по аналогии с японской) [96, с. 54-58]. Однако, форма – универсальная подвижная характеристика, переходящая из одного типа здания в другой, одной эпохи в другую, в отличие от устойчивости функции.

Как «...профессиональный способ мышления...» архитектурная композиция представляет собой единую целую систему из структуры объекта, его формы, деталей, декоративных элементов [269, с. 25]. Целостность силуэта формируется путём применения простых форм «...независимо от утилитарного назначения произведениям архитектуры наделив идейно-художественными функциями... путём средств образной выразительности...» [32, с. 23].

Процессы трансформации и эволюции форм неизбежны в контексте времени: такие традиционные источники идентичности, как *арки, решётки, купола*, проёмы пришли из местного мемориально-культового зодчества с древнейших времён и стали достоянием гражданской архитектуры. При этом, по мнению Б.Глаудинова [19, с. 118-119] и Э.Байтенова [136, с. 82-83] - купол, как один из главных архитектурных символов, был рождён в Центральной Азии и Казахстане, и не является компиляцией или повторением арабского опыта строительства. Разумеется, в силу исторической, географической, религиозно-

культурной общности территорий важным фактором в творческих поисках региональных форм можно провести параллели с архитектурными традициями стран Востока. Например, самобытные приёмы возведения мемориально-культурных сооружений (мечеть Биби-Ханым мавзолеей Гур-Эмир, Ансамбль Регистан в Самарканде, Девичья башня в Баку и др.), характеризующихся целостностью композиций и пропорциональных соотношений, представляют интерес для заимствований с естественной творческой переработкой под различные региональные условия [96, с. 167].

Представляют интерес аутентичные формы в региональной архитектуре: купольный свод с круглым отверстием в зените, олицетворявший небесный свод; концепция центризма у тюркских племён с кругом или «мировым деревом» наряду с образом Солнца или мировой горы; формы квадрата или пирамиды с четырьмя сторонами (космическая гора, четыре стороны света и т.д.) и др.

По Хан-Магомедову, у любого народа существует свой привычный «масштабный модуль» восприятия форм [56, с. 100]. В процессе глобализации сформировались универсальные образы, символы красоты и гармонии архитектурного пространства и форм. На основополагающие формы в казахстанской архитектуре - источники идентичности с символическим содержанием, в особенности в виде *круга* указывают казахстанские исследователи [133, с. 106]. Обусловленные различными факторами такие формы эпохи архаики, как окружность, полусфера, пирамида, квадратная платформа, «вертикаль», силуэт конуса или курганного сооружения и др., отнесены Э.Байтеновым к основным пространственным региональным архетипам идентичности Казахстана [132, с. 18]. Такие основные архетипы как платформа (параллелепипед), купол, башня прошли процесс эволюции по принципу преемственности и заимствований и получили своеобразное воплощение в современном прочтении в архитектуре жилых, общественных и в особенности, мемориально-культурных сооружений. Прямые или образные отсылки к традиционным куполам, аркам, решёткам с учётом глубинно-скрытых факторов в современной архитектуре Казахстана можно отнести к поискам и выявлению региональной идентичности.

Исследованием предложены *концептуальные модели регионального формообразования*, в которых трансляция культурных ценностей происходит через современное видение и развитие форм, конструктивных элементов, материалов, технологий, основанных на известных местных архетипах (Рисунок В. 12, Приложение В). Предложенные модели на основе пространственных структур платформы (параллелепипед), купола, башни выражают природный и социо-культурный контекст.

Башенная форма с шатровым покрытием (мавзолеей Сараман-коса, Бегимана, X-XI вв.) с древних времён была распространена не на всей территории ЦентральноАзии, а в основном, в Восточном Приаралье и имела аналоги в Турции, Азербайджане [131, с. 19]. Современный силуэт формы - это интерпретация образов мемориально-культурных сооружений, традиционного

головного убора сакского воина или женского «саукеле» и т.д. При этом, вся форма представляется как трехчастная структура наподобие классического архитектурного ордера или его колонны (пьедестал – колонна - антаблемент; база - ствол-фуст - капитель).

Ордер как выразительное тектоническое формообразование является каноном совершенства пропорций, художественно осмысленным порядком взаиморасположения частей и элементов [309]. Две нижние части колонн ордеров по Виньоле имеют аналогичную закономерность построения формы, при этом верхние части - капители выражают индивидуальность каждого ордера. Разделение современного типа башенной структуры на три составляющие обеспечит как визуальную целостность узнаваемого силуэта в целом, так и каждую часть в отдельности на расстоянии наилучшего восприятия в пределах 37° по вертикали (27° выше оси зрения и 10° ниже). Так, тектоника стен, фактура поверхности, имеющийся декор в зависимости от расположения объекта от зрителя имеет различный масштаб. При отдалении от архитектурного сооружения отдельные части и элементы здания сливаются [25, с. 38-39]. Все три части модели башенной формы с дальнего расстояния приобретают цельный силуэт современного сооружения. При постепенном приближении реципиента к объекту в соответствии с пределами зрительного восприятия нижняя составляющая (база) предстаёт с чёткой фактурой материалов и конструкций - своеобразной и узнаваемой трактовки традиционной сетки из уюков и кереге, содержащих в себе сакральную значимость. Верхняя часть (капитель) может выражаться в виде купола, конуса, пирамиды, шатра и др. – известных архетипов регионального зодчества. Зрительные и эмоциональные ассоциации из многовекового опыта народной (вернакулярной) архитектуры, соответствующие духу места, способствуют созданию регионального образа. Так, через обращение к местным образам и символам формируется «родная и близкая» архитектурная среда, содержащая «дух места» и определяющая идентичность в архитектуре.

Купольная форма также опознаётся и отождествляется зрителем с местом, историей, культурой, материальной средой, через набор знаков, образов и символов, свойственных архитектуре казахстанского региона. Видение мира степных народов с концепцией центризма, круга – символа Земли, Солнца и вечного круговорота, послужило одной из основ в символизации формообразования в архитектуре не только жилища кочевников, но и мемориально-культурных сооружений и др. на территории Казахстана и Центральной Азии. Символические смыслы и метафоры как *постоянные* факторы (Рисунок А. 1, Приложение А), раскрывающие глубинную сакральную суть, определяют региональную идентичность в закономерности формообразования и логике сложения архитектурной среды.

В процессе выявления региональной идентичности в архитектуре путём обращения к местным строительным традициям, образам, символам, их восстановления и сохранения, важную роль играет архетип *платформа* (*параллелепипед*) – образ вертикальной мировой горы, Земли. Глубокие

познания в логике формообразования, системе образно-символических элементов – это способ решить проблемы идентификации в архитектуре. Переработка архетипических форм платформы, пирамиды с использованием знакомых образов, основанных на цитировании традиционной системы уюков и кереге, средневековых башен-ветроуловителей (бадгиров) – один из путей выявления региональной идентичности. При этом ассоциативный ряд образов не должен быть прямым тиражированием внешних композиционных приёмов, в основном, декоративных. Проявление идентичности как инструментария региональной архитектуры требует сложения языка архитектуры не стилизованного, а нового - сообразно современной жизни.

Вместе с тем, современная интерпретация традиционной полусферической формы может быть решена в виде копирования формы различных масштабов и пропорций по принципу метаболизма - непрерывного обновления и роста. Это определит своеобразное направление по примеру модульного строительства в архитектуре жилья и общественных зданий, позволяя формировать пространственные модули, адаптированные к местным условиям климата. Так, региональная архитектура должна стремиться к адаптации к социальным и экономическим переменам через готовность к преобразованиям внутреннему саморазвитию (синергия): самобытное выражение традиционных идей и образов в симбиозе с современными научными выводами строительной климатологии и заимствований, включая «вторжение» новых форм.

Гармоничность регионального образа достигается обогащением этих форм контекстными признаками, основанными на учёте природно-климатических условий, историко-культурных, социальных, психологических идеологических факторов. Обращение к элементам декоративно-прикладного искусства не только в виде декора, но и как основе идеи для планировочного и образного решения объекта. Необходимо активное использование родного, регионального образа по типу «современная интерпретация архетипов и орнамента» как источников региональной идентичности в противопоставлении с одновременной согласованностью и «продавливанием» в глобальную внешнюю среду. В итоге, только с помощью архитектурных средств можно создать уникальный самобытный облик любого объекта и придать ему высокий художественный уровень, а идентичность, в основном, проявляется в формах и элементах обусловленных историко-культурным и социальным контекстом.

Региональный подход в современной архитектуре предполагает комплексное взаимодействие различных аспектов и расширение спектра стратегий в проектировании архитектурного пространства среды. К ним относится глубинное понимание не только пространственно-композиционных закономерностей *формообразования*, но и *средообразования*. Решая задачи поиска региональной идентичности необходимо выявить глубинную суть и характер местности через создание «идеального» пространственного каркаса поселения.

В исторически сложившихся структурах казахстанских городов присутствуют отдельные элементы, которые традиционно были доминирующими и играли стилизирующую роль, формируя узнаваемый образ с соответствующей эстетикой пространства, дух места. Естественная миграция и следующее за ней увеличение численности населения привело к укрупнённой плотной застройке и расширению границ современных городов. В этих условиях растущие города и мегаполисы постепенно утрачивают характерный устоявшийся облик, присущая региональная специфика ослабевает, возрастает опасность уничтожения природного ландшафта, загрязнения воздушного бассейна.

Однако в поисках региональной идентичности поселений, город нельзя рассматривать как устойчивую модель от начала до конца подчиняющуюся региональным законам. В последние десятилетия основные принципы и общепринятые положения средообразования городов претерпели множество изменений: пересмотрены приоритеты и каноны, которые рассматривают человека и его потребности в центре всех существующих систем. Сейчас развитие города представляет собой закономерный процесс сноса ветхих строений и использования, как освободившихся территорий, так и освоенных земель для возведения новых зданий, сооружений из современных строительных материалов на основе последних достижений технологий.

При этом, в соответствии с глобальным опытом предпочтения в архитектуре, в основном, отдаются рационализму, функционализму, минимализму, а также другим стилям и направлениям, способствующим унификации материалов и конструкций, функциональной целесообразности, тем самым, сокращая ресурсы на строительство.

Так как архитектура имеет огромное влияние на сознание индивида и атмосферу места, создание комфортной планировочной среды для жизнедеятельности человека строится на сохранении экологии, учёте человеческого масштаба, социально-психологических факторов в восприятии архитектурно-пространственной среды [310] [311]. Вместе с тем, требуется реорганизация городского пространства через создание современных общественных зон, культурно-досуговых и деловых центров, включающих в себя новые уникальные сооружения-символы города [251, с. 59-65].

Город как целостная система подчиняется больше глобальным законам, чем региональным. В этих условиях характер региональности необходимо сохранять на уровне микропространства - гармоничного между человеком, обществом, природой, где учитывается контекст места, приумножаются ресурсы, восстанавливается экосистема. Организация среды на уровне этих микропространств на территории современного Казахстана должна строиться на *взаимовлиянии глобальных и региональных условий* (Рисунок В. 13, Приложение В).

Глобальные условия – это последние достижения строительных технологий, инвестиции, унификация и рационализация типов зданий и сооружений, новые проектные методы, концепции международных

архитекторов, творческое видение архитектуры которых вторгаются в региональную ткань города.

Учёными выведена идея «... *«идеального региона»* из ядра, домена и сферы (периферии), где ядро – культурный центр с высокой плотностью населения. Домен – срединная часть территории, сфера – зона внешнего воздействия, где ...более чётко поступают региональные особенности...» [47, с. 84]. Проводимые сейчас мероприятия по созданию современных общественных пространств (культурно-досуговых, деловых центров) в крупных городах Казахстана (Павлодар, Семей, Уральск и др.) с охватом новых ареалов пригородной зоны, в некоторой степени, представляют риск негативного воздействия на существующий экологический каркас. Однако, создание таких пространств в периферийных зонах с возведением новых уникальных объектов, по примерам современных подходов в мировой архитектурной практике, рассмотренным в Разделе 2.3., обеспечит перспективность развития таких отдельных районов города, приведёт к раскрытию преимуществ местности в формировании инфраструктуры комфортной для жителей и привлекательной для туристов.

Сегодня интенсивное развитие новых центров на сочетании культурно-исторических основ с новыми технологиями строительства и материалами (Павлодар, Семей, Туркестан, Уральск и др.) при разработке пространственной среды рекреационных зон, центров досуга (парки, аллеи, скверы, площади, набережные) сопровождается включением традиционных элементов в виде малых архитектурных форм, национальной орнаментальной символики и т.д. Однако формирование региональной архитектуры - это не передача цитат, а подлинные метафоры, умение чувствовать дух, «понимать» суть идентичности, опирающейся на смысловые, семиотические, культурно-исторические ассоциации, эмоционально насыщенные зрительные образы.

Региональные условия основаны на стремлении к идентичности, учёте природных, культурно-исторических и других факторов. В современном контексте концептуальная модель микропространства регионального города это региональный ответ на глобальные вызовы. Прежде исследователи региональной архитектуры (Ш.Аскарров) рассматривали такие понятия как «иррациональные пространства», «исламский сад», «восточный базар» и др., которые исторически представляли собой приёмы адаптации к сложным климатическим условиям и улучшения микроклимата, без дополнительных энергозатрат. К примерам создания «оазисов», адаптированных к экстремальным условиям относится модель формирования поселений Центральной Азии, Ближнего и Переднего Востока, представляющая собой системы сообщающихся компактных пространств из ансамблей торговых улиц, крытых общественных переходов и атриумов, композиций из воды, зелени и архитектурных форм [96, с. 86-89].

На уровне модели регионального микропространства на основе традиционных прототипов можно воссоздать плотную застройку восточных базаров с иррациональными (кривыми с глубокими затенениями) путями,

структуру исламского сада в виде скверов с обильным озеленением и обводнением. Предлагаемая нами модель микропространства регионального города представляет собой «public space», несущий функциональную нагрузку парков, скверов и других общественных пространств (культурно-досуговых, деловых центров), имеющих и планируемых в казахстанских городах, и который приобретает эмоциональную окраску через сохранение и современную трактовку традиционных приёмов или объектов, представляющих культурно-историческую ценность города/региона, формирующих дух места. Концептуальная модель микропространства в структуре регионального города в виде отдельного «public space» - центра с уникальными объектами-магнитами, вентиляционными приспособлениями в виде бадгиров, «зелёного модуля» с карманами из фонтанов, амфитеатров, крытой сцены, беседок, теневых навесов, иррациональных пешеходных тропинок станут местом притяжения как для местного населения, так и для туристов.

Если в современном городе невозможно воспроизвести средневековые признаки, то *концептуальной модели комфортного микропространства регионального города* (Рисунок В. 14, Приложение В), воссозданной в периферийных точках поселения (сферах), можно придать характерную данному региону идентичность через различные теневые приспособления, вентиляционные устройства, малые архитектурные формы с региональными признаками, обогащающими фактуру формируемого архитектурного пространства. Таким образом, в условиях глобализации будут решены проблемы не только формирования опознаваемого образа развивающегося города, зрительных и эмоциональных ассоциаций, новой эстетики среды через выявление идентичности, но и следующие задачи:

- сохранение истории, культуры, традиций;

- «вторая жизнь» - реновация старых районов города с помощью введения объектов-магнитов – символов-доминант по примеру мирового опыта (район с «танцующим домом» в Праге, Музей Гуггенхайма в Бильбао, Галерея Лафайет в Берлине, Башня Акбар в Барселоне) (см. 2.3);

- организация пространств, сомасштабных с человеком, и с учётом физического и психо-эмоционального комфорта, где разнородные компоненты взаимодействуют друг с другом и с существующим окружением через общерегиональные формы и символы.

- *Творческий взгляд архитектора на местные условия через индивидуальный почерк* - наиболее важный путь развития региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана.

Такие архитекторы как Томас Шумахер или Тадао Андо подчеркивают важность «интеллектуальности» климата и места в формировании идентичности. Для них регионализм – не хронологическая и географически ограниченная характеристика, а идея, содержащая в себе более глубокие проблемы за пределами региона. Композиция и формы приобретают в этом случае масштаб человечности из-за использования традиционных материалов, цветов, отсылки к ландшафту, характерной для данной местности. Синтез

региональных характеристик, приемлемые архитектурные концепции и личное видение автора определяют динамику развития *критического регионализма* [186, с. 281].

Ввиду обусловленности традиционным зодчеством, конструкциями и материалами, местным климатом, этнической спецификой и региональными символами, объекты, построенные по одним принципам, уместным в определённом регионе, будут чужды в другом. Пренебрежение к принципам критического регионализма может привести к диссонансу. На наш взгляд важным аспектом выявления региональной идентичности, несомненно, является индивидуальность автора, его видение через призму традиций, новаторства, природных факторов, культуру и быт. Процесс воплощения отражения замыслов и идей автора архитектурных произведений должен происходить в условиях сочетания регионального контекста с глобальными инновациями.

Мировые игроки на архитектурной арене в конкретном контексте проявляют свой подход, «чужой» взгляд на местную традицию формообразования, и с помощью технологических возможностей дают старт новой линии развития архитектуры в контексте.

В результате, по нашему мнению, критический регионализм переходит в новую стадию, которую можно охарактеризовать как *«посткритический регионализм»* – реакцию архитектора на местные условия через свой почерк. Так называемую *сублимацию творческого почерка автора* - перенос сути «духа места» в архитектурный замысел, можно проследить в работах Ф.Гэри, З.Хадид, К.Либескинд, Н.Фостер и др.: «замена» локальных особенностей (образов ветра, песчаных дюн, жилища кочевников и т.д.) архитектурой. Ярчайшими примерами передачи региональных признаков через индивидуальное видение автора являются работы Б.Ингельса. Один из них - проект небоскреба в Шанхае в стиле *параметризма*, формой напоминающий китайский иероглиф «народ» и представляющий собой, по словам Мэра Шанхая «...мост между древней мудростью и прогрессивным будущим Китая...» [312]. Замыслу проекта единственного в мире, на данный момент, марсианского поселения Mars Science City в Дубае из марсианского песка, геодезических куполов и пластика в 2017 г. вдохновением послужили региональные строительные традиции возведения домов в скалах или с частичным заглублением под землю в Западной Африке, обусловленные ландшафтом пустыни и чрезмерной жарой.

Это можно объяснить теорией самоорганизации, когда наступает момент бифуркации - неизбежной в конкретных условиях и времени, какое-либо действие приводит к глобальным изменениям и высокому уровню упорядоченности. На определённом этапе своего развития архитектура достигает критической точки, определяется рубеж между «старым» и «новым» путём. Так, складывается новая парадигма в архитектуре – регионально «осознанная». В такой архитектуре национальное ядро усиливается свойствами

тех или иных стилей и направлений в условиях местного контекста в сочетании с новыми технологиями, заимствованиями и отказом от лишнего.

На стыке тысячелетий в архитектуре Казахстана возникшая проблема понимания факторов формирования региональной идентичности зарубежными архитекторами привела к попытке выявления характера взаимодействия *внутренних (дух места, культура, традиции и т.д.)* и *привносимых внешних (творческий почерк автора, новые технологии и т.д.)* факторов. На наш взгляд, с привлечением «чужого» взгляда происходит «столкновение» и последующее за ним взаимопонимание этих факторов – корреляция, структурное осознание и взаимозависимое изменение морфологии форм.

Предложенные нами *пути решения проблем региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана* (Рисунок В. 8, Приложение В) демонстрируют, что формирование традиционной архитектуры связано с историей и географическим расположением региона, природно-климатическими условиями, строительными технологиями и конструктивными системами. Региональная архитектура это не прямое цитирование традиций или их эклектичное включение, не внешняя атрибутика и «театральность», а современная интерпретация строительных методов и инженерных решений, новое прочтение образов и символов, реализации «духа места» и т.д. В конечном результате через поиск глубины, смысла и сути архитектуры рождается новая парадигма – современная культура выражения региональной идентичности.

Таким образом, региональная идентичность в архитектуре - не стиль и не образ, а открытая система, основанная на критичном понимании местных корней, сути архитектуры в контексте места через почерк автора (посткритический регионализм); готовая к обмену с внешней средой, потенциальным изменениям и к адаптации в контексте времени; взаимодействующая с населением.

В современном Казахстане региональная архитектура должна быть возвращена в соответствии с вышеперечисленными условиями, когда вырабатывается индивидуальный стиль архитектора, собственный язык выражения региональной идентичности в контексте меняющегося времени, способствующий раскрытию логики архитектурного творчества. Так, казахстанская архитектура перестанет быть локальным «продуктом», и процесс региональной идентификации архитектуры, основанный на современных принципах и механизмах формирования, обеспечит Казахстану международную узнаваемость нашего государства, повышая чувство гордости у населения и вызывая интерес к стране у потенциальных туристов и инвесторов.

Выводы по третьему разделу

1. Выявлены проблемы интерпретации региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана, подразделяющиеся на:

- *научно-теоретические проблемы*: конфликт преемственности традиций и новаторства, отсутствие научной парадигмы развития региональной архитектуры, отсутствие профессиональной архитектурной критики;

- *научно-практические*: примитивизация трактовки форм, компилятивность и непрофессиональный подход к синтезу искусств в архитектуре, недостаточный качественный уровень технологических решений, неразвитость института общественной референтуры и культуры местной инициативы.

2. Исследованием определено, что в настоящее время формирование региональных характеристик в архитектуре Казахстана через осмысление признаков идентичности основано на: преемственности опыта и переосмыслении; росте самосознания и культуры самоидентификации; государственной политике формирования международного имиджа страны; законодательном упорядочении процесса от начала проектирования до введения объекта в эксплуатацию; открытости отечественной архитектуры для инноваций и международных коллабораций.

3. В процессе анализа ряда зданий и сооружений, построенных в городах Казахстана, выявлены тенденции поиска современного языка казахстанской архитектуры, прослеживается артикуляция нового понимания региональных форм, когда в современных объектах наблюдается отказ от прямого цитирования традиционных форм мемориально-культурной архитектуры и практикуется их адаптация к реалиям глобального мира. В современной архитектуре жилых и общественных зданий оригинально использованы традиционные архитектурные темы, раскрыты уникальные особенности истории и культуры Казахстана, внедрены новые технологии в местную практику.

4. Практика привлечения представителей «чужой» культуры в существующий опыт архитектуры Казахстана как творческая трактовка региональной идентичности через глубокое проникновение в историю местности, переосмысление традиционного зодчества, символизацию образов с использованием новых технологий строительства проявляется как устойчивая, но открытая гибкая система, включающая традиции и инновации, инструмент технологической и художественно-образной модернизации. В результате, новые архитектурные объекты Нур-Султана, Алматы, Туркестана стали достойными примерами современной региональной архитектуры Казахстана благодаря новым конструктивным решениям и уникальным художественным образам.

5. В целях решения проблем архитектуры Казахстана, в работе предложены **принципы формирования региональной идентичности** с учетом современных условий: *принцип климатического комфорта; принцип психофизиологического комфорта архитектурно-пространственной среды; принцип критического осмысления традиций и инноваций; принцип уникальности регионального художественного образа, визуальной выразительности форм и элементов в архитектуре; принцип*

контекстуальности; принцип безбарьерности; принцип участия населения в формировании среды обитания.

6. Одним из важных принципов является вовлеченность населения в решение архитектурно-градостроительных задач. Проведённый социологический опрос показал понимание респондентами проблем региональной архитектуры, умение оценить качество архитектурно-планировочных и художественно-образных решений в современной архитектуре, потребность людей в организации физически и психологически комфортной архитектурно-пространственной среды, отвечающей запросам самоидентификации граждан, способствующей социально-экономическому, гуманитарному, политическому развитию Казахстана.

7. В работе предложены пути решения проблем региональной идентичности в современной архитектурной науке и практике Казахстана *на основе соблюдения некоторых условий:*

- *Синтез искусств* - деликатное использование форм традиционного декоративно-прикладного искусства в целях усиления чувства места. Роль синтеза искусств в формировании региональной идентичности в архитектуре очевидна: укрепляются эстетически ценные качества объектов, обогащаются пространственные характеристики архитектурной среды;

- *Преодоление стереотипов и компромиссный путь сочетания традиций и новаторства* - необходимые составляющие процесса поиска приёмов и методов регионального формообразования с учётом новых социально-экономических условий: диалектический синтез, взаимодействие прошлого, как носителя исторической и культурной ценности с одной стороны; и актуального, обусловленного социальным контекстом и уровнем развития технологий, с другой;

- *Энергоэффективность и устойчивое развитие:* сочетание традиций и инноваций - климатического (санитарно-гигиенического) комфорта; физического комфорта (озеленение, обводнение среды, оптический комфорт среды);

- *Доминирование формообразования в сложении архитектурной идентичности:* форма – универсальная подвижная характеристика, переходящая из одного типа здания в другой, из одной эпохи в другую в отличие от устойчивой функции;

- *Творческий взгляд архитектора на местные условия через индивидуальный почерк* - важный аспект выявления региональной идентичности. Творческая индивидуальность автора способствует разработке новых идей. Поддержка аутентичности, продвижение передовых технологических решений через индивидуальность и новаторство автора в региональном контексте предохраняет от прямого цитирования традиций и рождает новую концепцию региональной идентичности с акцентированием местных визуальных особенностей.

8. Казахстан является частью глобального мира. В мировой архитектуре в XXI веке складывается новая парадигма – регионально осознанная. В такой

архитектуре национальное ядро в условиях местного контекста усиливается взаимодействием *внутренних* (дух места, культура, традиции и т.д.) и *привносимых внешних* (творческий почерк автора, новые технологии и т.д.) факторов, происходит «столкновение» и последующее их взаимодействие.

9. На основе проведенного исследования разработаны концептуальные модели:

- *адаптации архитектуры к региональным условиям в виде типов композиции: фронтальной визуализации; объёмно-планировочного решения; пространственной организации среды на основе учета ландшафтно-климатических зон Казахстана;*

- *развития регионального формообразования. Основана на современной интерпретации источников региональной идентичности (формы-архетипы, элементы декоративно-прикладного искусства);*

- *создания комфортного микропространства регионального города с глубинным пониманием пространственно-композиционных закономерностей формирования среды.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глобальной проблемой современной архитектуры является потеря идентичности. В условиях изменчивости мира Казахстан отождествляет свою архитектуру с местными культурно-историческими традициями и новыми техническими решениями. Региональная идентичность подразумевает вычленение старых и формирование новых региональных символов и образов, которые внедряются в массовое сознание. В работе выявляются основные факторы сложения казахстанского архитектурного регионализма и пути формирования региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана.

В результате проведённого научного исследования, можно констатировать, что цель диссертационной работы достигнута в процессе решения поставленных задач:

1. Изучены литературные источники, архивные и проектные материалы: современные исследования региональной идентичности в архитектуре Казахстана базируются на предыдущих исследованиях учёных Казахстана и Центральной Азии, таких как Ш.Аскарров, Э.Байтенов, Т.Басенов, Б.Глаудинов, У.Джанибеков, Б.Ибраев, А.Маргулан, М.Мендикулов, С.Нарынов, К.Самойлов и многих других. Их труды положили начало процессу научного обоснования принципов и приёмов, определяющих региональную идентичность в диалектическом синтезе с обязательным учётом природно-климатических условий, истории, быта, культуры.

2. Выявлены теоретические особенности интерпретации понятий «идентичность», «регионализм», «глобализация» в современном мире. Определение проблем идентичности через раскрытие проблем глобализации и регионализма в современном мире способствовало установлению и систематизации базовых факторов региональной идентичности: учёт климата; связь с ландшафтом; уважение контекста места, культурных установок, социальных и ценностных критериев; преемственность традиций, трансформированная современными идеями и новыми технологиями. Через идентичность выражается сакральный смысл региональной архитектуры.

3. В процессе выявления проблем регионализма в мировой архитектуре до начала XXI века установлены факторы сложения известных архитектурных стилей, направлений и эволюционной последовательности их развития, что демонстрирует генезис регионализма: эволюцию от вернакулярной (национальной) архитектуры до критического регионализма. Вместе с тем, продемонстрированы различия в формировании региональной архитектуры от остальных направлений и стилей, подтверждающие принципиальное значение комплексности в выражении региональной идентичности.

4. Определены современные региональные подходы и тенденции в мировой архитектурной практике XXI века. Это подтвердило значимость использования архитектурных концепций контекста места в синтезе с

продуктами глобализма, такими, как «критический регионализм», «новый регионализм».

5. В результате критического авторского анализа материалов исследования, изучения и систематизации данных обозначены *научно-теоретические* и *практические проблемы* интерпретации региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана.

6. Определены базовые факторы формирования региональной идентичности в архитектуре Казахстана в условиях глобализации: местные природно-климатические, ландшафтные характеристики, исторические условия, социальные и политические события, этнокультурные и строительные традиции, наличие и специфика местного сырья формируют *внешние характеристики*; культурный ментальный код населения и «генетическая память» места выражают *внутренние характеристики* идентичности региональной архитектуры.

7. Разработаны принципы внедрения элементов региональной идентичности в современную архитектуру Казахстана: предложена схема развития архитектуры в нашей стране и концептуальные модели, основанные на синтезе авангардного подхода и традиций в формообразовании, учёта особенности взаимоотношений окружающей среды и объекта, архитектуры и потребителя - в целях создания новой эстетики архитектурного пространства, обеспечивающего комфортные условия для жизнедеятельности человека.

8. Изучен уровень осознания социумом проблем региональной идентификации путём проведения социологического опроса по теме исследования среди профессиональных архитекторов и общественности, который показал, что с понятием «региональная архитектура» целевая группа, в основном, связывает историю, культуру и природно-климатические условия местности. При этом, группа опрошенных «до 30 лет» к архитектурным сооружениям Казахстана, в которых наиболее ярко выражен региональный характер, относит современные здания, построенные за последние 30 лет в молодой столице - г. Нур-Султане; группа старшего поколения выделила, в основном, сооружения 1970-1980-х годов постройки в бывшей столице - г. Алматы. Такой результат позволяет сделать вывод, что понятие регионализма в архитектуре тесно связано с узнаваемостью символов и знаков, сформированных в сознании людей архитектурной практикой определенного периода развития.

9. Формирование региональной идентичности в современной архитектуре в условиях глобализации станет импульсом к сложению новой парадигмы в казахстанской архитектуре, возвращенной на духовных и материальных потребностях населения, стремящегося к достижениям в социальных и экономических сферах, готовности социума к преобразованиям с помощью передовых технологий и заимствований. В результате этого процесса:

- вырабатывается индивидуальный стиль архитектора, авторский почерк, собственный язык выражения региональной идентичности в контексте

меняющегося времени, способствующий раскрытию логики архитектурного творчества;

- казахстанская архитектура перестанет быть локальным «продуктом», и процесс региональной идентификации архитектуры, основанный на современных принципах и механизмах формирования, обеспечит Казахстану международную узнаваемость нашего государства, повышая чувство гордости у населения и вызывая интерес к стране у потенциальных туристов и инвесторов;

- внедрение регионального компонента, как драйвера программы архитектурных вузов нашей страны, станет непреложным условием совершенствования науки и практики региональной архитектуры Казахстана.

Таким образом, можно констатировать, что научная гипотеза, положенная в основу диссертационной работы, доказана: проблемы формирования региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана в условиях глобализации могут быть решены на основе симбиоза традиционных архитектурно-планировочных приёмов с новыми достижениями в строительной технологии, обеспечивающими экологичность и энергоэффективность зданий и сооружений.

В целом, внедрение положений исследования в архитектурную науку и практику будет способствовать формированию идентичности в региональной архитектуре и совершенствованию пространственной среды жизнедеятельности людей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Байгарин М. Программа «Рухани жангыру» - результаты и новые проекты. https://lenta.inform.kz/ru/programma-ruhani-zhangyru-rezul-taty-i-novyeproekty_a3437371. 26.10.2018 г.
- 2 Назарбаев Н. Статья Главы государства «Семь граней Великой степи». https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi. 21.11.2018.
- 3 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1982. – С. 121-136.
- 4 Акишев К.А., Байпаков К.М. Кяризы Саурана // Вестник АН Казахской ССР 4. - 1973. - С. 76–78.
- 5 Бархин М.Г. Город. Структура и композиция. - М.: Наука, 1986. - 264 с.
- 6 Байпаков К.М. Древние города Казахстана. – Алматы: Аруна, 2007. – 384 с.
- 7 Байпаков К. Великий Шелковый путь на территории Казахстана. – Алматы: ТОО Адамар, 2007. – 496 с.: ил.
- 8 Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы: Ғылым, 1998. – 216 с.
- 9 Байпаков К.М., Шарденова З.Ж., Перегудова С.Я. Раннесредневековая архитектура Семиречья и Южного Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы: Ғылым, 2001. – 238 с., цвет. вкл.
- 10 Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. - С.-Петербург: отдел земельных улучшений, 1914. - 164 с.
- 11 Басенов Т.К. Архитектура Советского Казахстана за 30 лет // Изв. АН КазССР, № 62. Сер.арх. Вып.1. - Алма-Ата, 1948. - С. 3-12.
- 12 Басенов Т.К. Мемориальный комплекс Ахмеда Ясеви. - Алма-Ата: Казахстан, 1972. - 100 с.
- 13 Басенов Т.К. Орнамент Казахстана в архитектуре. - Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1957. - 98 с.
- 14 Басенов Т.К. Портреты городов Казахстана. - Алма-Ата, 1967. - 52 с.
- 15 Басенов Т.К., Гершберг В.Ш., Гребень В.Б., Меликов Э.Г., Мендикулов М.М., Смоленский А.Н., Татыгулов А.Ш. Градостроительство Казахстана. - Алма-Ата: Казахстан, 1973. - 180 с.
- 16 Бретаницкий Л.С. Художественное наследие переднего Востока эпохи феодализма. – М.: Советский художник, 1987. – 256 с.: 150 ил.
- 17 Гинзбург М.Я. Дом правительства в Алма-Ате (КАССР) // Современная архитектура. - 1928. - №3. – С. 75-77.
- 18 Глаудинов Б.А. Архитектура советского Казахстана. - М.: Стройиздат, 1974. - 133 с.
- 19 Глаудинов Б. История архитектуры Казахстана (с древних времен до начала XX века). – Алматы: КазГАСА, 1999. - Т.1. - 295 с.

- 20 Глаудинов Б.А. Развитие архитектуры Казахстана в эпоху социализма: монография. – Алматы: «ТОО Алейрон», 2016. - 606 с.
- 21 Глаудинов Б.А. Эволюция зодчества Казахстана с древности до начала XX века: монография. – Алматы: Изд. дом «Строительство и архитектура», 2019. - 371 с.
- 22 Глаудинов Б.А., Сейдалин М.Г., Карпыков А.С. Архитектура Советского Казахстана. – М.: Стройиздат, 1987. - 319 с.: ил.
- 23 Усейнов М., Дадашев С. Архитектурные памятники Баку. - М.: Издательство Академии Архитектуры СССР, 1946. – 110 с.
- 24 Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. - Т.1. – 656 с., 1055 ил.
- 25 Иконников А.В., Степанов Г.П. Основы архитектурной композиции. – М.: «Искусство», 1987. – 224 с.
- 26 Капанов А.К., Баймагамбетов С.К. Алматы: Архитектура и градостроительство. – Алматы: DIDAR, 2002. - Т.1. – 352 с. - Т.2. – 352 с.
- 27 Капанов А.К., Баймагамбетов С.К. Алматы. Қазақстан архитектурасы - Архитектура Казахстана. – Алматы: «Өнер», 2013. т. 10. – 192 с. (на каз., рус. яз.).
- 28 Карамышев В. Город строится в пустыне. – Алма-Ата: Казахстан, 1975. – 120 с.
- 29 Карпыков А.С. Архитектура советского Казахстана 1930-1950-х гг.: автореф. ... канд. арх.: 18.00.04. – Алма-Ата, 1985. – 21 с.
- 30 Космериди С.Г. Роль объектов обслуживания в организации городской среды // Матер.междунар.научно-практ.конф. «Дизайнерское образование в XXI веке: региональные и культурно-исторические аспекты». – Алматы, 2007. – С. 107-112.
- 31 Майдар Д., Пюрвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. – М.: Стройиздат, 1980. – 216 с., ил.
- 32 Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX - начало XX в.). - Ташкент: Фан, 1980. - 184 с.
- 33 Маргулан А.Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак дала // Вестник Академии наук Казахской АССР. - Алма-Ата, 1949. - №1 (46). - С. 68-79.
- 34 Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства Древнего Казахстана. – Алма-Ата: АН КазССР, 1950. – 122 с.
- 35 Маргулан А.Х., Басенов Т.К., Мендикулов М.М. Архитектура Казахстана. - Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. - 259 с.
- 36 Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмета Ясеви. – Ташкент: Типо-лит. №2 Узполиграфтреста, 1930.
- 37 Мендикулов М.М. Архитектурная практика города Алма-Аты и проблема национальной архитектуры // Известия АН КазССР. Сер. Искусствоведческая. – Алма-Ата, 1948. - №1. - С. 13-31.

- 38 Мендикулов М.М. Памятники архитектуры Казахстана с коническими или пирамидальными куполами. – М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1951. – 240 с.
- 39 Мендикулов М.М. Памятники народного зодчества Западного Казахстана. – Алма-Ата: Онер, 1987. – 160 с., илл.
- 40 Монтахаев К. Сәулетші. – Алматы: Құс жолы, 2009. – 228 б.
- 41 Нурмухаммедов Н.Б. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясеви. – Алма-Ата: Онер, 1980. – 195 с.: ил.
- 42 Орфинский В.П., Хейккинен К. К вопросу о формировании этнических символов // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия русского Севера. – Петрозаводск, 1989. - С. 5-16.
- 43 Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. – М.: «Искусство», 1982. – 287 с., ил
- 44 Рябушин А.В. Архитекторы рубежа тысячелетий. - Издательство: Искусство - XXI век, 2005 г. - 288 с.
- 45 Рябушин А.В. Гуманизм советской архитектуры. – М.: Стройиздат, 1986. – 376 с.
- 46 Саламзаде А. Национальное и интернациональное в советской архитектуре // Архитектура СССР. - 1973. - №6. – С. 57-58.
- 47 Севан О.Г. «Малые Корелы»: Архангельский музей деревянного зодчества. История создания методологии проектирования, современное состояние. – М.: Прогресс-Традиция, 2012. – 367 с.
- 48 Сейдалин Р. Казахстан // Архитектура СССР. - 1982. - №12. - С. 22-25.
- 49 Туякбаева Б.Т. Алматы: древний, средневековый, колониальный и советский этапы урбанизации. – Алматы: World Discovery, 2008. – 245 с.
- 50 Туякбаева Б.Т. Эпиграфический декор архитектурного комплекса Ахмеда Ясави. – Алма-Ата: Онер, 1989. – 172 с.
- 51 Фатиков Р.Р. Архитектурно-художественные тенденции в современном зодчестве Алма-Аты (на примере общественных зданий 1960-80-х годов). автореф. ...канд.арх.: 18.00.01. – М.: ЦНИИТИА, 1988. – 23 с.
- 52 Хайт В.Л. Классицизм и постмодернизм // Архитектура Запада-4: Модернизм и постмодернизм. Критика концепций / ЦНИИ теории и истории архитектуры. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 72-83.
- 53 Хайт В.Л. Культурное взаимодействие и проблема глобализации истории архитектуры. // Матер.конф. «Запад-Восток: взаимодействие традиций в архитектуре». Вып.2, ВНИИТАГ. М.: ARCHITECTURA, 1993. - С.162-164.
- 54 Хайт В.Л. «Современное движение» и постмодернизм в архитектуре капиталистических стран // Архитектура Запада-4: Модернизм и постмодернизм. Критика концепций / ЦНИИ теории и истории архитектуры. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 7-15.
- 55 Хан-Магомедов С.О. Национальное и интернациональное в архитектуре // Национальное в советской архитектуре. Дайджест / сост. Н.И. Орехова. – М.: Стройиздат, 1989. – С. 88-97

- 56 Хан-Магомедов С.О. О национальных особенностях архитектуры // Национальное в советской архитектуре. Дайджест / сост. Н.И. Орехова. – М.: Стройиздат, 1989. – С. 98-116.
- 57 Хан-Магомедов С.О. Супрематизм и архитектура (проблемы формообразования) – М.: Издательство «Архитектура-С», 2007 г. – 520 с.
- 58 Яралов Ю.С. Национальное и интернациональное в советской архитектуре. – М.: Стройиздат, 1985. – 224 с.: ил.
- 59 Яралов Ю. Национальное и интернациональное в советской архитектуре // Национальное в советской архитектуре. Дайджест / сост. Н.И. Орехова. – М.: Стройиздат, 1989. – С. 30-64.
- 60 Ясиевич В. В поисках национального и регионального своеобразия // Национальное в советской архитектуре. Дайджест / сост. Н.И. Орехова. – М.: Стройиздат, 1989. – С. 65-73.
- 61 Дженкс Ч. Новая парадигма в архитектуре / пер. с англ. А. Ложкина, С. Ситар. <http://cih.ru/ae/ad37.html>.
- 62 Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / пер. с англ. А.В. Рябушина, М.В. Уваровой; под ред. А.В. Рябушина, В.Л. Хайта. – М.: Стройиздат, 1985. – 136 с.
- 63 Jeffrey Cook. A post-Industrial culture of regionalism // Critical regionalism The Pomona Meeting – Proceedings / Edited by Spyros Amourgis. – Pomona: California State Polytechnic University, 1991. – P. 164-180
- 64 L. Lefavre and A. Tzonis. Critical regionalism // Critical regionalism The Pomona Meeting – Proceedings / Edited by Spyros Amourgis. – Pomona: California State Polytechnic University, 1991. – P. 3-23
- 65 Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.: ил.
- 66 Frampton Kennet. The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change. – Cheltenham: Elgar, 1998. – 66 p.
- 67 Frampton Kennet. Towards a Critical Regionalism: Six Points for an Architecture of Resistance // The Anti-Aesthetic: Essays on Postmodern Culture / Edited by Hal Foster. Port Townsend: Bay Press, 1983. – P. 16-30.
- 68 Schneider-Wessling Erich. Paradigms in praxis // Critical regionalism The Pomona Meeting – Proceedings / Edited by Spyros Amourgis. – Pomona: California State Polytechnic University, 1991. – P. 123-128
- 69 Барышникова И.В. Понятие идентичности в социологическом дискурсе // Вести Волгогр. гос. ун.-та. Сер. 7, Филос. - 2009. - №2 (10). - С. 166-171.
- 70 Галимжанова А., Глаудинова М. История искусств Казахстана: в 3-х т. (русский). - Алматы: «Өнер», 2011. - Том 2.: Архитектура. – 192 с.
- 71 Джанибеков У.Д. Культура казахского ремесла. – Алма-Ата: Өнер, 1991. – 144 с.
- 72 Джанибеков У.Д. Эхо... По следам легенды о золотой домбре. – Алма-Ата: Өнер, 1982. – 304 с., ил.
- 73 Дэй К. Места, где обитает душа: Архитектура и среда как лечебное средство / Пер. с англ. В.Л. Глазычева. – М.: Издательство «Ладья», 2000. – 280

с.: ил.

74 Железняк О.Е. Идентичность: парадигма культуры и профессиональное пространство // Проект Байкал / изд. и гл. ред. Е. Григорьева. – 2004. - № 42. – С. 112-119.

75 Кадыржанов Р.К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана / под общ.ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. – 168 с.

76 Карташова К.К. Обслуживание населения жилых комплексов Крайнего Севера. - М.: Стройиздат, 1972. – 135 с.

77 Смирнова А.Г., Киселёв И.Ю. Идентичность в меняющемся мире: Учебн. пособие / научн. ред. В.Е. Семёнов - Ярославль, 2002. - 300 с.

78 Крогиус В.Р. Город и рельеф. – М.: Стройиздат, 1979. – 124 с., ил.

79 Куприянов В.Н. Климатология и физика архитектурной среды: Монография. – М.: Издательство АСВ, 2016. – 194 с.

80 Лицкевич В.К., Конова Л.И. Учет природно-климатических условий местности в архитектурном проектировании: учебно-метод. указания к курсовой расчетно-граф. работе / В.К. Лицкевич, Л.И. Конова. - М.: МАРХИ, 2011. - 44 с.

81 Михалчёва С.Г. Основы дизайна среды: учебн. пособие для студ.-ов направл. подг. 07.03.01 «Архитектура», 07.03.04 «Градостроительство»: ПГУАС, 2017. – 204 с.

82 Орынбеков М.Е. Предфилософия протоказахов. – Алматы: «Олке», 1994. – 207 с.

83 Римша А.Н. Город и жаркий климат. – М.: Стройиздат, 1975. – 280 с.

84 Родоман Б.Б. Региональная архитектура и культурный ландшафт // Журнал Издательского дома «Первое сентября» - Москва, 2002. - №10. <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200201002>

85 Табышалиева, А.С. Вера в Туркестане. Бишкек: «Аз-Мак», 1993. - 162 с., ил.

86 Terlouw Erik. Habitation, identity, value // The architecture annual 1995-1996. - Rotterdam: Delft University of Technology, 1997. - P. 120-125

87 Файзуллаева Н. Вопросы регенерации старгородской жилой среды в исторических городах Узбекистана // Архитектура, строительство, дизайн. – Москва: Междунар. Ассоциация Союза Арх.-ов, 2015. - №1 (78). - С. 65-68.

88 Фирсанов В.М. Архитектура гражданских зданий в условиях жаркого климата. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Высшая школа, 1982. - 248 с.; ил.

89 Хашимов М. Религиозные и духовные памятники Центральной Азии. – Алматы: «Сага», 2001. – 164 с.

90 Шалабаева Г.К. Союз языков науки и искусства: методологические подходы. – Алматы: КазНАИ им Т. Жургенова, 2012. – 192 с.

91 Эллард К. Среда обитания: Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. – М.: «Альпина Диджитал», 2015. – 288 с.

92 Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / общ.ред. и предисл. Толстых А.В. - М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. - 344 с.

- 93 Аскарлов Ш.Д. Архитектура Темуридов. – Ташкент: Издательство журнала «San'at», 2009. – 144 с.: ил.: 80.
- 94 Аскарлов Ш.Д. Генезис архитектуры Узбекистана. – Ташкент: Издательство журнала «San'at», 2014. – 224 с.: ил.: 320.
- 95 Аскарлов Ш.Д. Метаморфозы регионализма // Архитектура Запада-4: Модернизм и постмодернизм. Критика концепций / ЦНИИ теории и истории архитектуры. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 67-71.
- 96 Аскарлов Ш.Д. Регион – Пространство – Город. – М.: Стройиздат, 1988. – 200 с.: ил.
- 97 Воличенко О.В. Концепции авангардной архитектуры: автореф. ... док. Арх.: 05.23.20. – Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский у.-т им. Б. Ельцина, 2017. - 48 с.
- 98 Воличенко О.В., Омуралиев Д. Памятники архитектуры в системе туристической инфраструктуры // Матер.междунар.научно-практ.конф. «Крупные города на постсоветском пространстве: проблемы центров и идентичности». – Алматы, 2007. – С. 25-31.
- 99 Гатиатуллина Э.Р., Демьяновский К.В. Исследования региональной идентичности // Sci-Article, №27 (ноябрь) 2015. <http://sciarticle.ru/stat.php?i=1446754233>.
- 100 Иманкулов Д. Монументальная архитектура юга Кыргызстана XI-XX вв. – Бишкек: Акыл, 2005. – 228 с.
- 101 Искандаров М. Поиск региональной идентичности архитектуры // «Новый Уральский строитель» - Екатеринбург, 2012. - №5 (118). <http://www.nus-ural.ru/archive/2012/5/423/773/>
- 102 Казанцев П.А. Экологическая архитектура в региональном контексте. <http://www.forma.spb.ru/archiblog/2016/08/31/eko-architektura-region/>. 31.08.2016
- 103 Курбатов В.В. Архитектура Советской Киргизии. – М.: Изд. Литературы по строительству, 1972. – 88 с.
- 104 Мальчик А.Ю. Роль орнамента в формировании архитектуры Кыргызстана (генезис, эволюция, национальные традиции): Монография. – Б.: Раритет Инфо, 2010. – 148 с.
- 105 Мамаджанова С.М. Традиции и современность в архитектуре Таджикистана (проблемы развития, взаимодействия и преемственности): автореф. ... док. арх. – М., 1994.
- 106 Мукумов Р.С. Веселовский В.Г., Мамадназаров М.Х., Мамаджанова С.М. Архитектура Советского Таджикистана. – М.: Стройиздат, 1987. – 319 с.
- 107 Назилов Д.А. Мастера школ горного зодчества Средней Азии. – Ташкент: Ташкентский государственный технический ун.-т., 2001 - 164 с.
- 108 Омуралиев Д. Курманалиев К. Современная этноархитектура Кыргызстана (истоки, объекты, тенденции). – Бишкек, 2003. – 180 с.
- 109 Саламзаде Э. Искусство и искусствоведение. Статьи разных лет. – Б.: «Текнур», 2009. – 200 с.
- 110 Скалкин А.А. Понятие идентичности и факторы ее формирования // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – №4 (41). – С. 57-67.:

http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/05_skalkin/index.php.

111 Юсупов А. Н. Историко-культурные и природные факторы в процессе формирования сельского расселения: на примере мелиорируемых земель древнего орошения бассейна Сырдарьи: дис. ... канд. арх.: 18.00.04. - Москва, 1985. - 145 с. + Прил. (34 с.: ил.).

112 Юсупова М. Культура и искусство Центральной Азии. Архитектура // Свет из глубины веков. – Ташкент: Шарк, 1998. – С. 103-115.

113 Абдрасилова Г.С. Архитектурная археология и формирование регионального образа пространственной среды // Вестник КазГАСА. - Алматы, 2010. - №2 (36). - С. 6-10.

114 Абдрасилова Г.С. Высотные здания в архитектуре Астаны // Жилищное строительство. – М., 2017. - №6. - С. 45-50.

115 Абдрасилова Г.С. Жилище в разные периоды развития архитектуры Казахстана // Вестник КазГАСА. - Алматы, 2013. - №4 (50). - С. 7-14.

116 Абдрасилова Г.С. Основы региональной архитектуры Казахстана: Монография. - Алматы, 2015. – 265 с.

117 Абдрасилова Г.С. Преемственность архитектурных традиций как условие региональной идентичности // International Conference «Sustainable Development of Contemporary City». – Ваку, 2013. – Р. 48-50.

118 Абдрасилова Г.С. Региональные факторы в современной архитектуре Казахстана // Матер. XIII междунар.научно-практ.конф. им. Татлина «Реабилитация жилого пространства горожанина». - Пенза, 2017. – С. 7-11.

119 Абдрасилова Г.С. Тенденции развития региональной архитектуры и градостроительства Казахстана: автореф. ...док. арх.: 18.00.01. - Алматы, 2010. - 48 с.

120 Абдрасилова Г.С. Феномен сада в пространственной культуре Востока // Вестник КазГАСА. – Алматы, 2010. – №1 (53) – С. 6-9.

121 Абдыкаримова Ш.Т. Принципы возрождения архитектурных объектов на Великом Шелковом пути (в пределах Казахстана): автореф. ...канд. арх.: 18.00.01 - Алматы, 2010. - 24 с.

122 Абилов А.Ж. Градостроительство и устойчивое развитие поселений в Казахстане: монография. – Алматы: КазГАСА, 2002. – 150 с.

123 Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). – Алматы: Научно-издательский центр «Гылым», 2002. – 654 с.

124 Азимов И.М. Самобытная архитектура соборной мечети Кульджи // Сохранение и использование объектов культурного и смешанного наследия современной Центральной Азии. – Алматы, 2005. – С. 165-167.

125 Азимов И.М. Особенности архитектуры караван-сараяв Узбекистана // Высшая школа Казахстана. - Алматы, 2010. - №2. – С. 186-194.

126 Алдунгарова С.М. Стилиевые направления развития архитектуры Казахстана XX века (на примере общественных зданий г. Алматы): автореф. ...канд. арх.: 18.00.01 - Алматы, 2010. - 25 с.

- 127 Арзымбетова М.С. Архитектурно-планировочная организация городских парков Южного Казахстана: автореф. ... канд. арх.: 18.00.01. – М., 1988. – с. 23
- 128 Аужанов Н. Субурбанизация и развитие крупного города // Кумбез. - 2007. - №2. – С. 34-35.
- 129 Байтенов Э.М. Конструктивные особенности Берельского кургана №11 (Казахский Алтай) // Вестник ВКГТУ. – Усть-Каменогорск, 2007. - №2. - С. 101-105.
- 130 Байтенов Э.М. Мемориалы юга Сары-Арка (к проблеме реликтовых и вновь возникших форм) // Вестник КазГАСА. - Алматы, 2016. - №4 (62). - С. 5-27.
- 131 Байтенов Э.М. Мемориальное зодчество Казахстана: эволюция и проблемы формообразования: автореф. ...док. Арх.: 18.00.01. - Москва, 2004. - 49 с.
- 132 Байтенов Э.М. Региональные особенности архитектуры: учеб. пособие. – Алматы: МОК, 2019. – 108 с.
- 133 Байтенов Э.М. Фазы формообразования в мемориальном зодчестве Казахстана // Вестник ВКГТУ. – Усть-Каменогорск, 2007. - №2. - С. 105-109.
- 134 Байтенов Э.М., Исабаев Г.А. Взаимодействие региональной архитектуры и энергоэффективных приёмов в комплексе «Древний Тараз» // Вестник науки и образования. – Москва, 2016. - №4 (16). - С. 78-81.
- 135 Байтенов Э.М., Тургамбаев Д., Еспенбет А.С. О наскальном искусстве в государственном национальном природном парке «Алтын Эмель» // Вестник КазГАСА. - Алматы, 2018. - №3 (69). - С. 22-30.
- 136 Baitenov, E., et al., 2019. Medieval mausoleums of Kazakhstan: Genesis, architectural features, major centres // *Frontiers of Architectural Research*. - 2019. <http://doi.org/10.1016/j.foar.2018.11.001>.
- 137 Балыкбаев Б.Т. Взаимосвязь функционального и художественного начала в архитектуре Алма-Аты 80-х годов: дис. ...канд. арх.: 18.00.01. - М., 1993. - 138 с.
- 138 Глаудинова М.Б. Региональные особенности архитектуры мечетей Центральной Азии XIX начала XX в. (На примере мечетей Казахстана и Восточного Туркестана): дис. канд. арх.: 18.00.01. - Алматы, 2002. - 160 с.
- 139 Ибраев Б.А. Космогонические представления наших предков // Декоративное искусство. – М., 1980. - №8. – С. 40-44.
- 140 Ибраев Б. Коркут-Ата – проблема преемственности в этногенезе // Тенгри и Тамга: наследники тюркского мира. – Баку: междунар. проблемн совет по тюркологическ.ис.-знанию, 2010. – С. 46-53. <https://tengrifund.ru/ponyatie-religiya.html>
- 141 Генеральный план пригородной зоны г. Алматы. Пояснительная записка: рук. группы Л.В. Нысанбаева, архитекторы Н.Г. Аужанов, К.Т. Ибрагимов, Н.Ж. Козбагарова. – Алматы: ТОО Урбостиль, 2009 г. – 110 с.
- 142 Исходжанова Г.Р. Архитектура сейсмостойких многоэтажных зданий для крупных городов Средней Азии: дис. канд. арх.: 18.00.01. - М., 1984. - 151 с.

143 Исабаев Г.А. Стилиевые особенности архитектуры Казахстана второй половины XIX – начала XX века: монография. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2017. – 132 с.

144 Каракбаев Б. Архитектура сельского жилища для животноводческих поселков в полупустынных и пустынных зонах Казахстана (на примере Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областей): автореф. ...канд. арх.: 18.00.01. – Л., 1981.

145 Карманов Ш.Д. Развитие архитектуры объектов отдыха и туризма в Казахстане в XX – XXI вв. (на примере южных районов Республики): автореф. ...канд. арх.: 18.00.01 - Алматы, 2010. - 25 с.

146 Кебилов А.Х. Архитектура народного жилища Семиречья XIX-XX вв.: автореф. ...канд. арх.: 05.23.20 - Бишкек, 2015. - 23 с.

147 Козбагарова Н.Ж. Проблема территориального и функционального развития города Алматы // International Scientific Journal on Urban planning and Sustainable Development. - Baku, 2017. - No 22, P. 64-74.

148 Козбагарова Н.Ж. Развитие ландшафтной архитектуры Казахстана XX века: автореф. ...док. арх. – Алматы, 2010. - 41с.

149 Корнилова А.А. Формирование системы культурно-бытового обслуживания в сельских селитебно-производственных комплексах Северного Казахстана: автореф. ...канд. арх.: 18.00.01. – М., 1979. – 43 с.

150 Корнилова А.А., Хоровецкая Е.М. О формировании архитектурного облика массовой жилой застройки г. Астаны в 50-80-х гг. XX века // Вестник КазГАСА. - 2010. - №1 (35). – С. 40-43.

151 Куспангалиев Б.У. Типологические особенности многоэтажных жилых домов для Ш В климатического подрайона Средней Азии: (На примере г. Алматы): дис. канд. арх.: 18.00.01. - М., 1980. - 163 с.

152 Нарынов С.Ж. Основные закономерности развития жилищ кочевников Средней Азии и Казахстана // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана: тез. докл. и научно-теор. конф. – Алма-Ата, 1980. – С. 170-173.

153 Кодар А. Тенгрианская теодицея Сакена Нарынова // Магия архитектуры Сакена Нарынова. – Алматы, 2010. – 63 с.

154 Нурдубаева А.Р. Кииз уй: структура пространственности: автореф. дис. ...канд. арх.: 18.00.01 / А.Р. Нурдубаева; Моск. архит. инст (МАРХИ) – Москва, 1997. – 24 с.

155 Михнова П.В. Среда и архитектурно-художественная система исторических городов Северо-Восточного Казахстана: начало XVIII - начало XXI вв.: автореф. ...канд. арх.: 18.00.01 - Новосибирск, 2007. - 23 с.

156 Шаханова Н., Ажигали С., Ордабаев А., Ергалиева Р. Казахская юрта. - Атырау–Лондон: Anglo-Caspian Publishing Ltd, 2005. - 299 с.

157 Садвокасова Г.К. Формирование пешеходных пространств средствами малых архитектурных форм (МАФ) // International Scientific Journal on Urban planning and Sustainable Development - Baku, 2017. - No 22, P. 98-109

- 158 Садвокасова Г.А. Эколого-градостроительные особенности формирования систем расселения в промышленных районах Казахстана: автореф. ... канд. арх.: 18.00.01. – М., 1985. – 22 с.
- 159 Садыкова С.Ш. Современные тенденции формирования архитектуры мечетей (на примере Казахстана): автореф. ...канд. арх.: 18.00.01. - Алматы, 2007. - 27с.
- 160 Самойлов К.И. Архитектура Казахстана XX века (развитие архитектурно-художественных форм) – Москва-Алматы: Издательство «МАРИ» дизайн, 2004. - 930 с.
- 161 Тойшубеков Д.Е. Своеобразие национальной архитектуры Казахстана конца XX – нач. XXI вв. (на примере Алматы): дис. ...канд. арх.: 18.00.01 - Алматы, 2010. - 131 с.
- 162 Тоскина В.В. Эволюция архитектурно-планировочной структуры населенных пунктов Северного Казахстана в XIX-XX вв.: На примере Акмолинской области: автореф. ...канд. арх.: 18.00.01 - Астана, 2002. - 23 с.
- 163 Турганбаева Л.Р. Архитектурно-пространственная организация системы традиционного казахского поселения: дис...док. арх.: 18.00.01. - Алматы, 2009. - 294 с.
- 164 Турганбаева Л.Р. Формирование сакральной архитектуры древних тюрок: Автореф. дис. канд. арх.: 18.00.01. - Алматы, 2003. - 24 с.
- 165 Турекулов Т., Турекулова Н. Памятники Кызылординской области // Кумбез. 2002. - № 4. - С. 42-47.
- 166 Турекулов Т., Турекулова Н. Тайны Берельских курганов // Кумбез. – Алматы, 2002. - № 2-3. - С. 56-61.
- 167 Туякаева А.К. Эколого-градостроительные особенности реконструкции городов в условиях техногенного риска (на примере городов Западного Казахстана): автореф. ...канд. арх.: 18.00.01. – Алматы, 2009. – 22 с.
- 168 Хван Е.Н. Особенности формирования визуальной среды города Астаны в конце XX - начале XXI вв.: автореф. ...канд. арх.: 18.00.01 - Алматы, 2010. - 23 с.
- 169 Чекаева Р.У., Ревтова В.В. Региональные особенности архитектуры Северного Казахстана: учебное пособие - Астана: ТОО Мастер По, 2017. - 87 с.: ил.
- 170 Чиканаев А.Ш. Астана: архитектурная симфония Великой Степи. - Астана: Деловой мир, 2008. - 270 с.
- 171 Шакербай Б. Атырау - знак возрождения // Кумбез. – Алматы, 2000-2001. - № 9-10. – С. 8-9.
- 172 Schakerbei B. Ein Masterplan fuer Atyrau // Stadt Bauwelt. – 2002. - №12. – S. 50-53.
- 173 Юнусов А.М. Типологические особенности формирования массового жилища городов Северного Казахстана: автореф. ...канд. Арх.: 18.00.02. - Москва, 1993. - 48 с.
- 174 Абдрасилова Г.С., Мурзагалиева Э.Т. Реализация проектов зарубежных архитекторов в Казахстане: в поиске региональной идентичности.

// International Scientific Journal on Urban planning and Sustainable Development. - Baku, 2017. - No 22. - P.1-11.

175 Национальная энциклопедическая служба России (НЭС).
<https://vocabulary.ru/termin/identichnost.html>.

176 Информационный сайт по современным наукам.
<http://www.grandars.ru/college/sociologiya/kulturnaya-identichnost.html>.

177 Андреева Г.М. Идентичность с окружающей средой // Психология социальных ситуаций / Сост. и общая редакция Н.В. Гришиной. СПб: Питер, 2001. - С. 248-257.

178 Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. - М.: Логос, 20

179 Хаялина Ф.Р. Архитектура. Терминологический словарь. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2008. – 202 с.

180 Десять книг об архитектуре / Витрувий; пер. с лат. Ф.А. Петровского. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 320 с.

181 Русско-казахско-английский словарь, архитектурно-строительных терминов (с толкованием на русском языке). – в 4-х томах / гл. ред. А.А. Кусаинов. – Алматы: КазГАСА, 2012. Том 1. Архитектура и Дизайн / Ред. тома Б.А. Глаудинов. – 292 с.

182 Культурология: Учебник для студентов вузов и колледжей / Сост. Т. Габитов. – Алматы: Раритет, 2008. – 424 с.

183 Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире / В.В. Кочетков // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18 Социология и политология, 2012. – №2. – С. 214-227.
<https://www.dissercat.com/content/tipologicheskie-osobennosti-formirovaniya-massovogo-zhilishcha-gorodov-severnogo-kazakhstan>

184 Архитектура и психология: учеб. Пособие для вузов / А.В. Степанов, Г.И. Иванова, Н.Н. Нечаев. – М.: Стройиздат, 1993. – 295 с.: ил.

185 Абдрасилова Г.С., Мурзагалиева Э.Т. The concept of identity in architecture // Вестник КазГАСА. - Алматы, 2020. - №1 (75). - С. 5-10.

186 Bechhoefer W. Aspects of regionalism as a tool for teaching // Critical regionalism The Pomona Meeting – Proceedings / Edited by Spyros Amourgis. – Pomona: California State Polytechnic University, 1991. – P. 279-289.

187 Брунов Н. Очерки по истории архитектуры – В 2-х томах. М.: Центрполиграф, 2013. - Т.1. – 400 с.; Т.2. – 540 с.

188 Гольдштейн А.Ф. Франк Ллойд Райт. М., Стройиздат, 1973. - 136 с.

189 Максимова М.В., Немцева О.Г. Конструктивные особенности проектирования зданий в условиях жаркого климата. // «Вестник СибАДИ». – Омск, 2017. - С. 126-134. [https://doi.org/10.26518/2071-7296-2017-4-5\(56-57\)-126-134](https://doi.org/10.26518/2071-7296-2017-4-5(56-57)-126-134).

190 Сахаров А.Н. Сельские жилые дома для Крайнего Севера. - М., Стройиздат, 1974. – 104 с.

191 Верижников С.М., Ермилов Ю.И., С.П.Заварихин и др. Мобильные жилища для Севера / под ред. С.М. Верижникова. – Л., Стройиздат, Ленингр. отд-ние. – 1976. – 160 с.

- 192 Kahere Eila poultry farming school // Philip Jodidio. Architecture NOW vol. 2. – Taschen, 2002. – P. 216-219.
- 193 Стивенсон Н. Архитектура. Архитектурные шедевры со всего мира. – подг. изд.- м Лондон: «Дорлинг Киндерсли Лимитед», 1997 для изд.- ва Москва: «Слово», 2000. - 112 с.
- 194 McLaren Technology Centre. Surrey, U.K. Norman Foster // GA (Global Architecture) DOCUMENT №81. – Tokyo: ADA EDITA Tokyo Co., 2004. - 120 pages, 78 in color. – P. 96-105.
- 195 Крюкова Е.Р. Солнцезащитные средства как элементы архитектурной композиции (на примере общественных зданий Узбекистана): дис ...канд. арх.: 18.00.01. - Ташкент, 1984. - 169 с.
- 196 Мурзагалиева Э.Т., Абдрасилова Г.С. Влияние природно-климатических условий на формирование архитектуры в условиях Казахстана. // Вестник КазГАСА. - Алматы, 2018. - №3 (69). - С. 73-78.
- 197 Бакаева Э.П., Сангаджиев Ю.И. Культура жилища: этнические традиции и современные приоритеты у калмыков: Научное и здание. - Элиста: АПП «Джангар», 2005. - 196 с.: ил.
- 198 Palyvou Clairu. Timber in Aegean late bronze age architecture // International conference materials «Conservation of historic wooden structures». Florence, 2005. – P. 43-49.
- 199 Touliatos P. The box framed entity and function of the structures. The importance of wood's role // International conference materials «Conservation of historic wooden structures». Florence, 2005. – P. 52-64
- 200 Васильев Ю.М. Из истории латвийского зодчества // Сквозь века. К истокам культуры народов СССР: Сборник. Вып. 2 / Б.Б. Пиотровский, В.В. Беридзе и др. сост. К.А. Гусева. – М.: Знание, 1986. – С. 197-212.
- 201 Шешельгис К.К., Юркштас В.И. Архитектура и градостроительство средневековой Литвы // Сквозь века. К истокам культуры народов СССР: Сборник. Вып. 2 / Б.Б. Пиотровский, В.В. Беридзе и др. Сост. К.А. Гусева. – М.: Знание, 1986. – С. 213-224.
- 202 Petrova-Latysheva Tatiana. Russia's wooden past // International conference materials «Conservation of historic wooden structures». Florence, 2005. – P. 264-267.
- 203 Шуази О. История архитектуры. В 2-х томах. М.: ОГИЗ, 2019. – 512 с.
- 204 Мышковский Я.И. Жилища разных эпох. Вчера, сегодня, завтра. М.: Стройиздат, 1975. – 125 с., ил.
- 205 Усейнов М.А., Бретаницкий Л.С. Архитектурное наследие Азербайджана // Сквозь века. К истокам культуры народов СССР: Сборник. Вып. 2 / Б.Б. Пиотровский, В.В. Беридзе и др. Сост. К.А. Гусева. – М.: Знание, 1986. – С. 181-196.
- 206 Воронина В.Л. Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М: Наука, 1982. – С. 48-69.

- 207 Жилина А.Н. Жилище народов Средней Азии и климат // Традиционные поселения и жилище узбеков Южного Казахстана. – М: Наука, 1982. – С. 137-163.
- 208 Сухарева О.А., Турсунов Н.О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX - начала XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1982. - С. 10-48.
- 209 Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 516 с.
- 210 Байпаков К.М. Оседлость, земледелие и городская жизнь у саков и усуней Жетысу (VII в. до н.э. - IV в. н.э.) // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства: Матер. Междунар.научно-практ.конф. - Алматы: Дайк-Пресс, 2007. - С. 62-66.
- 211 Артыкбаев Ж.О. История Казахстана: Учебник для вузов. Костанай: ТОО «Центрально-Азиатское книжное издательство», 2007. – 320 с.
- 212 Мурзагалиева Э.Т. Зарождение и развитие архитектуры кочевого и стационарного жилища Казахстана // Вестник КазГАСА. - Алматы, 2019. - №2 (72). - С. 89-95
- 213 Смагулов Е.А. Кяризы Туркестанского оазиса // Газета Южный Казахстан, 19.06.2000. - №70. - С. 6.
- 214 Русско-казахско-английский словарь, архитектурно-строительных терминов (с толкованием на русском языке). – в 4-х томах / Гл. ред. А.А. Кусаинов. – Алматы: КазГАСА, 2012. Том 2. Строительство / Ред. тома Е.Т. Бесимбаев. – 279 с.
- 215 Amin Saeidian. Qanat traditional irrigation infrastructure system in Iran. Elixir Sustain. Arc. 55. - 2013. - P.12743-12747. www.elixirpublishers.com.
- 216 Гулиев А.Г. Нахчыванские кяризы // IRS наследие. Баку, 2007. - № 3 (27). - С. 48-51.
- 217 Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX-XX // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М: Наука, 1982. – С. 69-111.
- 218 Мурзагалиева Э.Т. Traditional elements of providing sustainability of architecture in regional conditions of Central Asia // Вестник КазГАСА - Алматы, 2020. - №1(75). - С. 103-111.
- 219 Гутнов А. Мир архитектуры: Язык архитектуры. – М.: Молодая гвардия, 1985. - 351 с.: ил.
- 220 Абдрасилова Г.С., Мурзагалиева Э.Т. – Мавзолей Ходжи Ахмеда Яссави как культурно-исторический и архитектурный феномен // Матер.междунар.научно-практ.конф. «Современные тренды в архитектуре и строительстве: энергоэффективность, энергосбережение, BIM технологии, проблемы городской среды». - Алматы, 2019. – С. 201-210.
- 221 Васильев Л.С. Курс лекций по средневековому Востоку (Ближний, Средний, Дальний Восток и Юго-Восточная Азия). - М., 1987. – 487 с.

222 Nader Ardalan, Laleh Bakhtiar. The sense of Unity. The Sufi Tradition in Persian Architecture. – Chicago: ABC International Group Inc - University of Chicago Press, 1973. – 151 p.

223 Касьяненко И.А. Освоение современной архитектуры мира индустрии // Архитектура Запада-4: Модернизм и постмодернизм. Критика концепций / ЦНИИ теории и истории архитектуры. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 7-15.

224 Фремpton К. Современная архитектура. Критический взгляд на историю развития: пер. с англ. – М.: Стройиздат, 1990. - 535 с., ил.

225 Moneo Rafael. Museo di Pamplona: unospartito di ombre // Casabella 850 giugno. - Milano, 2015 – P. 33-43.

226 Фролова Н. Торжество регионального подхода. <https://archi.ru/world/95210/torzhestvo-regionalnogo-podkhoda>. 10.12.21.

227 Hettne B., Söderbaum F. Theorizing the Rise of Regionness // New Political Economy. - 2000. - Vol 5 (3), P. 457-473. https://www.researchgate.net/publication/233281294_Theorising_the_Rise_of_Regionness

228 Куршакова В.Н. Проблемы регионализма в современной архитектуре // Архитектура и время. - 2009. - № 4. - С. 24-26.

229 Куршакова В.Н., Янковская Ю.С. Регионализм в архитектуре в контексте глобализации // Том 1. Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. - 2014. – С. 178-183.

230 Середюк И.И. Восприятие архитектурной среды. – Львов: Вища школа. Изд-во при Львов, ун-те, 1979. – 202 с.

231 Luis Fernandes-Gallano. Ten aphorisms on regionalism // Critical regionalism The Pomona Meeting – Proceedings / Edited by Spyros Amourgis. – Pomona: California State Polytechnic University, 1991. – P. 31-33.

232 Гидион З. Пространство, время, архитектура. – М.: Стройиздат, 1984. – 455 с.: ил.

233 Халпахчян О.Х. Памятники древнеармянского зодчества // Сквозь века. К истокам культуры народов СССР: Сборник. Вып. 2 / Б.Б. Пиотровский, В.В. Беридзе и др. Сост. К.А. Гусева. – М.: Знание, 1986. – С. 119-142.

234 Беридзе В.В. Искусство древней Грузии // Сквозь века. К истокам культуры народов СССР: Сборник. Вып. 2 / Б.Б. Пиотровский, В.В. Беридзе и др. Сост. К.А. Гусева. – М.: Знание, 1986. – С. 143-180.

235 Hajieva S.Kh. Architectural monuments of Sheki: study, preservation and adaptation // International Scientific Journal on Urban planning and Sustainable Development. - Ваку, 2017. - No 22, P. 31-46

236 Хаялина Ф.Р. Модели и параметры изучения региональной архитектуры // Матер. всерос. научно-практ. конф. «Архитектура и дизайн в многопрофильном университете: проблемы образования и науки». – Оренбург, ИПК ГОУ ОГУ, 2009. – С. 118-121.

- 237 Бабаян Л. Национальное своеобразие архитектуры на современном этапе // Национальное в советской архитектуре. Дайджест / сост. Н.И.Орехова. – М.: Стройиздат, 1989. – С. 117-128.
- 238 Kelbaugh Doug. Towards an architecture of place: design principles for critical regionalism // Critical regionalism The Pomona Meeting – Proceedings / Edited by Spyros Amourgis. – Pomona: California State Polytechnic University, 1991. – P. 181-188.
- 239 Spence Robin. Paradigms in praxis // Critical regionalism The Pomona Meeting – Proceedings / Edited by Spyros Amourgis. – Pomona: California State Polytechnic University, 1991. – P. 129-134.
- 240 Айдарова Г.Н. Творческий вклад С.С. Айдарова в исследование национально-региональных традиций // Известия КГАСУ. - Казань, 2014. - №2 (28). - С. 7-14.
- 241 Айдарова Г.Н., Айдаров Р.С. Национально-региональные традиции в архитектуре Казанской областной научно-промышленной выставки 1909 г. <http://konf.x-pdf.ru/19stroitelstvo/613805-1-nacionalno-regionalnie-tradicii-arhitekture-kazanskoy-oblastnoy-nauchno-promishlennoy-vistavki-1909-goda-aydarova-ay.php>.
- 242 Гозак А.П. Алвар Аалто. – М., Стройиздат, 1976. – 175 с.
- 243 Malinowska-Petelenz Beata. Sakrum in Civitas. Kraków: Politechnika im. Tadeusza Kościuszki, 2018. – 292 s.
- 244 Gulnara S. Abdrassilova, Evira T. Murzagaliyeva, Sabina Kuc. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi as the element of regional identity formation in modern architecture of Kazakhstan // Periodicals of Engineering and Natural Sciences (PEN). – 2021. - Vol. 9, № 1. - P. 127-138. DOI: <http://dx.doi.org/10.21533/pen.v9i1.1783>.
- 245 Камин Дж. Великие музеи мира / Пер. с итал. Н.М. Сухановой; под ред. В.В. Харитогова – ООО «Издательство АСТ», 2007. – 304 с.
- 246 Великие архитекторы. Том 21. Нимейер / под ред. А.Барагамяна. - Москва: Директ - Медия, 2015. - 72 с.
- 247 Keating Michael. The New Regionalism in Western Europe: Territorial Restructuring and Political Change. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 1-st Edition, 1998. – 256 p.
- 248 Мурзагалиева Э.Т. «Принцип органической архитектуры в проектировании музеев» // Матер.международ.научно-практ.конф. «Современные проблемы архитектуры и градостроительства». - Алматы, 2016. – С. 93–97.
- 249 House in Kurakuen II // Jodidio Philip. Architecture NOW vol.2. – Taschen, 2002. – P. 296-303.
- 250 Zerbst Rainer. Gaudi // Taschen, 2005. - 239 p.
- 251 Buck David. N. Asia Now // Prestel verlag, 2006. - 143 p.
- 252 Щеголева В. Топ-10 самых высоких зданий в Бангкоке. <https://top10a.ru/samye-vysokie-zdaniya-v-bangkoke.html>. 14.12.2019.
- 253 Басенов Т.К. Архитектура Казахстана VII-XII веков // Архитектор Толеу Басенов. Избранное. – Алматы: Басбакан, 2009. - Т.2. – С. 8-47.

- 254 Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. – 375 с.
- 255 Туркестанский альбом по распоряжению туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I-го: В 4 ч.: в 6 т. / сост. А. Л. Кун, М. И. Бродовский и М. А. Терентьев. - Спб., 1871-1872. <https://runivers.ru/upload/iblock/a43/turkestansky%20albom.pdf>
- 256 Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. - СПб., 1868. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003581840/
- 257 Аяган Б.Г., Малиновская-Рютню Е.Г., Нурпеисов М.М. Свод памятников истории и культуры г. Алматы. – Алматы: ТОО «Қазақ энциклопедиясы», 2006. – 360 стр.
- 258 Официальный интернет-ресурс города Алматы. https://almaty.gov.kz/page.php?page_id=4854&lang=1&article_id=34188.
- 259 Ауезов Е.К., Чулакова Н.П. Алматы. Архитектурные хроники. – Алматы: КМҚК «Алматы қаласының тарихының музейі», 2010. – 190 с.
- 260 Абдрасилова Г.С., Мурзагалиева Э.Т. Региональное своеобразие в архитектуре Алматы // Вестник КазГАСА - Алматы, 2018. - №4 (70). - С. 6-11.
- 261 Мурзагалиева Э.Т., Абдрасилова Г.С. – Архитектура музеев Казахстана как отражение контекста времени // матер. XVI междунар. науч.-практ. конф. им. В. Татлина «Реабилитация жилого пространства горожанина». / под общ. ред. Лапшиной Е.Г. - Ч. I. – Пенза: ПГУАС, 2020. - С. 168-171.
- 262 Кадырова Т.Ф. Архитектура Советского Узбекистана. – М.: Стройиздат, 1987. - 319 с.: ил.
- 263 Адамович В.В. Архитектурное проектирование общественных зданий и сооружений: Учебник для вузов / Адамович В.В., Бархин Б.Г., Варежкин В.А. и др. / под общ. ред. И.Е. Рожина, А.И. Урбаха. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Стройиздат, 1984. - 543 с., ил.
- 264 Путеводитель по историческим местам Восточно-Казахстанской области. <https://silkadv.com/en/content/memorialnyy-kompleks-abaya-i-shakarima>.
- 265 Аязбекова С.Ш. Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов: Монография. – Изд. 2-ое. – Астана, 2011. – 284 с.
- 266 Мурзагалиева Э.Т. «Новый регионализм» в архитектуре XXI века // Научный журнал – Вестник КазГАСА. – Алматы, 2021 г. - №1 (71) С. 114-118.
- 267 Леденева Н. Десять впечатляющих примеров параметрической архитектуры. https://www.architime.ru/specarch/top_10_parametric_arch/parametrism.htm. 2011.
- 268 Астафьева Е.И., Акимов В.Н., Кадиев Р.И., Касаткин В.А. Архитектура СССР: Научное издание. – М.: Стройиздат, 1987 г. – 556 с.
- 269 Полянский А.Т. Творческие проблемы советской архитектуры (В свете решений VII съезда архитекторов). – М.: Знание, 1982. – 48 с. ил.
- 270 Раппапорт А.Г., Сомов Г.Ю. Форма в архитектуре. Проблемы теории и методологии. – М.: Стройиздат, 1990. – 344 с.: илл.

- 271 Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории // в 2 т. – М.: Мысль, 1998. - Гештальт и действительность. - Т.1. - 668 с. - Т.2. Всемирно-исторические перспективы. – 1998. – 606 с.
- 272 Середюк И.И., Курт-Умеров В.О. Городская среда и оптимизация деятельности человека. – Львов: Вища школа. Изд-во при Львов, ун-те, 1987. – 200 с.
- 273 Архитектура и эмоциональный мир человека: Забельшанский Г.Б., Минервин Г.Б., Раппапорт А.Г., Сомов Г.Ю. – М.: Стройиздат, 1985. – 208 с.: ил.
- 274 Иконников А.В. Функция, форма, образ в архитектуре. – М.: Стройиздат, 1986. – 288.: ил
- 275 Барманкулова Б.К. Казахский орнамент и современная архитектура // Искусство Казахстана. – Алма-Ата: «Өнер», 1987. - С. 22-27.
- 276 Каренов Р. С. Технологические уклады как основа инновационного развития Республики Казахстан. // Вестник КарГУ. – Караганда, 2009. articlekz.com/article/5426.
- 277 Ph.Meuser. Aesthetik der Leere: Moderne Architektur in Zentralasien. – Berlin: Braun, 2002.
- 278 Нойферт Э. Строительное проектирование: Пер. с нем. – Тридцать девятое изд., перераб. и доп. – М.: «Архитектура-С», 2011 г. – 576 с.: ил.
- 279 Абдрасилова Г.С., Мурзагалиева Э.Т. Влияние особенностей экспозиций на объёмно-планировочную структуру и художественный образ музеев // «Поиск» - журнал-приложение Междунар. научно-педаг.-го журнала «Высшая школа Казахстана». – Алматы, 2016. - №2 (2). – С. 142-146.
- 280 Мурзагалиева Э.Т. Признаки регионализма в архитектурных сооружениях г. Алматы // Современные наукоемкие технологии. - Москва, 2018. - №12 (часть 2). - С. 326-329.
- 281 Meuser Ph. Architekturfuhrer Kasachstan. – Berlin: Dom publishers, 2014. – P. 539.
- 282 Gulnara Abdrasilova, Evira Danibekova. The transformation of modern architecture in Kazakhstan: from soviet “internationalism” to a post-soviet undestanding of the regional identity // SPATIUM. – 2021. - No. 46, December. - P. 73-80. DOI: <http://10.2298/SPAT2146073A>.
- 283 Абдрасилова Г.С., Данибекова Э.Т. Развитие архитектуры и пространственной среды города Туркестана в современных условиях // Вестник КазГАСА. - Алматы, 2021. - №2 (80). - С. 7-13.
- 284 СН РК 2.04-04-2013 Строительная теплотехника. - Астана: АО «КазНИИСА», ТОО «Астана Строй-Консалтинг», 2015. - 21 с.
- 285 СП РК 2.04-01-2017 Строительная климатология. - Астана: АО «КазНИИСА», 2015. - 20 с.
- 286 СН РК 3.02-01-2011 Здания жилые многоквартирные. – Астана: АО «КазНИИСА», ФГУ ФЦС, 2015. - 21 с.

- 287 Дэй К. Места, где обитает душа: Архитектура и среда как лечебное средство / Пер. с англ. В.Л. Глазычева. – М.: Издательство «Ладья», 2000. – 280 с.: ил.
- 288 Зубов В.П. Архитектурная теория Альберти. – С-Петербург: Алетейя, 2001. – 464 с.
- 289 Суханов И.С. Лучистая энергия солнца и архитектура. – Ташкент: Фан, 1973. – 224 с.
- 290 Ибраева К. Т. Казахский орнамент. – Алматы: Онер, 1994. – 125, (1) с., (28) л. Ил.
- 291 Прак Нильс Лунинг. Язык архитектурной теории / Н.Л. Прак; пер. с англ. Ванеян Е.; под научн.ред. Ванеяна С.. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. – 228 с.
- 292 Страутманис И.А. Информативно-эмоциональный потенциал архитектуры. - М.: Стройиздат, 1978. - 119 с.
- 293 Тетиор А.Н. Социальные и экологические основы архитектурного проектирования: Учеб. пособие – М. Академия. - 2009. – 233 с.
- 294 Choi Hee Sun, Reeve Alan. Local identity in the form-production process, using as a case study the multifunctional administrative city project (Sejong) in South Korea // URBAN DESIGN International. – 2015. - Volume 20, issue 1. - P. 66-78. DOI:10.1057/udi.2013.38
- 295 Гропиус В. Границы архитектуры. – М.: Искусство, 1971. – 286 с.
- 296 Choi Hee Sun. How are public spaces sustaining cultural identities in the context of China’s increasingly globally focused urban developments: using a case study of Putuo in Shanghai // Journal of Architecture and Urbanism. - 2016. - Volume 40 – P. 198-205. DOI:10.3846/20297955.2016.1210045
- 297 Витюк Е.Ю. Архитектурная синергетика: предпосылки возникновения новой парадигмы // Архитектон: известия вузов. – Екатеринбург, 2012. - № 37. - С. 49-55.
- 298 Витюк Е.Ю. Синергетическое моделирование структуры города // Архитектон: известия вузов. – Екатеринбург, 2010 г. – №32. http://archvuz.ru/2010_4/1.
- 299 Бабич В.Н., Кремлёв А.Г. Синергетический подход к архитектурной деятельности // Архитектон: известия вузов. - Екатеринбург, 2013. - №42 - С. 14-21.
- 300 Рунге В.Ф. Эргономика в дизайне среды / В. Ф. Рунге, Ю.П. Манусевич. – М.: Архитектура-С, 2005. – 327 с.
- 301 Абдрасилова Г.С., Мурзагалиева Э.Т. Архитектура безбарьерной среды: Монография. - Алматы, 2017. – 128 с.
- 302 G. Abdrasilova, E. Murzagaliyeva (2019) Accessibility as a criterion of quality of architectural spatial environment // «Constructions Of Optimized Energy Potential». - Czestochowa, 2020. – Vol. 9, No 1/2020. - P. 39-46
- 303 Россинская Е.И. В поисках языка // Архитектура Запада-4: Модернизм и постмодернизм. Критика концепций / ЦНИИ теории и истории архитектуры. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 27-39.

- 304 Зинченко А.П. Движение к потребителю // Архитектура Запада-4: Модернизм и постмодернизм. Критика концепций / ЦНИИ теории и истории архитектуры. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 94-98.
- 305 Никитин В.А. Эволюция представлений о завершенности и обособленности архитектурного произведения // Архитектура Запада-4: Модернизм и постмодернизм. Критика концепций / ЦНИИ теории и истории архитектуры. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 84-93.
- 306 Вопросы современной архитектуры. Сборник 2. Синтез искусств в архитектуре / Москва: Госстройиздат, 1963. – 220 с.
- 307 Есаулов Г.В. Устойчивая архитектура: от принципов к стратегии развития // Вестник ТГАСУ, 2014. №6. - С. 9-14.
- 308 Есаулов Г.В. Устойчивая архитектура - от принципов к стратегии развития // Вестник ТГАСУ. – Томск, 2014. - №6. – С. 9-24
- 309 Михаловский И.Б. Архитектурные формы античности. – М.: Архитектура-С, 2012 – 360 с.
- 310 Глазычев В.Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008. – 220 с.
- 311 Гейл Я. Адамға арналған қалалар / Аударған Г.Б. Тусупова. – Алматы: қала әкімдігінің қолдауымен, 2014. – 263 с.
- 312 Митюшина Е. Бьярке Ингельс: «Архитектура - наука создания условий для жизни». <https://losko.ru/bjarke-ingels-biography/>. 29.01.2020.
- 313 Пилявский В.И., Тиц А.А., Ушаков Ю.С. История русской архитектуры: учебник для вузов. – Л.: Стройиздат, Ленингр. Отд-ние, 1984. – 512 с., ил.
- 314 Васильева Г.П. Формы оседлого жилища Южной Туркмении XIX – в начале XX // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М: Наука, 1982. – С. 193-210.
- 315 Лапкина Л.Д. Всеобщая история архитектуры. Том 9. Архитектура Восточной и Юго-восточной Азии до середины XIX века» / под ред. А.М. Прибытковой (отв.ред.), Б.В. Веймарна, О.Н., Глухаревой, Л.И. А.С. Дума́на, Мухина. – Москва: Стройиздат, 1971. <http://books.totalarch.com/taxonomy/term/2314>
- 316 Maleki B.A., Shabestari A.F. Optimization of "Badgir (wind tower)" in Iranian Hot-Arid Region // Materials of Architecture Conference On «Technology & Sustainability in the Built Environment». – Riyadh: King Saud University - College of Architecture and Planning - P. 445-458: https://cap.ksu.edu.sa/sites/cap.ksu.edu.sa/files/attach/tsbe_2_e_05.pdf.
- 317 Armin Mehdipour and Ali Namazian. Yakhchal: Climate Responsive Persian Traditional Architecture // 2-nd International Conference «Environment Science and Biotechnology IPCBEE». – Singapore: IACSIT Press, 2012. - vol. 48, №33. P. 445-458. https://www.researchgate.net/publication/309855826_Yakhchal_Climate_Responsive_Persian_Traditional_Architecture.

- 318 Бунин А.В., Ильин Л.А., Поляков Н.Х., Шквариков В.А. Градостроительство. Под редакцией В. Шкварикова. - Москва: Издательство академия архитектуры СССР, 1945. – 327 с.
- 319 Назаренко Е. Древний город Милет - путешествуем по Турции. <https://apartment-turkey.com/milet/>. 28.01.2017.
- 320 Прага. Золотые путеводители / под ред. Моника Бонеки. – Firenze: Casa Editrice Bonechi, 2013. - 128 с.
- 321 Бунин А.В. История градостроительного искусства. Том 1. Рабовладельческий строй. Феодализм. Капитализм. Под редакцией В. Шкварикова. - Москва: Гос. издательство лит.- ры по строит.-ву и арх.-ре СССР, 1953. – 531 с.
- 322 Städtisches Museum Saarlouis. Wo ein Wassergeist Stadtgeschichte erklärt / saarbruecker-zeitung.de. https://www.saarbruecker-zeitung.de/saarland/neunkirchen/das-staedtische-museum-saarlouis-stellt-sich-vor_aid-33292163. 2018. 25.09.2018.
- 323 Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды / под ред. Л.Н. Авдотьина, Д.П. Айрапетова, В.Г. Акатовой, Б.Г. Бархина и др. - Москва: Стройиздат, 1984. – 376 с.
- 324 Всеобщая история архитектуры. Том 6. Архитектура России, Украины и Белоруссии. XIV – первая половина XIX / под ред. П.Н. Максимова, А.И. Власюка, А.А. Кипарисовой, Ю.А. Нельговского, М.И. Рзянина, А.Г. Чинякова. – М.: Стройиздат, 1968. – 568 с.
- 325 Лучкова В.И. История градостроительства доиндустриального периода. Часть 2: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/a0/7c/a07cec34-4e2e-458f-b5c0-f0d99bc142f7/07.pdf.
- 326 Всеобщая история архитектуры. Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии / под ред. Ю.С. Яралова, Б.В. Веймарна, В.А. Лаврова, А.М. Прибыткова, М.А. Усейнова, О.Х. Халпахчыяна. – М.: Стройиздат, 1969. - Том 8. – 491 с.
- 327 Популярная художественная энциклопедия. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство / под ред. В.М. Полевого. - М.: «Советская энциклопедия», 1986. - Том 1. – 476 с.
- 328 В Самарканде планируют возродить сады Тамерлана. <https://regnum.ru/news/society/2736594.html>. 02.10.2019.
- 329 Раупов А. Город Хива. <https://alsamarkand.com/ru/gorod-khiva/>. 13.12.17.
- 330 Бретаницкий Л., Веймарн Б. Искусство Азербайджана IV-XVIII веков. - М.: «Искусство», 1976. - 72 с.: ил. (Очерки истории и теории изобразит, искусств).
- 331 Темперамент свободы: 8 самых экспрессивных зданий современной Мексики. <https://reality.ria.ru/20150824/405956334.html>. 24.08.2015.
- 332 Мастера архитектуры. Крупнейшая в мире подборка работ известных архитекторов. Луис Барраган. https://architime.ru/architects/a_luis_barragan.htm.

- 333 Палласмаа Ю. Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2013. – 176 с.
- 334 Десять ключевых проектов архитектора Сиднейского оперного театра Йорна Утцона. <https://ru.furniturehomewares.com/2018-04-09-ten-of-sydney-opera-house-architect-jorn-utzons-most-important-buildings>. 2022.
- 335 Inaba Nobuka. World heritage and the modern era // A+U/ Architecture and Urbanism. - Tokyo, 2019. - №589. – P. 140-157.
- 336 Schlaich Mike. Yoyogi gymnasiums, Mamoru Kawaguchi and modern double-curved lightweight structures // A+U/ Architecture and Urbanism. - Tokyo, 2019. - №589. – P. 76-113.
- 337 Зенкевич А.Я. Традиции и современность в творчестве Кисё Курокава // Архитектура Запада-4: Модернизм и постмодернизм. Критика концепций / ЦНИИ теории и истории архитектуры. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 124-133.
- 338 Chua Lawrence. Bangkok utopia: Modern Architecture and Buddhist Felicities, 1910–1973. – Honolulu: University of Hawai‘i Press, 2021 – 275 p.
- 339 Lassus Pongkwan. Modern architecture in Thailand // Docomomo Journal. - Lissabon, 2017. - №57. - P. 64-73.
- 340 Chinese Architecture and the Beaux-Arts / Edited by Jeffrey W. Cody, Nancy S. Steinhardt, and Tony Atkin. - Honolulu: University of Hawai‘i Press, 2011. - 385 p.
- 341 Architecture of Turkey. https://en.wikipedia.org/wiki/Architecture_of_Turkey.
- 342 Скрипник Г. История Казахстана. Подземные лабиринты и древние сокровища хранит Жамбылская область... // Интернет-газета «Алтын-Орда» (altyn-orda.kz). <https://www.altyn-orda.kz/istoriya-kazahstana-podzemnye-labirinty-i-drevnie-sokrovishha-hranit-zhambylskaya-oblast/>. 22.04.2017.
- 343 Новоселова К. Памятники архитектуры Узбекистана. Буклет: Внешторгиздат. - 40 с.
- 344 Мечеть Биби-Ханым, Самарканд. https://www.orexca.com/rus/uzbekistan/samarkand/bibi_khanim_mosque.htm.
- 345 Павлодар 19 века в мельчайших подробностях. <http://lifepvl.kz/index.php/component/k2/1170->. 05.04.2016.
- 346 План Уральска с названиями улиц до 1917 года. <http://imja.name/kazakiurala/urbanonimy-uralska/plan-uralska.shtml>.
- 347 Обзор названий улиц и площадей Уральска до 1917 года. <http://imja.name/kazakiurala/urbanonimy-uralska/obzor-ulits-uralska.shtml>.
- 348 Мухаметов Х., Табылдиев Х. И встал город. http://taisoigan.kz/tarikh-lketanu/article_post/staryu-dobryu-guryev-6. 15.10.2018.
- 349 Как военный лазарет в Петропавловске переделали в резиденцию Абылай хана. <https://pkzsk.info/kak-voennyjj-lazaret-v-petropavlovske-peredelali-v-rezidenciyu-abylajj-khana/>. 30.07.2019.
- 350 Козлов М. Теория градостроительства. Учебное пособие. – 2-е изд., дополненное. – Усть-Каменогорск: ВКГТУ, 2011. – 172 с.

- 351 О градостроительном освоении территории города Риддера. <https://infor.kz/maps/news/1517.html>. 02.01.2021.
- 352 Интерактивная карта. <http://zhezkazgan.wikimapia.org/map/>.
- 353 Постановление Правительства РК от 10 февраля 2005 г. «128 «Генеральном плане города Актау». <http://continent-online.com>.
- 354 Интерактивная карта. <http://ekibastuz.wikimapia.org/map/>.
- 355 Табулдин Г.Ж., Набиев М.А., Хабдулина М.К. Географические карты как источниковедческий материал. <https://tengrifund.ru/geograficheskie-karty.html>. 21.04.2018.
- 356 Информационный городской портал Oskemen.info. <http://oskemen.info/photo-id-664.html>. 17.03.2022.
- 357 Илья Буяновский. Казалинск. Ворота Туркестана. <https://varandej.livejournal.com/975291.html>. 26.12.2018.
- 358 Илья Буяновский. Арысь, Чимкент и поезд "Тальго". Штрихи к портрету КТЖ. <https://varandej.livejournal.com/735225.html>. 01.05.2015.
- 359 Абсембетов М. Жаркентская мечеть // World discovery Kazakhstan. - Алматы, 2005 – №03 (04) - С. 42-47.
- 360 Караганда: город, хранящий память // Элитный дом. - Алматы: ТОО «Azimut Cons.», 2002. – №4 - С. 4-7.
- 361 Свободный полёт «Алтын кус» // Элитный дом. - Алматы: ТОО «Azimut Cons.», 2002. – №3 - С. 6-11.
- 362 Supplement 100+best architecture firms // Domus. – 2019. - №1033. – P.105.
- 363 Axel Springer building // Domus. – 2021. - №1054. – P. 46-53.
- 364 Zendai Himalayas Center. Nanjing, China // Domus. – 2018. - №1026. – P. 56-57.
- 365 National museum of Qatar, Doha // Domus. – 2019. - №1033. – P. 56-57.
- 366 Opera house. Harbin, China // Domus. – 2018. – №1026. – P. 46-53.
- 367 Дома мира / ред. гр: Аксёнова М., Мироненко О., Евлахович Е и др. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2007. – 180 с.: ил.
- 368 China museum of Design Bauhaus collection // A+U/ Architecture and Urbanism. - Tokyo, 2019. - №582. - P. 54-65.
- 369 Новые дома в «старом центре» продолжают традиции Алматы. https://forbes.kz/process/property/novyie_doma_v_starom_tsentre_prodoljayut_traditsii_almaty/. 31.03.2016.
- 370 Историко-культурный центр Первого Президента – фоторепортаж из Темиртау. https://baigenews.kz/news/tsentr_pervogo_prezidenta/. 01.12.2020.
- 371 Абенова Г. «Цветок Всевышнего» с именем отца Джаксыбекова. <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-astana-novaya-mechet/29231555.html>. 17.05.2018.
- 372 Track and field sports complex. <https://company.bi.group/en/project/show/81>.

- 373 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985: Том 5. 1985. – 528 с.
- 374 Akihisa Hirata // JA: The Japan Architect. - Tokyo, 2018. - №108. - 160 p.
- 375 Kengo Kuma: a LAB for materials // JA: The Japan Architect. - Tokyo, 2018. - №109. - 219 p.
- 376 Magni Camillo. Immerso nel paesaggio // Casabella. - Milano, 2016. - №868. - P. 20-27.
- 377 Проекты GRIS Design Friends'home: отель Saint Regis Astana (часть вторая). <http://gris.kz/blog/proekty-gris-design-friendshome-otel-i-zhiloj-kompleks-saint-regis-astana-chast-vtoraya/>. 28.09.2017.
- 378 Моисеева Е. Восточная поэтика // Дома и интерьеры – Алматы, 2005 г. – №6 – С. 94-125.
- 379 Городище «Древний ТАРАЗ» (I-XIX вв.). <https://taraztour.kz/2429/>.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Интерпретация проблем идентичности в архитектуре

Рисунок А. 1 - Выявление проблем глобализации и регионализма в современном мире

Рисунок А. 2 - Факторы формирования региональной идентичности

Рисунок А. 3 - Взаимосвязь базовых факторов и методов их адаптации в процессе формирования материально-пространственной среды

Принципиально зависима последовательность методов организации арх.среды	Взаимодействие с ландшафтом и рельефом местности	Закономерности градостроительства	Закономерности функциональной организации пространства	Архитектурно-планировочные и композиционные средства	Конструктивно-техническое решение
Универсальные приемы адаптации к ЖАРКОЙ (сухой) климатической зоне	Влияние тектонических свойств и типов грунтов на тип конструкции и строительный материал Подчинение архитектуры окружающей среде	Ориентация улиц по направлению преобладающих ветров Расположение домов продольными осями в направлении "запад-восток" Протяженные фасады-экраны защита от солнечной радиации	Замкнутые затенённые двory с озеленением, обводнением Наличие крытых террас и балконов Глубокие жилые помещения	Высокие потолки. Маленькие оконные проемы под потолком с солнцезащитой Плоская кровля (жилье), купольные своды (общественные здания)	Толстые стены (защита от жары) Низкий фундамент
Модели					
Универсальные приемы адаптации к ХОЛОДНОЙ климатической зоне	Влияние тектонических свойств и типов грунтов на тип конструкции и строительный материал Подчинение архитектуры окружающей среде	Плотная застройка с полузамкнутой композицией жилых домов - защита дворов от преобладающих ветров	Закрытые внутренние двory и крытые защищенные галереи Неглубокие жилые помещения Наличие закрытых переходных галерей	Невысокие потолки Маленькие оконные проемы Скатная кровля наличие чердака	Толстые стены (защита от холода) Приподнятый высокий фундамент
Модели					
Общие универсальные приемы адаптации к РЕЗКО-КОНТИНЕНТАЛЬНОМУ климату	Влияние тектонических свойств и типов грунтов на тип конструкции и строительный материал Подчинение архитектуры окружающей среде		Закрытые, замкнутые внутренние двory	Маленькие оконные проемы	Толстые стены
Модели					
Описание моделей	Модель пространственной среды Замкнутая схема жилой застройки Плотная застройка жилых домов Протяженные фасады-экраны	Модель объемно-планировочного решения Глубокие помещения Крытые террасы и балконы Неглубокие помещения Закрытые переходные галереи Закрытый внутр. двор	Модель фронтально-пластической интерпретации Плоская кровля Высокие потолки Небольшие оконные проемы Низкий цоколь Толстые стены Купол-свод Скатная кровля Низкие потолки Высокий цоколь		

Рисунок А. 4 – Универсальные теоретические модели адаптации пространственной среды к климату и ландшафту

АРХЕТИПЫ	Природа, климат, ландшафт, местное строительное сырье	Взаимодействие с окружающей средой	Культурные традиции Быт, жизненный уклад	Примеры типов жилья в соответствующих климатических зонах
<p>Жилище по принципу "от очага"</p>	<p>РЕЗКО-КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ климат</p> <p>Холодная зима; Обильные осадки, сильные ветры; Лесные массивы, скалистая местность; Дерево, камень, глина.</p>	<p>ПРИСПОСОБЛЕНИЕ И АДАПТАЦИЯ жилища к окружающей среде.</p> <p>Единая композиция из жилой зоны и хозяйственных построек.</p> <p>Закрытые дворы. Крытые зоны от снежных заносов.</p>	<p>Тип "избы": Скатная кровля. Традиционные орнаменты фасада - резьба. Небольшие оконные проемы со ставнями. Дерево, камень.</p>	<p>Дом в Архангельской обл. с крыльцом на боковом фасаде [311]</p> <p>Дом в Вологодской обл. с крыльцом на главном фасаде [311]</p> <p>Орнамент на фронтоне дома. Резьба [311]</p>
<p>Жилище по принципу "от очага"</p>	<p>СУБТРОПИЧЕСКИЙ, УМЕРЕННЫЙ климат</p> <p>Обильные осадки; Активный рельеф, скалистая местность; Горный, предгорный ландшафт; Камень, глина.</p>	<p>ПОДЧИНЕНИЕ ПРИРОДЕ жилища. Слияние с окружением.</p> <p>Дома на склонах; Слияние с горным рельефом; Плотная застройка; Использование местных строительных материалов.</p>	<p>Тип террасированных домов в горных местностях. Плоские кровли. Ниместоящего дома - террасы для верхнего жилища. Узкие оконные проемы-бойницы. Камень, глина, сырцовый кирпич.</p>	<p>Верхний Зеравшан [107]</p> <p>Туркменистан [208]</p> <p>Таджикистан [208]</p> <p>Кашкадарья [107]</p>
	<p>СУБТРОПИЧЕСКИЙ СУХОЙ климат</p> <p>Жаркое лето; Умеренные осадки, сильные ветры; Степи, пустыни; Камень, глина.</p>	<p>ПРИСПОСОБЛЕНИЕ И АДАПТАЦИЯ жилища к окружающей среде.</p> <p>Закрытые дворы и глубокие террасы; Плотная застройка; создание теневых зон; Использование местных строительных материалов.</p>	<p>Тип централизованного жилища (южные регионы). Плоские кровли - террасы деревянные из смеси глины и соломы. Небольшие оконные проемы под потолком. Глина, сырцовый кирпич, камень.</p>	<p>Двор жилого дома</p> <p>"Коржын уй" [71]</p> <p>Туркменистан [312]</p>
	<p>ТРОПИЧЕСКИЙ климат</p> <p>Обильные осадки, отсутствие ветра; Почвенная влага, наводнения; Дерево, бамбук, пальмовые листья, глина.</p>	<p>АДАПТАЦИЯ, ГАРМОНИЧНАЯ СВЯЗЬ жилища с окружающей средой.</p> <p>Дома на сваях для защиты от паводков и змей; Использование местных строительных материалов.</p>	<p>Тип жилища стран юго-восточной Азии. Скатная кровля, крытая листьями бамбука и тропических трав. Традиционные орнаменты фасада - резьба. Небольшие оконные проемы со ставнями. Дерево бамбук, пальма, ротанг, камень.</p>	<p>Глинобитный дом [71].</p> <p>План и разрез дома с айваном, характерные для Отрара [3]</p> <p>Вьетнам [313]</p> <p>Лаос [313]</p> <p>Тайланд [313]</p>

Рисунок А. 5 – Эволюция традиционного стационарного жилища, обусловленная постоянными поверхностно-очевидными факторами. Рисунки Э.Данибековой

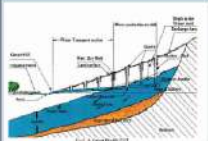
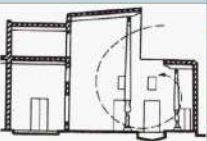

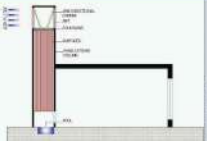
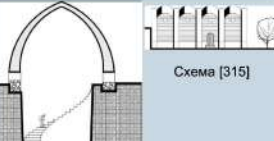

Инженерно-технические сооружения	КЯРИЗ, КӘРІЗ	АЙВАН	ЙЕР-УЧАК, ЙЕР-ТАННУР, ЖЕР-ОШАК	БАДГИР	ЯХЧАЛ
Определение	гидротехническая система из подземного водоводного тоннеля, вентилятора и колодца водохранилища	пристройка к зданию, создающая тень и прохладу, способствующая вентиляции	система подземных каналов от печи для обогрева пола помещения	ветролов, система охлаждения в жарких регионах	сооружение для хранения льда в пустынных и степных территориях
Страны	Азербайджан, Алжир, Армения, Афганистан, Иран, Казахстан (Южный), п-ов Крым, Ливия, Марокко, Туркменистан, Узбекистан	Азербайджан, Алжир, Афганистан, Ирак, Иран, Казахстан, Марокко, Туркменистан, Узбекистан	Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан	Афганистан, Бахрейн, Египет, Иран, Казахстан (Южный), ОАЭ, Пакистан, Саудовская Аравия, Узбекистан	Иран
Объект	 Общий вид [215]	 Айван дома в Ташкентской обл. Рисунок: Д.Назилова [107]	 Общий вид [217]	 Общий вид [314]	 Общий вид [315]
Принцип работы	 Схема [215]	 г. Хива, Узбекистан [206]	 Рисунок: Э. Данибековой	 Схема [314]	 Схема [315]
Форма					

Рисунок А. 6 - Принцип рациональности форм в традиционных инженерно-технических сооружениях и элементах зданий в региональных условиях стран Востока

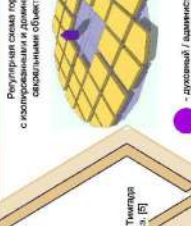

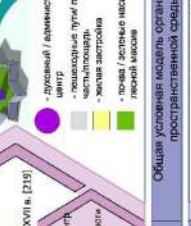
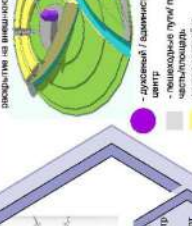
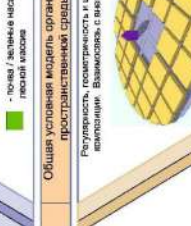

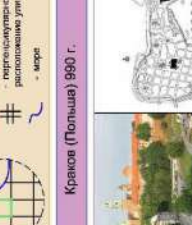
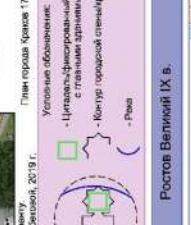

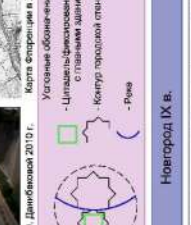
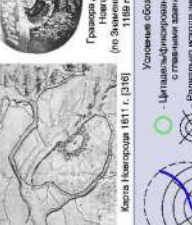
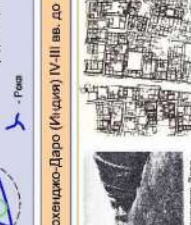
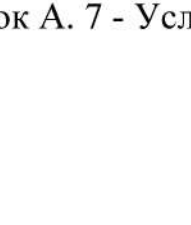
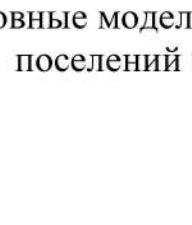
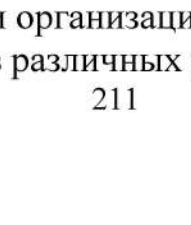
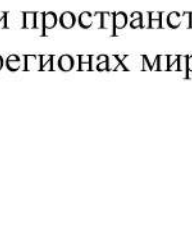
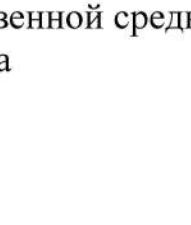
<p>Древние города VI в. до н.э. - I в. н.э.</p>	<p>Вавилон - VI в. до н.э.</p> <p>Вавилонская система планировки городов</p> <p>План города Вавилон VI в. до н.э. [316]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Фиксированный центр с главными зданиями Перспективная раскладка улиц Море 	<p>Прена (Древняя Греция) V в. до н.э.</p> <p>Реконструкция города Прена (по модели Шнейера) [316]</p> <p>План г. Прена (Др. Греция) V в. до н.э. [316]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Фиксированный центр с главными зданиями Перспективная раскладка улиц Море 	<p>Милет IV в. до н.э. (Греция) арх. Гипподам</p> <p>Милет вид на порт (милет) [317]</p> <p>План г. Милет (Современная Азия) IV в. до н.э. [317]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Фиксированный центр с главными зданиями Перспективная раскладка улиц Море 	<p>Римский г. Тимгада (Африка) I в. н.э.</p> <p>Римы древнеримского города Тимгада [316]</p> <p>План римского г. Тимгада (Африка) I в. н.э. [316]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Фиксированный центр с главными зданиями Перспективная раскладка улиц 	<p>Общая условная модель организации пространственной среды</p> <p>Регулярная схема города с элементами сложившейся обстановки</p> <ul style="list-style-type: none"> Фиксированный центр Перспективная раскладка улиц Жилая застройка
<p>Средневековая Европа 59 г. до н.э. - 1679 г.</p>	<p>Флоренция (Италия) 59 г. до н.э.</p> <p>Вид на домикатури пристройства</p> <p>Регулярная система планировки</p> <p>Фото Э. Демболови 2010 г.</p> <p>Карта Флоренции в XVII в. [316]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Централизованный центр с главными зданиями Контура городской открытости Рельеф 	<p>Прага (Чехия) VIII в.</p> <p>Вид на домикатури пристройства</p> <p>Современный вид со стороны Карлова моста</p> <p>Карта Праги XV-XVII вв. [316]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Централизованный центр с главными зданиями Контура городской открытости Рельеф 	<p>Краков (Польша) 980 г.</p> <p>Милет вид на порт (милет) [317]</p> <p>План г. Милет (Современная Азия) IV в. до н.э. [317]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Фиксированный центр с главными зданиями Перспективная раскладка улиц Море 	<p>Сарлуки (Франция) Германия 1679 г.</p> <p>Милет г. Сарлуки Франция [316]</p> <p>План г. Сарлуки Франция XVII в. [215]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Централизованный центр с главными зданиями Контура городской открытости Рельеф 	<p>Общая условная модель организации пространственной среды</p> <p>Историческая обстановка</p> <ul style="list-style-type: none"> Фиксированный центр Перспективная раскладка улиц Жилая застройка Полы / зеленые насаждения / лесной массив
<p>Средневековая Русь</p>	<p>Новгород IX в.</p> <p>Карта Новгорода 1817 г. [316]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Централизованный центр с главными зданиями Рационально выделенные улицы от городского центра Рельеф 	<p>Псков IX в.</p> <p>Карта Пскова XIII-XV вв. [311]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Централизованный центр с главными зданиями Рационально выделенные улицы от городского центра Рельеф 	<p>Ростов Великий IX в.</p> <p>Ростов Великий. Вид с озера Неро [213]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Централизованный центр с главными зданиями Рационально выделенные улицы от городского центра Рельеф 	<p>Москва XII в.</p> <p>Карта г. Москва XIX в. [311]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Централизованный центр с главными зданиями Рационально выделенные улицы от городского центра Рельеф 	<p>Общая условная модель организации пространственной среды</p> <p>Центральная часть города</p> <ul style="list-style-type: none"> Фиксированный центр Перспективная раскладка улиц Жилая застройка Полы / зеленые насаждения / лесной массив
<p>Китай и Юго-Восточная Азия</p>	<p>Пекин (Китай)</p> <p>План Пекина (Китай) XV в. [318]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Фиксированный центр с главными зданиями Перспективная раскладка улиц 	<p>Киното (Япония)</p> <p>Схема раскладки кварталов и улиц, Иньгородского района Хобанько (Япония) IX в. [223]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Фиксированный центр с главными зданиями Перспективная раскладка улиц 	<p>Индия</p> <p>Вид замкового ансамбля Мандру XII-XVII вв. [321]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Фиксированный центр с главными зданиями Перспективная раскладка улиц 	<p>Индия</p> <p>Карта Мохенджо-Даро IV-II вв. до н.э. [31]</p> <p>Условные обозначения:</p> <ul style="list-style-type: none"> Фиксированный центр с главными зданиями Перспективная раскладка улиц 	<p>Общая условная модель организации пространственной среды</p> <p>Регулярная центричная схема города</p> <ul style="list-style-type: none"> Фиксированный центр Перспективная раскладка улиц Жилая застройка Полы / зеленые насаждения / лесной массив

Рисунок А. 7 - Условные модели организации пространственной среды первых поселений в различных регионах мира

Рисунок А. 8 - Условные модели организации пространственной среды первых поселения Ближнего Востока Центральной Азии

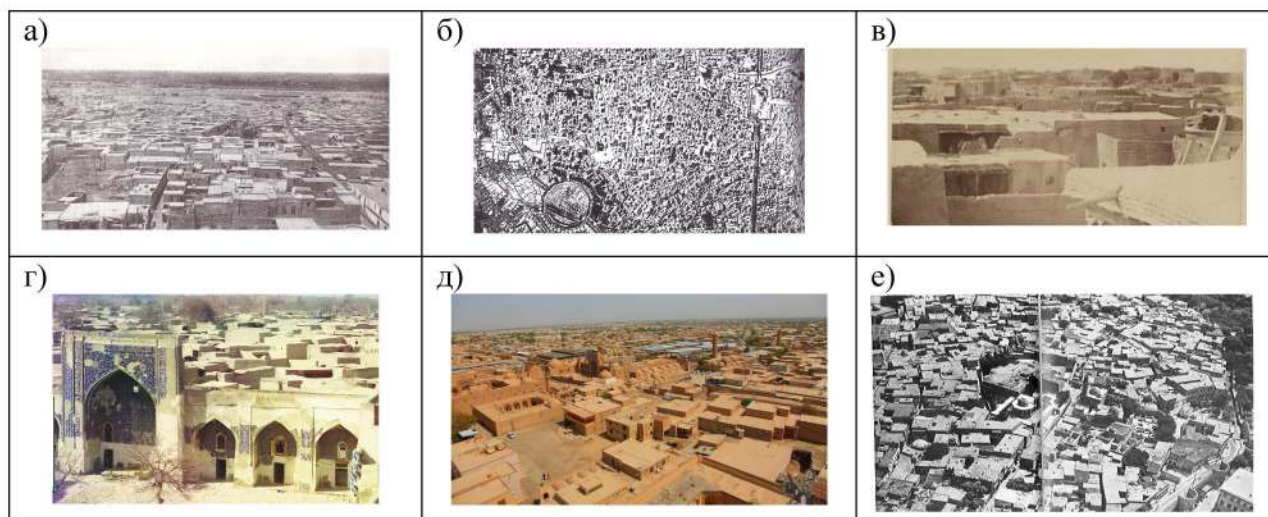

Рисунок А. 9 – Примеры плотной застройки жилых кварталов как отражение влияния природно-климатических условий на организацию пространственной среды поселений: а) – Бухара [208, с. 17]; б) – Керман. Фрагмент плана [222, с. 90]; в) - часть города Туркестан. Базар [255]; г) - Самарканд 1911 г. [328]; д) – Хива [329]; е) – Крепость Баку XV в. [330]

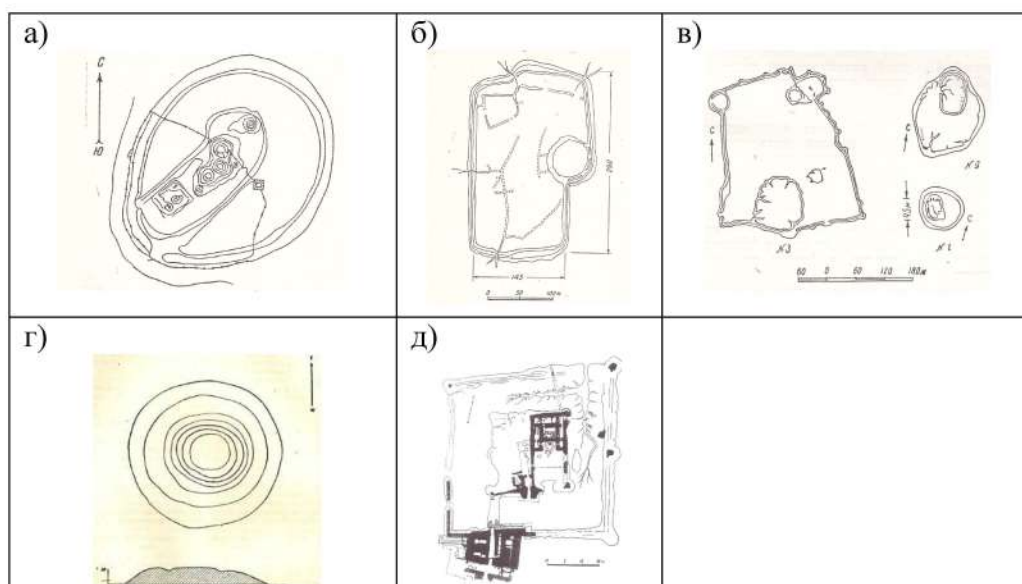

Рисунок А. 10 – Планы древних поселений на территории Казахстана (V век до н.э. - III век н.э.): а) Шерик-рабат; б) – Куийк-кала; в) – Жеты-асар [35, с. 50-51]; г) Жар-тепе [34, с. 18]; д) Бабиш-мулла [70, с. 30]

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Теория и практика архитектурного регионализма: современные проблемы

Архитектурные течения XX вв. Факторы	Эклектика	Конструктивизм	Модернизм	Функционализм	Интернационализм	Контекстуализм	Органическая архитектура	Национальное зодчество	Региональная архитектура
Научное осознание региональных особенностей архитектуры						▲	▲		▲▲▲
Использование современных технологии	▲▲▲	▲▲▲▲	▲▲▲▲	▲	▲▲▲▲	▲	▲▲		▲▲▲
Заимствование строительных традиций извне	▲▲▲▲	▲▲	▲▲▲▲	▲	▲▲	▲▲	▲	▲	▲▲▲
Ментальность, психофизиологический склад								▲▲▲▲	▲▲▲
Культурные традиции, быт				▲		▲		▲▲▲▲	▲▲▲
Применение строительных приемов и материалов						▲▲	▲▲	▲▲▲▲	▲▲▲
Местность (ландшафт)		▲				▲▲▲▲	▲▲▲▲	▲▲▲▲	▲▲▲
Климат		▲				▲▲▲▲	▲▲▲▲	▲▲▲▲	▲▲▲

Основной доминирующий фактор

 Обусловливающий фактор

 Сопутствующий фактор

Рисунок Б. 1 – Особенности выявления региональной идентичности в различных архитектурных стилях и направлениях

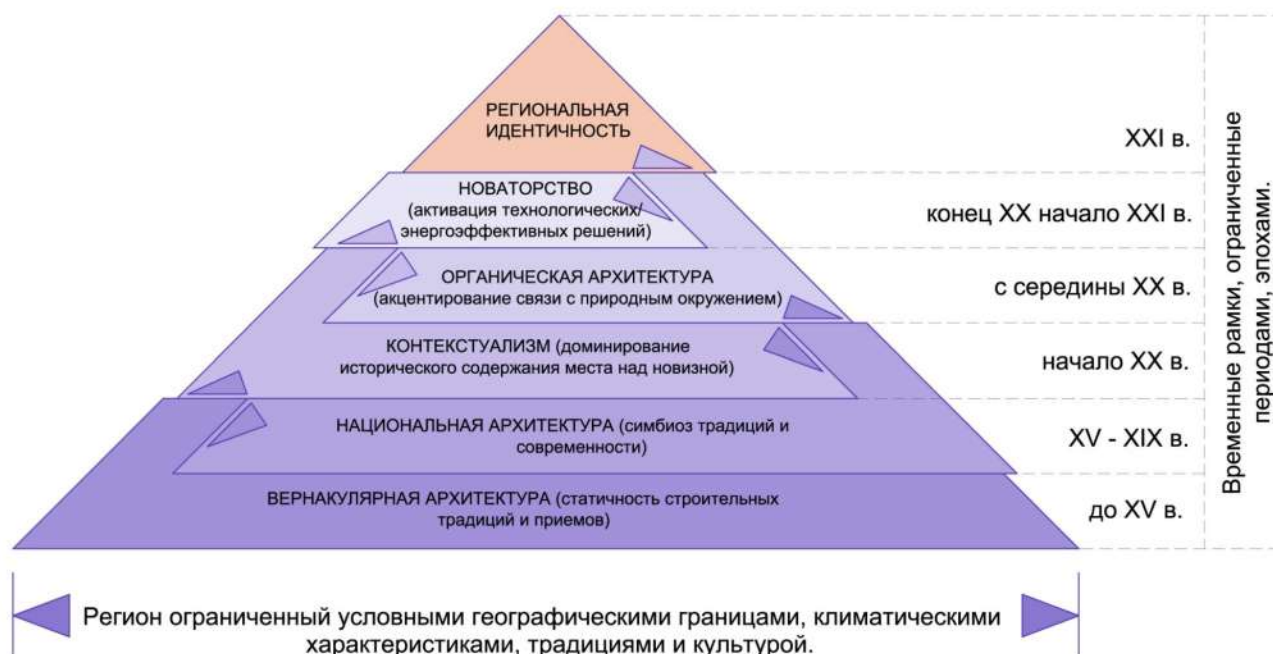
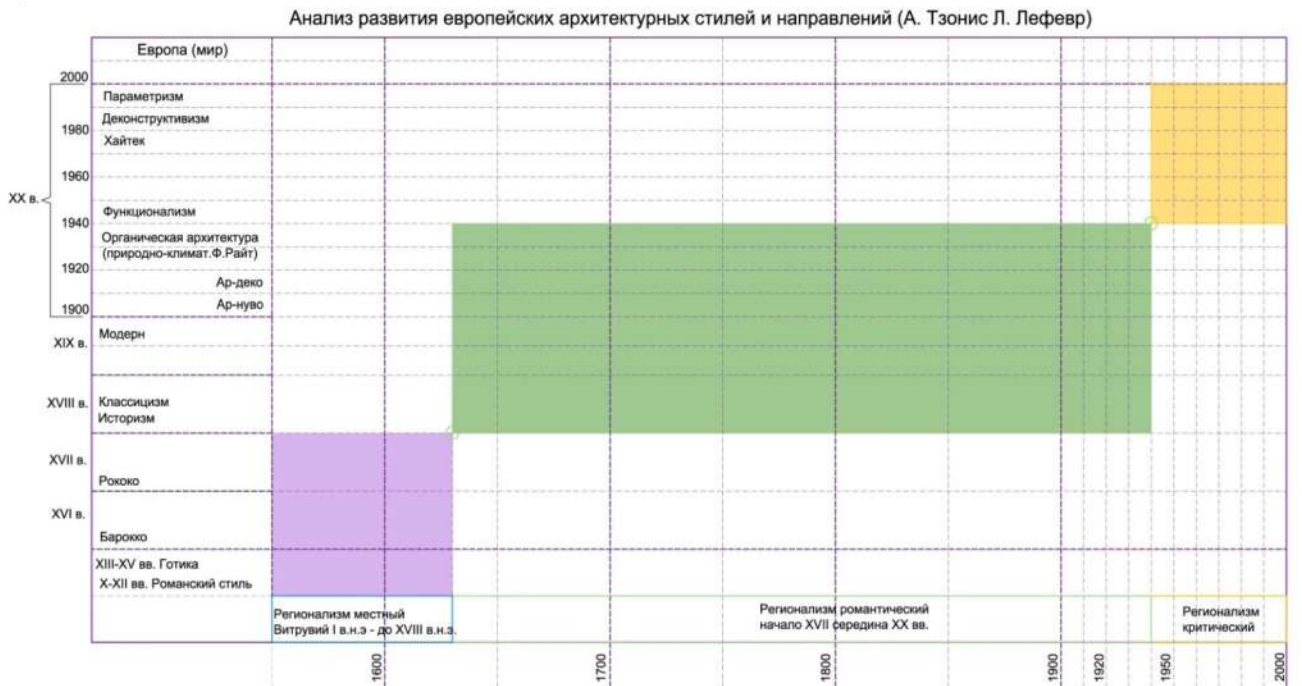

Рисунок Б. 2 – Универсальная модель эволюции стилевых признаков архитектуры: от вернакулярности до региональной идентичности

а)

б)

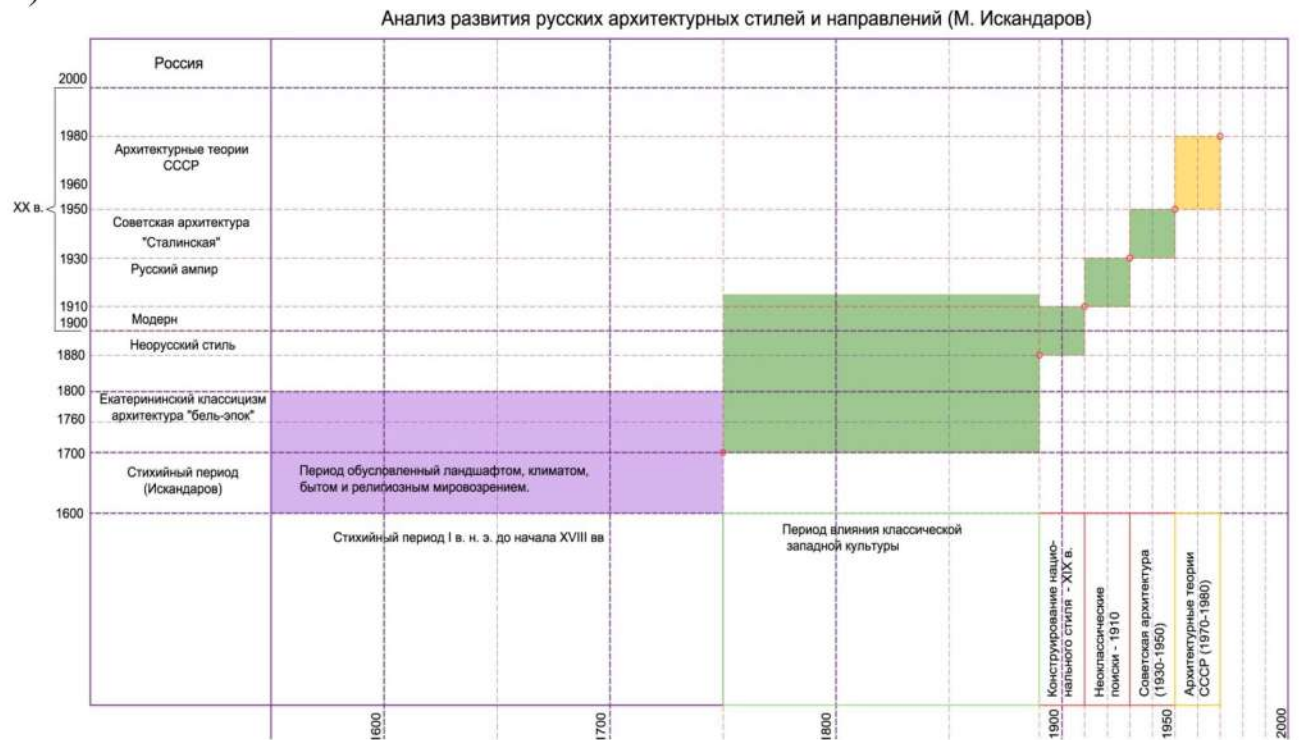

Рисунок Б. 3 – Периодизация региональной архитектуры в современных научных источниках (начало)

В)

Анализ развития казахстанских архитектурных стилей и направлений (Б. Глаудинов)

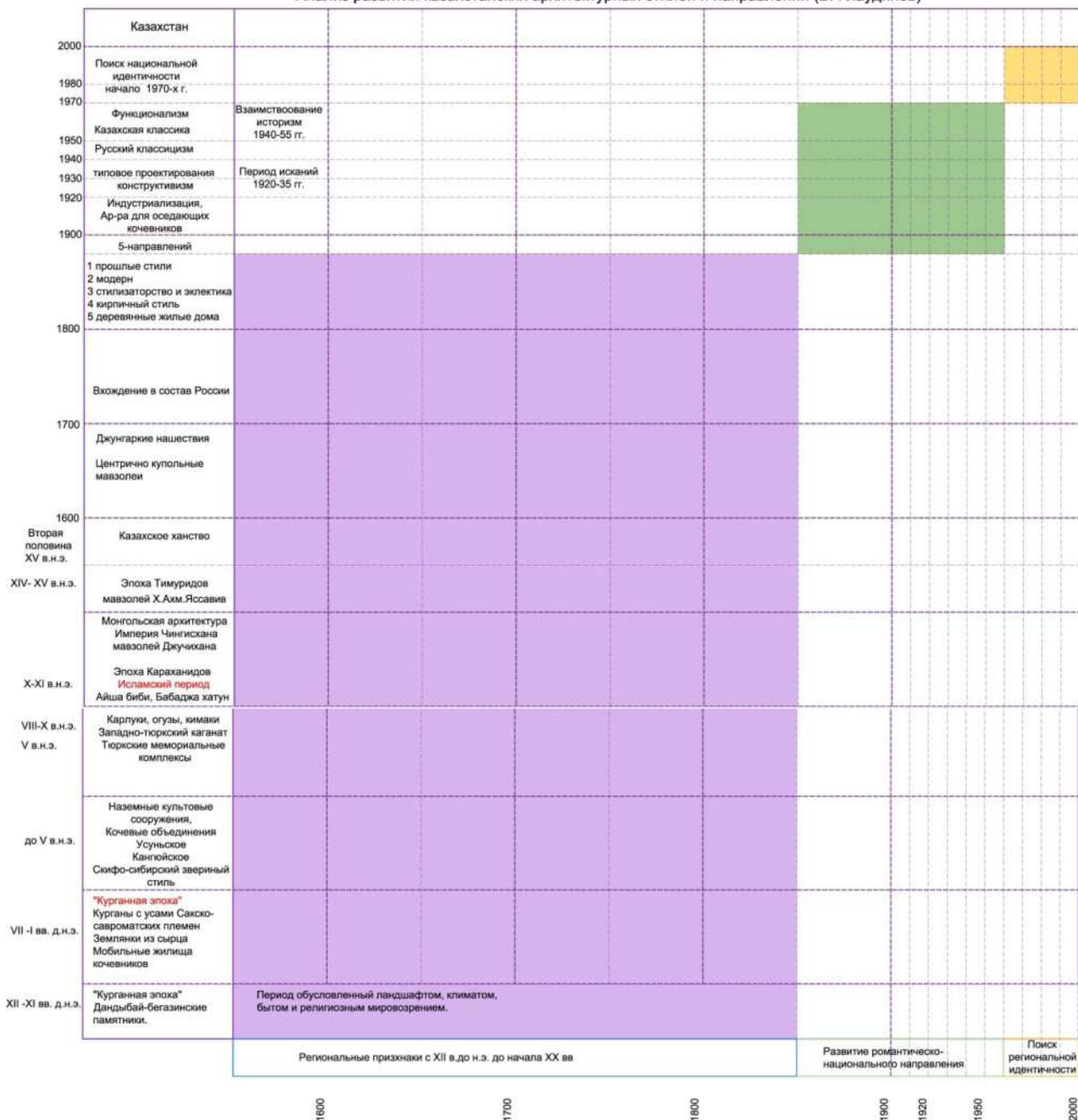

Рисунок Б. 3 (продолжение) – Периодизация региональной архитектуры в современных научных источниках: а) – анализ развития европейских архитектурных стилей и направлений (А.Тзонис, Л.Лефевр); б) - анализ развития русских архитектурных стилей и направлений (М.Искандаров) в) – анализ развития казахстанских архитектурных стилей и направлений (Б.Глаудинов)

Ярко выраженные характеристики	Бразилия, середина XX века.	Мексика, середина XX века.	Финляндия начало, середина XX в.	Дания середина XX в.	Япония с середины XX в.	Тайланд, середина, конец XX века.	Китай, конец XX начало XXI века.	Турция, середина, конец XX века.
	 <p>Дворец Национального конгресса Бразилии, 1956-70 гг. (О.Нимейер) [246]</p> <p>Катедрали собор Бразилии, 1956-70 гг. (О.Нимейер) [246]</p> <p>Дворец Пампула, Бразилия, 1958 г. (О.Нимейер) [246]</p> <p>Дворец Арок Бразилиа, 1958 г. (О.Нимейер) [246]</p>	 <p>Учредительный дворец Мехико, 1945-1950 гг. (Марко Чавес, Эдуардо дель Моралес) [329]</p> <p>Культовый центр «Техуака», Мехико, 1945-1950 гг. (Марко Чавес, Эдуардо дель Моралес) [329]</p> <p>Дом адвката и политика Габриэля Барраган, 1928 г. (Луис Барраган) [330]</p> <p>Дом Кристо (Сана Селия), Гвадалахара, 1950 г. (Луис Барраган) [330]</p> <p>Конюшни Сан-Кристобаль, Мехико, 1968 г. (Луис Барраган) [330]</p>	 <p>Вилла Майрен, Норркерью, 1927 г. (Альваро Алто) [332]</p> <p>Общественный центр Свонкасало, 1949-1952 г. (Альваро Алто) [242]</p> <p>Дворец «Финляндия», Хельсинки, 1937-1971 г. (А.Алто) [242]</p> <p>Экспериментальный дом Мууртало, 1953 г. (Альваро Алто) [331]</p>	 <p>Музей Кристиана, Собор Дании, 1968-1972 г. (Фрэнк А. Алто) [242]</p>	 <p>Олимпийский комплекс в Токио 1961-1964 гг. (Фрэнк К. Тавро) [334]</p> <p>Капсульное здание Нагати, Токио 1922 г. (К.Курокива) [335]</p>	 <p>Science Museum, Бангкок, 1976 (Салей Джитрай На Аурдичуа) [337]</p>	 <p>National Art Gallery, Beijing, 1959 (Дай Нанго) [338]</p> <p>Sun Yat-sen Tower (Zhongyuan Tower), Shanghai, 1998 (arch. Shimizu Corporation and Mitsui) [331]</p> <p>Jin Mao Tower, Shanghai 1998 (arch. Skidmore, Owings and Merrill) [331]</p> <p>Museum of Science and Technology, Shanghai 2001 (RTKL Associates) [251]</p> <p>Guangzhou Gymnasium 2001 г. (arch. Paul Andreu) [251]</p>	 <p>Отель «Космос» Виз Анкара 1970 г. [336]</p> <p>Торгово-банковская башня (Абдул Бакка Яылмаз Сароглу) [339]</p> <p>Башня 1 - Тонус И Банки, Стамбул [339]</p>
Развитие региональной школы через уникальный почерк местного архитектора	●	●	●	●	●	●	●	●
Оригинальность, пластичность форм и образов	◻	◻	◻	◻	◻	◻	◻	◻
Взаимодействие внутреннего пространства с окружающей средой	◻	◻	◻	◻	◻	◻	◻	◻
Включение строительных материалов, характерных данному ареалу	◻	◻	◻	◻	◻	◻	◻	◻
Синтез искусства (традиционный орнамент, скульптура и т.д.)	◻	◻	◻	◻	◻	◻	◻	◻
Использование зарубежного опыта, высоких технологий и новейших материалов в строительстве	◻	◻	◻	◻	◻	◻	◻	◻

Рисунок Б. 4 - Ареалы развития региональных подходов в архитектуре XX века

* **	1 тип (VI- XIV вв.)	2 тип (конец XIX)	3 тип (XVII-XX вв.)	
1 период (I-III вв.н.э.)				
2 период (IV-I вв. до н.э.)				
3 период (I тыс.)				
4 период (VI-XII вв.)	Сайрам, Сыгнак, Шымкент, Каялык, Карачук, Кедер, Актобе, Кулан, Касриба, Джикиль, Отрар, Сюткент, Тальхир, Тараз, Янгикент			ЭТАП «Средневековый» (I- XVII вв.) ТОРГОВО- РЕМЕСЛЕННЫЙ ТИП городов
5 период (XII - XV вв.)				
		Туркестан, Сузак, Тараз		
6 период (XVII- XVIII вв.)			Уральск, Гурьев, Усть- Каменогорск, Петропавловск, Семипалатинск, Павлодар.	ЭТАП «Фортификационный» (XVII-нач. XX вв.) КОЛОНИАЛЬНЫЙ ТИП городов
7 период (XVII- XIX вв.)			Караганда, Каркаралинск, Казалинск, Риддер, Тургай, Темир, Джаркент, Шевченко (Актау).	ЭТАП «Производственный» (нач. XX в.) СОВРЕМЕННЫЙ ТИП городов

Рисунок Б. 5 – Классификация городских поселений на территории Казахстана с I по XX вв. Периодизация и разделение городов: *по А.Маргулану и др. [35, с. 118-120]; **по Б.Глаудинову [19, с. 273]

Рисунок Б. 6 - Города в южной части Казахстана и частично в Семиречье, расположенные на трассе Великого Шёлкового пути в VI-VIII вв. [6, с. 38-39]

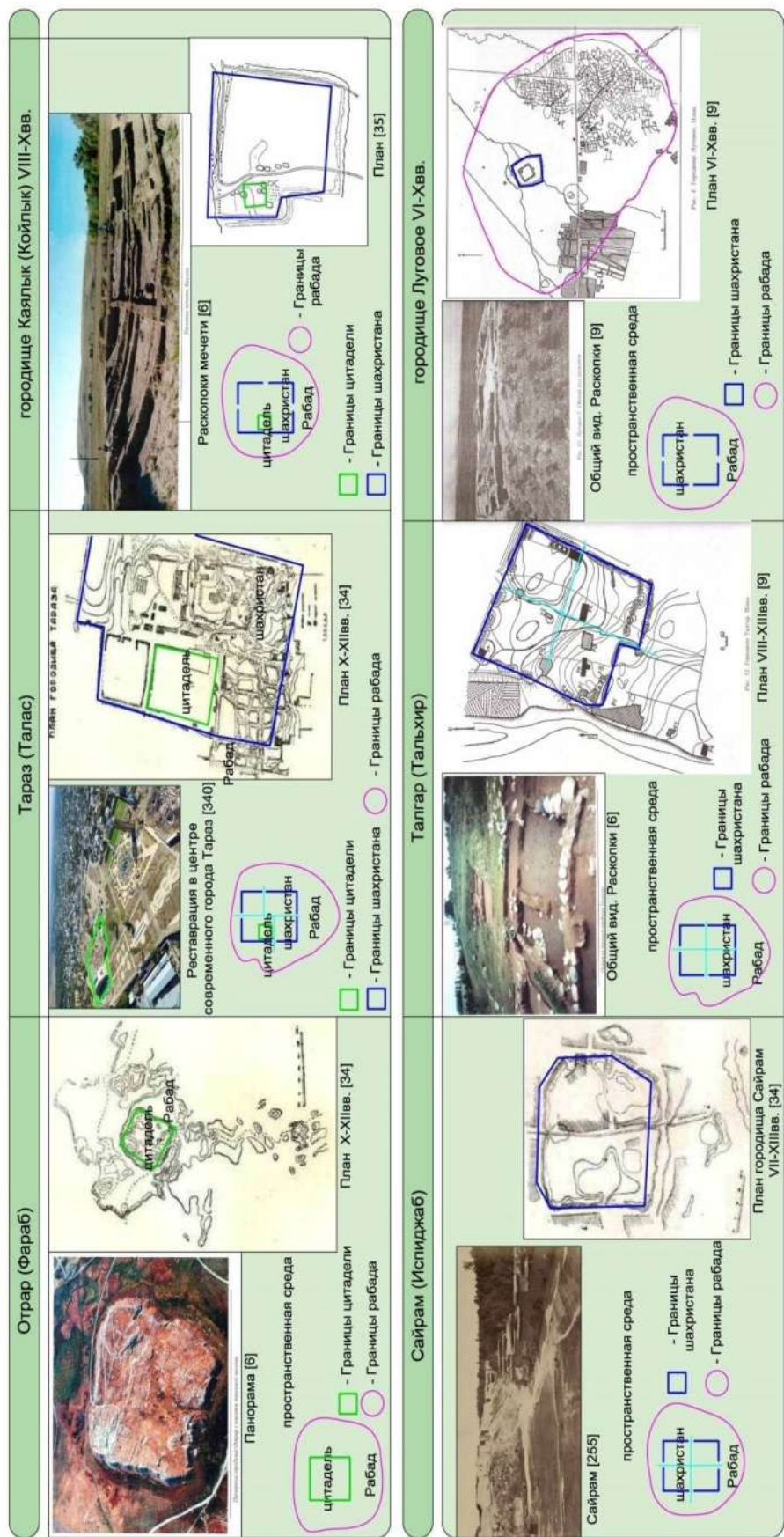

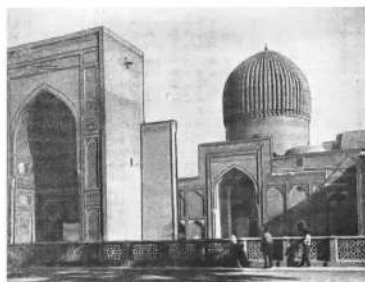
Рисунок Б. 7 – Формирование пространственной среды *торгово-ремесленных* поселений на территории Казахстана

Мечеть Калян, Бухара (1514 г.) [267]

Дворец Ширваншахов, Баку (1441 г.) [330]

Мавзолей Гур-Эмир, Самарканд (1403-1404 гг.) [343]

Мечеть Биби-Ханым, Самарканд (1399-1404 гг.) [344]

Мавзолей Ходжи Ахмеда Яссави, Туркестан (1385-1405 гг.). Фото: Э. Данибековой, 2019 г.

Грав. Taylor, Apilante

Литогр. с фотографии М. Приорова, 1966 г. [256]

Вид на мавзолей 1971 г. [255]

Принципы развития пространства:

- а) визуальная общность (соподчинённость) с окружающими формами и элементами;
- б) активный символ-ориентир, в структуре последовательности движения зрителя с раскрытием видовых картин;
- в) определитель высоты, форм и деталей новых элементов среды

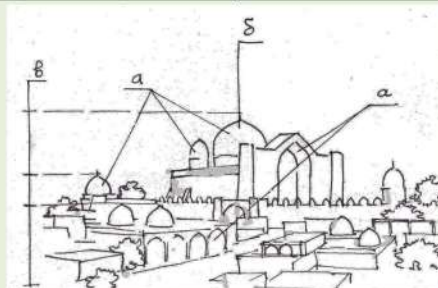

Рисунок: Э. Данибековой

Рисунок Б. 8 – Примеры формирования пространства с помощью купольных форм в архитектуре тюркских стран

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ТИПЫ ГОРОДОВ	ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С РЕГИОНАЛЬНОЙ СРЕДОЙ
<p>ЭТАП «Средневековый» (I-XVII вв.)</p> <p>ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННЫЙ ТИП городов</p> <p>Алмату (X-XII вв.), Аркук–Артык-Ата (VII-XII вв.), Аспара (VII-XV вв.), Баладж (VII-XIII вв.), Баласагун (XI-XIII вв.), Бунджикат (VII-XIII вв.), Джамукат – Костобе (VI-VIII вв.), Джанкент (I-XVI вв.), Джикиль (VII-XII вв.), Испиджаб–Сайрам (I-XIX вв.), Каялык (VIII-XVI вв.), Кедер–Курыктобе (I-XIV вв.), Кулан–Луговое (VII-XII вв.), Каракемир I (X в.), Касрибас–Акыртас (VIII-IX вв.), Отрар–Фараб (I в.), Сауран–Каратобе (I-XVIII вв.), Сузак (VII в.), Суяб–Акбешим (VIII-X вв.), Сыгнак (X в.) Сюткент (VIII-XII вв.), Тальхир (IX-XII вв.), Тараз (VI-XIV вв.), Шавгар (500 г. н. э.), Шымкент (I-XIX вв.), Ясы-Туркестан (I в.)</p>	 <p>Доминирующий признак - Зависимость от экономических условий</p>
<p>ЭТАП «Фортификационный» (XVII - нач. XX вв.)</p> <p>КОЛОНИАЛЬНЫЙ ТИП городов</p> <p>Уральск (1613 г.), Гурьев (Атырау, 1645 г.), Усть-Каменогорск (1720 г.), Петропавловск (1752 г.), Семипалатинск (1718 г., 1780 г.), Ак-Мечеть (Кзылорда, 1817 г.), Кокчетав (1824 г.), Акмола (Нур-Султан, 1824 г.), Верный (Алматы, 1854 г.), Коряковский форпост (Павлодар, 1856 г.), Ак-Тюбе (Актобе, 1869 г.), Шымкент (нач. XIX в.), Аулие-Ата (Тараз, 1830 г.), Талды-Курган (Талдыкорган, 1868 г.), Кокчетав (1868 г.), Костанай (1879 г.), Туркестан (нач. XVII в.)</p>	 <p>Доминирующий признак - Зависимость от политико-экономических условий</p>
<p>ЭТАП «Производственный» (нач. XX в.)</p> <p>СОВРЕМЕННЫЙ ТИП городов</p> <p>Караганда (1934 г.), Аягоз (1931 г.), Темиртау (1945 г.), Жезказган (1938 г.), Балхаш (1932 г.), Сарань (1954 г.), Шахтинск (1955 г.), Каратау (1936 г.), Рудный (1953 г.), Экибастуз (1898 г.), Шевченко (Актау, 1958 г.), Новый Узень (Жанаозен, 1962 г.)</p>	 <p>Доминирующий признак - Зависимость от социально-экономических условий</p>

Рисунок Б. 9 - Анализ закономерностей организации пространственной среды первых поселений на территории Казахстана (взаимодействие городской пространственной структуры с региональной средой)

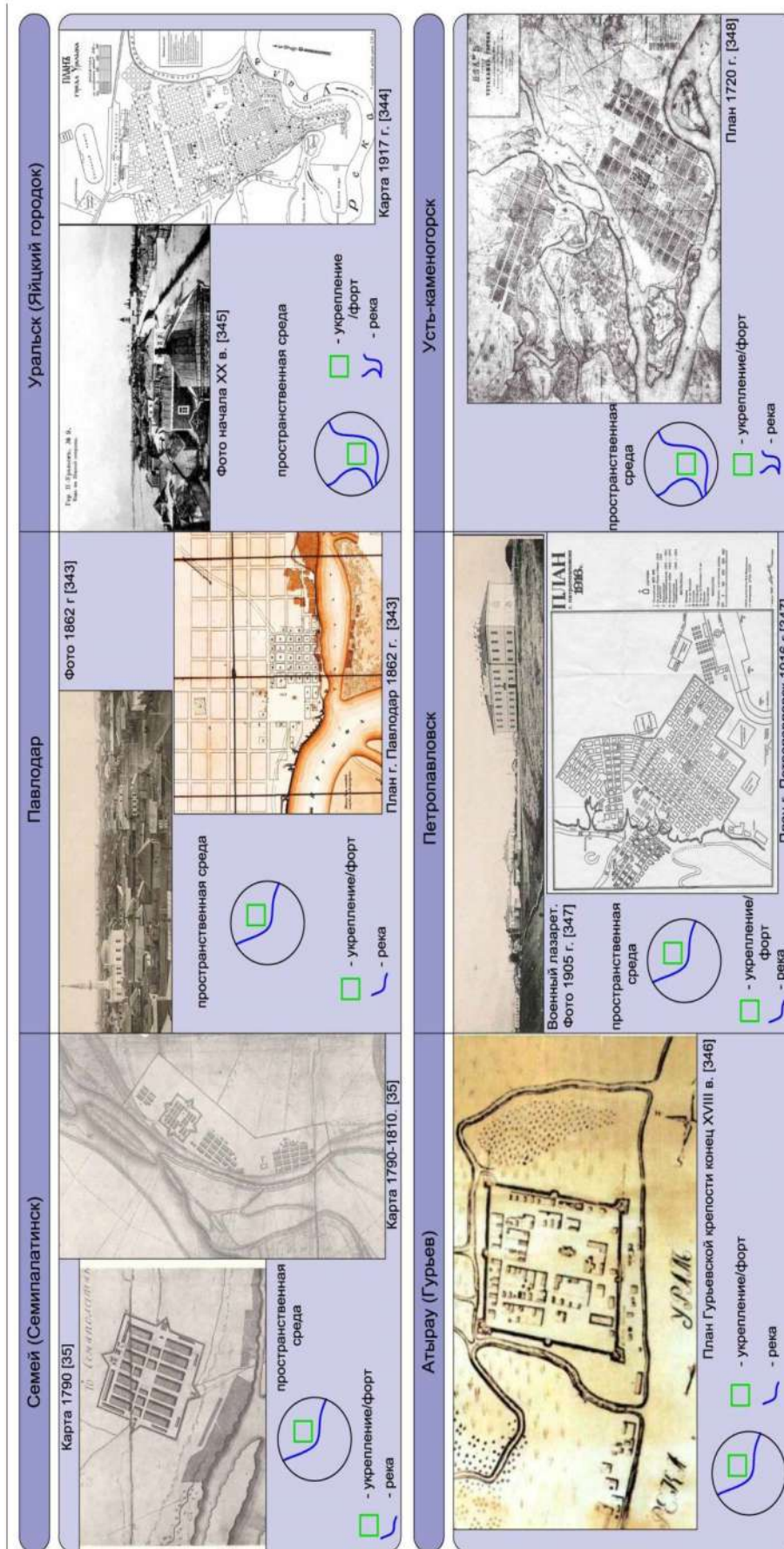

Рисунок Б. 10 – Формирование организации пространственной среды городов колониального типа на территории Казахстана

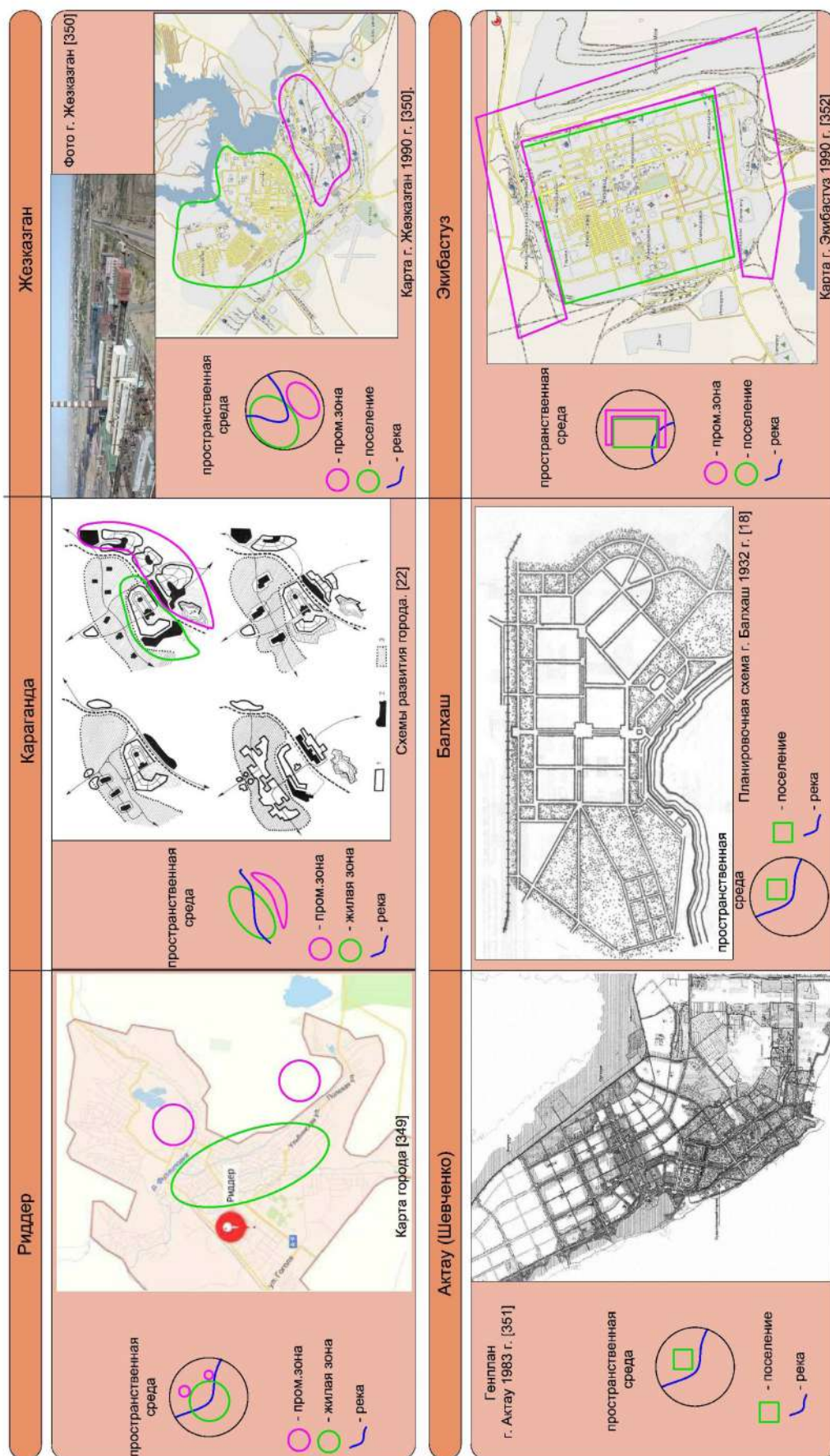

Рисунок Б. 11 – Формирование организации пространственной среды городов современного типа на территории Казахстана

Периоды строительства	ОБЪЕКТЫ										1	2	3	4	5	
1990-2000гг.																
1980-1990гг.																
1960-1970гг.																
1940-1950гг.																
1917-1930гг.																
с XVII в. - до начала XX в.																
XIV-XVII вв.																
период до XVI века																

Рисунок Б. 12.1 – Анализ региональных признаков и форм в архитектуре Казахстана до начала XXI века

период до XVI века	Система прямых знаков.	○	1	2	3	4	5	
	взаимных новых национальных культур, традиционных приемов.	○	1	2	3	4	5	
	Ассоциативные приемы, стилизация, символизация архитектуры.	□	1	2	3	4	5	
	Учаг природно-климатических условий среды.	□	1	2	3	4	5	
	Наличие характерных для региона строгих элементов конструкции и материалов.	□	1	2	3	4	5	
XIV-XVII вв.	Система прямых знаков.	○	1	2	3	4	5	
	взаимных новых национальных культур, традиционных приемов.	○	1	2	3	4	5	
	Ассоциативные приемы, стилизация, символизация архитектуры.	□	1	2	3	4	5	
	Учаг природно-климатических условий среды.	□	1	2	3	4	5	
	Наличие характерных для региона строгих элементов конструкции и материалов.	□	1	2	3	4	5	
с XVII в. - до начала XX в.	Система прямых знаков.	○	1	2	3	4	5	
	взаимных новых национальных культур, традиционных приемов.	○	1	2	3	4	5	
	Ассоциативные приемы, стилизация, символизация архитектуры.	□	1	2	3	4	5	
	Учаг природно-климатических условий среды.	□	1	2	3	4	5	
	Наличие характерных для региона строгих элементов конструкции и материалов.	□	1	2	3	4	5	
1917-1930гг.	Система прямых знаков.	○	1	2	3	4	5	
	взаимных новых национальных культур, традиционных приемов.	○	1	2	3	4	5	
	Ассоциативные приемы, стилизация, символизация архитектуры.	□	1	2	3	4	5	
	Учаг природно-климатических условий среды.	□	1	2	3	4	5	
	Наличие характерных для региона строгих элементов конструкции и материалов.	□	1	2	3	4	5	
1940-1950гг.	Система прямых знаков.	○	1	2	3	4	5	
	взаимных новых национальных культур, традиционных приемов.	○	1	2	3	4	5	
	Ассоциативные приемы, стилизация, символизация архитектуры.	□	1	2	3	4	5	
	Учаг природно-климатических условий среды.	□	1	2	3	4	5	
	Наличие характерных для региона строгих элементов конструкции и материалов.	□	1	2	3	4	5	
1960-1970гг.	Система прямых знаков.	○	1	2	3	4	5	
	взаимных новых национальных культур, традиционных приемов.	○	1	2	3	4	5	
	Ассоциативные приемы, стилизация, символизация архитектуры.	□	1	2	3	4	5	
	Учаг природно-климатических условий среды.	□	1	2	3	4	5	
	Наличие характерных для региона строгих элементов конструкции и материалов.	□	1	2	3	4	5	
1980-1990гг.	Система прямых знаков.	○	1	2	3	4	5	
	взаимных новых национальных культур, традиционных приемов.	○	1	2	3	4	5	
	Ассоциативные приемы, стилизация, символизация архитектуры.	□	1	2	3	4	5	
	Учаг природно-климатических условий среды.	□	1	2	3	4	5	
	Наличие характерных для региона строгих элементов конструкции и материалов.	□	1	2	3	4	5	
1990-2000гг.	Система прямых знаков.	○	1	2	3	4	5	
	взаимных новых национальных культур, традиционных приемов.	○	1	2	3	4	5	
	Ассоциативные приемы, стилизация, символизация архитектуры.	□	1	2	3	4	5	
	Учаг природно-климатических условий среды.	□	1	2	3	4	5	
	Наличие характерных для региона строгих элементов конструкции и материалов.	□	1	2	3	4	5	

Рисунок Б. 12.2 – Результаты анализа региональных признаков и форм в архитектуре Казахстана до начала XXI века

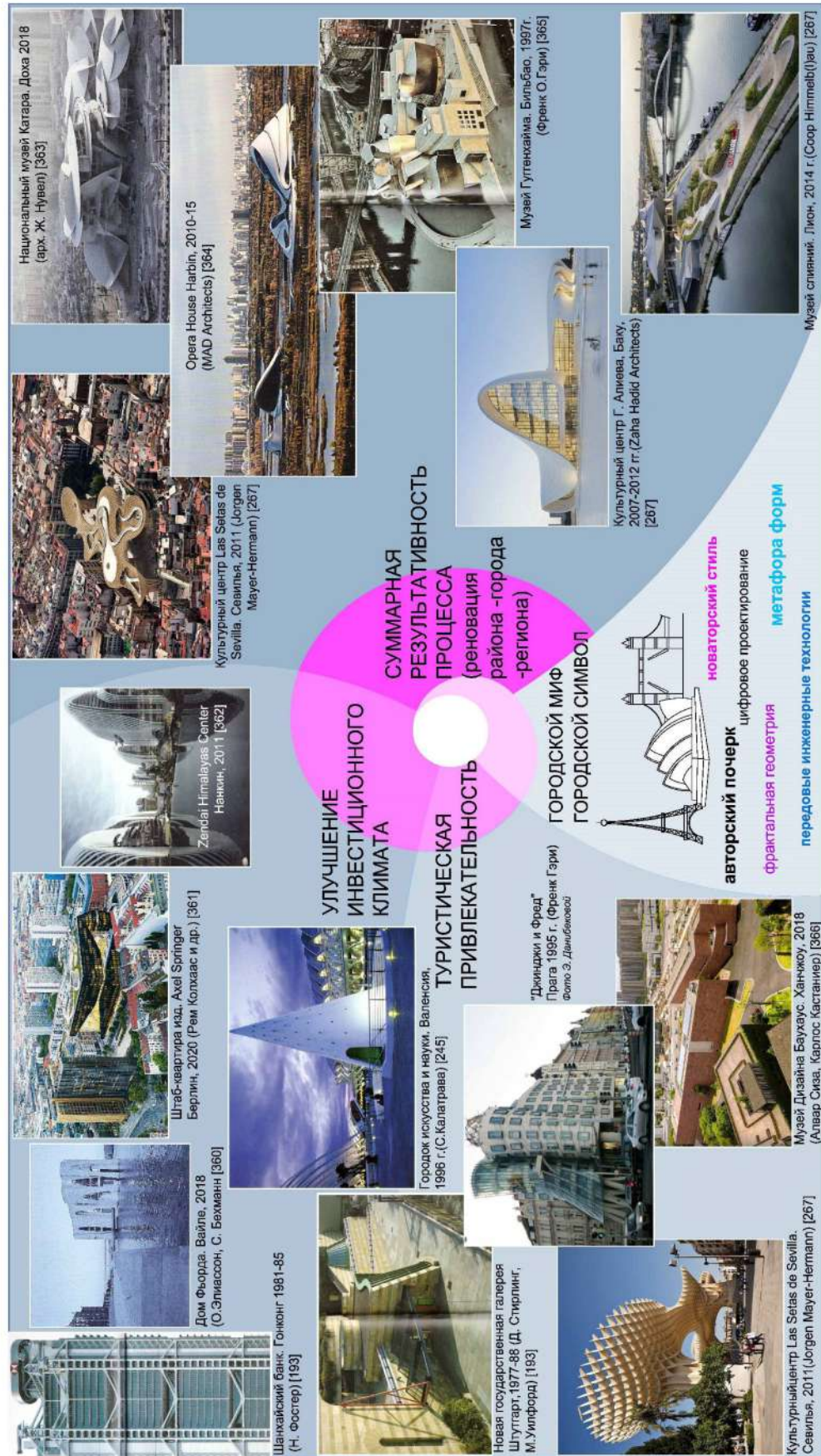

Рисунок Б. 13 – Мотивационные источники развития региональных признаков в современной архитектуре

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Проблемы региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана

Рисунок В. 1 – Проблемы интерпретации региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана

Типология	ОБЪЕКТЫ									
	1	2	3	4	5	6				
Жилая архитектура										
Административные здания										
Культурно-просветительские учреждения (дворцы, музеи)										
Мемориально-культурная архитектура										
Торгово-развлекательные комплексы, концертные, ресторанные здания										
Спортивные сооружения										

Рисунок В. 2.1 – Выявление региональных признаков в современной архитектуре Казахстана

Система прямых знаков, визуальных кодов национальной культуры, традиционных приемов	1	2	3	4	5	6
Ассоциативные приемы, стилизация, архитектурные символы						
Синтез искусств						
Учет природно-климатических условий среды						
Наличие характерных для региона строительных конструкций и материалов						
Использование зарубежного опыта, высоких технологий и новейших строите						
Система прямых знаков, визуальных кодов национальной культуры, традиционных приемов						
Ассоциативные приемы, стилизация, архитектурные символы						
Синтез искусств						
Учет природно-климатических условий среды						
Наличие характерных для региона строительных конструкций и материалов						
Использование зарубежного опыта, высоких технологий и новейших строите						
Система прямых знаков, визуальных кодов национальной культуры, традиционных приемов						
Ассоциативные приемы, стилизация, архитектурные символы						
Синтез искусств						
Учет природно-климатических условий среды						
Наличие характерных для региона строительных конструкций и материалов						
Использование зарубежного опыта, высоких технологий и новейших строите						
Система прямых знаков, визуальных кодов национальной культуры, традиционных приемов						
Ассоциативные приемы, стилизация, архитектурные символы						
Синтез искусств						
Учет природно-климатических условий среды						
Наличие характерных для региона строительных конструкций и материалов						
Использование зарубежного опыта, высоких технологий и новейших строите						
Система прямых знаков, визуальных кодов национальной культуры, традиционных приемов						
Ассоциативные приемы, стилизация, архитектурные символы						
Синтез искусств						
Учет природно-климатических условий среды						
Наличие характерных для региона строительных конструкций и материалов						
Использование зарубежного опыта, высоких технологий и новейших строите						
Система прямых знаков, визуальных кодов национальной культуры, традиционных приемов						
Ассоциативные приемы, стилизация, архитектурные символы						
Синтез искусств						
Учет природно-климатических условий среды						
Наличие характерных для региона строительных конструкций и материалов						
Использование зарубежного опыта, высоких технологий и новейших строите						
Система прямых знаков, визуальных кодов национальной культуры, традиционных приемов						
Ассоциативные приемы, стилизация, архитектурные символы						
Синтез искусств						
Учет природно-климатических условий среды						
Наличие характерных для региона строительных конструкций и материалов						
Использование зарубежного опыта, высоких технологий и новейших строите						

Рисунок В. 2.2 – Результаты выявления региональных признаков в современной архитектуре Казахстана

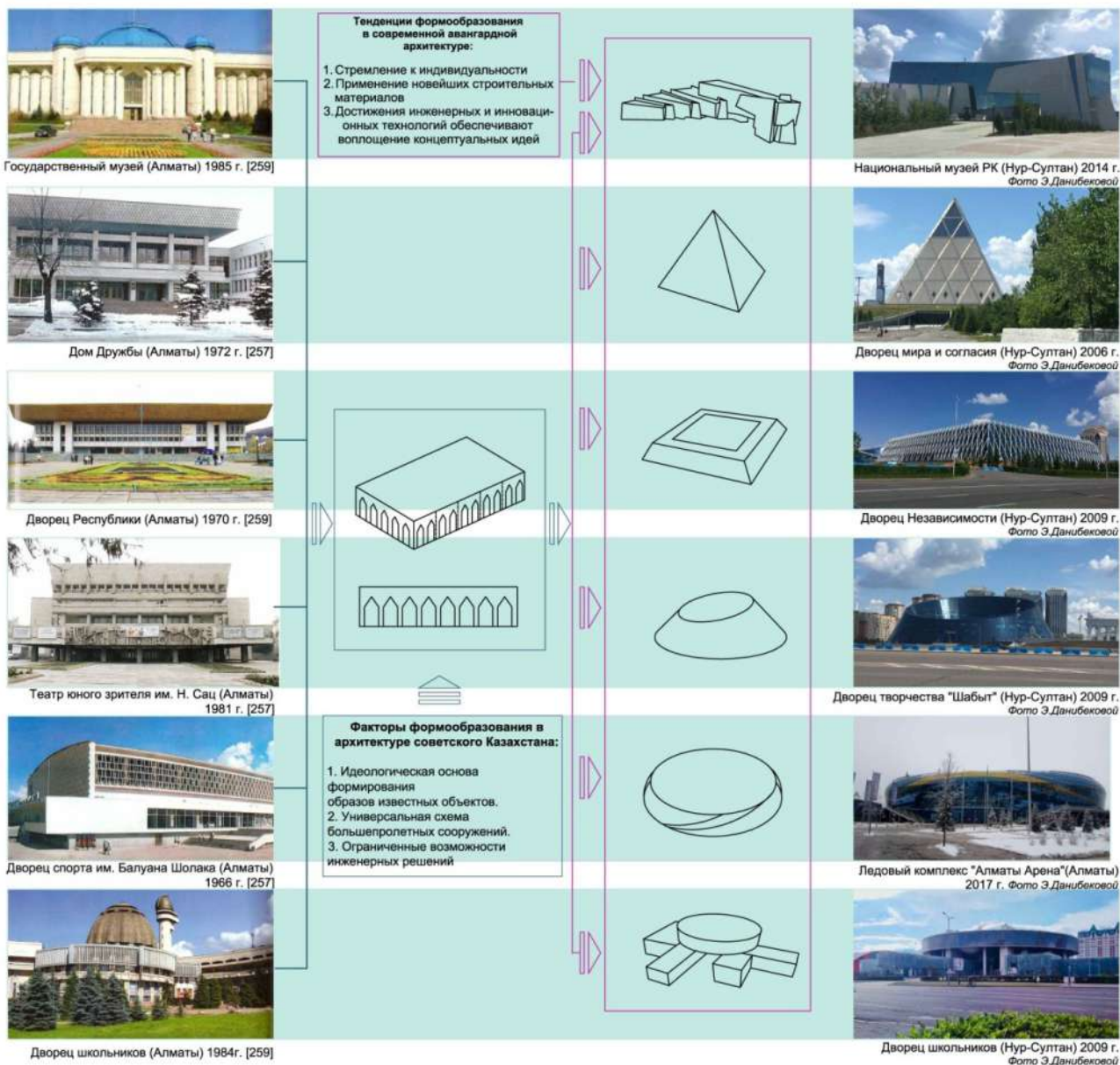
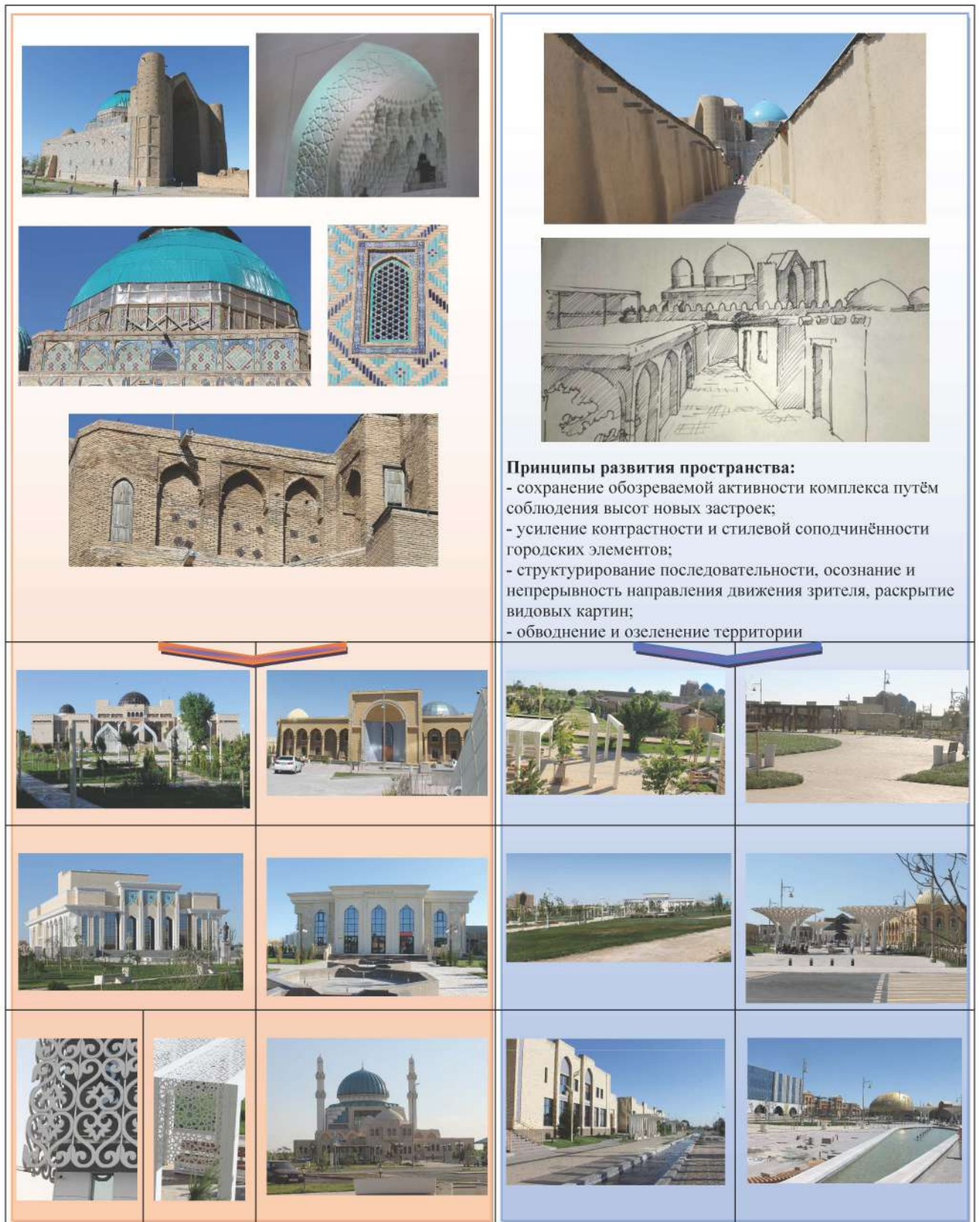

Рисунок В. 3 – Авангардные тенденции формообразования в региональной архитектуре Казахстана

Принципы развития пространства:

- сохранение обозреваемой активности комплекса путём соблюдения высот новых застроек;
- усиление контрастности и стиливой соподчинённости городских элементов;
- структурирование последовательности, осознание и непрерывность направления движения зрителя, раскрытие видовых картин;
- обводнение и озеленение территории

Рисунок В. 4 – Аллюзии архитектуры новых зданий на мавзолей Ходжа Ахмета Яссави и принципы развития пространства в г. Туркестане (фото и рисунок Э.Данибековой)

Рисунок В. 5 – Современные факторы формирования региональных характеристик в архитектуре Казахстана

	НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ			НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ				РЕЗУЛЬТАТ
	конфликт преемственности традиций и новаторства	отсутствие профессиональной архитектурной критики	отсутствие научной парадигмы развития региональной архитектуры	примитивизация трактовки архитектурных форм	комплицитивность и непрофессиональный подход к синтезу искусств в архитектуре	технологические проблемы	неразвитость института общественной референтуры и культуры местной инициативы	
Принцип климатического (санитарно-гигиенического) комфорта	■	■	■	■	■	■	■	Обеспечение оптимальных параметров среды для жизнедеятельности человека (температурно-влажностный, аэрационный, акустический режимы, инсоляция), обзора окружения, оказывающего позитивное воздействие на потребителя с помощью прямого или иллюзорного контакта с природой
Принцип психофизиологического комфорта архитектурно-пространственной среды	■	■	■	■	■	■	■	Организация психофизиологического комфорта среды через: - соотношение знаков и образов, диалог с «духом места»; - ассоциативность цветовых соотношений с восприятием зрителя, основанного на культурно-исторических традициях; - «родные по духу» средства гармонизации архитектурной среды, элементов благоустройства с соблюдением межличностного пространства
Принцип критического осмысления традиций и инноваций	■	■	■	■	■	■	■	Создание нового архитектурного языка с помощью современной науки и техники
Принцип уникальности регионального худ.-го образа и визуальной выразительности форм и элементов в архитектуре	■	■	■	■	■	■	■	Сложение целостного регионального художественного образа объекта через метафору символов и обозначений в русле национальной философии и культуры
Принцип контекстуальности	■	■	■	■	■	■	■	Органическое включение новых элементов с одновременным сохранением целостности существующей объемно-пространственной композиции контекста среды
Принцип безбарьерности	■	■	■	■	■	■	■	Формирование универсальной, комфортной архитектурной среды для всех категорий населения
Принцип участия населения в формировании среды обитания	■	■	■	■	■	■	■	Достижение "законченности" логики архитектурного творчества путём включения социальной составляющей

Рисунок В. 6 – Принципы, способствующие решению проблем интерпретации региональной идентичности в архитектуре Казахстана

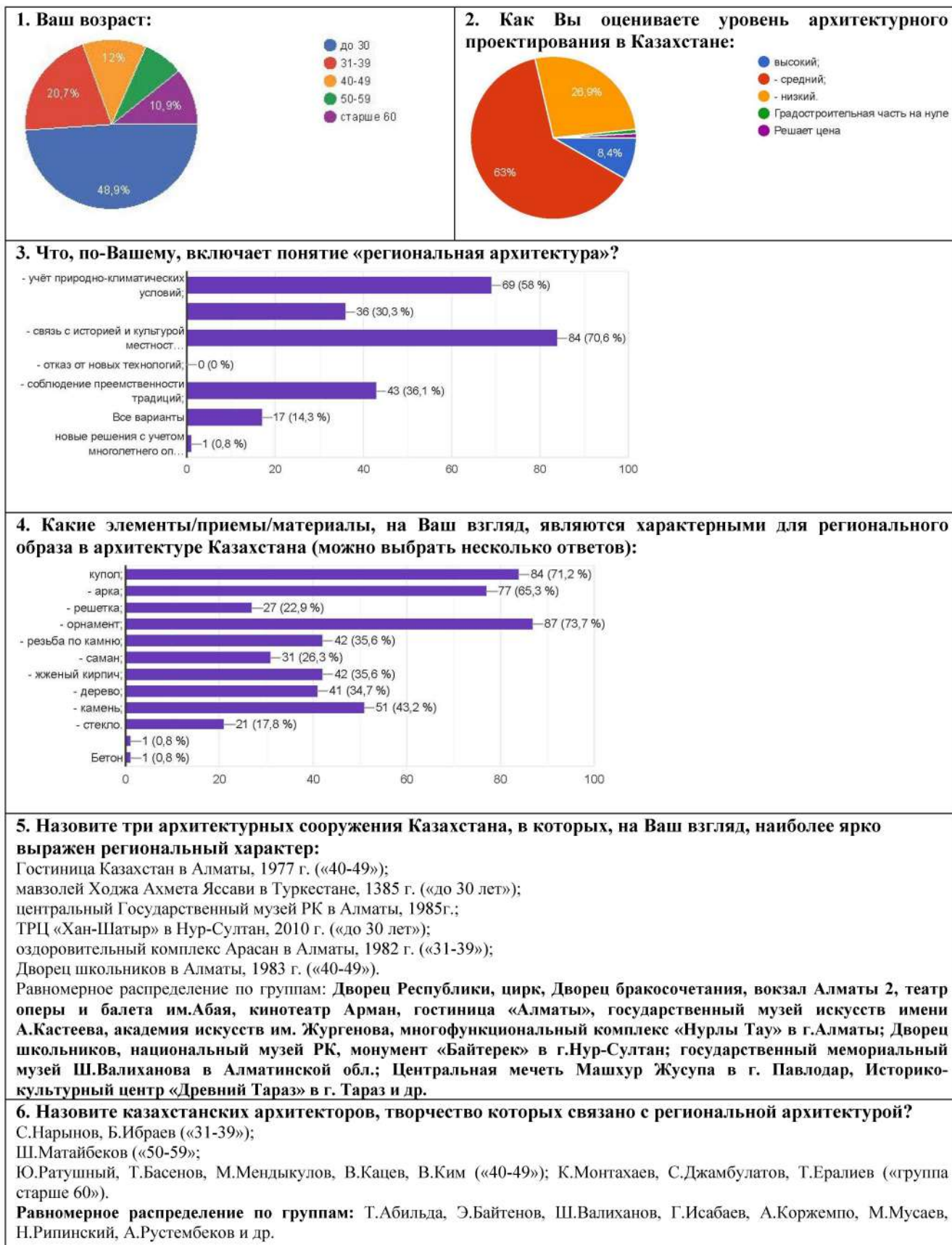
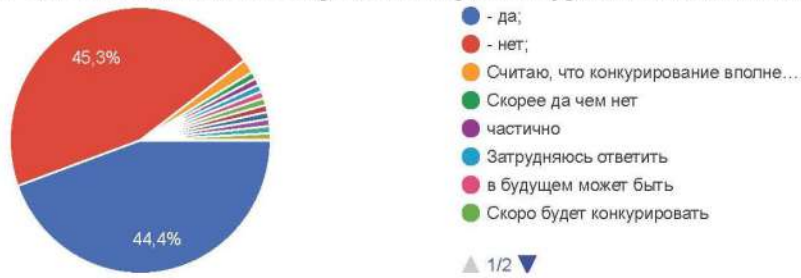
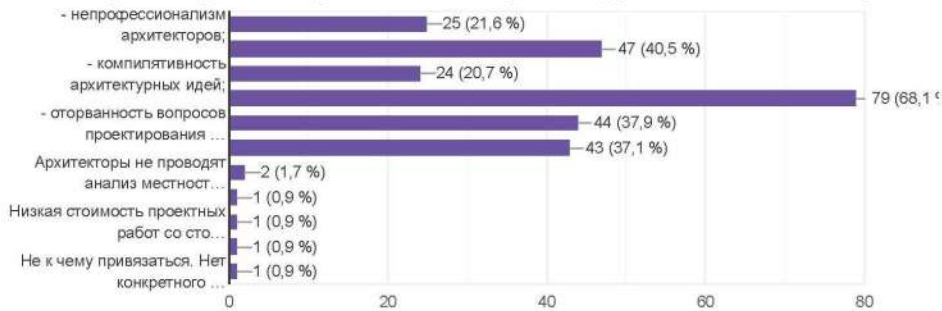

Рисунок В. 7 - Результат социального опроса среди профессиональных архитекторов и общественности на тему: «Региональная архитектура Казахстана» (начало)

7. Считаете ли Вы, что современная архитектура Казахстана может конкурировать с мировой?

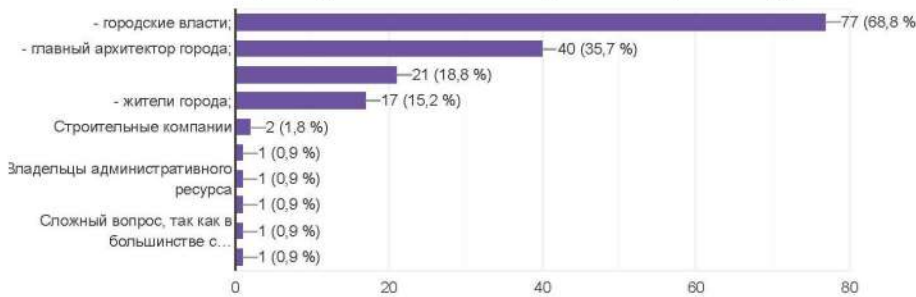
8. Что тормозит развитие региональной архитектуры Казахстана в современных условиях?

9. В каком направлении, по Вашему мнению, должна развиваться казахстанская архитектура?

10. Как Вы считаете, чьи усилия влияют на развитие архитектурного облика города в настоящее время?

11. Как Вы считаете, чьи усилия должны влиять на формирование архитектурного облика города?

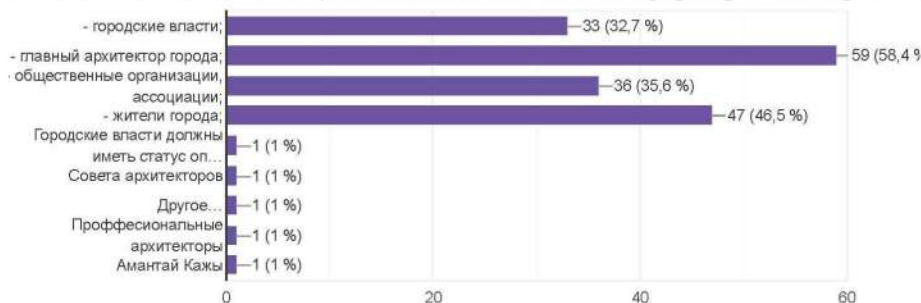

Рисунок В. 7 - Результат социального опроса среди профессиональных архитекторов и общественности на тему: «Региональная архитектура Казахстана» (продолжение)

Рисунок В. 8 – Пути решения проблем региональной идентичности в современной архитектурной науке и практике Казахстана на основе соблюдения некоторых условий

Рисунок В. 9 – Источники региональной идентичности:

1. Кулпытас. Зап. Казахстан, XIX в. [70, с. 103];
2. Уштас на некр. Камысбай, нач. XX в. [39, с. 95];
3. Саганатам на некр. Камысбай, 1908 г. [39, с. 87];
4. Мавз. Шойнбая на некр. Караман-ата, 1914 г. [39, с. 120];
5. Койтас на некр. Каракол, XIX-XX в. [39, с. 143];
6. Резная терракота. Мавз. Айша-Биби, XI-XII вв. [71, с. 12];
7. Резной шtuk. Дворец Кулан, VIII-IX вв. [6, с. 123];
8. Резные кирпичи. Отрар, X-XII вв. [6, с. 167];
9. Плиты мавз. Каялык, XII-XIII вв. [6, с. 97];
10. Плиты мавз. Жайык, IV в. [6, с. 237];
11. Плиты мавз. Х.А. Яссави. Туркестан, 1385-1405 гг. (фото: Э.Данибековой);
12. Плиты некр. Жайык [6, с. 239];
13. Решётка проёма, плиты мавз. Х.А. Яссави. Туркестан, 1385-1405 гг. (фото: Э.Данибековой);
14. Деревянная дверь мавз. Х.А. Яссави. Туркестан, 1385-1405 гг. (фото: Э.Данибековой);
15. Фр.-т кровати [71, с. 123];
16. Тайказан. Мавз. Х.А. Яссави. Туркестан, 1385-1405 гг. (фото: Э.Данибековой);
17. Фляга Ч. Валиханова [373];
18. Поливная кружка. Отрар, X-XI вв. [6, с. 177];
19. Дно чаши. Сарайчик, XIV-XV вв. [6, с. 230];
20. Перстень. Сарайчик, XV-XIV вв. до н.э. [6, с. 14];
21. Украшения саков. Жалаулы, V вв. до н.э. [6, с. 19];
22. Украшение саков (диадема), Каргалы, I-II вв. [6, с. 25];
23. Сумка для посуды [71, с. 31];
24. Свадебный костюм [71, с. 60];
25. Ковер безворсовый [71, с. 82].

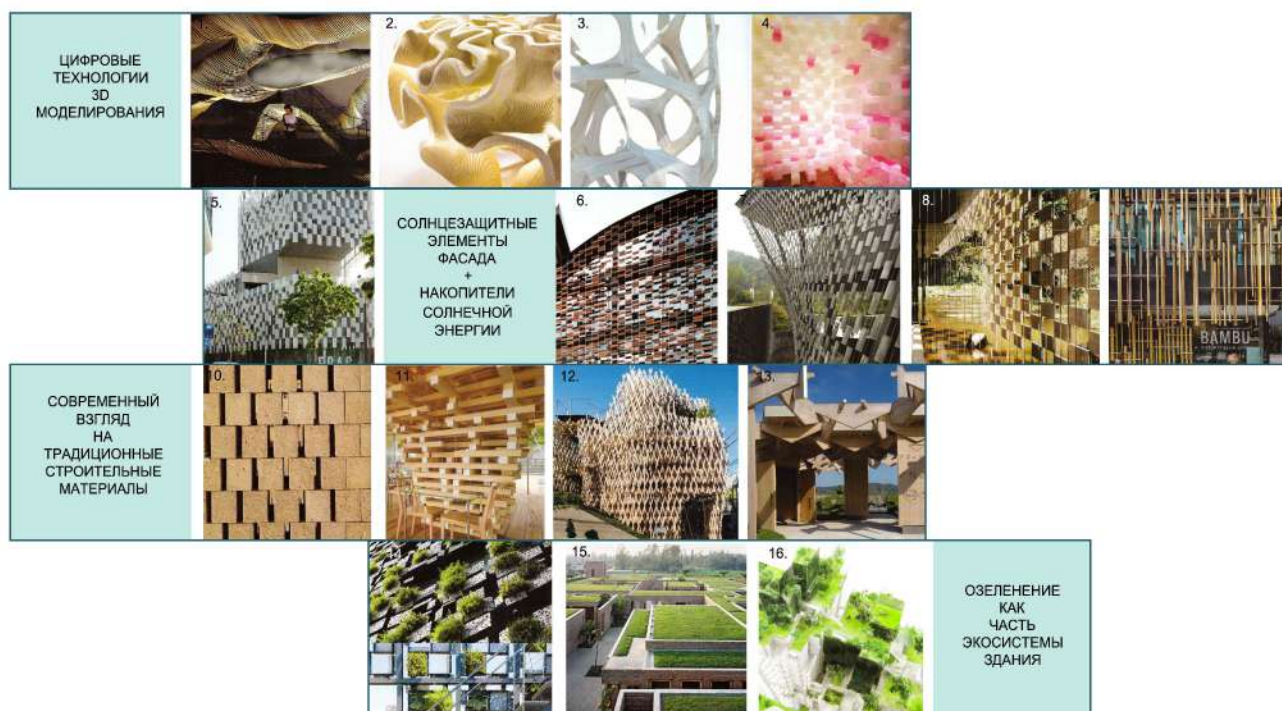

Рисунок В. 10 – Новые технологические решения

- 1.** Инсталляция для LEXUS на Milan Furniture Fair, 2013 [374, с. 90]; **2.** Стул для арт-ярмарки Frieze Art Fair из 250 слоёв дерева, 2007 [374, с. 142]; **3.** «Мыльное дерево» - инсталляция по технологии резки дерева в 3D, 2016 [374, с. 40]; **4.** Инсталляция: Конструктивные элементы здания из системы блоков – пластиковых контейнеров Lego biok, заполняемых водой (хол., тёпл.) для обеспечения обогрева, кондиционирования, фильтрации воздуха т.д. Нью-Йорк, 2008 [375, с. 160]; **5.** Арт-центр с солнцезащитным экраном из полупрозрачных стеклянных листов, прикреплённых к наружным стенам с помощью гибких шарниров. Марсель, 2013 [375, с. 154]; **6.** Многофункциональный комплекс с солнцезащитным экраном из кирпичей, изготовленных по новой технологии. Шанхай, 2014 [375, с. 147]; **7.** Музей с солнцезащитным экраном из керамических плиток местного обжига, прикреплённых проволокой из нержавеющей стали. Чэнду, 2011 [375, с. 140]; **8.** Музей с солнцезащитными элементами из камня и туфа. Тотиги, 2000 [375, с. 121]; **9.** Многофункциональный комплекс с солнцезащитными элементами из досок *хиноки* (Японский кипарис). Сан-Паулу, 2016 [375, с. 79]; **10.** Здание из сырцового кирпича (саман+цемент) для хранения деревянной статуи Будды XII в., Ямагути, 2002 [375, с. 109]; **11.** Кафе. Пространственный павильон из тонких *хиноки* (Японский кипарис). Сидзуока, 2017 [375, с. 83]; **12.** Павильон, многослойная решётка из деревянных конструкций, основанных на традиционной японской системе *дзигоку-гуми*. Фукуока, 2012 [375, с. 52]; **13.** Студия, возведённая из дерева по методу трёхмерной решётчатой структуры. Фукуока, 2012 [375, с. 61]; **14.** МФЖК. Зелёные стены из алюминия органической текстуры с предусмотренными вент. отверстиями, водосточными трубами, ящиками для растений. Сидзуока, 2009 [375, с. 172]; **15.** Здание Центра дружбы с зелёными кровлями, Гайбандха, 2011 [376, с. 20]; **16.** Высотный жилой дом с трёхмерным садом на кровле, 2013 [374, 84-85];

Принципиально-зависимая последовательность организации арх. среды	УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ	РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ	ПРИМЕРЫ	
1 Взаимодействие ландшафтом и рельефом местности	Модель пространственной среды Замкнутая схема жилой застройки Плотная застройка жилых домов Полукруглые фасады-террасы	 террасы / галереи крытые галереи заглубление цокольной части здания закрытый внутренний дворик/atrium обводнение защита от северного ветра	 1	1. Эскиз индивидуального жилого дома в Алматы. Арх. бюро "D.Studio", 2003 г. (исполн. Э. Данибекова)
2 Закономерности градостроительства	 Неглубокие помещения Глубокие помещения Закрытые переходные галереи Закрытый внутр. двор Крытые террасы и балконы	Функциональное обоснование объемно-планировочных решений купол навесы перголы теневые навесы нижележащее окно под потолком движение и охлаждение воздушных потоков узкие проемы с защитными решетками	 2	2. Фрагменты городской среды города Туркестан, 2021 г. Фото Э. Данибековой
3 Закономерности функциональной организации пространства	Модель фронтальной визуализации Купол-свод Плоская кровля Сектная кровля Наибольшие оконные проемы Высокие потолки Низкий цоколь Толстые стены Низкие потолки Высокий цоколь	Элементы и символы фронтального восприятия навесы, глухие перголы купол арочные проемы и ниши теневые решетки декор панно панели с мозаикой	 3	3. "Дом дружбы" в музейном комплексе "Кона Тараз" (Э. Байтенов, Г. Исабаев.) 2015 г. [134]
4 Архитектурно-планировочные и композиционные средства	 4	 5	 6	4. Интерьер входной группы, свод купола стекла "St-Regis Astana" [375] 5. Интерьеры индивидуального жилого дома в Алматы. Арх. бюро "D.Studio" 2003 г. [376] 6. Фрагменты городской среды, теневые навесы г. Туркестан, 2021 г. Фото Э. Данибековой
5 Конструктивно-техническое решение	 7	 8	 9	7. Декоративное оформление теневых навесов и фасадных солнцезащитных элементов г. Туркестан, 2021 г. Фото Э. Данибековой 8. Купол, декоративное мозаичное панно на фасадах зданий г. Туркестан, 2021 г. Фото Э. Данибековой

Рисунок В. 11 – Концептуальная модель региональной идентичности в архитектуре Казахстана (фронтально-пластическая интерпретация, объёмно-планировочное решение, пространственная организация среды)

АРХЕТИПЫ, ОРНАМЕНТЫ	ЭВОЛЮЦИЯ АРХЕТИПОВ	ИНОВАЦИИ	КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ФОРМ
	Архитектура общественных зданий и сооружений 2000 гг. 1990-2000гг. 1980-1990гг. 1960-1970гг. 1940-1950гг. 1920-1940 гг. 1900-1920 гг.		 Ресторан на 200 мест, г. Нур Султан 2008. Ш. Матайбеков. [280]
	Жилая архитектура 2000 гг. 1920-2000гг. До X в.		 Музей Ш. Уалиханова, п. Алтын Емель, 1985 г. Ибраев Б. [22]
	Мемориально-культурная архитектура 2000 гг. 1990-2000гг. XIV-XVII вв. До начала XV в.		 "Дом дружбы" в музейном комплексе "Кона Тараз" г. Туркестан 2015 г. Э. Байтенов, Г. Исабаев. [377] План и общий вид макета частного дома, 2006 г. С.Нарынов [153] Фрагмент мемориального комплекса "Абай - Шакарим" в Семипалатинской обл. 1995 г. Б. Ибраев и др. Фото из личного архива Б. Ибраев Мемориально-музейный комплекс "АЛЖИР". 2007г. С.Нарынов[153]
		 Отель Казахстан, г. Атырау, 2010 г. Ибраев Б. Фото из личного архива Б. Ибраева.	
		 Музей Ш. Уалиханова, п. Алтын Емель, 1985 г. Ибраев Б. [22]	
		 Центр мечети, г. Павлодар, 2002 г. Т.Абильда и др. [70]	

Рисунок В. 12 - Региональный образ в творчестве современных архитекторов Казахстана (фронтально-пластическая интерпретация, объёмно-планировочное решение)

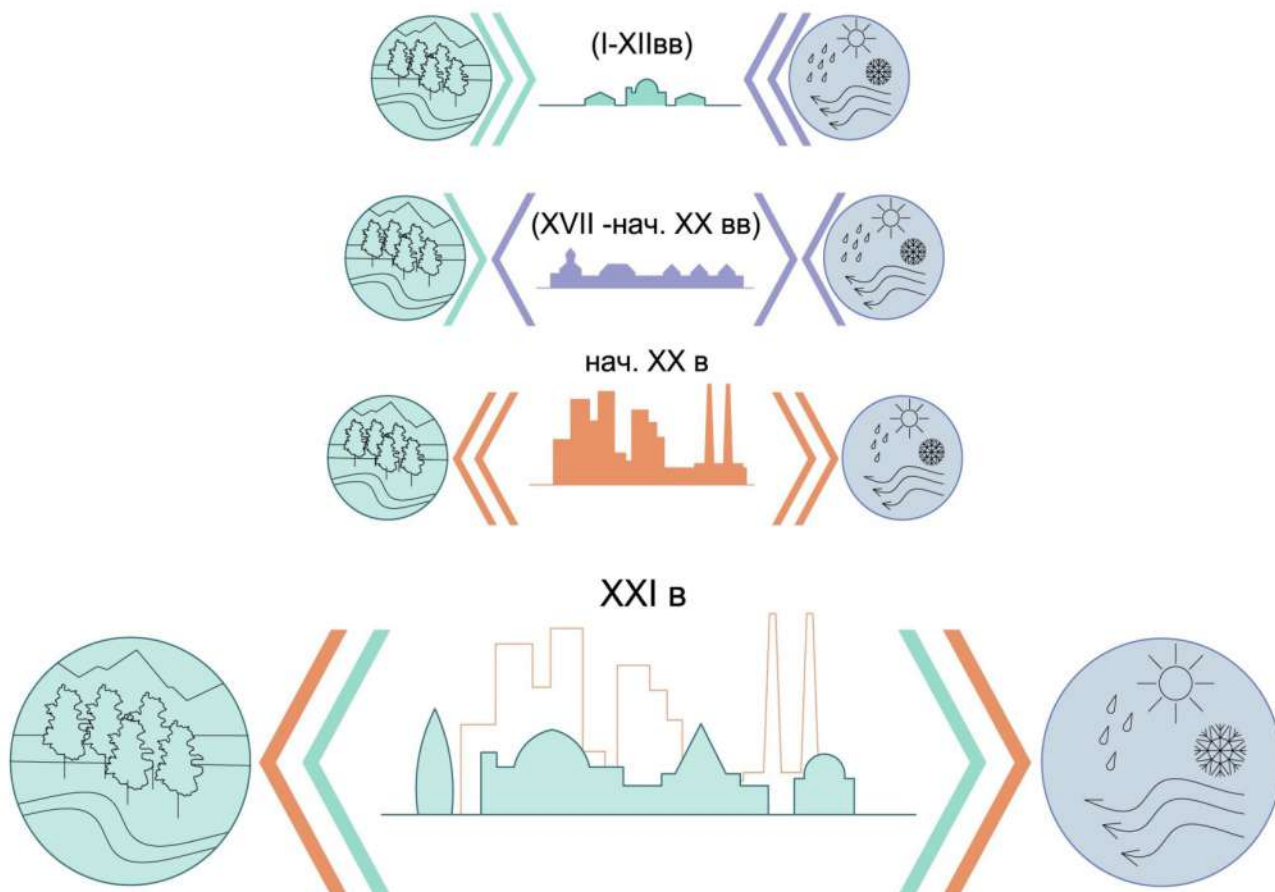

Рисунок В. 13 – Взаимовлияние глобальных и региональных условий в организации пространственной среды

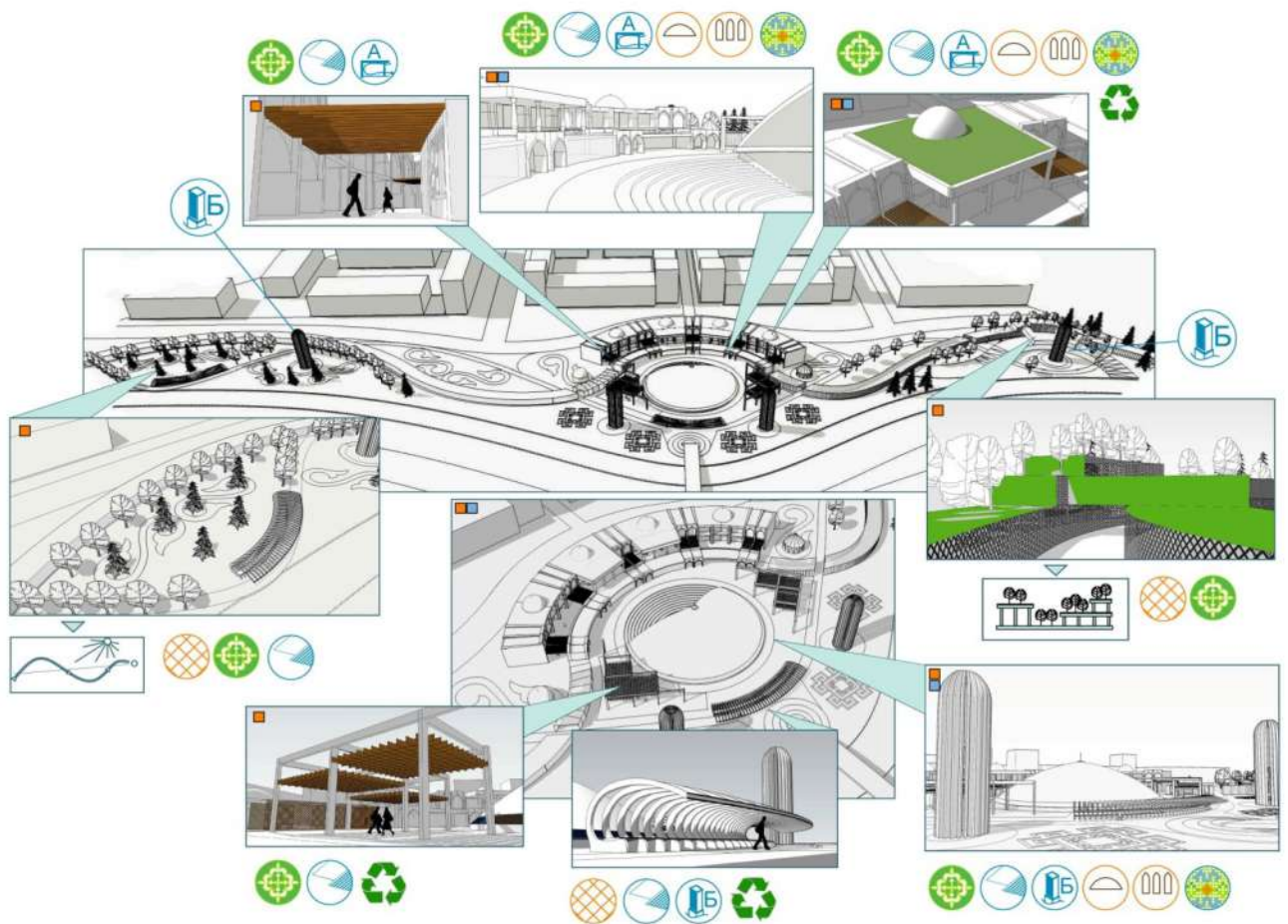

Рисунок В. 14 – Концептуальные модели развития комфортных микропространств в региональном городе (пространственная организация среды)

Рисунок В. 15 – Творческий взгляд архитектора на местные условия через индивидуальный почерк

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Внедрение результатов исследования в учебный процесс

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОРПОРАЦИЯ
КАЗАХСКАЯ ГОЛОВНАЯ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ

Факультет Архитектуры

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ МУЗЕЕВ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Методические указания
к дипломному проектированию
по специальности
5В042000-«Архитектура», 6В07311-«Архитектура»

Алматы 2021

2

УДК 727.7

Составители: **Абдрахилова Г.С.**, д.арх, академ. профессор ФА, КазГАСА
Дашбекова Э.Т., магистр искусствоведческих наук

Архитектурное проектирование музеев в региональном контексте: Методические указания к дипломному проектированию для студентов специальности 5В042000-«Архитектура», 6В07311-«Архитектура»: КазГАСА, 2021. – 34 с.

В методических указаниях приведены основные сведения по методике проектирования зданий музеев в региональном контексте, когда учитываются традиции, рельеф, природно-климатические условия местности, культура и психология людей как потребителей архитектурной среды. Рассматриваются виды музеев, основные группы их помещений, функциональные взаимосвязи, вопросы градостроительного размещения и требования к доступности доступной среды.

Ил. 18 Библиография – 26 назв.

Утверждено Методическим Советом МОК (КазГАСА), протокол № ____ от ____
____ 2021г.

Печатается по плану изданий МОК (КазГАСА) на 2020-2021 учебный год.

Рецензенты:
Тужаева А.К., кандидат архитектуры, ассоциированный профессор ФА,
КазГАСА
Койшанбаев Н.М., кандидат архитектуры, директор ТОО «Urban Design»

© Международная образовательная корпорация
(КазГАСА), 2021

3

Рисунок Г. 1 - Методические указания
«Архитектурное проектирование музеев в региональном контексте»

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Внедрение результатов исследования в проектно-производственный процесс

Түркістан облысы
Түркістан қаласы әкімдігінің
«Сәулет және қала
құрылысы бөлімі»
мемлекеттік мекемесі

Государственное учреждение
«Отдел архитектуры и
градостроительства»
акимата города Туркестан
Туркестанской области

161200 Туркестан қ., Кебікхан аламы, 3, тел.: 8(72533) 3-24-41, факс: 3-27-22,
ЖСҚ К758070103КСН582000, БСҚ КСМФКЗ2А,
БСН 060240013099, ҚР ҚМ Қазынашылмақ басқармасы РММ

161200 г. Туркестан, пл. Кебікхан, 3, тел.: 8(72533) 3-24-41, факс: 3-27-22,
ИНН: К758070103КСН582000, БИК: КСМФКЗ2А,
БИН 060240013099, РГУ Комитет Казначейства МФРК,

16.05.2021 № 10/1645

АКТ

внедрения результатов диссертационного исследования

Э.Т.Данибековой

«Проблемы формирования региональной идентичности в
современной архитектуре Казахстана»

Основные положения и рекомендации, разработанные Данибековой Эльвирой Темиргалиевной в диссертационном исследовании на тему «Проблемы формирования региональной идентичности в современной архитектуре Казахстана», имеют научно-практическую ценность и были внедрены при разработке программы социально-культурного развития города Туркестан в части совершенствования архитектурно-пространственной среды.

Руководитель отдела архитектуры
и градостроительства г.Туркестан

А.Кентугаев

006214

Рисунок Д. 1 – Акт внедрения результатов диссертационного исследования